ГИ161
Г158

...ИСКИЙ
...ЬБА
...ЕВИКОВ
...а
...ЯНСТВО
...17г.

М. ГАЙСИНСКИЙ

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА КРЕСТЬЯНСТВО В 1917 г.

ВСЕРОССИЙСКИЕ СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

1933

ПАРТИЗДАТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ 161 р
Г158

М. ГАЙСИНСКИЙ

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА КРЕСТЬЯНСТВО

в 1917 г.

ВСЕРОССИЙСКИЕ
СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ
КРЕСТЬЯНСКИХ
ДЕПУТАТОВ

3 экз.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1933

СОДЕРЖАНИЕ

стр

Предисловие . . . . . .

Глава I. Основные задачи партии большевиков в начавшемся аграрном движении в 1917 г. . . . . . .

1. Аграрное движение в первые месяцы Февральской революции. — 2. Организация крестьянства. — 3. Аграрная политика Временного правительства. — 4. Аграрная политика буржуазных и мелкобуржуазных партий. — 5. Задачи партии большевиков по отношению к крестьянскому движению на первом этапе Февральской революции. — 6. Большевистские организации в аграрном движении в первом периоде Февральской революции.

Глава II. Большевики на I Всероссийском съезде советов крестьянских депутатов. 17 мая — 10 июня (4 — 23 мая) 1917 г. . . . 4

1. Подготовка и организация съезда. Инициаторы созыва съезда. — 2. Созыв и открытие съезда. Общая характеристика работы съезда. — 3. Основные вопросы съезда. Вопрос о коалиционном правительстве. Продовольственный вопрос. — 4. Вопрос о войне и мире. — 5. Аграрный вопрос. Съезд — народный университет. — 6. Выступление Ленина. — 7. Борьба большевистскими лозунгами. Принятие резолюции по аграрному вопросу. — 8. Обращение Плеханова к съезду. — 9. Национальный момент на съезде. — 10. Крестьянская фракция большевиков и группа «14 беспартийных». 11. Ленин и съезд — 12. Итоги и значение съезда.

Глава III. Классовая борьба в деревне перед Октябрем 8

1. Крестьянская революция перед Октябрем. — 2. Советы крестьянских депутатов и мелкобуржуазные партии в борьбе с крестьянским движением. — 3. Классовая борьба в деревне. — 4. Крестьянское движение в национальных районах. — 5. Большевизация деревни. — 6. Задачи большевиков в крестьянском движении перед Октябрем.

Глава IV. Октябрьская революция и борьба классов в деревне. 147

1. Октябрьский переворот в деревне. — 2. Классовая и партийная борьба среди крестьянства. — 3. Авксентьевский исполком советов крестьянских депутатов и советская власть. — 4. Аграрная политика большевиков и борьба за влияние на крестьянство после Октябрьского переворота.

Глава V. Борьба за середняка на Чрезвычайном крестьянском съезде 17

1. Созыв и открытие Чрезвычайного съезда советов крестьянских депутатов. — 2. Позиция и тактика правых и левых эсеров. — 3. Вопрос о власти. — 4. Первое объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. — 5. Аграрный вопрос. Выступление Ленина. — 6. Продовольственный вопрос. — 7. Фракционная борьба на Чрезвычайном съезде. — 8. Тактика Ленина на Чрезвычайном съезда. — 9. Итоги и общеполитическое значение Чрезвычайного съезда.

Глава VI. II Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов 21

1. Общие условия работы II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Тактика правых эсеров на съезде. Левое крыло съезда. — 2. Классовая борьба на съезде. — 3. Открытие съезда. Начало саботажа правых — 4. Деятельность Исполкома первого созыва перед судом съезда. Выборы нового Исполкома. — 5. Вопрос об Учредительном собрании. Выступление Ленина. — 6. Проблемы мира. — 7. Аграрный и продовольственный вопросы. — 8. Делегации на съезде. — 9. Раскол съезда и попытки к объединению. — 10. Отколовшиеся правые, — 11. Воззвание Ленина к крестьянству. — 12. Закрытие съезда и его практическое значение.

Заключение. Тактика большевиков по отношению к крестьянству 9

1. Пролетарская политика по отношению к крестьянству. — 2. Тактика большевиков накануне Октября и на первом этапе Октябрьской революции. — 3. Тактика большевиков на крестьянских съездах. — 4. Путь крестьянства к социализму.

2196 3855 КАБИНЕТ ИСТОРИИ ВКП(б) 199

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2003
ГИ161 Г158 Р
БИБЛИОТЕКА МЭЛ Спецфонд
СФ 41105
БИБЛИОТЕКА Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС
842587

ПРЕДИСЛОВИЕ

В аграрном движении 1917 г. большую организующую роль сыграли крестьянские съезды на местах, а также фронтовые совещания и съезды военно-крестьянских организаций. Огромное значение имели и всероссийские крестьянские съезды: Первый 17 мая—10 июня (4—28 мая), Чрезвычайный крестьянский съезд 23 ноября—8 декабря (10—25 ноября) и Второй всероссийский крестьянский съезд 9—23 декабря (26 ноября—10 декабря). Съезды эти отражают чрезвычайно важную эпоху в истории взаимоотношений пролетариата и крестьянства в период подготовки Октября и в первый период советской власти.

Политика и взгляды крестьянства, правда, далеко неполностью, находили свое отражение на крестьянских съездах. Крестьянские съезды не могут сами по себе служить основным или главным источником для выяснения настроений и внутренних переживаний крестьянских масс. Необходимо все же признать, что борьба партий на всех трех всероссийских крестьянских съездах была несомненно отголоском событий в самом крестьянстве, являясь отражением революционного движения крестьянства на местах. Вот почему для полноты изображения крестьянского движения должен быть учтен опыт борьбы партии большевиков за крестьянство на съездах. Борьба большевиков на этих съездах с мелкобуржуазными партиями эсеров и меньшевиков, которые в период подготовки Октября «наиболее опасной социальной опорой империализма являлись» (Сталин),—имеет безусловно важное принципиальное значение для освещения политики пролетарской партии в отношении к крестьянству в предоктябрьский и послеоктябрьский периоды.

Перерастание буржуазно-демократической Февральской революции в социалистическую Октябрьскую происходило путем втягивания в этот процесс большинства рабочего класса и беднейших слоев крестьянства, путем расширения и углубления гегемонии пролетариата в революции. Процесс этот выражался в разрыве трудящихся масс крестьянства с политикой соглашательства с буржуазией, с соглашательскими иллюзиями, будто крестьянство сможет добиться мира, земли без низвержения господства буржуазии и перехода власти к советам. Шаг за шагом вырывалось

крестьянство из-под влияния буржуазной идеологии и освобождалось от слепого доверия к Временному правительству и его агентам, меньшевикам и эсерам, «спасателям и помещикам» (Ленин), переходило на путь открытого восстания против диктатуры помещиков и капиталистов.

Накануне Октября крестьянское движение на местах проходит уже мимо и через голову эсеровских крестьянских верхушечных организаций и превращается в всеобщую крестьянскую революцию.

> «В течение всего первого периода российской революции,—говорил Ленин,—советы множились, росли и крепли, на собственном опыте изживая иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передавшая всю власть в руки Советов»[1].

Этот разрыв с соглашательством в крестьянских массах задержался на некоторое время еще после Октябрьского периода, и соглашательские иллюзии не изживались в них полностью вплоть до самого перехода середняка на сторону советской власти. Крестьянские съезды дают наиболее полную картину господства соглашательских иллюзий в крестьянских массах и постепенного высвобождения их из-под влияния буржуазной идеологии.

В этом процессе освобождения крестьянства из-под соглашательского угара большую работу проделала партия большевиков как на съездах, так и в крестьянских низах, ведя беспощадную борьбу с эсерами и меньшевиками, которые вели политику соглашения трудящихся с империализмом, стремясь разделить власть с буржуазией.

> «История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами»[2].

Основной задачей настоящей брошюры является осветить борьбу партии большевиков и руководимого ею пролетариата за крестьянство, поскольку она выявилась в ожесточенной фракционной борьбе на всероссийских крестьянских съездах. Но эта задача невыполнима без описания общей картины борьбы большевиков за крестьянство, без освещения большевистской тактики в отношении к крестьянству в предоктябрьский и послеоктябрьский пе-

---

[1] Ленин, Проект декрета о роспуске Учредительного собрания, Соч., т. XXII, стр. 188 (всюду цитируется по 2-му изд.).

[2] Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, «Вопросы ленинизма», стр. 115, 1930 г.

риоды. Вот почему описание съездов в [illegible] в тесной связи с изложением аграрного движения той эпохи, на фоне общей картины борьбы партии большевиков за крестьянство.

Наряду с завоеванием большинства рабочего класса борьба за крестьянство являлась важнейшей задачей для партии большевиков в предоктябрьский и послеоктябрьский периоды. От исхода этой борьбы зависели дальнейшие перспективы революции.

> «Красной нитью,—писал Ленин в своей исторической статье «Крестьяне и рабочие»,—через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад, к примирению с капитализмом»[1].

Ленинская оценка крестьянского движения и задач партии в развертывающемся аграрном движении не без внутренних трений была принята в партии. Правые и «левые» оппортунисты в одинаковой степени недооценивали всей важности начавшегося и все более разрастающегося крестьянского движения. Под руководством Ленина партия целиком осознала значение крестьянского движения и возглавила крестьянскую революцию.

Изучение эпохи 1917 г. имеет сугубо важное принципиальное значение. Полностью восторжествовала ленинская идея рабоче-крестьянского союза, оправдалось ленинское предвидение о сочетании пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков. Большевистской стратегией намечены были формы взаимоотношений пролетариата и крестьянства в дальнейшие периоды.

Борьба с соглашательским угаром, с оппортунизмом внутри рабочего и крестьянского движения, с колебаниями в собственных рядах закалила партию большевиков и имела большое значение для борьбы с оппортунизмом в дальнейшие периоды истории партии.

Итоги и уроки борьбы большевиков за крестьянство в 1917 г. имеют всемирно-историческое значение. Известно, что одной из причин поражения венгерской пролетарской революции в 1919 г. или болгарского восстания в 1923 г. была недооценка со стороны компартий аграрного движения, недооценка привлечения трудящегося и эксплоатируемого крестьянства на сторону социалистической революции. В недавнее время в китайской революции 1925—1927 гг. аналогичную ошибку сделала китайская компартия, не оценившая всей важности крестьянского движения в Китае для успешной борьбы китайских рабочих за социализм.

Большевистская стратегия и тактика, одержавшие полностью победу в Октябре, целиком основывались на союзе рабочих и беднейших крестьян при гегемонии пролетариата. Октябрьская

---

[1] Ленин, Крестьяне и рабочие, Соч., т. XXI, стр. 109—110.

революция победила потому, что рабочий класс в этой революции был единственной руководящей силой миллионных масс крестьянства. Стратегия и тактика союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, как и опыт сочетания пролетарской революции против империалистической буржуазии с крестьянской войной против помещиков в России, не могут и не должны быть однако механически перенесены на другие страны. Но всеми братскими компартиями должно быть полностью учтено значение, какое придавали большевики трудящемуся крестьянству как важнейшему резерву пролетарской революции.

Компартии, идущие к своему Октябрю, должны учесть опыт большевистской стратегии и тактики в 1917 г. и построить свою тактику на союзе пролетариата с трудящимися и эксплоатируемыми массами крестьянства, как на несокрушимой базе социалистической революции.

М. Гайсинский

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ В НАЧАВШЕМСЯ АГРАРНОМ ДВИЖЕНИИ В 1917 г.

1. Аграрное движение в первые месяцы Февральской революции. 2. Организация крестьянства. 3. Аграрная политика Временного правительства. 4 Аграрная политика буржуазных и мелкобуржуазных партий. 5. Задачи партии большевиков по отношению к крестьянскому движению на первом этапе Февральской революции. 6. Большевистские организации в аграрном движении в первом периоде Февральской революции.

1. Аграрное движение в первые месяцы Февральской революции.

Февральский переворот был встречен деревней очень сочувственно, с чувством радости, как отмечалось в некоторых газетах того времени. Первые вести о перевороте вызвали живой отклик в деревне, немедленно приступившей к осуществлению на практике завоеваний революции.

Один из селькоров «Крестьянской газеты», участник крестьянского движения в 1917 г., так описывает настроение деревни, встрепенувшейся после векового гнета насилия, произвола и эксплоатации:

> «В конце 1917 г. до нашего села[1] дошло известие о падении самодержавия. Народ сразу стал собираться большими толпами, читал известия в газетах о свержении Николая, а молодежь и солдаты наскоро устроили красные флаги и с пением «Марсельезы» и криками «ура» двинулись по улицам села—тихо, плавно, с светлой радостью на лице, часто останавливаясь; из шествующих выходили солдаты и простые сознательные граждане с пространными речами; говорили о падении самодержавного строя и о новой жизни свободной страны, народ друг друга поздравлял, торжественно целовался и говорил: «Вот наконец-то подошел светлый, торжественный праздник». Все были одеты в хорошие наряды, как в

[1] Село Токарево, Рязанской губ., Касимовского у.

ток в знак падения самодержавия и установления свободы»[1].

Хотя корреспонденция не лишена своеобразных местных черт своего района, но в основном она дает правильное представление об откликах Февральского переворота в деревне. Характерно также упоминание в ней об активной роли солдат в деревне уже в первые дни движения.

В отличие от революции 1905—1907 гг., движение рабочих и солдат (тех же крестьян) в 1917 г. встретило немедленный отзвук в деревне. Наученные горьким опытом первой революции, крестьяне больше всего были озабочены теперь тем, как бы помещичья земля не «промаячила» только перед их глазами, как это было в 1905 г.

В марте же по всей стране начинается аграрное движение, и с того времени это движение непрерывно расширяется вширь и вглубь. Если в марте движением было охвачено только 34 уезда, то в апреле им охвачено 174 уезда, в мае—236, в июне—280, в июле—325 уездов[2].

Мартовский период характеризуется однако лишь отдельными вспышками крестьянских выступлений против помещиков в некоторых губерниях. Обращает на себя внимание довольно высокий процент разгромов помещичьих имений к общему числу крестьянских выступлений за этот месяц, а именно 24,5%.

Следующий этап в аграрном движении 1917 г.—с апреля по август включительно—характеризуется как значительно большей распространенностью движения, так и значительно большей организованностью движения. Число крестьянских выступлений составляет 65% всех крестьянских выступлений, имевших место от февраля к октябрю. Резко уменьшается однако процентное отношение разгромов и полной ликвидации помещичьих имений; так в июне цифра разгромов помещичьих имений падает до 2,2% к общему числу крестьянских выступлений за этот месяц[3].

В то же время беспрерывно возрастает организованность движения. В июле на 100 случаев неорганизованного движения приходится 120 случаев организованного крестьянского движения против 86 в июне, 67—в мае, 33—в апреле и 6—в марте[4].

Рост организованности движения объясняется возникновением крестьянских организаций, которые стали во главе движения. Не-

---

[1] «1917 год в деревне», Воспоминания крестьян. Сборник под редакцией Я. Яковлева, стр. 64.

[2] «Крестьянское движение в 1917 г.», Предисловие Я. Яковлева, стр. 3, Архив Октябрьской революции.

[3] Данные взяты из книги «Аграрная революция», т. II, стр. 171—172, изд. Комакадемии.

[4] «Крестьянское движение в 1917 г.», Предисловие Я. Яковлева, стр. VI, Архив Октябрьской революции.

смотря на засилие эсеров во всех низовых крестьянских организациях, аграрное движение к июлю становится движением крестьянских комитетов и советов крестьянских депутатов.

В противоположность мартовскому этапу, на который падает значительное число разгромов, весь этот этап аграрного движения—от апреля до сентября—характеризуется сравнительно «мирными» формами борьбы. При первых известиях о перевороте крестьяне бросились громить помещиков. Когда же стали возникать волостные и другие крестьянские комитеты, то под влиянием их организующей роли крестьяне, не отказываясь и от разгромов, прибегают чаще всего к другим способам захвата помещичьих земель. Крестьяне старались—и иногда довольно успешно—«мирными» способами выживать помещика. Захваты земель производились тогда в «легальной» форме.

Помещиков лишали рабочих рук, необходимых для обработки имений, путем запрещения например использования военнопленных, солдатских команд или вообще наемных рабочих сил. Принудительная аренда помещичьих земель, полный отказ крестьян от уплаты аренды приводили к тем же результатам. Помещики сами оставляли свои земли, кроме только тех из них, кто вступал в вооруженную борьбу с крестьянами. Незасеянные же земли поступали в распоряжение волостных комитетов согласно распоряжениям самого же Временного правительства (постановление от 11 апреля 1917 г. об охране посевов).

В сентябре и октябре аграрное движение поднимается на высшую ступень своего развития. Оно характеризуется самым высоким процентом разгромов помещичьих имений. На сентябрьско-октябрьский этап движения падает 34% всех случаев крестьянских выступлений за весь период от Февраля к Октябрю. Крестьянское движение превращается в крестьянское восстание против помещиков и Временного правительства.

Основными формами аграрного движения за период от Февраля к Октябрю были разгромы и крестьянский террор, борьба за лес, захваты земли и сенокосов, столкновения на почве применения наемного труда, захваты, реквизиции и конфискации запасов продовольствия, фуража, урожаев и т. д. Значительную роль играли захваты скота, машин и орудий[1].

Конкретно эти формы движения обычно выражались в захватах, запашках, переделах пахотной земли, захватах, потравах лугов и покосов, захватах и порубках леса, захватах живого и мертвого инвентаря и т. д. Столкновения на почве аренды и применения наемного труда выражались в снижении арендных цен и принудительной аренде, проводимой в тех случаях, когда владельцы земли отказывались от сдачи в аренду своей земли, или

[1] «Аграрная революция», т. II, стр. 201 — 203, изд. Комакадемии.

в полном отказе от уплаты аренды, в забастовках, стачках сельскохозяйственных рабочих, снятии рабочих и служащих в помещичьих экономиях и хозяйствах. Крестьянский террор проявлялся в разгромах и поджогах помещичьих имений, в арестах, избиениях и убийствах помещиков и их управляющих, обысках и выселении помещиков и т. д.[1]. Впрочем, вновь повторяем, что крестьянский террор, за исключением отдельных случаев, имевших место в марте, в следующие месяцы Февральской революции мало проявляется вплоть до сентября.

Аграрное движение шло по двум линиям. С одной стороны, оно было направлено против остатков кабально-крепостнических отношений в деревне, сохранивших свою силу и после Февральского переворота, с другой стороны, движение крестьян было направлено и против капиталистических отношений, угнетавших основные массы крестьянства. Преобладали формы движения, направленные против феодально-помещичьих устоев деревни. Тем не менее борьба против своей деревенской буржуазии или вообще капиталистов занимала видное место в жизни деревни, хотя количественно и уступала войне против помещиков в силу того, что завершение буржуазно-демократической революции до конца в то время «для деревни... имело самое главное и поистине решающее значение» (Сталин).

В территориальном отношении движение сосредоточивалось главным образом в Центрально-земледельческом и Средневолжском районах. В этих двух районах из 5 782 отмеченных случаев крестьянского движения (по 44 губерниям) имели место 2 908 случаев, т. е. около половины[2]. Эти цифры характерны тем, что они определяют основную волну крестьянского движения. В обоих указанных районах преобладало помещичье землевладение на старой крепостнической основе или во всяком случае сохранились остатки крепостнических отношений. В этих районах коренным образом изменяется к Октябрю и характер аграрного движения, которое превращается в высшую ступень своего развития—в крестьянскую революцию.

Следующими районами по количеству крестьянских выступлений являются Белоруссия и Украина (в особенности юго-западная). Оба эти района так же становятся к Октябрю районами крестьянского восстания. Правда, в этих районах имела место капиталистическая система помещичьего землевладения. Но капиталистический процесс развивался здесь на базе остатков крепостнических отношений. Количественное и качественное значение крестьянских выступлений в этих районах подтверждает огромную роль феодаль-

---

[1] «Аграрная революция», т. II, стр. 201 — 203, изд. Комакадемии.

[2] Там же, стр. 175, а также «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 13 — 14.

но-крепостнических пережитков в развертывающейся аграрной революции 1917 г.

Было бы ошибочно однако затушевывать борьбу бедняцких масс крестьянства против своей деревенской буржуазии, хотя она значительно уступает по количеству случаев антипомещичьему движению. Случаи движения против деревенской буржуазии наибольшей цифры достигали в Нижневолжском районе, объединенном с Северным Кавказом и Донской областью,—11,4% [1]. Главным образом борьба в этом направлении шла против отрубников и хуторян. Из общего числа отмеченных случаев движения против сельской буржуазии (324) 41% случаев движения был направлен специально против отрубников и хуторян [2].

Движение крестьян, направляемое против помещика, шло и против кулака. Земли кулаков захватывались на одинаковых условиях с помещичьими. Движение направлялось в первую очередь против новой сельской буржуазии, созданной столыпинскими законами о выделении крестьян на хутора и отруба. С такой же яростью нападали крестьяне на кулаков, приобретавших землю после Февральского переворота и пытавшихся поживиться на счет земельного ажиотажа, начинавшегося тогда. Захваты земель, как и принудительная аренда, в одинаковой мере распространялись как на кулацкие, так и на помещичьи земли.

Борьба против отрубников и хуторян не всегда носила однако характер протеста против капиталистических форм эксплоатации, поскольку выражалась иногда в принудительном вводе отрубников и хуторян обратно в общину, в распределении их земель между всеми крестьянами без конфискации средств производства. Даже имевшие иногда место случаи лишения отрубников и хуторян средств производства, как это видно из материалов переписки Аграрной комиссии при ВЦИК с волостными комитетами, не могут изменить бесспорное значение того факта, что борьба крестьян шла главным образом по линии крепостническо-помещичьих форм землевладения.

Движение крестьянства направлялось и против земель духовенства, задевая его кровные интересы. Не ограничиваясь захватом помещичьих земель, крестьяне обычно захватывали церковные и монастырские земли. Это было продолжением все той же борьбы крестьян против феодально-крепостнических основ самодержавия, поскольку монастыри и церкви обладали сплошь и рядом обширными поместьями.

В ряде случаев борьба крестьян направлялась и против конкретных представителей духовенства. Так отмечено 211 случаев выступ-

---

[1] «Крестьянское движение в 1917 г.», Предисловие Я. Яковлева, стр. XVI, Архив Октябрьской революции.

[2] «Аграрная революция», т. II, стр. 177, изд. Комакадемии.

ления крестьян против духовенства. Наиболее ненавистных реакционных попов, связанных с помещиками и кулаками, крестьянские комитеты арестовывали, смещали с должностей и выгоняли даже из деревни. Обычно все же крестьяне не оставляли попов совершенно без земли. Захватывая монастырские и церковные земли, крестьяне большею частью оставляли представителям духовенства землю по норме. Они отказывались платить духовенству за требы, видя в этой плате выражение феодально-крепостнической дани. Например в Саратовской губ. представитель духовенства жалуется Временному правительству, что «крестьяне поняли свободу как освобождение от всякой платы и обрекли священных служителей на нищенство».

В общем числе крестьянских выступлений отмечено всего 235 случаев, направленных против правительства. Борьба крестьян велась главным образом с различными агентами правительственных властей по вопросам, связанным с политикой Временного правительства (хлебная монополия), и выражалась борьба эта обычно в форме отказа от выполнения различных повинностей. Велась в то же время борьба со стражниками и казаками, охранявшими помещичью землю, и вообще с агентами Временного правительства. Ко времени, приближающемуся к Октябрю, развертывается борьба и с карательными отрядами Временного правительства.

2. Организация крестьянства.

В первые месяцы Февральской революции, за исключением марта, крестьянское движение, как мы видели, в общем носит организованный характер. Организованность движения и явилась в результате той тяги к организации, которая охватила крестьянство при первом известии о смене старого режима. Сменялись старые власти—волостные старшины, земские начальники, урядники, и вместо них на основе всеобщих выборов создавались новые крестьянские организации. В этом стремлении крестьянства к организации огромное влияние оказывали советы рабочих и солдатских депутатов, организующиеся в городах, и учет опыта революции 1905 г.

Народное творчество, выражаясь словами Ленина, и в 1917 г., как в первой революции, создает разнообразные формы проявлений этой тяги к организации. Среди различных крестьянских организаций наиболее распространенными и почти повсеместными были волостные комитеты и советы крестьянских депутатов. Они занимают центральное место в руководстве и организации крестьянского движения, по крайне мере до сентября, когда движение переходит уже в стадию крестьянской революции.

Появляется целая сеть крестьянских комитетов, получавших всевозможные названия. Наиболее общими были названия: испол-

нительные комитеты, волостные земельные комитеты или просто волостные комитеты. Очень часто фигурировали и продовольственные комитеты. Хотя очевидно, что функции земельных и продовольственных комитетов вполне определенны и различны, что обусловливалось подчинением их разным министерствам, на практике однако и земельные и продовольственные комитеты играли роль одних и тех же волостных исполнительных комитетов. На первых порах революции волостные комитеты и советы крестьянских депутатов являлись на местах органами крестьянской власти.

В отдельных случаях в волостные комитеты проникали чуждые элементы из господствовавших классов, представители или агенты помещика. Пробирались иногда и сами помещики, как это имело место в селе Коробове (Усманского у., Тамбовской губ.), где в комитет крестьянских депутатов сумел пролезть князь Б. Л. Вяземский [1]. Можно привести еще ряд случаев проникновения чуждых элементов в крестьянские комитеты, в результате чего эти комитеты шли против требований крестьянства, прибегая иногда к репрессивным мерам против борющегося крестьянства. Так было например в селе Котел (Котельской волости, Керенского у., Пензенской губ.), куда в комитет, называвшийся «земской управой», прошел самый богатый слой [2], в Молодотудской волости (Ржевского у., Тверской губ.), где одно время крестьянские комитеты всячески боролись против крестьянского движения [3], или в Чекуевской волости (Онежского у., Архангельской губ.), где в комитет пролезло кулачество [4]. Однако подобные случаи были крайне малочисленны и имели место на самой ранней стадии развития крестьянского движения в 1917 г.

Волостные комитеты, состоящие целиком из крестьян, действовали на практике как власть, имея в своем распоряжении милицию. Они производили захваты земель, забирали покосы, леса, захватывали скот, инвентарь, устанавливали арендные цены на землю, иногда захватывали целиком имения, ставили своих управляющих, регулировали заработную плату сельскохозяйственных рабочих [5]. Они же производили аресты, обыски отдельных лиц, требовали смены оставшихся старых властей и т. д.

Крестьянские комитеты во многих местах России вели себя, как органы власти, и сплошь и рядом осуществляли административные, судебные и отчасти законодательные функции. Комитеты входили во все мелочи управления. Так комитет деревни Баракчеевой (в Ягоновской волости, Пензенской губ.) предъявил требова-

---

1 «1917 год в деревне», стр. 73.
2 Там же, стр. 111.
3 Там же, стр. 233.
4 Там же, стр. 325 — 326.
5 «Аграрная революция», т. II, стр. 109 — 110, изд. Комакадемии.

ние к помещику (Яншину) снять телефон, чтобы тем самым лишить его возможности вести переговоры с городом. По постановлению бюро комитета была отобрана у Яншина коллекция хранившегося им оружия [1].

> «На съезде,—жалуется комиссар Новоалександровского у., Ковенской губ.,—роли уездных комиссаров и уездных исполнительных комитетов остались сведенными до нуля. Опираясь на протокол крестьянского съезда в Дисне от 4 июня, волостные и сельские комитеты, отстраняя владельцев, распоряжаются частновладельческими лугами, лесами, пастбищами и пр., как своей собственностью... На сходах крестьяне кричат комиссару, когда он хочет их удержать от захватов: «Мы тебя выбрали и, если не пойдешь заодно с нами, мы тебя вон выбросим» [2].

В первый период крестьянского движения и вплоть до сентябрьско-октябрьского этапа волостные комитеты вместе с советами крестьянских депутатов были центрами революционного движения крестьянства, хотя и находились тогда под эсеровским влиянием. Когда на местах возникали советы крестьянских депутатов, то эсеры, пользуясь неорганизованностью крестьянства и его политической беспомощностью, подчинили эти советы своему влиянию. Впоследствии эсеры приписывали себе идею организации и заслуги в создании советов крестьянских депутатов. В действительности возникновение и развитие советов крестьянских депутатов обязано народному творчеству. На VII съезде партии Ленин указывал,

> «что в феврале 1917 г. массы создали советы, раньше даже чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 г., умудренное им,—вот кто создал эту форму пролетарской власти» [3].

Заодно с эсерами действовали кооператоры, идеологически с ними связанные. Как известно, в кооперации того времени преобладали мелкобуржуазные интеллигенты кадетско-эсеровского направления. Гегемония в кооперации принадлежала народным социалистам, тем же эсерам, только с более откровенной оппортунистической сущностью. Кооператоры пользовались влиянием среди зажиточной части деревни, поскольку сама кооперация в деревне опиралась на состоятельные слои крестьянства.

Подчинив своему влиянию советы крестьянских депутатов, эсеры и кооператоры пытались сделать советы опорными пунктами своего влияния на деревню, противопоставляя их советам рабочих и солдатских депутатов. Кооператоры и эсеры меньше всего пред-

---

[1] «Красный архив», т. XIV, «Аграрное движение в 1917 г. по документам Главного земельного комитета», стр. 214.

[2] Там же, стр. 186.

[3] Ленин, VII съезд РКП(б), Соч., т. XXII, стр. 315.

полагали сделать советы крестьянских депутатов органами власти на местах. В лучшем случае кооператоры допускали возможность наделения советов лишь некоторыми, весьма ограниченными функциями власти.

Эсеры шли как будто дальше кооператоров в отношении определения полномочий советов. Поощряя организацию советов крестьянских депутатов, эсеры предполагали создать особую систему советов крестьянских депутатов, существующих совершенно независимо и параллельно с советами рабочих и солдатских депутатов.

Система советов крестьянских депутатов, возглавляемая центральным их органом в лице Всероссийского совета крестьянских депутатов, должна была, по плану эсеров, содействовать усилению эсеровского влияния и служить основной базой партии эсеров. С другой стороны, Всероссийский совет крестьянских депутатов должен был стать вторым центром «революционной демократии» наряду с ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов и равноправным с ним.

Эсеры противопоставляли крестьянство и его органы пролетарским организациям, чтобы тем сильнее затушевывать классовую борьбу внутри крестьянства, усилить влияние буржуазии на крестьянство, вырывая его из-под влияния пролетариата.

Меньше всего эсеры заботились о том, чтобы советы крестьянских депутатов обладали реальной властью. Они пытались свести компетенции советов крестьянских депутатов к формальному контролю над правительством буржуазии со стороны так называемой «демократии», «которая свела роль советов к прислужничеству этой буржуазии», выражая в действительности интересы мелкобуржуазных слоев населения.

Выборы в советы крестьянских депутатов не давали правильного крестьянского представительства. Перед I Всероссийским съездом крестьянских депутатов в ряде губерний происходили выборы по волостям на уездные и губернские съезды, а на них—на Всероссийский съезд. Политическая беспомощность крестьянства, с одной стороны, энергия и ловкость рук эсеров и кооператоров, с другой—имели те последствия, что в выборные крестьянские организации попадали большей частью представители деревенской зажиточной верхушки или деревенской интеллигенции. Советы крестьянских депутатов, как в центре, так и на местах очутились в эсеровском плену. Необходимо отметить, что эсеровская политика соглашательства с буржуазией еще не всюду оформилась на местах. Низовые эсеровские организации были революционнее центральных организаций, ставших уже на путь предательства интересов крестьянства. Волостные комитеты (исполнительные и земельные) и советы крестьянских депутатов, несмотря на сильное эсеровское влияние в них, были в этот период центрами крестьянского движения.

Большую роль в революционизировании как крестьянских организаций, так и самих крестьянских масс сыграли происходившие тогда чуть ли не повсеместно уездные и губернские крестьянские съезды. Крестьянские съезды как уездные, так и губернские оказывали большое организующее влияние в движении. Во многих местах массовое движение крестьян начинается как раз после съезда. «До постановления Пензенского крестьянского съезда от 15 мая с. г. со стороны крестьянского населения не проявлялось захватных стремлений, за исключением единичных случаев»,—официально докладывает Временному правительству комиссар Пензенской губ. 19 июля 1917 г.[1]. Местные землевладельцы из Рязанского у. в свою очередь так же жалуются на начало движения после Рязанского съезда и приписывают инициативу движения уездным и губернскому съездам. Подобные заявления с мест далеко не единичны.

Крестьянские съезды пользовались большим авторитетом в крестьянских массах. Комиссар Минской губ. в телеграмме от 12 мая сообщает Временному правительству, что аграрное движение «усилилось после крестьянского съезда, резолюции которого крестьяне считают законом»[2].

Весьма характерно в этом отношении постановление Ягоновского волостного комитета Пензенской губ. от 6 июня о том, что «Комитет должен руководиться постановлением Всероссийского крестьянского съезда, и в силу этого постановления все земли частных владельцев должны поступить в распоряжение Комитета»[3].

Мы уже приводили выше аналогичное официальное сообщение комиссара Новоалександровского у., Ковенской губ. о том, как «опираясь на протокол крестьянского съезда в Дисне от 4 июня, волостные и сельские комитеты, отстраняя владельцев, распоряжаются частновладельческими лугами, лесами, пастбищами и пр., как своей собственностью».

Этот же комиссар дает очень яркое описание влияния крестьянских съездов на крестьянскую практику борьбы за землю. Сообщая о губернском съезде крестьян Виленской губ. и части Новоалександровского у., присоединенного в административном отношении к Виленской губ., на котором собралось 400 делегатов, по его определению, мирно настроенных, он так отзывается об изменившемся после съезда поведении делегатов:

> «До постановления этого на съезде (о правах волостных комитетов на частновладельческие земли.—*М. Г.*) мне, хотя и с трудом, но все-таки удавалось удерживать крестьян во вверенном мне Новоалександровском у. от больших захватов,

---

1 «Красный архив», т. XIV, «Аграрное движение в 1917 г. по документам Главного земельного комитета», стр. 205.

2 Там же, стр. 224.

3 Там же, стр. 214.

потрав, порубок леса и т. д., но в настоящее время я не в силах, так как, возвратившись со съезда, крестьянские депутаты, рассказывая все слышанные речи, на мои увещания не обращают внимания, говоря, что на съезде они слушали совсем другое»[1].

Крестьянские съезды в большинстве случаев только принципиально ставят и рассматривают вопрос о переходе земли в собственность народа или об уравнительно-трудовом пользовании землей без выкупа и относят окончательное решение о национализации земли к Учредительному собранию. Высказываясь против захватов земли, крестьянские съезды однако всю земельную политику настоящего дня строят в расчете именно на такое разрешение земельного вопроса. Такой например смысл имеют постановления, выносимые многими крестьянскими съездами о запрещении продажи, залога земли и вообще каких бы то ни было земельных сделок.

Некоторые крестьянские съезды еще в мае выносили решения о немедленном разрешении аграрного вопроса. Несмотря на господство эсеров на съездах и в крестьянских организациях, все же на ряде съездов выявились подлинные настроения революционного крестьянства. Решения о немедленном разрешении земельного вопроса, не дожидаясь Учредительного собрания, кроме Казанского губернского совета, в первые месяцы Февральской революции вынесли; Рязанский губернский крестьянский съезд, Пензенский, 2-й Самарский, Могилевский. Ряд мер по немедленному урегулированию земельных отношений выработали Тульский, Пермский, Вятский, 2-й Черниговский, Херсонский и другие губернские съезды, а также множество уездных советов крестьянских депутатов[2].

Большую организующую роль в крестьянском движении сыграли солдаты с фронта, начавшие прибывать в деревню массой уже весной 1917 г. Это были демобилизованные и раненые солдаты, приезжающие на побывку домой, и в особенности так называемые дезертиры Керенского, т. е. беглецы из армии главкома Керенского, приход которых в деревню увеличивался в соответствии с усилением разложения старой царской армии.

Солдаты-фронтовики сплачивали бедноту и батраков вокруг революционных лозунгов движения. Они являлись застрельщиками в борьбе крестьянства против помещиков и кулаков, а также в противоправительственном движении. Как подтверждает целый ряд исторических свидетельств эпохи 1917 г. и современные воспоминания селькоров «Крестьянской газеты», участников крестьянского движения, во многих местах революционное движение кресть-

---

[1] «Красный архив», т. XIX, «Аграрное движение в 1917 г. по документам Главного земельного комитета», стр. 225.

[2] «Аграрная революции», т. II, стр. 194, изд. Комакадемии.

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

янства началось весной 1917 г. с того времени, как стали приезжать в деревню солдаты с фронта и рабочие с ближайших заводов [1]. Солдаты, как и рабочие, привозили с собою литературу, на первых порах эсеровскую, а затем и большевистскую, сообщали в деревне о революционных событиях в рабочих центрах, «разжигали», как тогда говорилось, крестьянское население и поднимали его на борьбу с помещиками и кулаками, а вскоре с органами и представителями Временного правительства.

Прибывавшие домой с фронта солдаты становились вожаками крестьян, устраивали сходы, выступали на них за отбор у помещиков земли для крестьян, призывали к перевыборам старых комитетов, если в них заседали кулаки и старшины. Они прилагали всяческие усилия, чтобы провести в комитеты крестьянина-бедняка или прибывшего с фронта солдата. Солдаты с фронта становились обычно вожаками в новых избранных комитетах и руководили изгнанием помещиков.

Отпускные солдаты принимали активное участие в самых разнообразных формах движения. Они поддерживали деревенскую бедноту и батраков во всех случаях столкновений с помещиками и кулаками, поднимали их на борьбу против тех и других. Солдаты агитировали например за предъявление требований к помещикам о сокращении рабочего дня батракам, работающим постоянно или временно. Они же выдвигали требования о снижении платы за арендованную землю у помещиков или вовсе об отказе от уплаты за аренду, или наконец требование раздела помещичьей земли.

Подобная организующая роль солдат отмечена во всех районах крестьянского движения и в районах крестьянского восстания. Характерно, что в Белоруссии, в одном из районов крестьянского восстания, более чем где-нибудь в другом месте, оказали влияние на крестьянское движение фронтовики-солдаты, явившиеся организаторами и руководителями крестьянского движения, проводимого под большевистскими лозунгами. Не случайно, что благодаря революционному воздействию солдат-фронтовиков в Белоруссии отмечено наличие высокого противоправительственного движения, выражавшегося в противодействии введению хлебной [illegible] в смещении и аресте должностных лиц, в отказе от [illegible] личных организаций и даже частичных разгромах правительственных учреждений [2].

С ростом революционного движения в деревне усиливается организующее влияние солдат. Когда на сентябрьско-октябрьском этапе крестьянской революции движение пошло во многих [illegible] через голову крестьянских верхушечных организаций,

---

[1] «1917 год в деревне». Воспоминания крестьян. Сборник под [illegible] Я. Яковлева, стр. 47 и другие места сборника.

[2] Там же, стр. 130—131.

вместе с рабочими и под руководством рабочих были в этих районах основными и главными организаторами крестьянского движения.

Настроение крестьян в первые месяцы Февральской революции довольно ярко обнаруживается в наказах делегатов на майский I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Из 242 наказов, представленных делегатами, была дана сводка важнейших требований этих наказов, изложенная в так называемом «примерном наказе», напечатанном в № 88—89 «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов».

Составленные в марте и апреле наказы эти уже не выражали полностью настроения делегатов на съезде, на котором многие революционно настроенные делегаты выставляли уже более радикальные требования в вопросах войны и мира и земли. Тем не менее наказы с достаточной ясностью показывают, как в действительности крестьянство понимало отсрочку решения земельного вопроса до Учредительного собрания.

В виде переходных мер до издания закона Учредительным собранием наказы требовали: немедленного запрещения земельных сделок, объявления недействительными всех земельных сделок, совершенных после 1 марта 1917 г. Важнейшей же переходной мерой до решения земельного вопроса Учредительным собранием было требование передачи земельным комитетам всех земель, «неиспользованных владельцами в текущем сельскохозяйственном периоде», для распределения ее между нуждающимися в земле. Далее такого же рода были требования предоставления земельным комитетам права контроля над частными хозяйствами и всеми их угодьями, права реквизиции имущества частных владельцев, требование установления земельными комитетами арендной платы, причем плата эта должна была передаваться не помещикам, а советам крестьянских депутатов или Временному правительству.

Все это были такого рода требования, что в случае их реализации помещики фактически лишались своей земли и доходов; крестьяне же под флагом земельных комитетов становились хозяевами этой земли.

Хотя наказы в общем верно отражают настроения большинства крестьянских масс в первом периоде Февральской революции, необходимо все же отметить, что в это же время было много приговоров, резолюций крестьянских сходов, съездов, определенно требовавших немедленной передачи земли крестьянству. Позиция трудящихся крестьянских масс в земельном вопросе была наиболее левая.

Нерешительна зато была их позиция в вопросах войны и мира. В этих вопросах большинство крестьянства стояло близко к позиции «революционного оборончества». Агитация эсеров и меньшевиков, этих агентов империализма, пустила глубокие следы в крестьянских массах. Здесь социал-оборонцами была полностью

использована политическая беспомощность крестьянства. В вопросе о войне наказы например требовали недопущения братания на фронте и «решительной борьбы с преступной агитацией контрреволюционеров и безответственной пропагандой слева» (иначе говоря: большевиков).

Крестьянские массы находились еще в плену соглашательских иллюзий, усердно внедряемых меньшевистско-эсеровским блоком. Огромное большинство крестьянства еще стояло на позиции поддержки Временного правительства. Часть крестьянства стояла за поддержку «постольку, поскольку», с весьма серьезными оговорками, в которых сквозило явное недоверие Временному правительству. Другая часть крестьянства, более право настроенная, выражала безоговорочно или почти безоговорочно доверие Временному правительству, требовала продолжения войны «до победного конца» (с оговоркой: «не преследуя завоевательных планов») и стояла за отсрочку решения земельного вопроса Учредительным собранием[1].

3. Аграрная политика Временного правительства

Осуществлению блока между крестьянством и буржуазией, вдохновителями которого были эсеры и меньшевики, эти «спасатели помещика» (Ленин), мешала прежде всего классовая политика Временного правительства, которая вскоре стала вызывать недоверие крестьянских масс к буржуазии и в свою очередь содействовала росту революционного движения в деревне.

Правительство помещиков и капиталистов с самого начала заняло резко отрицательную позицию по отношению к начавшемуся аграрному движению. В начале оно пыталось просто обойти молчанием аграрный вопрос, и в своей декларации от 2 марта 1917 г. Временное правительство ни словом не обмолвилось о земле. Когда же крестьянское движение дало знать о себе, Временное правительство стало проводить жестокую политику подавления крестьянского движения. Уже 9 марта было издано поставление о мерах подавления возникших в Казанской губ. аграрных «беспорядков» с привлечением участников к уголовной ответственности.

Крестьянское движение побудило Временное правительство на своем заседании 17 марта принять «Обращение к народу по земельному вопросу», которым оно провозгласило, что «заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны—земельная реформа—станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании». В воззвании подчеркивается, что «земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо

[1] «Аграрная революция», т. II, стр. 113—116, изд. Комакадемии.

насилия и захвата». Пока же объявлялось об учреждении земельного комитета при министерстве земледелия для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

В марте Временное правительство объявило о недопустимости насилия в разрешении земельного вопроса. 8 апреля министр внутренних дел обратился с циркулярным сообщением на имя губернских комиссаров, назначенных Временным правительством, и возложил на них ответственность за устранение аграрных беспорядков «всеми законными средствами», в том числе и вызовом воинских команд.

В интересах защиты помещичьей собственности издаются затем два общих постановления: 11 апреля—об охране посевов и 21 апреля—положение о земельных комитетах. Положение об охране посевов сыграло особую роль во взаимоотношениях крестьян с помещиками. Крестьяне, как мы видели, использовали его для захвата помещичьих земель в легальной форме. Постановлением Временного правительства от 21 апреля было положено начало образованию земельных комитетов—главного, губернских, уездных и волостных, состоящих в ведении министерства.

Главный земельный комитет, подобранный и возглавляемый кадетско-эсеровским чиновничеством, вскоре заявляет в своей декларации, что «в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль, что все земли сельскохозяйственного значения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения». Такая расплывчатая и неопределенная декларация, оставлявшая совершенно в тени вопрос о помещиках и казенных землях, меньше всего отвечала требованиям и стремлениям крестьянства, и с подобной формулировкой разрешения земельного вопроса согласны были лишь помещики и кадеты.

Новое коалиционное Временное правительство с участием министров-«социалистов» ограничивалось подобными же пустыми и ни к чему не обязывающими заявлениями вроде тех, что:

> « ... впредь до решения Учредительным собранием вопроса о переходе земли в руки трудящихся оно примет меры к наибольшему производству хлеба для страны и к регулированию землепользования в интересах народного хозяйства и трудящихся».

Кроме призыва «воздержаться от самовольных действий» и дожидаться Учредительного собрания, Временное правительство ничего реального не предлагало крестьянским массам, истомившимся в земельной нужде. Во всех декларациях, постановлениях Временного правительства сквозила одна определенная мысль—о сохранении частной собственности на землю.

В борьбе с аграрным движением правительство искало и на-

ходило поддержку в реакционных силах, служивших опорой самодержавного режима. Движение в крестьянстве против духовенства вызывает со стороны Временного правительства ряд мер к защите последнего. 19 мая князь Львов, председатель Временного правительства и министр внутренних дел, рассылает циркуляр о запрещении местным организациям вмешиваться в церковную жизнь. 25 мая Временное правительство предлагает разработать законопроект о наказании за «кощунство».

Правительство очень неохотно, несмотря на требования и заявления всевозможных организаций, шло на устранение прежних властей, сохранившихся от старого режима. Только 30 июня была упразднена например ненавистная должность земского начальника. Правительство помещиков и капиталистов не считалось с волей и требованиями крестьянства.

Изданное министром Переверзевым 17 мая, под напором делегатов Всероссийского крестьянского съезда, распоряжение о приостановке земельных сделок было уже 26 мая отменено. И только 12 июля опубликован был наконец законопроект о запрещении земельных сделок, обещанный Черновым еще 24 мая тому же съезду.

Издавая за все время своего существования этот единственный земельный законопроект, идущий навстречу крестьянским требованиям, Временное правительство исходило еще и из других мотивов, кроме удовлетворения требований крестьянства. В связи с ожидаемой конфискацией частновладельческих и казенных земель помещики создавали земельный ажиотаж, распродавая частично свои земли иностранцам. Это обстоятельство при той зависимости, в которой находилось Временное правительство от Антанты, не дало бы возможности разрешить земельную реформу даже в кадетских минимальных дозах.

Такая неприкрытая защита интересов господствующих классов со стороны Временного правительства шаг за шагом раскрывала глаза обманутым трудящимся массам, отталкивала их от правительства, несмотря на все ухищрения агентов империализма, эсеров и меньшевиков, старавшихся во что бы то ни стало оформить и закрепить союз буржуазии с крестьянством.

4. Аграрная политика буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Партия буржуазии, кадеты, подобно Временному правительству, в начале также предполагала пройти мимо аграрного вопроса. На пленуме своего ЦК от 11 марта кадеты вынесли решение, о том чтобы к выполнению аграрной программы приступить только по окончании войны.

Аграрное движение побудило и кадетов высказаться по этому

наиболее злободневному вопросу. Маскируя [illegible] требования крестьянства, партия капиталистов и либеральных помещиков на своем съезде 22—25 мая вынесла решение декларативного характера о передаче земель сельскохозяйственного пользования «трудовому земледельческому населению». Кадеты внесли теперь в свою программу требование частичного отчуждения помещичьих земель—в тех владениях, где количество земли превышало определенную норму. В эсеровском духе кадеты вынесли постановление о запрещении приобретать землю сверх трудовой нормы, а также обращать землю сельскохозяйственного пользования в источник постоянного пользования.

Отчуждение допускалось по кадетской программе понятно только за выкуп. Состоявшийся еще раньше 2 апреля (20 марта) 1917 г. Всероссийский съезд торгово-промышленных организаций под председательством Рябушинского вынес постановление о решении Учредительным собранием аграрного вопроса на условиях справедливости как для крестьян, так и для крупных земледельцев.

Очень близко к кадетам стояли трудовики и народные социалисты (энэсы), примыкавшие к правому крылу эсеров и объединившиеся с ними в одну партию в 1917 г. Они высказывались в своей программе за частичную национализацию, поскольку требовали оставления крестьянских надельных земель в распоряжении фактических владельцев. Допуская конфискацию помещичьих земель, народные социалисты определенно требовали выкупа за счет государства.

В тесной связи с народными социалистами и трудовиками, персонально связанные с ними, действовали лидеры Крестьянского союза. Лидеры союза стояли за выкуп, с разными только оговорками. Один из вождей союза—народный социалист В. И. Анисимов—заявил например, что «должен быть образован земельный фонд, к которому земля должна перейти все-таки за выкуп путем погашения закладных листов». Подобные же постановления о выкупе земли в замаскированном виде вынес III Всероссийский съезд крестьянского союза.

В отличие от трудовиков и народных социалистов программа Крестьянского союза требовала национализации всех земель. Это требование было однако чисто формальным, и вся практика Крестьянского союза показывала, что союз был верным оплотом Временного правительства и имущих классов и не шел дальше ни к чему не обязывающих деклараций.

Крестьянский союз ведет свое происхождение еще с 1905 г. В революции 1905—1907 гг. крестьянские съезды, созванные Союзом, сыграли безусловно прогрессивную роль, содействуя общекрестьянской борьбе за землю. В годы реакции руководящие верхушки Крестьянского союза, состоявшие из мелкобуржуазных интеллигентов эсеровско-народнического толка, прекратили всякую

работу "в" крестьянских массах, и Союз можно было и следовало считать и формально и по существу прекратившим свое существование. В марте 1917 г. он всплыл вновь на арену политической жизни после долгого перерыва и выступает с воззванием от имени Главного комитета, в котором идет вправо даже от эсеров.

Воззвание, рекламирующее создание волостных комитетов Крестьянского союза на местах, проникнуто было патриотическо-шовинистическим духом и призывало к полной поддержке Временного правительства. Воззвание останавливается на защите частновладельческих хозяйств, не допуская никакого вмешательства со стороны в их дела. Такую же заботливость обнаруживает Главный комитет и в отношении сохранения монастырских и церковных земель.

Причину хозяйственной разрухи воззвание видит во вмешательстве государства в регулирование хозяйственной «жизни», главным образом в хлебной монополии. Для ликвидации разрухи рекомендуется, как можно скорее восстановить свободный обмен и принять все меры к привлечению иностранного капитала.

Вопроса о земле воззвание касается как будто между прочим, причем не дается определенный ответ на всеобщие требования крестьянства о земле. Вместо требования перехода земли к крестьянству повторяется лишь припев буржуазных партий, что земельный вопрос «во всей полноте может решить только одно Учредительное собрание» и выражается уверенность, что «трудовое крестьянство получит несомненно столько земли, чтобы народный труд, прилагаемый к земле, дал народному хозяйству наибольшее количество продуктов земледелия». Буржуазные газеты восторженно встретили воззвание Крестьянского союза.

Правда, от этого воззвания впоследствии стали отмежевываться деятели Главного организационного комитета Крестьянского союза в лице С. Мазуренко. Но что подобное воззвание не было случайным, показывает деятельность крестьянских союзов на местах. Как сообщает Н. Чайковский, один из лидеров народных социалистов, на съезде народных социалистов и трудовиков 17—21 июня 1917 г. «союзы стали выпускать всякие самочинные лозунги, вроде восстановления свободной торговли, призыва иностранного капитала на помощь нашей промышленности и т. д.»[1]. Главный организационный комитет скоро объединяется с деятелями Главного комитета, а также с бюро содействия, и образуется один Главный организационный комитет Всероссийского крестьянского союза во главе с тем же самым С. Мазуренко.

Как кадетская партия, так и мелкобуржуазные партии—энэсы

---

[1] Цит. по сб. «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. 1, ч. 2, стр. 289, изд. Комакадемии.

(народные социалисты) и трудовики не пользовались каким-либо влиянием в крестьянских массах. Из других мелкобуржуазных партий наибольшим значением и авторитетом в крестьянстве одно время пользовались эсеры.

Среди эсеров ко времени I Всероссийского крестьянского съезда были разные группировки, из которых одна группировка—левые эсеры—впоследствии выделилась и имела свою особую историю. Видный эсер В. Гуревич перечисляет четыре течения среди эсеров: «Левые, возглавлявшиеся Б. Камковым и М. Натансоном, левый центр во главе с В. М. Черновым и Н. И. Ракитниковым; правый центр, к виднейшим представителям которого относили К. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, В. М. Зензинова, и правая группа «Воли народа» во главе с А. А. Аргуновым, П. А. Сорокиным, А. Чуковским. В обширной Петроградской организации, имевшей свой собственный орган «Земля и воля», явно преобладали левые камковского толка»[1].

Среди этих течений выделялись левые эсеры, но они оформились лишь на III съезде эсеров (в начале июня), где и создали особое организационное бюро. Первые три месяца революции они не пользовались еще влиянием в массах, хотя и опирались в то время на середняков.

Все же остальные эсеры—центра (эсеры правого и левого центра обычно назывались эсеры центра) и правые эсеры стояли за полную поддержку Временного правительства, и по существу все одинаково стояли на позиции замаскированного предательства революции. Своим откладыванием решения земельного вопроса до Учредительного собрания они явно стремились разрешить земельный вопрос путем реформы вместо революции. Эсеры центра и правые эсеры выступали против каких бы то ни было земельных захватов, предоставляя само решение вопроса о передаче земли в народное достояние компетенции Учредительного собрания. Одной из первых резолюций, принятых эсерами в 1917 г., была резолюция, направленная против земельных захватов (на областной петроградской конференции).

Замаскированно протаскивали эсеры выкуп земли в той или иной формулировке в своих предложениях практического разрешения земельного вопроса. Открыто высказываться за выкуп они не рисковали, опасаясь потерять доверие революционного крестьянства. Так например еще летом 1917 г. Чернов высказывался за выкуп закладных листов. Существенные поправки такого же характера он вносил в постановку вопроса о конфискации помещичьей земли и на I Крестьянском съезде. Другой представитель партии эсеров, Сорокин, на съезде крестьянского союза

---

[1] «Летопись революции», кн. 1, Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция», стр. 17.

заявил о целесообразности выкупа земель, принадлежащих иностранцам.

С ростом революционного движения, обострившим классовые противоречия, эсеры вынуждены были все откровеннее вскрывать свою настоящую политику союза с буржуазией и предательства интересов трудящихся масс. Участие вместе с меньшевиками в карательных экспедициях против крестьян выявляло полностью их предательскую роль как агентов империализма и Временного правительства.

Меньшевистско-эсеровский блок образовался с первых дней Февральской революции. На Всероссийском совещании советов рабочих и солдатских депутатов 11—19 апреля (29 марта—3 апреля) докладчиком по аграрному вопросу был Церетели. Как в своем докладе, так и в резолюции, предложенной совещанию, Церетели выставил положение об отстаивании в Учредительном собрании «безвозмездного отчуждения всех частновладельческих земель... за исключением владений, не превышающих максимальных норм, каковые будут установлены для каждой области местными демократическими комитетами»[1]. Церетели не провозгласил даже принципа национализации земли. Предлагая от имени совещания признать, что окончательное разрешение земельного вопроса принадлежит только Учредительному собранию, Церетели, свел программу революции до Учредительного собрания только к конфискации удельных, кабинетных, монастырских земель. И все остальные предлагаемые им меры переходного характера сводились к чисто кадетской программе. Характерно также старое меньшевистское требование, выставленное Церетели, об организации местных комитетов (общедемократических, а не крестьянских по существу) для понижения арендных цен, для урегулирования заработной платы и для устранения недоразумений и споров между частными владельцами и крестьянами[2].

Зато резолюция совещания по крестьянскому и земельному вопросу призывает всячески бороться с попытками «самочинного» разрешения земельного вопроса:

> «Совещание возлагает на местные комитеты обязанность бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса, памятуя, что аграрные беспорядки могут быть полезны не крестьянству, а только контрреволюции»[3].

Если эсеры, одно время увлекшие за собой часть среднего крестьянства, а вообще выражавшие интересы деревенских вер-

---

1 «Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов», Стеклотчет, стр. 281.

2 Там же, стр. 281.

3 Там же, стр. 312.

хов, для усиления своей позиции в крестьянских массах вынуждены были маскироваться под революционными требованиями крестьянства, то меньшевики, опиравшиеся на городскую мелкую буржуазию и частично цеховую рабочую аристократию, сбрасывали с себя всякую левую мишуру и довольно откровенно выражали презрительное отношение к нуждам и требованиям крестьянства.

Характерно например полное замалчивание крестьянского движения меньшевиками в течение первых трех месяцев революции на страницах своей официальной печати. На своей Всероссийской конференции 25 (12) мая 1917 г. меньшевики не принимают даже разолюции по аграрному вопросу, а ограничиваются лишь проектом резолюции. Конференция решила резолюции по аграрному вопросу не выносить, а предложить Организационному комитету открыть по аграрному вопросу дискуссию в партийной прессе и представить доклад к будущему съезду [1].

В этом проекте резолюции по аграрному вопросу по существу принятом конференцией, меньшевики вместо требования национализации земли высказываются за конфискацию только части частновладельческих земель, превышающих определенную норму. Если в резолюции затушевывался вопрос о выкупе земли, то зато более определенную позицию занимал докладчик по земельному вопросу П. Маслов, который относительно условий отчуждения высказывался за частичное вознаграждение путем введения поимущественного налога [2].

Подобно эсерам, меньшевики в своих резолюциях, выступлениях говорят лишь о земельной реформе, «которая может быть совершена только Учредительным собранием», а отнюдь не об аграрной революции. Как готовились к реформе эсеры и меньшевики, показывает между прочим переписка аграрной комиссии при ВЦИК (а раньше при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов) с крестьянскими организациями и отдельными лицами по всей территории нынешнего Союза ССР.

Переписка эта интересна в двояком отношении. С одной стороны, она показывает необычайную доверчивость крестьян к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов. Крестьяне обращаются с жалобами на действия представителей и органов Временного правительства в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, между тем как последний не был официально центральным органом власти. С другой стороны, переписка разоблачает всю предательскую роль эсеровско-меньшевистского блока в отношении трудящихся масс.

Все ответы комиссии оберегали интересы помещиков, имения

---

[1] «Рабочая газета» № 54, от 12 мая 1917 г.
[2] Авдеев, Революция 1917 г., т. II, стр. 130.

которых реквизировались или подвергались опасности реквизиции. Мало того, эсеровско-меньшевистская комиссия относится явно тенденциозно ко всем заявлениям помещиков или их управляющих, когда те, спекулируя на нуждах государства, проводят в своих интересах обширные заготовки леса, дров и т. д. Во всех случаях жалоб крестьян или недоразумений между помещиками и крестьянами меньшевики и эсеры прибегали как к всеспасающему средству к волостным комитетам или примирительным камерам при них. Признавая, что «камера должна быть беспристрастна и справедливо взвешивать свои решения», комиссия при ВЦИК однако нередко требовала пересмотра решения камеры по заявлениям помещиков[1].

В этой переписке целиком вскрывается вся политика мелкобуржуазных партий, эсеров и меньшевиков, закулисная грязная политика, предающая интересы трудящихся. Официально например вожди эсеров стояли за запрещение земельных сделок. А между тем они требуют от крестьянских обществ и волостных комитетов признания прав владения за купившими те или другие угодия или землю у помещиков[2].

Комиссия отстаивает интересы отрубников, хуторян, когда крестьянские организации не признают за ними прав на купленную землю, как например это имело место в Апсели, Люцинского у., Витебской губ., где крестьяне «мешают отрубнику, хуторянину, скупившему у помещика 26 десятин, работать, гонят его и пускают скотину на его землю»[3].

Комиссия выражает протест Сыреченскому волостному комитету Алтырского у., Симбирской губ. против «самоуправства», выразившегося в захвате у кулака 24 десятин: «Ввиду этого просим товарищей землю, захваченную вами не по закону, возвратить ее владельцу, тем более, что он не помещик, а ваш же брат, крестьянин»[4].

Наконец юридический отдел[5] того же ВЦИК во главе с эсерами настаивает на «сохранении права пользования сервитутами, независимо от перехода права собственности»[6]. Не говоря уже про полный отказ от запрещения земельных сделок, неслыханно гнусно звучит в переписке этих «социалистов» упорное отстаивание кабально-крепостнических отношений в деревне.

И именно потому в этот период, период подготовки Октября, особенно вредна была роль эсеров и меньшевиков, предателей революции и социализма. Как указывает т. Сталин, «борьба шла уже

---

[1] А.О.Р. Ф. XXV, серия Д/3, № 2.
[2] А. О. Р. Ф. XXV, серия 2/3, № 2.
[3] А.О.Р. Ф. XXV, серия Д/3 № 2.
[4] Там же.
[5] Переписка олее позднего характера ведется иногда от имени юридического отдела ВЦИК.
[6] А.О.Р.Ф. II., 1235 Д/18 № 43 — а.

не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами»[1].

5. Задачи партии большевиков по отношению к крестьянскому движению на первом этапе Февральской революции.

Перед партией большевиков встали крупнейшие задачи в борьбе за освобождение крестьянства из-под влияния буржуазии. Находясь еще в эмиграции, Ленин писал 23—24 (10—11) марта:

> «В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство. Помещики, опираясь на зажиточных крестьян, будут вести его к подчинению буржуазии. Мы должны вести его, опираясь на сельских наемных рабочих и бедноту, к теснейшему союзу с городским пролетариатом» [2].

Из своего же «проклятого далека» Ленин наметил основные вехи развития крестьянского движения и задачи партии большевиков. Раньше чем могли появиться какие-либо сообщения о крестьянском движении, Ленин говорит в указанном «Письме» о крестьянском движении, как о несомненном факте, который с ростом пролетарской организованности приведет к замене правительства Гучкова-Милюкова «правительством» совета рабочих депутатов [3].

В пятом же «Письме издалека» мы уже встречаем определенное указание на крестьянскую революцию. Там же мы находим указание на исключительное значение союза пролетариата и трудящегося крестьянства для успехов революции:

> «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения» [4].

При первых же известиях о революции, в первых своих статьях после переворота: в «Наброске тезисов» 17 марта, в первом «Письме издалека»—«Первый этап революции», 20 (7) марта,— Ленин на основе марксистского анализа событий и учета дви-

---

[1] Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, «Вопросы ленинизма», стр. 114 — 115, 1930 г.
[2] «Ленинский сборник» II, стр. 348.
[3] «Ленинский сборник II, стр. 355.
[4] Там же, стр. 396.

жущих сил революции пишет о новом этапе революции, о революционном рабочем правительстве, которое должно быть в союзе с беднейшей массой деревенского населения, с одной стороны, и с революционными рабочими всех воюющих стран—с другой[1].

В этом же «Наброске тезисов» мы встречаем указания Ленина о распространении пролетарских организаций на армию и на деревню. Тут же подчеркивается задача выделения самостоятельной классовой организации сельскохозяйственных наемных рабочих.

Ленин неустанно повторяет про союз, связь рабочего правительства с беднейшей частью деревенского населения. Совет рабочих и солдатских депутатов выражает интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Наконец отметим, что в первом же «Письме издалека», раньше чем стали возникать на местах советы крестьянских депутатов, Ленин пишет об организации советов крестьянских депутатов как о неотложной задаче партии: «Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач»[2].

Уже в этом «Письме издалека» Ленин выделяет советы сельскохозяйственных рабочих от общих советов крестьянских депутатов. Указания Ленина о необходимости размежевания тех или других советов, советов наемных рабочих, а затем мелких, не продающих хлеба земледельцев от советов зажиточных крестьян—проходят красной нитью во всех выступлениях Ленина периода подготовки Октября.

В первых же своих статьях и выступлениях, относящихся еще к мартовскому периоду Февральской революции, Ленин отмечает общность организации советов рабочих и солдатских депутатов и советов крестьянских депутатов и указывает на необходимость организации советов крестьянских депутатов в деревне. Говоря о втором этапе революции, Ленин указывает на неизбежность перехода власти в руки правительства рабочих и беднейших крестьян и подчеркивает, что «это последнее правительство должно организоваться по типу советов рабочих и крестьянских депутатов»[3]. Ленин таким образом определенно приходит в то время к признанию советов крестьянских депутатов органами власти. Советы крестьянских депутатов, к немедленной организации которых Ленин призывает, являются наилучшей формой организации крестьянства. Организация пролетариата, организация масс, признавалась тогда Лениным важнейшей задачей партии.

По приезде из эмиграции Ленин развивает намеченные им еще

---

1 «Ленинский сборник» II, стр. 322, 332—333.
2 Там же, стр. 332.
3 Там же, стр. 395.

там пути и задачи революции. В «Письмах о тактике», в «Задачах пролетариата в нашей революции» Ленин говорит о двух возможных линиях развития аграрного движения и самой революции. В настоящих условиях Ленин отмечает как факт «классовое сотрудничество буржуазии и крестьянства». Крестьянство дало опутать себя народникам и меньшевикам, «крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии»[1].

На первом этапе революции образовался стык между буржуазией и крестьянством. Дальнейшие же пути революции в деревне зависят прежде всего от хода классовой борьбы в деревне:

> «Мы не можем знать,—говорил Ленин,—определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем будущем могучая аграрная революция в русской деревне. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян («полупролетариев»), с одной стороны, и крестьян зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков)—с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт»[2].

Даже самый факт перехода земли к крестьянству не предрешает еще полностью линии развития революции, не дает исчерпывающего представления о крестьянской аграрной революции. В «тезисах по поводу декларации Временного правительства» (май 1917 г.) Ленин рисует две возможные перспективы революции: «1) всю землю крестьянам это осуществимо и без революции против капитала, путем блока, союза капиталистов с богатыми крестьянами, 2) всю землю трудящимся—это неосуществимо без революции против капитала»[3].

Учет и анализ условий классовой борьбы после Февральской революции говорили в пользу разрыва блока крестьянства с буржуазией, так как было очевидно развитие классовой борьбы внутри самого крестьянства, между зажиточными и кулацкими элементами, с одной стороны, и наемными сельскохозяйственными рабочими и беднейшим крестьянством—с другой.

> «Движение аграрное,—говорит Ленин на Петроградской апрельской конференции 1917 г.,—может выйти двояко. Крестьяне отнимут землю, а борьба между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянством не вспыхнет. Но это мало вероятно, ибо борьба классов не ждет... Уже теперь мы видим в решениях ряда крестьянских съездов мысль обождать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного собрания—это победа зажиточного

---

1 Ленин, Письма о тактике, Соч., т. XX, стр. 103.
2 Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., т. XX, стр. 122.
3 «Ленинский сборник» IX, стр. 296—297.

крестьянства, склоняющегося к кадетам. Крестьяне уже берут землю. Социалисты-революционеры удерживают их, предлагая ждать до Учредительного собрания. Надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания советов батрацких депутатов»[1].

Отсюда выдвигаются большие задачи перед партией, которые сводятся к борьбе за крестьянство, к разоблачению соглашательских иллюзий в крестьянстве, к краху его доверия к буржуазии, к разрыву блока с нею. От факта разрыва блока буржуазии с крестьянством зависит дальнейшее развертывание революции, «когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,—тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции...»[2].

Крестьянская война против помещиков могла успешно и широко развернуться лишь при освобождении крестьянства из-под влияния буржуазии. И в свою очередь только союз рабочего класса с беднейшим крестьянством под руководством рабочего класса и торжество диктатуры пролетариата могли обеспечить осуществление заветных чаяний, требований крестьянства.

Сочетание пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков облегчило победу пролетарской революции и содействовало упрочению завоеваний Октября на первом этапе революции.

С установлением диктатуры пролетариата мы начали социалистическое преобразование страны, попутно завершая задачи буржуазно-демократической революции.

Тактика пролетариата в отношении к крестьянству за весь период Февральской революции была обусловлена задачами перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую путем втягивания в этот процесс беднейших крестьян. Союз пролетариата с беднейшим крестьянством сплотил вокруг себя, по определению Ленина, гигантское большинство крестьянства.

Борьба за крестьянские массы, как и вообще борьба за трудящиеся массы, являлась важнейшей задачей партии. «Влиять на массы у б е ж д е н и е м, р а з ъ я с н е н и е м»—таков был путь для изживания крестьянством на опыте соглашательских иллюзий. Борьба за массы ведется путем разъяснения сущности мелкобуржуазного оборонческого блока. Ленин вскрывает сущность этого блока: «фразерство о революции и приостановка (удушение) революции народниками и меньшевиками»[3]. Разрыв блока буржуазии с крестьянством возможен будет только после разоблачения преда-

---

[2] Протоколы Петроградской и Всероссийской конференций РСДРП (б) в а-п реле 1917 г., стр. 8—9.

[2] Л е н и н, Письма о тактике, Соч., т. XX, стр. 103.

[3] «Ленинский сборник» IX, стр. 313.

тельской сущности мелкобуржуазного блока, вожди которого скрывают классовую природу Временного правительства.

Какие же конкретные лозунги выдвигал Ленин в интересах крестьянской аграрной революции? Это прежде всего «требование национализации всех земель, т. е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти»[1]. Партия должна призывать крестьян,—писал и говорил Ленин неоднократно,—к немедленным самочинным захватам земель, к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям советов крестьянских депутатов на местах и последующему распоряжению землей местными советами батрацких и крестьянских депутатов.

Ленин с первых дней революции призывал к организации крестьянства, к повсеместной организации советов крестьянских депутатов.

Аграрная программа большевиков в развернутом виде изложена была в докладе Ленина на Апрельской конференции 1917 г. и в резолюции по аграрному вопросу. Три основных момента генеральной линии партии в аграрном вопросе с особой четкостью проведены здесь: немедленная конфискация всех помещичьих земель, а также удельных, церковных, кабинетских, и пр., с последующей национализацией их, руководящая роль во всем аграрном движении наемных сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян и образование крупных образцовых хозяйств для подготовки к общественной обработке земли.

Приведем важнейшие пункты резолюции конференции, в которых выражены эти конкретные задачи партии:

> «2) партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления... 7) необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих советах крестьянских допуатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. ...наконец 9) партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет советами депутатов от сельскохозяйственных

[1] Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., т. XX, стр. 122.

рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств»[1].

От осуществления этих задач зависело как развитие крестьянской аграрной революции, так и дальнейшее развертывание пролетарской революции в городе и деревне. Ленин неоднократно подчеркивал, что «Россия крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм»[2].

Национализация всех земель, осуществленная усилиями рабочих и беднейших крестьян, имела бы колоссальное значение для развертывания социалистической революции, дала бы «громадный толчок всемирному рабочему движению». В своем послесловии к аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Ленин писал (28 сентября 1917 г.):

> «В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 гг... Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не могут ограничиваться рамками капитализма... При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»[3].

Дальнейшие судьбы и перспективы социалистической революции в России вплоть до начала пролетарской революции в Европе зависели исключительно от нашей тактики, зависели от того,

> «удастся ли городскому пролетариату повести за собою сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще...»[4].

Неотложными задачами партии являлись организация крестьянства и борьба за крестьянские массы. Доминирующее значение получает тактика партии в борьбе за освобождение крестьянства из-под влияния буржуазии. Призывая после Февральской револю-

---

[1] Протоколы Петроградской и Всероссийской конференции в апреле 1917 г. стр. 160.

[2] «Ленинский сборник» II, стр. 402.

[3] Ленин, Послесловие к книге: «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.» Соч., т. XXI, стр. 233.

[4] Протоколы Петроградской общегородской и Всероссийской конференции в апреле 1917 г., стр. 159.

ции немедленно «готовиться к краху и к новой революции, в тысячу раз сильнее Февральской», Ленин строил тактику партии на теснейшем союзе пролетариата с беднейшими крестьянами.

Большевистские организации в аграрном движении в первом периоде Февральской революции.

Ленинские лозунги на первых порах медленно проникали в массы не только крестьян, но и рабочих. Соглашательские иллюзии были еще сильны в огромных массах трудящихся. Мелкобуржуазная стихия захватывала и отдельных неустойчивых членов партии большевиков.

Но в целом большевистская партия с первых дней революции оценила всю важность вовлечения крестьян в борьбу рабочих за социализм. Большевистские организации через рабочих и солдат, командируемых в деревню или навещавших ее по собственной инициативе, принимали самое активное участие в крестьянском движении. Большевистская партия стала возглавлять крестьянское движение с начала его возникновения.

Партия большевиков во главе с тт. Сталиным, Свердловым, Молотовым и другими руководящими товарищами с первых дней революции боролась за осуществление ленинских лозунгов о работе в деревне. Партия большевиков повела вскоре решительную борьбу с отдельными членами партии, которые недооценивали этих лозунгов, оппортунистически их толковали и противились их выполнению. Устранение этих колебаний как по аграрному вопросу, так и по другим вопросам, существовавшим среди отдельных большевиков (Каменев, Рыков, Ногин), явилось одной из важнейших задач апрельской конференции 1917 г.

На страницах «Правды» в первые дни после Февральского переворота появлялись статьи с нечеткой линией по аграрному вопросу. В статьях Каменева и др. не было понимания своеобразия текущего момента, которое состояло, выражаясь словами Ленина:

> «в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[1]

Не случайно Ленин на первом совещании большевиков по приезде из эмиграции (4 апреля) заявил по адресу Каменева и шедших вместе с ним правых большевиков о том, что «даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству»[2].

---

[1] Ленин, О задачах пролетариата в данной революции, Соч., т. XX, стр. 88.
[2] Ленин, Речь на совещании большевиков, Соч., т. XX, стр. 78.

рабочих под руководством
Явно оппортунистическая линия была выражена в статье «большевика» Б. Авилова, скоро перешедшего в лагерь новожизненцев. В этой статье Авилов возлагал все расчеты и надежды на Учредительное собрание. «Конфискация земель,—писал Авилов,—без сомнения, будет поставлена на первую очередь Учредительным собранием. В последнем едва ли можно усомниться, так как решающая роль в Учредительном собрании будет принадлежать крестьянству и пролетариату»[1].

Эту меньшевистско-эсеровскую точку зрения Авилова Каменев и Зиновьев тщательно развивали перед Октябрем, как довод «против восстания». Очень характерно было полное умолчание Каменева о крестьянском движении в его статьях в «Правде» этого и последующего периодов, что целиком вытекало из его оппортунистической недооценки этого движения.

Довольно двусмысленно было проведение сравнительно значительной большевистской фракции на Всероссийском совещании советов рабочих и солдатских депутатов, ничего не противопоставившей кадетской речи Церетели по аграрному вопросу и предложенному им кадетско-эсеровскому проекту резолюции от имени аграрной секции. Резолюция Церетели была принята без прений[2].

Точно так же и среди отдельных большевистских организаций не проявлялось достаточной четкости в аграрном вопросе на первых порах Февральской революции. Так происходившая накануне Всероссийской апрельской конференции Уральская областная партконференция не вынесла определенного решения по земельному вопросу.

Неопределенную позицию по аграрному вопросу занимала и Московская окружная партийная конференция, происходившая непосредственно перед Всероссийской (17 апреля 1917 г.). Нечеткую линию выявил прежде всего докладчик по аграрному вопросу т. Ангарский. Не говоря уже про узкое понимание им крестьянского движения, в котором он ничего другого не видел, как борьбу за ликвидацию кабально-крепостнических онтошений в деревне, и с которым не связывал развертывания пролетарской революции, т. Ангорский. Не говоря уже про узкое понимание им крестьянского зации земли, оставляя в неприкосновенности землю отрубников. Это чисто эсеровское или плехановское требование т. Ангарский «мотивировал» следующими соображениями:

> «...национализацию земли мы можем провести только при полной победе революции, чего нельзя достигнуть без активной поддержки крестьянства. Сейчас было бы нецелесообразно

---

[1] «Правда» № 15, от 4 апреля (22 марта) 1917 г.

[2] Я. Яковлев, Всероссийское совещание советов 1917 г., журн. «Пролетарская революция» № 4 (63) за 1927 г., стр. 81.

трогать землю отрубников, так как это могло бы увеличить силы контрреволюции»[1].

Рядом с таким правооппортунистическим уклоном на Московской конференции выявились «левые» загибы в аграрном вопросе. В. Соловьев в своем предисловии к протоколам конференции пишет:

«Не один, как ошибочно можно понять из протокола, а ряд членов конференции, как раз из крестьянских уездов... требовали захвата земель отдельными деревнями, помимо и независимо от советов крестьянских депутатов. Этими спорами и объясняется то, что в конце концов резолюция не была поставлена. Было решено отложить вопрос до постановления Всероссийской конференции партии»[2].

Характерно также, что и на Всероссийской конференции московские товарищи представили резолюцию по текущему моменту, в которой ни слова не сказано было по аграрному вопросу или о требованиях крестьянства. Не совсем благополучно обстояло дело с обсуждением аграрного вопроса и в Московском областном бюро уже после Всероссийской апрельской конференции (16—17 мая 1917 г.). Докладчик по аграрному вопросу т. Обух не дал надлежащих директив по вопросу о безвозмездном отчуждении помещичьих земель. Высказываясь против арендной платы, он рекомендовал выдавать помещикам продовольственную пенсию, за которую впрочем категорически также не высказывался[3]. Весьма характерны сами колебания со стороны докладчика и дезориентировка собрания в вопросе о безвозмездном отчуждении, столь ясном для крестьян и рабочих-большевиков, участников движения.

На Всероссийской апрельской конференции Каменев, выступавший содокладчиком по текущему моменту против Ленина, высказал явное оппортунистическое понимание рабоче-крестьянского блока. В его изложении выходило, что этот блок может существовать, пока еще не закончены буржуазно-демократические задачи революции.

«Если же буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна»[4].

Таким образом в основном здесь Каменев высказывает по су-

---

[1] Протоколы первой Московской окружной конференции РСДРП (б), журн. «Пролетарская революция», № 63 за 1922 г., стр. 206.

[2] Из предисловия к протоколам, журн. «Пролетарская революция» № 63 за 1922 г., стр. 196.

[3] Протоколы Московского областного бюро РСДРП (б), журн. «Пролетарская революция» № 4 (63) за 1927 г., стр. 250.

[4] Протоколы Петроградской и общегородской Всероссийской апрельской конференций, стр. 53.

крестьянства. Как известно, по теории Троцкого, по его теории «перманентной» революции, на другой день после социалистической революции пролетариат неизбежно должен вступить в столкновение с крестьянством.

Троцкий, правда, находился еще за границей и непосредственно не мог оказывать влияния на тех или иных членов партии, но сам-то троцкизм представлял опасность для развертывающейся революции. Троцкистско-меньшевистские установки находили доступ в среду невыдержанных большевиков, подобно Каменеву и Зиновьеву, легко поддающихся влиянию классового врага на крупных исторических поворотах.

В самом начале Февральской революции Ленин в своих письмах из Швейцарии подчеркивал особую опасность троцкизма с его центризмом и показным интернационализмом, интернационализмом на словах. На Петроградской общегородской и Всероссийской конференциях в апреле 1917 г. Ленин выступал с резкой критикой троцкизма с его теорией «перманентной» революции, с непониманием роли крестьянства, а значит и роли мелкой буржуазии в революции, с перескакиванием через необходимые этапы начавшейся революции. Непонимание соотношения между буржуазно-демократической и социалистической революциями, непонимание, как «первая перерастает во вторую, вторая мимоходом решает вопросы первой», характеризует также оппортунизм Каменева и неверие его в силы пролетарской революции.

Каменев смешивал все крестьянство в одну кучу, не проводил различия между отдельными слоями крестьянства и приходил отсюда к троцкистскому взгляду о невозможности вовлечения каких бы то ни было слоев крестьянства вообще в пролетарскую революцию. Каменев и после Февральского переворота стоял за старый лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, лозунг партии на первом стратегическом этапе революции, когда мы шли к буржуазно-демократической революции (1903—февраль 1917 г.).

Каменев упрощенно, механистически толковал этот лозунг и в применении к 1917 г., не видя диалектического развития этого лозунга на разных стратегических этапах революции. Ленин еще в 1905 г. говорил о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и выдвигал союз пролетариата с беднейшим крестьянством в процессе этого перерастания.

Обострение классовых противоречий после Февраля создало новые взаимоотношения пролетариата и крестьянства, отличные от отношений в 1905 г. Ленин признавал уже устаревшим лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства и выдвинул новый лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Как известно, Ленин считал основным условием для развертывания революции

не общность интересов пролетариата и всего крестьянства, а раскол беднейшего крестьянства с зажиточным крестьянством.

Ошибка Каменева заключалась, как отмечает т. Сталин,

> «...в неумении подметить и подчеркнуть разницу между двумя частями мелкой буржуазии, а в данном случае—крестьянства, в неумении выделить беднейшую часть крестьянства из всей массы крестьянства в целом и построить на этом политику партии в обстановке перехода от первого этапа революции в 1917 г. ко второму ее этапу, в неумении вывести из этого новый лозунг, второй стратегический лозунг партии о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства»[1].

Каменев и правые периода апрель-май 1917 г., по определению т. Сталина, вели революцию назад, представляя собой серьезнейшую угрозу развертывающейся революции. Без преодоления оппортунистических шатаний Каменева, Ногина, Рыкова и других правых мы не могли бы одержать победы в Октябре.

На конференции позиция Каменева нашла лишь отдельных сторонников, вроде Ангарского.

Путаная речь Ангарского находится в тесной связи с общей его линией в аграрном вопросе, как она раньше выявилась на Московской окружной конференции. Тов. Ангарский в своей оценке крестьянской революции базировался исключительно на собственнических тенденциях в крестьянстве, не видя условий использования революционных возможностей крестьянства на основе его тяги к земле.

Резолюция Ленина была принята на конференции всеми голосами при 11 воздержавшихся. Принятая резолюция дала определенную установку партии по аграрному вопросу. Апрельская конференция дала надлежащий отпор оппортунистическим шатаниям отдельных большевиков в аграрном вопросе. Впрочем эти колебания присущи были лишь немногим членам партии и на практику работы большевистских организаций оказывали незначительное влияние.

Большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным с первых дней революции придавала особо важное значение аграрному вопросу, твердо осуществляя курс на вовлечение крестьянства на сторону пролетариата, борющегося с буржуазией. В статьях т. Сталина, появившихся в «Правде» вскоре после переворота, вопросы крестьянского движения занимают центральное место, и в этих статьях мы находим четко выраженную генеральную линию партии большевиков в отношении развертывающегося аграрного движения.

---

[1] Сталин, О лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября (Ответ С. Покровскому), «Вопросы ленинизма», стр. 316, 1930 г.

В первых же своих статьях, написанных еще до приезда Ленина в Россию, «О советах рабочих и солдатских депутатов» («Правда» № 8, от 14 (27) марта 1917 г.), «Об условиях победы Октября» («Правда» № 12, от 18 (31) марта), т. Сталин выдвигает на первый план роль и значение крестьянства в революции, важность и необходимость сохранения рабоче-крестьянского союза при гегемонии пролетариата, «ибо ясно само собою,—заявляет он,—что сила русской революции—в союзе рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели»[1].

Уже на первом этапе революции, в марте, т. Сталин, не ограничиваясь задачей «сохранения добытых прав», говорит об углублении и расширении революции. Вовлечение крестьянства в революцию, без чего невозможно удовлетворение требований крестьянства и в первую очередь требования перехода земли народу, является первоочередной задачей момента, и в этом вовлечении крестьянства в революцию т. Сталин видит одно из условий развертывания революции. «Шаг за шагом,—пишет он,—углубляется революция, выдвигая социальные вопросы о 8-часовом рабочем дне и конфискации земель и революционизируя провинцию...»[2].

Тов. Сталин выдвигает тогда же задачу создания центрального органа власти в лице Всенародного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как первого условия победы русской революции[3]. Значение своевременного выставления этого лозунга тем более было важно, что советы в то время существовали разрозненно на местах и само Всероссийское совещание советов рабочих депутатов как первая попытка объединения советов имело место лишь позже.

Тов. Сталин говорит о центральном совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вслед за Лениным таким образом выставляет требование слияния советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов как о перспективной задаче революции, оправданной всем ходом последующей истории классовой борьбы.

В другой статье, с выразительным заголовком: «Землю—крестьянам»—т. Сталин излагает конкретные лозунги большевистской партии по аграрному вопросу. В этой статье т. Сталина, относящейся также к первому этапу революции и написанной еще до начала Всероссийской апрельской конференции 1917 г., с особой силой выпячивается основной лозунг большевистской партии о немедленных организованных захватах помещичьих земель. Тов. Сталин призывает в этой статье к организации крестьянства и—что особенно важно—выделяет из всего крестьянства де-

---

1 Сталин, На путях к Октябрю, стр. 1, 1925 г.
2 Там же, стр. 11.
3 Там же.

ревенскую бедноту и именно к ней направляет призыв к революционным действиям:

«Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России—взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед.

Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и пр.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком.

Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного собрания, не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции» [1].

Тов. Сталин вскрывает всю ложь и фальшь в утверждениях социал-предателей будто революционное разрешение аграрного вопроса ослабит революцию, оторвав от нее «прогрессивные» слои общества. В действительности именно отход от революции «прогрессивных элементов» является необходимым и важнейшим условием дальнейшего развертывания революции, поскольку содействует сплочению вокруг революции деревенской бедноты. «Самовольная обработка помещичьих земель,—говорит т. Сталин,—и захваты их крестьянами—нет сомнения—«отколет» от революции помещиков и иже с ними. Но кто решится сказать, что, сплачивая вокруг революции многомиллионную крестьянскую бедноту, мы ослабляем силы революции?» [2].

В своих статьях в «Правде», относящихся к самому раннему периоду Февральской революции, т. Сталин дает большевистскую оценку движущих сил Февральской революции.

«Основными движущими силами революции,—подчеркивает он,—являются рабочие и крестьянская беднота, переодетые ввиду войны в солдатские шинели».

Как верный ученик и соратник Ленина т. Сталин неоднократно подчеркивал в своих статьях и в выступлениях того времени и последующей эпохи роль и значение крестьянства в революции как союзника пролетариата. Выступая против Каменева и др. на апрельской конференции 1917 г. в защиту резолюции Ленина о текущем моменте, т. Сталин останавливается особо на аграрном вопросе.

«По аграрному вопросу,—отмечает т. Сталин,—правительство также не может итти навстречу интересам крестьянства, интересам захвата последними помещичьих земель. Нам говорят: «помогите нам обуздать крестьян, иначе мы уйдем» [3].

«Правительство наступает на совет, совет отступает. Говорить

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 19, 1925 г.

[2] Там же, стр. 20, 1925 г.

[3] Речь идет об угрозах отставки со стороны членов Временного правительства.

о контроле после этого—значит говорить впустую. Вот почему я предлагаю поправку о контроле не принимать»[1].

В полном согласии с ленинскими установками рассматривает т. Сталин вопросы крестьянского движения в последующих статьях того периода: «Отставание от революции» («Правда» № 48 от 4 (17) мая 1917 г.) и «Муниципальная кампания» («Правда» №№ 63, 64, и 66 от 21, 24 и 26 мая (3—6—8 июня) 1917 г.). В этих статьях, трактующих главным образом общие вопросы программы и тактики партии, т. Сталин неуклонно останавливается и на аграрном вопросе и с особенной силой разоблачает противокрестьянскую политику Временного правительства и плетущегося в хвосте за ним соглашательского исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Как бесспорный факт следует признать, что большевистская партия принимала самое активное участие в оформлении классового самосознания трудящегося крестьянства и с первых дней революции прилагала все усилия, чтобы расширить и углубить крестьянское движение.

Большевистские организации принимали активное участие в крестьянском движении еще до апрельской конференции. Мы приведем отрывочные факты, которые показывают огромную работу, проделанную большевистскими организациями в самом начале Февральской революции.

В Уральской области велась большевиками объездная работа среди крестьян. Большевистскими настроениями охватываются крестьянские слои, организуются крестьянские комитеты на местах[2]. В Московской области большевистские организации принимали участие в земельных захватах и в образовании в деревне крестьянских организаций[3]. Широкая работа среди крестьян велась в Центрально-промышленном районе, и эта работа была здесь особенно успешной ввиду расположения там фабрик в деревнях.

Объездная работа среди крестьян, в частности систематические поездки в волости, завязывание связей с соседними крестьянами—все эти формы работы большевиков, как позволяют судить об этом сохранившиеся скудные материалы, проводились большинством большевистских организаций. Назовем организации хотя бы в Петроградской губ., в Брянской губ., в крупнейших рабочих центрах, как Луганск, Одесса, Николаев и т. д. В Сибири существовал ряд социал-демократических крестьянских организаций, и агитация большевиков в деревне велась здесь очень успешно[4].

---

[1] Протоколы Петроградской общегородской и Всероссийской конференций РСДРП (б) в апреле 1917 г., стр. 68.

[2] Протоколы Петроградской общегородской и Всероссийской конференций. Доклады с мест, стр. 83—85.

[3] Там же, стр. 90.

[4] Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации, т. 1 ч. 2, стр. 274, изд. Комакадемии.

Особенное внимание уделялось большевистскими организациями печатной и устной пропаганде в деревне. Большим успехом пользовалась наша литература—газеты, листовки. «Окопная правда», «Солдатская правда», «Правда», «Деревенская правда», «Московская правда»—зачитывались крестьянами, находившимся даже под эсеровским влиянием и состоявшими в организации эсеров. Из Казанской губ., Минской губ. и других мест шли жалобы крупных и мелких землевладельцев на распространение большевистских листков, на «демагогическую пропаганду», ведущуюся «безответственными элементами», читай—большевиками [1].

Организованные к тому времени районные комитеты партии повели систематическую работу в деревне. В мае-июне районные комитеты в Петрограде и в ряде других городов перебрасывают рабочих-партийцев для агитации и организации деревни.

Особенно часто и широко использовались большевистскими организациями для агитации в деревне солдаты. Устраивались особые курсы для агитаторов, где специально разрабатывались вопросы земельной политики. Солдаты-агитаторы шли в деревню с большевистскими листовками, брошюрами, газетами, в которых в популярной форме излагалась аграрная программа партии.

Большевистские организации принимали участие в образовании советов крестьянских депутатов. Одним из первых таких советов, объединенных с советами рабочих и солдатских депутатов, был учрежден Совет крестьянских депутатов в Донбассе, где работала партия большевиков. Оттуда телеграммы сообщали: «В Бахмуте состоялась конференция рабочих и крестьянских депутатов, созванная по инициативе Бахмутского совета рабочих депутатов. На конференции присутствовало 123 делегата советов рабочих и крестьянских депутатов» [2].

Руководимые Лениным большевистские организации направили свои силы на борьбу за беднейшее и частью среднее крестьянство.

Борьба за широкие трудящиеся массы крестьянства, за сплочение и организацию беднейшего крестьянства стала основной задачей работы большевиков в деревне. Состоявшийся в мае Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов вызвал большое внимание к себе со стороны большевиков во главе с Лениным, принявшим активное участие в работе съезда.

I Всероссийский крестьянский съезд стал ареной жестокой внутрифракционной борьбы, борьбы большевиков за крестьянские массы, шедшие еще на поводу эсеров и охваченные пока соглашательским угаром.

---

[1] Крестьянское движение в 1917 г., Архив Октябрьской революции, стр. 19—70.

[2] С. Мазуренко, Крестьянство в 1917 г., «Пути революции» № 1/10 за 1927 г., стр. 12.

ГЛАВА II.

БОЛЬШЕВИКИ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 17 мая — 10 июня (4—28 мая) 1917 г.

1. Подготовка и организация съезда. Инициаторы созыва съезда. 2. Состав и открытие съезда. Общая характеристика работы съезда. 3. Основные вопросы съезда. Вопрос о коалиционном правительстве. Продовольственный вопрос. 4. Вопрос о войне и мире. 5. Аграрный вопрос. Съезд — народный университет. 6. Выступление Ленина. 7. Борьба с большевистскими лозунгами. Принятие резолюции по аграрному вопросу. 8. Обращение Плеханова к съезду. 9. Национальный момент на съезде. 10. Крестьянская фракция большевиков и группа «14 беспартийных». 11. Ленин и съезд. 12. Итоги и значение съезда.

1. Подготовка и организация съезда. Инициаторы созыва съезда.

Большую активность проявили и большую роль сыграли большевики на I Всероссийском крестьянском съезде или, как он официально назывался, Всероссийском съезде советов крестьянских депутатов. Это был первый «свободно» избранный, подобранный разного рода махинациями эсеров крестьянский съезд. Несмотря на подтасованный состав съезда, на нем все же неоднократно прорывались революционные настроения трудящихся масс крестьянства, и он имел большое значение в развертывающейся аграрной революции.

Съезд по планамм его организаторов должен был послужить объединению и организации крестьянства. Организаторы съезда преследовали при этом особые цели. Они пытались объединенное крестьянство в лице его органов противопоставить советам рабочих и солдатских депутатов, сделать его вторым центром революционной демократии, который оспаривал бы гегемонию с Исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов.

Главными организаторами съезда явились эсеры и кооператоры. Последние даже предвосхитили инициативу эсеров. Было бы ошибочно однако противопоставлять эсеров кооператорам. В действительности эсеры вместе с остальной буржуазной интеллигенцией доминировали в тогдашней кооперации. Кадетско-эсеровское на-

правление характеризует содержание и самую сущность работы кооперации.

Кооперация, состоящая главным образом из потребительных обществ, довольно прочно усилилась в годы между двумя революциями, в особенности в период войны. Росли, как грибы, разные кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. За период же войны (1914—1917 гг.) выросла потребительская кооперация, ставшая гегемоном всей кооперации. В 1917 г. число потребительских обществ составляло 35 тыс., число членов в них было 11,6 млн. [1]. Сельская потребительская кооперация широкой волной разлилась по всем деревням, страдавшим от дороговизны и товарной нужды. Деревенская же кооперация содействовала необычайному развитию местных, районных и губернских и частью областных (краевых) союзов потребительских обществ чистого и смешанного типа.

Число рабочих потребительских обществ было очень ничтожно. Рабочая кооперация как классовая организация пускала только первые ростки. В общегражданской городской потребительской кооперации царили интеллигенты всякого рода—от кадетов до эсеров и меньшевиков, и она была своеобразным центром мелкобуржуазной демократии до Февральской революции.

Вот эта-то дореволюционная кооперация, главную базу которой составляла деревня и которая связана была с кулацкими и зажиточными слоями крестьянства, взяла на себя работу об «организации крестьянства». Всероссийский кооперативный съезд (25—28 марта) дает наглядное представление о классовой сущности и политической физиономии тогдашней кооперации. Видную роль на съезде играли старые наши знакомцы из экономистов и легальных марксистов—С. П. Прокопович, мадам Е. Д. Кускова, «ветеран» русской кооперации Н. В. Чайковский, народный социалист и трудовик В. А. Кильчевский, В. И. Анисимов, представитель Главного комитета Крестьянского союза, известный и в наше время по кондратьевскому делу А. В. Чаянов, кадеты с проф. Железновым во главе.

Съезд стоял на страже интересов имущих классов страны, требовавших продолжение войны до полной победы и признававших одну власть—Временного правительства. Кооператоры стояли на позиции безоговорочной поддержки Временного правительства и выражали явное недоверие Совету рабочих и солдатских депутатов вплоть до открытого выражения озлобления по его адресу.

Кооператоры маскировались под деревню, поскольку их главной опорой была сельская кооперация. Овация в честь кадета—министра земледелия Шингарева окончилась своеобразной инсцениров-

---

[1] Кооперация в СССР, Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 2, стр. 359.

кой солидарности съезда с Временным правительством. Шингарев закончил свою речь призывом к собранию: «Дайте же вашу руку помощи Временному правительству. Оно нуждается в вашей руке». Когда стих гром рукоплесканий, вызванный этими словами, один из кооператоров, Пекарский, выражая чувства съезда, ответил: «Трудовая, мозолистая рука русского кооператора—к вашим услугам»[1].

«Мозолистая» рука русского кооператора была лишь демагогическим приемом. Главную базу кооперации составляла сельская кооперация, но она опиралась преимущественно на кулаков и зажиточные слои деревни. В действительности же и съезд и лидеры кооперации вели неприкрытую политику защиты интересов имущих классов.

Эти-то кооператоры, связанные с зажиточной частью деревни, взяли на себя задачу «организации крестьянства». Кооперативный съезд по докладу Кильчевского принял постановление—поручить Совету съездов кооперации содействовать образованию советов крестьянских депутатов. Это постановление кооперативного съезда имело безусловно важное значение как для организации советов крестьянских депутатов, так и для подготовки Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов.

Впрочем еще до съезда кооперативы на селе всячески содействовали созыву крестьянских съездов на местах и вообще организации крестьянства, имея в виду сделать из крестьянских организаций опорные пункты буржуазного влияния против растущего крестьянского движения. Местные кооперативы сплошь и рядом брали на себя и материальные издержки по созыву губернских съездов. Собрание уполномоченных Московского союза кредитных и ссудосберегательных товариществ (21 (8) апреля 1917 г.) постановило например ассигновать 5 тыс. руб. на созыв в ближайшее время губернского съезда крестьянских депутатов Московской губернии. Из целого ряда мест, даже глухих сел, поступали сведения о содействии кооперативов крестьянским съездам или даже о прямом созыве их. Кооператоры оказывают большую материальную поддержку и созываемому Всероссийскому съезду советов крестьянских депутатов, ассигновав 400 тыс. руб. на подготовку съезда и содержание делегатов.

Известное участие в подготовке съезда проявили и деятели Всероссийского крестьянского союза, которые неудачно пытались взять всецело в свои руки подготовку и организацию Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов.

Как сообщает С. Мазуренко, Временное правительство не мешало возрождению Крестьянского союза, как и созданию советов крестьянских депутатов, так как оно надеялось в этих организациях встретить поддержку для себя в противовес революционным со-

[1] «Русские ведомости» № 69 от 28 марта 1917 г.

ветам рабочих и солдатских депутатов [1]. Несмотря на поддержку Львова и Керенского, из рук лидеров Крестьянского союза все же выпала как организация советов крестьянских депутатов, так и подготовка и организация Всероссийского крестьянского съезда. Лидеры Крестьянского союза придавали первенствующее значение крестьянским союзам, ставили советы крестьянских депутатов в подчиненное к ним положение. Сами союзы признавались ими профессионально-крестьянскими организациями, а советы крестьянских депутатов лишь политическими органами тех же союзов. Кооператоры и эсеры, лишь частично и с разными оговорками признававшие политическое влияние советов крестьянских депутатов, пользовались бо́льшим влиянием в крестьянских массах, чем лидеры Крестьянского союза, формально и по существу придававшие крестьянству второстепенную роль в политическом положении страны.

После кооперативного съезда дело с подготовкой Всероссийского крестьянского съезда пошло быстрее. Если и прежде советы крестьянских депутатов организовались по типу советов рабочих депутатов, то после съезда все чаще стали созываться губернские и областные крестьянские съезды.

После состоявшегося губернского съезда крестьянских депутатов Московской губернии собирается в Москве же областное совещание представителей губернских крестьянских советов 6—7 апреля (19—20), созванное по инициативе губернского съезда, а также при содействии Московского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и Московского губернского кооперативного комитета. Наконец 13—17 (26—30) апреля состоялось в Таврическом дворце совещание представителей крестьянства от 25 губерний об организации I Крестьянского съезда. На этом совещании было избрано организационное бюро из 30 человек. В бюро вошли 20 делегатов совещания и 10 членов Крестьянского союза и представителей крестьянства из армии.

В состав организационного бюро съезда входили главным образом видные деятели из эсеров, отчасти народных социалистов и трудовиков. Председателем бюро был выбран эсер С. Маслов, в бюро были выбраны В. А. Кильчевский (народный социалист), Н. В. Чайковский (народный социалист и трудовик), Г. А. Мартюшин и С. Сорокин (оба эсера), член IV Государственной думы Г. И. Дзюбинский (трудовик), М. Е. Березин (трудовик) и др.

Эсеровский организационный комитет при активном участии эсеровских организаций и кооператоров принялся за подбор делегатов, базируясь на состоятельных крестьян и отчасти середняков. Много усилий употребляли эсеры и на обработку избранных делегатов.

---

[1] С. Мазуренко, Крестьянство в 1917 г., «Пути революции» № 1/10 за 1917 г., стр. 12.

Организовывались общежития для приезжающих делегатов, при которых эсеры имели свои кадры агитаторов и сторонников. Было организовано бюро при совете рабочих и солдатских депутатов, для приема ходоков и делегатов.

Вся подготовка съезда и сами выборы делегатов съезда происходили при подозрительной спешке. О такой поспешности, не стесняясь, говорил один из виднейших организаторов съезда — В. А. Кильчевский на организационном совещании по созыву Московского губернского съезда крестьянских депутатов: «Медлить с организацией крестьянства нельзя, так как помимо всяких других причин дело это может попасть в неподходящие руки, примером чего может служить существование в Москве нескольких комитетов, между которыми имеется Союз 17 октября» [1].

Ссылка на Союз 17 октября здесь дается между прочим. В действительности же под «неподходящими руками» разумелся Крестьянский союз и в особенности «неподходящие» большевики.

Выборы на съезд рекламировались как широко демократические. Выборный возраст был установлен в 18 лет, по «четырехвостке»— на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола. Каждая волость выбирала 2 или более уполномоченных из расчета—1 депутат на 150 тыс. населения. Армия выбирала своих делегатов номинально на своих съездах, обычно же это были командировки делегатов от армейских комитетов.

В действительности редко где выборы производились на широких демократических основах. Выборы на съезд производились на губернских съездах, обычно подтасованных, руководство в которых очень часто принадлежало лицам из враждебного крестьянству класса.

Из имеющихся у нас официальных материалов по выборам на Чрезвычайный и II Всероссийские крестьянские съезды (удостоверения делегатов с мест, мандаты мандатной комиссии) можно видеть ту беззастенчивую подтасовку при выборах, которую производили эсеровские воротилы, в особенности в армейских крестьянских организациях. Несомненно такую же подтасовку выборов производили деятели эсеровского организационного комитета и на выборах на I Всероссийский крестьянский съезд, ибо руководство на выборах принадлежало тем же самым эсерам, проводившим и до Октября и после Октября одну и ту же политику обмана трудящихся. Кооператоры в свою очередь старались, чтобы в делегаты попадали зажиточные и вообще состоятельные крестьяне. Таким образом съезд был искусственно подобран, и руководящую роль на нем играли представители зажиточного крестьянства.

---

[1] «Известия Московского губернского совета крестьянских депутатов» № 2 за 1917 г.

2. Состав и открытие съезда. Общая характеристика работы съезда.

На съезд ожидалось прибытие полуторы тысячи делегатов, открылся же он при наличии 561 делегата 4 (17) мая. Депутаты на съезд все время прибывали. По докладу мандатной комиссии на съезде выяснилось, что всего утверждено 1 167 мандатов крестьянских и солдатских депутатов[1]. В момент же наибольшего стечения число делегатов дошло до 1 353 человек.

Бюро печати при совете крестьянских депутатов разработало данные о составе съезда. Разработка эта коснулась 1 115 депутатов от губерний, областей и армейских частей. По принадлежности к партиям делегаты распределялись: эсеры—537, эсдеки—103, беспартийные—136, народные социалисты—4, трудовики—6. Партийная принадлежность остальных 329 делегатов не была выяснена[2].

Соотношение между делегатами с мест и делегатами фронта было почти равное: из 1 165 депутатов, зарегистрированных газетой «Земля и воля» ко времени 1 июня, было 609 делегатов с мест, в числе которых было 10 от организационного бюро съезда, и 558 военных.

Делегаты с мест были представлены крайне неравномерно. Всего на съезде было представлено 69 губерний, причем 26 губерний послали больше, чем по 2 депутата, 11 губерний больше 10 депутатов[3]. Больше всего депутатов дала Украинская область (149), затем следует Центральная область—136 депутатов и Поволжье—94. Слабее были представлены Кавказ—14 депутатов (выбраны от 32% населения), Север—33 (от 37% населения) и Приозерский край—27. Были местности, вовсе непредставленные на съезде, особенно из Степного края, Дальнего Востока, Средней Азии[4].

Национальные меньшинства таким образом, за исключением украинских делегатов, были представлены очень слабо. По социальному составу своему большинство делегатов принадлежало к состоятельному крестьянству. Деревенская беднота была слабо представлена, больше всего бедноты было среди военных делегатов.

Что же касается партийной принадлежности, то огромное большинство, как мы видели, принадлежало эсерам, особенно, если учесть, что среди беспартийных было много сочувствующих эсерам. Среди социал-демократов большинство принадлежало меньшевикам и социал-демократам-интернационалистам. Но среди последних

---

[1] «Земля и воля» (орган московской организации партии социалистов-революционеров) № 57 от 1 июня 1917 г.

[2] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 12 от 21 мая 1917 г.

[3] А. Омельченко, Советы крестьянских депутатов и крестьянский союз.

[4] «Земля и воля», Московское издание, № 57 от 1 июня 1917 г.

были так называемые «объединенные социал-демократы-интернационалисты», примыкавшие в ряде случаев в фракционной борьбе на съезде к большевикам. Кроме небольшой большевистской фракции, на съезде была еще так называемая «группа 14 беспартийных», организованная т. Михайловым (М. В. Фрунзе)и шедшая целиком под большевистским флагом.

Обработка делегатов велась организационным комитетом, как мы видели, еще до открытия съезда. Председателем съезда был намечен и выбран старый эсер, большой краснобай, Н. Д. Авксентьев, который, по словам Н. Я. Быховского, «даже по внешности своей чисто русским типом вполне импонировал крестьянскому съезду». Товарищами председателя избраны Акимов и Лотошкин от Центральной области, «беспартийный» Михайлов—от белорусской группы, Дзюбинский—от Сибири, Тесля—от Украины, Ракитников—от Поволжья, Деляров—от Северной области. От общего собрания в президиум были избраны: Н. Чайковский, С. С. Маслов, И. И. Бунаков-Фундаминский, В. А. Кильчевский, Г. А. Мартюшин, И. Е. Березин, С. Л. Маслов, Титов. В секретари президиума съезда попали также главным образом эсеры, как Н. Я. Быховский, Н. Д. Кондратьев, И. С. Сорокин и др.

Кроме работающего президиума был избран, по предложению организационного бюро, еще почетный президиум. Почетный президиум составился из эсеровских светил и «икон»: эсеровской «бабушки революции»—Е. К. Брешко-Брешковской, В. Н. Фигнер и «селянского» министра В. М. Чернова. В президиуме с его сплошным эсеровско-народническим засильем режущим глаза бельмом был «беспартийный» Михайлов (Фрунзе).

Эсеровское организационное бюро открыло съезд в торжественной парадной обстановке, в которой протекала вся работа съезда до самого конца. Съезд открылся в присутствии всех виднейших представителей партии эсеров. Приветствия съезду со стороны эсеровских «икон», министров-«социалистов», всевозможные делегации, выступления с приветствиями иностранных министров-«социалистов» или просто иностранных делегатов,—такова была парадная сторона съезда, не без искусства подобранная дипломатами из президиума. Делегации, министры-«социалисты», иностранные визитеры льстили крестьянскому съезду, и лесть особенно чувствовалась в призывах к его помощи.

Такого же обманчивого, льстивого характера были речи руководителей съезда, обращенные к делегатской массе съезда. Уже приветственная речь Н. Д. Авксентьева при открытии съезда била на психологию и чувства «серяка» и потому он часто подчеркивал по адресу крестьянства—«многострадательное» и т. д.

В заключительной речи при закрытии съезда эсер И. И. Бунаков-Фундаминский отмечает характерные, в его понимании, черты русского крестьянина: «сметливость, серьезную продуманность и

хозяйственность в решениях всех вопросов»[1]. Имея в виду боязнь собственника-крестьянина классовой борьбы, он маскирует эту черту идеализацией присущего будто бы русскому крестьянину «стремления к единству, согласованности». Подводя итоги работ съезда, Бунаков заявляет:

> «Эту совестливость, это стремление к правде русский крестьянин принес сюда... Здесь (на съезде.—*М. Г.*) говорит голос земли, здесь мать-земля, кормилица народа, подает свой мудрый голос. Над нами веял дух земли»[2].

Вся речь Бунакова была напыщенной, льстивой—насквозь фальшивой—и не случайно, что социалист-революционер Бунаков ни разу не проговорился и не произнес слова «социализм», и как-то вскользь, в одном лишь случае, он упомянул о рабочих, называя их притом лишь «демократическими».

Руководители съезда льстили предрассудкам наиболее отсталых элементов среди делегатов. Неоднократно раздавались по предложению президиума «вечная память»—и в честь народников, погибших в борьбе с самодержавием, и в честь памяти Чернышевского, и в честь мартовских борцов за свободу, погибших в февральско-мартовские дни. На Марсовом поле комедианты из президиума учинили особое торжественное и умилительное зрелище. Сюда направился весь съезд в полном своем составе почтить мартовских героев и возложить венок на их могилы. Напутственная речь Авксентьева была напыщенной, с церковным душком, он бил в ней на отсталые настроения делегатской массы. После елейного слова Авксентьева делегаты поют «вечную память», опустившись на колени, при склоненных знаменах. Затем следует торжественная клятва соблюдать заветы мартовских героев.

Состав съезда был довольно разношерстный. Среди делегатов были и такие группы, которые при правильном в общем классовом подходе в разрешении основных вопросов не свободны были от отсталых взглядов, религиозных настроений. Среди разных групп, фракций была например «христианская группа», которая, несмотря на всю нелепость отдельных своих предложений, пользовалась на съезде известным удельным весом. При голосовании резолюции о войне представитель этой группы—Моронко вносит особую резолюцию о войне, которая призывала всех обратиться к богу с молитвой, пойти на врага не с пушками, а с пением псалмов и тем испросить мира у бога.

Но тот же Моронко выявил однако левую позицию в аграрном вопросе. Он требовал отнятия земли у помещиков и вообще освобождения земли от долгов. Все его выступление, хотя и окрашенное в религиозный, сектантский цвет, было резко направлено про-

---

[1] «Дело народа» № 61 за 1917 г.

[2] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 18 за 1917 г.

тив помещиков и капитализма. Неудивительно, что следующий оратор, участник в прениях, по аграрному вопросу, делегат-крестьянин Шарапов, присоединяется к заявлению Моронко.

Агенты империализма, эсеры, не только не боролись с темнотой отдельных делегатов, но еще более закрепляли предрассудки их своей тактикой, чтобы тем прочнее укрепить союз крестьянства с буржуазией. Руководители съезда пользовались всяким случаем, чтобы усилить авторитет своей партии—эсеров и таким путем подчинить своему влиянию делегатскую массу. Спекулируя на прежних заслугах эсеров в борьбе с самодержавием, они старались усилить ореол своей партии, ведшей будто бы десятки лет борьбу за крестьянские идеалы, за «Землю и волю». Именно на слепом доверии к себе как стойким врагам самодержавия, как преемникам революционных народников обосновали они свои соглашательские резолюции, свои постановления, идущие в разрез с волей и мнениями многомиллионного крестьянства.

Выступавшие на съезде иностранные «социалисты», выполнявшие задания своей буржуазии и озабоченные прежде всего политикой продолжения империалистической войны, старались подкрепить своим авторитетом эсеровскую программу мира и эсеровскую земельную политику, поскольку выполнение этой программы наилучшим образом содействовало бы задачам продолжения империалистической войны. Речи иностранных делегатов были искусно построены, повидимому, не без участия эсеровского президиума. В первый же день съезда французский «социалист»-министр Альберт Тома приветствует съезд от имени французских крестьян. Он говорит о роли французских крестьян в Великой французской революции. Тома выражает уверенность, что и русские крестьяне будут высоко держать знамя революции, и что анархия не даст возможности восторжествовать монархии[1].

Это был обычный лейтмотив буржуазных и соглашательских партий, что через большевистские ворота войдет контрреволюция. Вся речь А. Тома была ярко шовинистического характера, покрытая блестками социалистических фраз.

Другой министр, «министр-социалист героической Бельгии» Вандервельде, как представляет его собранию председатель съезда, был вместе с «вождем» бельгийских рабочих и крестьян де-Брукер торжественно принят съездом. Стремясь создать обстановку жалости и сочувствия, Вандервельде приветствует съезд от имени бельгийских рабочих и крестьян, от имени Бельгии, «которая страдает, борется и надеется». «Министр героической Бельгии» заканчивает свою речь скрытым призывом к наступлению: «Мы не просим у вас никакой жалости. Мы обращаемся только к чувству вашей

[1] «Новая жизнь» № 15 от 5 мая 1917 г.

справедливости. Мы заявляем: «Великая Россия, приди на помощь маленькой Бельгии»[1].

Министр-дипломат не забывает, как будто между прочим, упомянуть и о «заслугах партии эсеров, которая покрыла себя славой тем, что она дала вашим требованиям теоретическую формулу и теоретическую программу: «Земля и воля»[2].

То же самое не упускают из виду отметить в своих приветствиях итальянские социалисты, посетившие съезд. Итальянские делегаты выражают уверенность, что по вопросу об отношении к войне Россия останется попрежнему союзником западноевропейской демократии.

Призывы к наступлению слышались в приветствии и обращении Гржевицкого—представителя литовского народа, лишенного своей родины, как он заявлял об этом в своей декларации. Живо Нежич после доклада Бунакова-Фундаминского о войне выступает с приветствием от имени боснийских крестьян и передает председателю меморандум с протестом против аннексии Герцоговины Австрией и с требованием создания югославянского государства.

Маршевые роты, идущие в окопы, являющиеся с приветствием на съезд и уходящие отсюда с благословением; всевозможные делегации, посещавшие съезд в сопровождении оркестров музыки, с плакатами, знаменами, делегация врачей-инвалидов, вернувшихся из плена, сообщающих об его ужасах; делегации иногда весьма сомнительного характера, как делегация от Черноморского флота во главе с пресловутым Ф. Баткиным[3], в действительности вовсе не бывшим матросом,—все это опьяняло делегатов, подчиняло их влиянию президиума.

Уже одно появление министров среди делегатов из деревни, только что освободившейся от векового гнета, насилия и бесправия, ослепляло и подавляло делегатов. Они встречали с овацией министров Керенского, Чернова, качали их, выносили на руках и принимали чуть ли не единогласно резолюции, противоречащие их собственным стремлениям и интересам. Втиснутый в жесткие рамки регламента съезда и демагогического руководства, рядовой делегат чувствовал себя бессильным против «фразерства генералов» и на общих собраниях не выявлял своих подлинных на-

---

1. «Дело народа» № 48 от 13 мая 1917 г.
2. «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 6.

Пресловутый Ф. Баткин стоял во главе черноморской делегации, объезжавшей Россию для поднятия в ней патриотического настроения. Делегация была создана по предложению Баткина, но сам-то он не был матросом. Перед отъездом делегации он явился в матросской форме. На вопросы товарищей, смущенных его новым видом, Баткин ответил, что поступил добровольцем в Черноморский флот. Разъезжая затем по России, он всюду выдавал себя за подлинного матроса. Речи, которые произносил Баткин, очень резко расходились с политической линией делегации и привели в конце концов к ее распаду. («Новая жизнь» № 30 за 1917 г.)

строений. Только в кулуарах и общежитиях делегаты-крестьяне раскрывали свою душу и откровенно излагали свои требования земли и мира.

Таким образом в действительности существовало резкое расхождение между настроениями крестьян и их голосованиями на самом съезде. «Интересно было послушать,—сообщается в одной корреспонденции в «Правде»,—крестьян в кулуарах, тех самых, которые голосовали за коалиционное министерство: «Ничего,—раздавались возгласы,—запахивать-то землю все же будем, и аренды тоже платить не станем»[1].

3. Основные вопросы съезда. Вопрос о коалиционном правительстве. Продовольственный вопрос.

Несмотря на хитросплетенную систему мероприятий эсеровского президиума, все же в процессе работы съезда росло классовое самосознание делегатов. Злободневность и острота вопросов, обсуждавшихся на съезде, классовая и внутрипартийная борьба, разгоравшаяся вокруг них, поднимали как общеполитический уровень делегатов, так и усиливали их требования, предъявленные Временному правительству. Требования большинства делегатов скоро переросли требования наказов, с которыми они приехали на съезд. Делегаты приехали на съезд со сравнительно скромными требованиями передачи земли земельным комитетам, на самом же съезде они под влиянием большевистской агитации в ходе работ съезда выступали с требованиями санкционирования захватов или немедленного декретирования конфискации частной земельной собственности немедленной передачи всей земли крестьянству.

Рост революционных настроений выявляется и в характере прений и в выступлениях делегатов, которые с ходом работ съезда становятся все более непримиримыми, резко направленными против цензовых элементов Временного правительства. Уже при обсуждении первых двух вопросов—о коалиционном правительстве и продовольственном положении—мы видим растущее обострение прений.

При обсуждении вопроса о коалиционном правительстве делегаты-крестьяне обнаружили полную политическую беспомощность. Их обманули бессовестным образом уже тем, что вопрос о коалиции был, в сущности говоря, предрешен до съезда, и собравшийся съезд вынужден был только санкционировать состоявшееся решение о вхождении представителей «революционной демократии» в состав правительства. Дело в том, что еще до ст-

[1] «Правда» № 53 от 23(10) мая 1917 г., ст. Сафарова.

делегатов и, устроив частное совещание с делегатами, организовали особую делегация для переговоров совместно с меньшевистско-эсеровским Советом рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством о вхождении в правительство представителей Совета крестьянских депутатов.

Принятая съездом резолюция президиума одобряла вхождение в коалиционное правительство министров-«социалистов» как представителей «революционной демократии» и призывала страну оказывать ему «полное доверие и поддержку».

Руководящая верхушка съезда держалась нагло и вызывающе по адресу большевиков и сочувствовавшей им группы «14 беспартийных». Министр продовольствия А. В. Пешехонов, выступая в защиту правительства, состоящего по его определению из представителей всех классов и групп страны, мотивировал необходимость такого правительства «доводами», являвшимися по существу угрозой по адресу большевиков: «Такое правительство,—говорил Пешехонов,—опираясь на весь народ, пользуясь доверием его, сможет дать отпор не только внешнему врагу, но и тем группам, которые приводят страну к анархии».

Сравнительно умеренная резолюция группы «14 беспартийных» вызвала бурю негодования со стороны лидеров съезда. В этой резолюции хотя и указывается на неизбежность перехода власти к народу, поскольку Временное правительство не в состоянии разрешить требований народа, тем не менее высказывается пока терпимое отношение к новому коалиционному правительству:

> «Всероссийский совет крестьянских депутатов считается со вступлением представителей социалистической демократии во Временное правительство как с фактом, видит в этом лишь промежуточную ступень, к переходу всей полноты власти в руки трудового народа в лице Всероссийского совета крестьянских рабочих и солдатских депутатов, к созданию которого следует приступить немедленно»[1].

Выступавший в защиту резолюции т. Михайлов (Фрунзе) был принят в штыки эсеровскими вождями. Если уже одна резолюция группы «14 беспартийных» вызвала резкие возражения со стороны лидеров господствовавшего течения с угрозами по адресу большевиков, то особенное негодование вызывает в них речь т. Михайлова. Один из эсеровских вожаков—Ксенократов называет товарищей, пытавшихся, по его словам, от имени «14 беспартийных» контрабандой провести сюда скверный и опасный груз,—союзниками сидящих в Петропавловской крепости, арестованных за государственную измену, союзниками Вильгельма, иначе говоря, германскими шпионами.

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 1

[illegible] (группа) по продовольственному вопросу была также резко оппозиционной, направленной против политики Временного правительства. От имени белорусской группы т. Михайлов требовал нормировки распределения и потребления продуктов, а также государственного вмешательства в область производства. Он требовал установления твердого демократического контроля. Для этого Исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов должен взять на себя контроль над всеми комитетами (продовольственными), с центральным во главе [1].

Резолюция и речь т. Михайлова по продовольственному вопросу были встречены однако собранием в общем терпимо. В этом проявился несомненно факт полевения большинства делегатов. Речи самих делегатов по продовольственному вопросу были сплошь оппозиционными, и настроение в отношении к Временному правительству было далеко не то, какое имело место при обсуждении вопроса о коалиции.

Обсуждение этого вопроса на областных собраниях приняло характер классовой борьбы. Делегаты нападали на имущие классы, которые пользуются войной для собственного обогащения. Депутаты обвиняли Временное правительство в попустительстве к имущим классам, поскольку оно не борется с их корыстными интересами и с растущей на этой почве спекуляцией. Представитель Украинской области, резко критиковавший экономическую политику Временного правительства, нападал вместе с тем и на его земельную политику. Он, как и некоторые другие делегаты, связывал оба эти вопроса—продовольственный и аграрный—и для разрешения продовольственного кризиса требовал предоставления земельным комитетам права распределения помещичьих земель среди нуждающихся в земле крестьян.

Так как от областей поступили резолюции более резкие, чем предложенная докладчиком, то выбрана была особая комиссия для выработки примирительной резолюции на основе согласования поступивших резолюций. Однако принятая съездом резолюция по продовольственному вопросу была наиболее резкая из всех резолюций съезда. Резолюция требовала самых решительных мер для урегулирования хозяйственной жизни, и в первую очередь борьбы с имущими классами. Конкретные требования резолюции: государственные монополии и твердые цены на все продукты массового потребления, государственное регулирование производства основных предметов потребления, введение карточной системы для распределения этих продуктов, упорядочение транспорта, запрещение производства и ввоза предметов роскоши, ограничение прибыли капиталистов и т. д.

Резолюция съезда лишь подходила к основным требованиям, от

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 3.

выполнения которых зависело разрешение продовольственного вопроса, ликвидация войны, переход власти в руки советов, национализация земли и т. д. Выступление т. Смилги от большевистской фракции, ставившее разрешение продовольственного вопроса на принципиальные основы вопроса с разрешением земельного вопроса, не встретило сочувствия у большинства делегатов.

Делегаты принимали левую резолюцию, но опасались разрушить общий фронт с буржуазией. В данном случае играли роль и боязнь классовой борьбы в деревне и обаяние «вождей», побуждавшие делегатскую массу принимать предложения президиума, резко расходящиеся с ее настроением и интересами.

Расхождения между «руководителями» и делегатами с той же яркостью выявились и в прениях по третьему, основному вопросу съезда,—вопросу о войне и мире.

4. Вопрос о войне и мире.

Действуя под флагом «единения всех живых сил страны», а в действительности защищая всецело интересы империалистической буржуазии, эсеры и меньшевики особенно заостряли внимание делегатов на вопросах войны. Агенты империализма—эсеры и меньшевики—неизменно выставляли мотивы в пользу продолжения войны и при всех удобных и неудобных случаях обращались с призывом к наступлению. Уже в день открытия съезда выступавшая с приветствием Е. К. Брешко-Брешковская подчеркнула, что для закрепления революционных завоеваний необходимо принести последнюю жертву, чтобы сломить внешнего врага. «Если бы наша армия действительно серьезно пожелала помочь союзникам,—заявила Брешко-Брешковская,—война бы окончилась в один-два месяца, а между тем мы затягиваем ее тем, что сидим сложа руки». Основной лейтмотив чуть ли не всех речей, произносившихся в то время эсеровскими светилами, заключался в том, что добиться мира, земли и воли можно только продолжением войны и успешным ее окончанием.

Докладчик по вопросу о войне И. И. Бунаков-Фундаминский, подделываясь под настроение крестьянства, как и другие эсеровские ораторы, заволакивал призыв к наступлению осуществлением заветных целей крестьянства. «Русское крестьянство должно призвать армию,—говорил он,—в большинстве своем тоже крестьянскую, под знаменем «Земля и воля» пойти в наступление, чтобы бороться за свободу, за землю и справедливый мир».

Против эсеровской политики войны и мира от имени большевистской фракции выступил Зиновьев, стоявший тогда на позиции партии, хотя и с существенными оговорками. Речь Зиновьева, направленная против захватнической войны, призывавшая к братанью как к важнейшему средству заключения мира, была встречена различно разными частями собрания. Недовольство многих

[illegible] призывы к оратанию, к которому на первых порах крестьянство, как и вообще мелкая буржуазия, относилось весьма несочувственно. Несмотря на резкие выкрики с мест против положений докладчика, все же речь Зиновьева сопровождалась не раз бурными аплодисментами со стороны значительной части съезда и главным образом—делегатов с фронта. Закончил свою речь Зиновьев и покинул трибуну под аплодисменты одной части собрания и под демагогические выкрики другой: «Товарища Зиновьева—в окопы!».

Кроме Зиновьева от левого крыла съезда выступал Б. Камков и другие представители левых эсеров-интернационалистов. Б. Камков лишь формально признавал превращение империалистической войны в гражданскую, в действительности же стоял на позиции условного оборончества. Как и другие левые эсеры, Камков полагал, что войну все же можно продолжать, что возможно даже и наступление, но для этого нужно, чтобы наши союзники—Англия и Франция—открыто заявили, что они только защищаются и отказываются от завоевательной политики.

Затем прения о войне и мире перешли на областные совещания. Здесь особенно рельефно проявлялись различия между тыловым крестьянством и фронтовым. Делегаты с фронта были более измучены войной, с одной стороны, а с другой—что самое важное—делегаты с фронта отражали большей частью настроение деревенской бедноты. Вот почему среди них имела успех широко развернутая большевистская агитация против захватнической войны. Делегаты с фронта выражали нетерпимое отношение к политике затягивания войны. Требование открытого объявления союзниками целей войны, опубликования договоров было почти всеобщим требованием представителей армии и флота.

Более спокойно относились к продолжению войны делегаты из деревень, но и они требовали разъяснения целей войны. Даже те из них, которые сами по себе не заявляли о грабительских целях войны, требовали у «лидеров» съезда доказательств, что война не ведется во имя грабительских интересов союзников.

Шовинистические настроения в речах ораторов с мест не проявлялись, за исключением выступления одного провинциального эсера, который пытался довольно своеобразно поставить вопрос о проливах в плоскости крестьянских интересов, но был принят несочувственно собранием. Огромное большинство делегатов,—вынужден заявить впоследствии один из эсеровских вожаков В. Гуревич,—не хотело думать ни о каких завоеваниях[1].

Эти оппозиционные настроения делегатов, как сообщают и сами эсеровские документы, особенно усилились после «Открытого пись-

[1] В. Гуревич, Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция «Летопись революции», кн. 1, стр. 190.

ма Ленина к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, опубликованного в «Солдатской правде» 24(11) мая. В этом письме Ленин касается основных злободневных вопросов текущей политики и разъясняет, что действительное разрешение этих вопросов в интересах беднейшего крестьянства возможно лишь с переходом власти в руки советов рабочих, солдатских, крестьянских и прочих депутатов.

Ленин останавливается на трех основных вопросах, волнующих делегатскую массу, на «трех китах»—о земле, войне и власти, по существу тесно связанных между собою, так как разрешение вопросов о земле и войне зависело от основного вопроса о переходе власти в руки советов. Ленин дает исчерпывающее определение грабительского характера войны и выхода из кризиса путем превращения империалистической войны в гражданскую. Такой резкой критики войны не давала ни одна фракция, в том числе и левые эсеры.

> «Война эта захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей... Поэтому наша партия, партия сознательных рабочих, партия беднейших крестьян решительно и безусловно осуждает эту войну, отказывается оправдывать капиталистов одной страны перед капиталистами другой страны, отказывается поддерживать капиталистов какой бы то ни было страны, добивается скорейшего окончания войны посредством свержения капиталистов во всех странах, посредством рабочей революции во всех странах»[1].

Попутно Ленин говорит про ошибочную и вредную политику соглашателей—народников и меньшевиков, которые рассчитывают побудить капиталистов скорее закончить эту войну и которые в действительности сами служат орудием в руках капиталистов, «помогают капиталистам готовить наступление русских войск против Германии, т. е. затягивать войну».

Только решительная борьба со своими правительствами обеспечит народом действительный мир. Ленин подчеркивает, что «капиталисты всех стран обманывают народ, обещая скорый и справедливый мир, а на деле затягивая захватную войну». То же самое делают и русские капиталисты, которые, имея в своих руках Временное правительство, не захотели даже опубликовать грабительских договоров, заключенных Николаем с капиталистами Англии, Франции и других стран. Временное правительство по существу подтвердило эти договоры.

> «Наша партия,—заявляет Ленин,—считает, что это—такие же преступные, грабительские договоры, как и договоры разбойников—немецких капиталистов и их разбойничьего

[1] Ленин, Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 351.

императора Вильгельма с их союзниками. Кровь рабочих и крестьян не должна литься из-за достижения таких грабительских целей капиталистов»[1].

Единственный выход—переход власти в руки Советов. Только таким путем мы закончим войну и обеспечим мир в интересах трудящихся:

«Надо скорее кончать эту преступную войну, и не сепаратным (отдельным) миром с Германией, а всеобщим миром, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс против капиталистов. Путь к этому один: переход всей государственной власти целиком в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и в России и в других странах. Только такие Советы в состоянии на деле помешать обману народов капиталистами, помешать затягиванию войны со стороны капиталистов»[2].

Насколько Ленин затрагивает в этом обращении к делегатам близкие им вопросы, мы видим из того, что основные вопросы его «Письма» как раз обсуждались делегатами по своим общежитиям, кулуарам. Это были все те же вопросы, как кончать войну, о грабительском характере войны, об отказе Временного правительства и союзников опубликовать тайные договоры. Сами эсеровские источники вынуждены были признать и успех ленинского обращения и успех большевистской литературы вообще; они сообщают, что и в кулуарах, общежитиях и даже на самом съезде можно было видеть «Окопную правду», которой зачитывались делегаты.

О характере прений можно судить по тому, что ряд делегатов выставлял как необходимое условие для наступления или вообще успешного продолжения войны объявление со стороны союзников целей войны и конкретного отказа от всяких захватов[3]. Характерно выступление представителя 11-й армии—Черепникова, который заявил, что дисциплина и воодушевление армии при наступлении поднялись бы на 50%, если бы правительство немедленно обнародовало декрет о передаче всех земель крестьянам без выкупа.

Опытные стратеги—эсеровские руководители—пустили в ход все средства для обмана делегатской массы. Они старались замазать классовые корни грабительской войны, усыпляя внимание делегатов внешней, парадной стороной съезда. К прениям о войне приноровлены были выступления Вандервельде, Живко Нежича и Гржевицкого. Вслед за речью Вандервельде последовало выступление товарища военного министра, полковника Якубовича, разъяснявшего, как правительство понимает наступление. Его речь, по отзыву В. Гуревича, имела одну реальную задачу—добиться новых жертв

---

[1] Ленин, Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 352.

[2] Там же.

[3] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 6.

со стороны крестьянства для продолжения войны: «Фронт страдает сейчас от недостатка продовольствия и фуража. Чтобы наступать, необходимо урегулировать этот вопрос, но здесь правительству необходима помощь крестьянства»[1].

В своем заключительном слове Бунаков останавливается главным образом на требовании выступавших на съезде объявления союзниками целей войны и опубликования тайных договоров, так как требование это было самое опасное для эсеровской тактики «единения всех живых сил страны», сохранения коалиции с имущими классами и с дипломатическими миссиями союзных государств. Свои «доводы» Бунаков подкрепляет, с одной стороны, возмутительными нападками на большевиков и социал-демократов—интернационалистов, с другой стороны—прикрывает софизм своих положений лестью делегатам. Поток напыщенных слов должен был в свою очередь служить для усыпления классовой бдительности депутатов.

> «В сердце этого собрания,—говорит эсеровский краснобай,—как и в сердце армии и всего русского народа есть только две занозы, которые мешают радостному и счастливому сердцу пойти на спасение революционной России. Первая заноза заключается в бесконечных разговорах о тайных договорах, о том, что мы должны их опубликовать, пока они не опубликованы, мы не можем воевать. Последний припев, которым сопровождались речи большинства ораторов,—это о том, что Франция и Англия не присоединились до сих пор к нашим требованиям о мире, что, когда мы пойдем умирать за революционную Россию, мы не будем уверены, что мы умираем за революционную Россию или капиталистическую Англию и Францию. Я глубоко убежден, что и эта заноза выдумана и вымышлена»[2].

Классовая правда была слишком очевидна на стороне большинства выступавших ораторов, как вынужден был признать это докладчик с разными оговорками. Бунакову остается лишь прибегнуть к эсеровскому диалекту, чтобы в потоке высокопарных слов с церковным душком внушить доверие «высоким целям», преследуемым будто бы союзниками в ведущейся войне.

> «Кроме договоров, писанных человеческими руками, есть договоры божьи, договоры с совестью. Революционная Россия не прольет ни одной капли крови, если противники согласятся на справедливый мир»[3].

Несмотря на безусловно оппозиционные настроения огромного большинства делегатов против войны, резолюция съездом была принята все же соглашательского характера—в духе так называе-

---

[1] «Дело народа» № 48 за 1917 г.
[2] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов», № 7, за 1917 г
[3] Там же.

мого «революционного» оборончества. Резолюция президиума была принята подавляющим большинством голосов, большинством 1 тыс. против 12 при 16 воздержавшихся. По информации «Дела народа» большевики настаивали на голосовании своей резолюции, которая поддерживается лишь 8 голосами. За резолюцию, предложенную Камковым, было подано 14 голосов[1].

Принятая резолюция, несмотря на различные оговорки и формальное присоединение к декларации Совета рабочих и солдатских депутатов о мире, в действительности носила определенно агрессивный характер с призывом к наступлению:

> «Съезд считает основным долгом трудового народа революционной России вести самую активную защиту страны, не останавливаясь ни пред какими жертвами и принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии как для оборонительных, так и для наступательных действий. Пока революционная русская армия борется с армиями, предводительствуемыми императорами, она борется за спасение великого достояния русского народа, за русскую революцию, за землю и волю и за право русской революции развиваться и влиять на все другие народы»[2].

Агенты империализма одержали, повидимому, полную победу. Резолюция президиума о войне, как мы видим, была принята почти единогласно. Так же почти единогласно была отвергнута поправка об опубликовании тайных договоров (большинством всех против 10). Однако победа соглашателей все же носила лишь формальный характер. Крестьяне-депутаты, правда, пока только про себя отводили душу в протестах против затягивания войны, на пленуме же съезда голосовали за предложения вождей-соглашателей, еще продолжали слепо итти за ними, принимая резолюции, идущие против своих собственных интересов, но пропасть между руководителями съезда и делегатской массой все увеличивалась.

Классовый инстинкт подсказывал крестьянам-делегатам необходимость искать других путей выхода из тяжелого положения, из войны, продовольственной и земельной нужды, других путей для осуществления своих вековых требований. Они охвачены были уже большевистскими настроениями, хотя к самой партии большевиков относились еще неприязненно под влиянием травли, ведущейся против большевиков со стороны эсеров и прочих агентов буржуазии.

5. Аграрный вопрос. Съезд — народный университет.

Если соглашателям удалось одержать победу над большинством съезда в вопросе о войне и мире лишь после четырехдневных заседаний с речами и прениями, то еще больше уси-

1 «Дело народа» № 49 за 1917 г.
2 «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 8 за 1917 г.

лий пришлось им употребить в борьбе с делегатами за проведение своей резолюции по аграрному вопросу. Чтобы склонить крестьян-делегатов на свою сторону, руководители съезда повели упорную предварительную подготовку.

Как и на последующих Всероссийских крестьянских съездах, руководители съезда пытались придать обсуждению аграрного вопроса по возможности академический характер. Были поставлены шесть тяжеловесных докладов, и они должны были усыпить внимание аудитории и смягчить остроту аграрного вопроса. Докладчиками были намечены исключительно народники. Предложение т. Михайлова от имени большевистской фракции и «14 беспартийных» выставить докладчика в лице т. Ленина было отвергнуто эсеровской верхушкой съезда под тем формальным предлогом, что не было об этом заявлено своевременно, программа съезда уже, мол, составлена, и докладчики также намечены. Ленину все же удалось выступить с докладом, но делал он доклад лишь в порядке участия в прениях и был лишен заключительного слова.

Первый доклад был сделан Н. П. Огановским на тему: «История земельных отношений и современное малоземелье». Далее следовали доклад Пешехонова: «О переходных мерах», посвященный общему состоянию земельной реформы, доклад Чернова, посвященный земельным порядкам при социализации, доклад Вихляева: «Развитие сельскохозяйственных производительных сил при социализации земли», С. Л. Маслова: «Временные правила пользования землей», и наконец, уже после выступления Ленина, доклад Н. Я. Быховского: «Община и земельная реформа».

Доклады были сплошь теоретические, непосредственно не связанные с аграрными проблемами текущего дня. Тем не менее в виду особой остроты вопроса, следует ли немедленно проводить конфискацию помещичьих земель или ждать с разрешением земельного вопроса до Учредительного собрания, все докладчики из тактических соображений спускались из области теоретических выспренних рассуждений в плоскость обсуждения вопросов злободневной практики и уделяли особое внимание вопросу о земельных захватах. Дипломатически обошел этот вопрос лишь Чернов в своем докладе, чтобы с тем большим жаром наброситься на «земельных захватчиков» в своем заключительном слове. Чернов касался главным образом будущих земельных порядков, обходя конкретные вопросы переходного времени.

Все доклады аграрников-специалистов были испещрены цифрами, «научными» выкладками, схемами и т. д. Доклады выслушивались внимательно, поскольку делегаты-крестьяне ждали от них в конце концов ответов на свои злободневные вопросы. В дни этих докладов, как сообщалось в газетах, съезд превращался в огромную аудиторию крестьянского университета.

Хотя крестьяне-делегаты уделяли большое внимание докладам, но, не получая от них ответов на интересующие их вопросы, в общем холодно их принимали. О настроении аудитории можно судить по инциденту во время «ученого» доклада Н. П. Огановского.

Хотя доклад был выслушан с «величайшим вниманием», как сообщается в одном эсеровском источнике, но принят он был весьма сдержанно. Съезд ничем не выражал своего одобрения практическим предложениям докладчика. Но зато, когда докладчик зачитал одну из поданных записок с таким предложением: «Для предотвращения захватов Всероссийский съезд крестьянских депутатов считает необходимым сейчас же объявить землю всенародной собственностью»,—раздались оглушительные аплодисменты, выражавшие настроения огромной части аудитории.

6. Выступление Ленина.

На 17(30) мая ожидалось выступление Ленина. Буржуазные и соглашательские газеты поспешили сообщить, что по «не выясненным причинам» Ленин не явился на съезд и только передал через большевиков-делегатов проект резолюции по аграрному вопросу, внесенный затем от имени социал-демократической фракции большевиков. В действительности неявка Ленина была вызвана тем, что президиум съезда изменил заранее порядок заседания, и Ленин получил сообщение, что обсуждение аграрного вопроса на время прервано[1]. Отметим кстати, что это был один из приемов травли буржуазной печатью и ее подголосками Ленина—распространение лживой информации о неявке на митинги или собрания, на которых было обещано его выступление. Ленин явился затем 20 мая. Тов. Михайлов сделал попытку предоставить слово Ленину, но безуспешно. Ленину удалось сделать доклад лишь 22 мая, накануне уже конца работ съезда.

Президиум все время откладывал выступление Ленина, опасаясь не без основания влияния его выступления на делегатскую массу. Как сообщает С. Мазуренко, по поручению президиума велась агитация среди делегатов «не допускать» продавшегося немцам т. Ленина на съезд[2].

Результаты агитации выявились уже при самом выступлении Ленина. Делегат съезда—большевик А. Кучкин, таким образом описывает в своих воспоминаниях начало выступления Ленина: «Только что прозвучал мягкий, картавостью приятный, сильный, немного гортанный голос Ленина, как с правой стороны зала за-

---

1 См. Ленин, Письмо в редакцию «Правды», Соч., т. XX, стр. 390.

2 См. С. Мазуренко, Крестьянство в 1917 году; «Пути революции» № 1 (10) за 1927 г., стр. 28.

[illegible] никакой порчи имущества не было»[1]. Доводы буржуазии и социал-соглашателей против захватов земли Ленин выставляет как «попытки сохранить обманом господство над ними»[2] (крестьянами.—*М. Г.*). Захваты земли буржуазия и социал-лакеи называли «самоуправством» и призывали к «добровольным» соглашениям крестьян с помещиками. Ленин доказывает, что овладение крестьянами помещичьей землей будет не самоуправством, а восстановлением прав. Невозможны никакие добровольные соглашения в интересах крестьян, когда у одного помещика 2 тыс. десятин, а у 300 крестьян по 7 с половиной десятин на круг. Отпадают также и другие возражения буржуазии и социал-соглашателей будто организованный захват приведет к анархии, создаст рознь между городом и деревней и приведет к гибели революции.

Социал-соглашатели запугивали народ «буржуазными страхами», и Ленин останавливается подробно на разных «доводах» против немедленных организованных захватов. Возражение такого рода, что от земельных захватов выигрывают прежде всего богатые крестьяне, которые захватят землю, так как у них есть скот, орудие и т. п., и пострадает таким образом беднейшее крестьянство, отпадает прежде всего потому, что подобное неравенство вовсе не устраняется, а еще больше сохраняет свою силу при политике «добровольных соглашений помещиков с крестьянами». Другого рода возражения против земельных захватов—это, что будто бы политика немедленных захватов вызывает возмущение на фронте.

Ленин указывает, что это возражение обходит основной вопрос о том, что крестьяне все же землю берут,—по соглашению ли с помещиками или по решению своего большинства,—но независимо от того или иного способа разрешения земельного вопроса у себя на местах солдаты остаются на фронте. Захваты земли на местах укрепили бы положение на фронте, вызвав больше доверия со стороны солдат-фронтовиков политике власти в тылу.

Уничтожающей критике подвергает Ленин последний «довод» буржуазии и социал-лакеев, будто немедленный захват земли «привел бы к ухудшению обработки земли или к худшему посеву». Только «хитрость помещиков» может подсказать такую нелепость, будто «помещики будут лучше наблюдать за обработкой земли» и будто «крестьяне будут хуже засевать землю, если будут знать, что они сеют не на помещичьей, а на общенародной земле»[3].

Крестьяне должны следовать собственному опыту, которому учит

---

[1] Ленин, I, Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 406.

[2] Там же, стр. 411.

[3] Там же.

их собственная жизнь, а этот опыт побуждает их брать владение землей в собственные руки.

Но одним захватом земли не могут исчерпаться задачи беднейшего крестьянства. Одна передача земли в общенародную собственность еще далеко не удовлетворит нужды и интересы беднейшего крестьянства. Пока существует капитализм, беспочвенным остается лозунг: «вольный труд на вольной земле». Безрезультатным останутся лозунги народников о трудовой и потребительской норме, по крайней мере для беднейшего крестьянства. «Землю есть нельзя, а чтобы хозяйничать, нужно иметь орудия, скот, приспособления, деньги; без денег, без орудий хозяйничать нельзя [1].

> «Мы знаем только два пути отстаивания интересов сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян:
>
> Первый путь—это организация сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян...
>
> Второй шаг... состоит в том, чтобы... образованы были скорее образцовые хозяйства для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учеными агрономами» [2].

Эти два пути и будут служить дальнейшему развертыванию аграрной революции.

Только два пути ведут нас к избавлению от капитализма. После низвержения господства помещиков—«капитализм остается. Его свергнуть гораздо труднее, к свержению его ведет другой путь. Это путь самостоятельных, отдельных организаций сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Вот что наша партия выдвигает в первую голову» [3].

Такой же важнейшей задачей является организация крупного сельского хозяйства: «без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научнообразованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма» [4]. Положение остается бесперспективным, пока мелкое хозяйство будет попрежнему доминировать. «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель потому, что разруха надвигается с каждым днем, с каждым часом» [5].

Таким образом Ленин конкретно указал пути сочетания пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против

---

[1] Ленин, I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 413.
[2] Там же, стр. 415—416.
[3] Там же, стр. 416.
[4] Там же, стр. 417.
[5] Там же, стр. 417.

помещиков. Ленин предвидел трудности дальнейшего социалистического строительства и выход из положения находил только в общей обработке земли, призывая советы рабочих и крестьянских депутатов к «решительным выступлениям по пути к общей обработке земли без капиталистов, без помещиков. Только этот путь даст действительный переход земли в руки трудящихся»[1].

Задачи предстоят огромные и рассчитаны на преодоление большого сопротивления. Ленин в своей речи определяет уже генеральную линию партии на протяжении всего периода диктатуры пролетариата—индустриализацию страны и социалистическую переделку мелкого крестьянского хозяйства в крупные коллективные хозяйства.

В проекте резолюции по аграрному вопросу, представленном Лениным, подведены основные положения, высказанные им в выступлении на съезде и в неоднократных высказываниях в печати того времени. Все помещичьи и частновладельческие земли, а равно удельные, церковные и т. д. должны немедленно перейти к народу без всякого выкупа. Крестьянство немедленно берет всю землю, но организованно—через советы крестьянских депутатов—для хозяйственного распоряжения ею. Окончательно устанавливаются земельные порядки Учредительным собранием или Всероссийским Советом советов.

Частная собственность на землю вообще должна быть уничтожена, распоряжаться же землей должны местные демократические учреждения. Переход всех помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть ни проведен до конца, ни упрочен без разрушения в крестьянских массах доверия к капиталистам, без тесного союза крестьянства с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Задачи сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян заключаются в самостоятельной организации в особые советы или в особые группы внутри общекрестьянских советов, чтобы отстаивать свои интересы против богатых крестьян, неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками.

Спасти страну из грозящей разрухи, катастрофы, голода может только переход рабочих и крестьянских депутатов к надзору и руководству всем производством и распределением продукта. Среди других мероприятий в этих целях «надо поощрять устройство из каждого крупного помещичьего имения образцового хозяйства с общей обработкой земли наилучшими орудиями под руководством агрономов и по решениям советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих»[2].

---

[1] Ленин, I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Соч., т. XX, стр. 418.

[2] Там же, стр. 402.

7. Борьба с большевистскими лозунгами. Принятие резолюции по аграрному вопросу.

Если большевистские настроения и до выступления Ленина были присущи ряду делегатов, хотя и из меньшинства съезда, то настроения эти особенно усилились после выступления Ленина.

Силу впечатления, произведенного речью Ленина, вынуждены были признать сами эсеровские газеты. Сообщая про аплодисменты, правда, одной части делегатов, «Дело народа» прибавляет: «С большим трудом удалось председателю восстановить тишину в взволнованном после доклада Ленина собрании и предоставить слово первому оппоненту»...

Еще определеннее высказывается другая эсеровская газета—«Земля и воля», которая в № 51 от 25 мая и в № 54 сообщает: «Последние два дня настроение съезда было весьма напряженное. Значительная часть депутатов настаивала на том, чтобы немедленно же вся земля была объявлена общенародным достоянием... Наибольшая напряженность чувствовалась на другой день после доклада Ленина (23 мая), призывавшего к немедленным захватам»...

Эсеровская верхушка не шутя встрепенулась в обстановке усиливающихся большевистских настроений. Лучшие ораторские силы выставлены были в качестве оппонентов против Ленина.

В своих выступлениях эсеровские вожди не отступают ни перед какой демагогией в борьбе с большевистской пропагандой революционных взглядов. Чувствуя себя бессильными в борьбе с неотразимыми доводами Ленина, они стараются отыграться на собственнических тенденциях большинства съезда.

Воспользовавшись тем, что Ленин неоднократно обращался к съезду от имени наемных рабочих и беднейших крестьян, они пытаются предоставить эти обращения, направленными против остальных трудящихся масс крестьянства. Эсеровские вожди били на то, что значительная часть делегатов состояла из состоятельных или зажиточных слоев деревни. Были на съезде представители и кулацких слоев. Так например представитель Прибалтийского края, возражая против социализации земли, заявлял, что прибалтийские крестьяне хотят, мол, получить землю на началах собственности[1]. Но огромное большинство участников съезда состояло из мелких крестьян. Аграрная программа и тактика большевиков, рассчитанная в первую очередь на беднейших крестьян и сельскохозяйственных рабочих, отнюдь не была, в действительности враждебна интересам середняков, а рассчитана были на вовлечение их в общенародную борьбу против помещиков

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 14 от 25 мая 1917 г., Стенографический отчет прений по аграрному вопросу.

и постепенное привлечение их в пролетарскую революцию, с ходом классовой борьбы внутри самого крестьянства.

Первый оппонент против Ленина—Дербер всю свою речь построил на вымышленном эсерами противопоставлении Лениным интересов беднейших крестьян интересам середняков.

> «Ясно, товарищи,—юлил Дербер,—раз Ленин и его друзья защищают интересы беднейших крестьян, которые, имея очень мало земли, уходят в город на заработки, то понятно, что остальное крестьянство относится к богатым крестьянам и вы, товарищи, тоже богатые крестьяне и с вами, по мнению Ленина, тоже надо бороться»[1].

Наглость Дербера—первого «оппонента»—доходит до того, что он мошеннически излагает содержание аграрной программы большевиков, которые-де собираются лишить земли большинство крестьян:

> «Разница между нами, что мы говорим: вся земля всему трудовому народу, весь трудовой народ должен пользоваться ею, а Ленин говорит, нет, вся земля не всему трудовому народу, а только наемным рабочим и беднейшим крестьянам, уходящим в город. Вот вся разница между нами и товарищем Лениным»[2].

Подобные выступления, рассчитанные на собственнические привычки крестьян-делегатов, кой-кому нравились и вызывали аплодисменты в части аудитории. С той же целью эсеровские «вожди» стали излагать теперь содержание старого многолетнего спора между народниками и марксистами. Вспоминаются прежние споры еще с 1903 г., и воскрешается большевистская программа отрезков в 1903 г.

История этого многолетнего спора представляется таким образом, что народники-де являлись защитниками крестьянства и боролись с социал-демократами, в том числе с большевиками, считавшими крестьянство мелкой буржуазией и постоянно указывавшими на неоднородность крестьянства и существование классовой борьбы внутри него между состоятельными элементами, с одной стороны, пролетарскими, полупролетарскими элементами—с другой.

Социал-прохвосты били и на самолюбие делегатов-крестьян, беспрестанно подчеркивая, что социал-демократы определяли крестьянство как мелкую буржуазию. Это особенно должно было уязвить самолюбие делегатов, поскольку кличка «буржуа» считалась уже в то время позорной. Чернов, в свою очередь, в своем выступлении на съезде после Ленина торжественно заявляет о социал-демократах, что они, как т. Ленин, полагали, что крестьянин, по крайней

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 14 от 25 мая 1917 г. Стенографический отчет прений по аграрному вопросу.

[2] Там же.

мере состоятельный крестьянин, есть та же буржуазия. Наглость Чернова доходит до того, что он клевещет на Ленина, будто тот в одной из своих брошюр писал о крестьянстве: «пусть мелкая буржуазия, а все-таки буржуазия»[1].

Подобная же травля большевиков велась одновременно и в буржуазной и соглашательской печати. В эти дни борьбы с большевистскими настроениями съезда «внефракционный» орган съезда— «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» писал: «Крестьянин был всегда в глазах большевиков не тружеником, не работникам, по преимуществу, а владельцем, «мелким помещиком». Вся передовая газеты под характерным заголовком «Большевики и крестьяне» трактует в таком погромном стиле о «мнимых друзьях крестьянства»—большевиках[2].

Пользуясь тем, что Ленин как неофициальный докладчик был лишен заключительного слова, Дербер и другие эсеровские вожди бессовестно искажали смысл его речи, чтобы внушить делегатам недоверие к ленинским лозунгам и к выступлению Ленина на съезде. Дербер подчеркивал, что Ленин говорил о захвате лишь помещичьих земель и только на один посев, и для него неясно, не поправел ли Ленин со времени представления проекта резолюции.

Выступавшие ораторы не могли однако успокоить взволнованную массу делегатов. О настроении делегатов на другой день после доклада Ленина можно судить по инциденту во время речи С. Маслова.

Вторичное выступление С. Маслова было вообще не совсем благополучным. Хотя он теперь как будто был более склонен считаться с требованиями революционного крестьянства и расширял свои первоначальные требования в отношении прав для земельных комитетов, все же одно упоминание в его речи о соглашениях и переговорах с помещиками подняло страшный шум в зале.

Еще задолго до начала заседания в зале, на местах для делегатов, появилось большое знамя с надписью: «Требуем всю землю объявить немедленно общенародной собственностью». Во время же речи С. Маслова знамя это неожиданно появилось на эстраде за спиной оратора как своеобразная демонстрация против требований С. Маслова. Появление знамени вызвало шумные аплодисменты.

Выступавшие в прениях рядовые делегаты высказывались против политики затягивания разрешения земельного вопроса. Тов. Евсеев (из Поволжья) высказывается против «братания с капиталистами и помещиками» и резко возражает против «доводов» соглашателей, отказывающихся объявить о немедленном переходе земли в народное достояние. Ряд других делегатов требовал также декларации о переходе земли в достояние народа.

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 16, за 1917 г
[2] Там же, № 22,

—эсеры мобилизуют лучшие свои партийные силы, посылают всюду для агитации своих специалистов-аграрников или просто популярных членов своей партии, чтобы бороться с большевистскими настроениями законопослушного до сих пор большинства. Созывались неоднократно областные и армейские совещания, которые однако выказывают недовольство поведением вождей.

Создавалась опасность провала резолюции президиума, так как дело, казалось, шло к расколу самой фракции эсеров. Совещание фракции было бурным, и оппозиция грозила перерасти в большинство.

Спасителем положения, как вообще в подобных случаях, должен был явиться В. Чернов. Речь его была дипломатично построена. С присущей ему эсеровской вкрадчивостью он довольно умело подошел с лестью и обманом к депутатам. В начале своего доклада Чернов заявил, что он отчитывается перед съездом как министр, делегированный в правительство Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. А затем он сообщает о предстоящем земельном законопроекте и излагает самый проект о запрещении земельных сделок и о недействительности земельных сделок, заключенных после 1 марта, вносимый им как министром земледелия во Временное правительство. Сообщение об этом законопроекте, а также о предстоящих выборах в земства на основании четырехчленной формулы—на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права—вносит известное успокоение в возбужденном съезде .

До полного успокоения было однако еще далеко. По запискам, поданным Чернову, видно, что он далеко не удовлетворил полностью собрание. Чернов касался в своем докладе больше всего перспектив будущей земельной реформы и не давал ответов на запросы сегодняшнего дня. Он получил огромное количество записок, в которых имелось до 150 вопросов. От него требовали главным образом убедительных доказательств, почему нельзя согласиться с предложениями и резолюцией Ленина. Очевидно, несмотря на все доводы контрдокладчиков, все же делегаты оставались по-прежнему под неотразимым впечатлением доклада Ленина.

Ночью 24 мая (6 июня) было созвано совещание из представителей областей, армейских организаций и всех виднейших работников партии эсеров. О целях этого совещания В. Гуревич сообщает следующее: «Было созвано частное совещание областей и фронтов в расширенном составе, и мы пробовали создать более интимное товарищеское настроение. Всем дали по возможности выговориться, и затем была принята попытка к соглашению... В конце концов удалось найти каучуковую формулу, которая примирила всех»[1].

---

[1] В. Гуревич, Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция, «Летопись революции», т. I, стр. 194.

Оппозиционные делегаты отказались от требования немедленного декретирования отмены частной собственности на землю и перехода земли крестьянству. Черновцы соглашались внести в резолюцию требование, чтобы Временное правительство особой декларацией заявило о своем согласии с требованиями народа, а также требование о переходе всех земель в распоряжение земельных комитетов, которые и установят порядок пользования ею.

25 мая (7 июня) утром были созваны вновь областные и армейские совещания для обсуждения резолюции в окончательном виде. В тот же день на пленуме после 10-дневных прений и заседаний была наконец принята резолюция по аграрному вопросу.

Резолюция широко декларирует начала, на которых будет проведена земельная реформа, и условия, на которых должна вестись предварительная работа по подготовке реформы: переход всех земель государственных, монастырских, церковных и частновладельческих в общенародное достояние для уравнительно-трудового пользования без всякого выкупа.

Из переходных мер до Учредительного собрания, на которых настаивает резолюция, особенно важны следующие: «2) Все земли без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обсеменения, уборки полей, покоса трав и т. д. 6) Установление арендных цен, порядок внесения арендных денег и определение оплаты сельскохозяйственного труда и т. п. должны быть предоставлены местным земельным комитетам. 8) В интересах сохранения неприкосновенности земельного запаса необходимо строгое, неуклонное, под контролем земельных комитетов проведение в жизнь запрета купли, продажи, залога и перехода по завещанию земли до Учредительного собрания. Все же сделки, совершенные после 1 марта и до издания запрета, должны считаться недействительными.

Всероссийский совет крестьянских депутатов ждет от Временного правительства, чтобы оно оказало всемерное содействие свободному проявлению воли трудового народа в области подготовки и осуществления стоящего перед Россией великого земельного переустройства...

Всероссийский совет крестьянских депутатов настаивает, чтобы Временное правительство опубликовало самую ясную и недвусмысленную декларацию, которая показала бы всем и каждому, что в этом вопросе Временное правительство не позволит никому противостоять воле народа»[1].

Эта резолюция собрала подавляющее большинство голосов. По информации «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов», резолюция большевистской фракции собрала 6 голосов, резолюция объединенных социал-демократов—8, а за резолюцию

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 15.

[illegible] голосовал весь съезд[1]. Резолюция была явным обманом крестьянских масс. Два основных положения, ради которых было достигнуто примирение с «крайними»,—декрет о передаче всех земель в распоряжение земельных комитетов и декларация Временного правительства о солидарности с волей народа—не были выполнены полностью Временным правительством вплоть до самого его падения.

Как мало в действительности считалось Временное правительство с волей съезда и крестьянских масс, обнаружилось уже через два дня после принятия резолюции, когда фракция большевиков внесла в президиум съезда заявление о том, что министр юстиции Переверзев отменил свое распоряжение нотариусам о запрещении перерегистрации земельных сделок. Съезд был очень возмущен таким издевательством над волей трудящихся. Двусмысленные объяснения Переверзева не могли скрыть того факта, что он издал свое новое распоряжение под влиянием цензовых элементов Временного правительства.

В аграрном вопросе скрещивались взаимно противоположные классовые интересы. Само крестьянство не было однородно. Деревенская беднота, слабо представленная на съезде, выступала за требования немедленного разрешения земельного вопроса в духе большевистских лозунгов. Победили деревенские верхи, увлекшие за собою середняцкое большинство съезда.

Само обсуждение аграрного вопроса происходило на съезде в тревожной обстановке. Собрания, посвященные докладам и прениям по аграрному вопросу, собирали переполненный зал, и депутаты сидели на полу в проходах[2]... Крестьяне-делегаты опасались как бы не повторилась история 1905 г. и они вновь не остались бы ни с чем. Возникали опасения, что пример рабочих, получивших захватным порядком 8-часовой рабочий день, останется бесполезным для крестьянства, ничего не получившего пока от революции. «Собрание в целом,—продолжаем цитировать официальный орган съезда,—переживало большие и глубокие чувства. Мечта столетий, казалось, уже осуществлена, земля может быть только народной собственностью,—но каков будет порядок пользования землей?»[3].

За спиной же доверчивого съезда, не потерявшего еще доверия к Временному правительству, соглашатели вели закулисную предательскую работу. Откладывая решение вопроса до Учредительного собрания, они стремились в действительности затормозить дело с передачей земли в достояние народа. Свои настоящие намерения они пока вынуждены были скрывать, но все же делали кой-какие несмелые шаги к разрешению земельного вопроса в интересах

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 15, за 1917 г.
[2] Там же.
[3] Там же.

имущих классов. Чернов в своем последнем выступлении на съезде искусственно замазывал вопрос о переходе земли без всякого выкупа. «Не правительство—заявил он,—решит окончательно условия передачи земли в пользование народа, на условиях выкупа или нет»[1].

За рубежом бывший член президиума съезда В. Гуревич впоследствии откровенно сообщил о недомолвках, неясных постановках эсерами земельного вопроса в этот период, которые фактически означали замаскированное требование передачи земли за известное вознаграждение отдельным категориям помещиков. Шла речь, например, об оказании поддержки тем из них, кто не приспособлен к жизни и не имеет никаких средств к существованию. Да и вообще В. Гуревич в своих воспоминаниях рассказывает о компромиссах, о которых договаривались тогда эсеровские вожди. «Так Чернов, кажется, уже тогда говорил о необходимости считаться с фактом существования ипотечных долгов, приняв их за счет государства. Затем, кажется, остался открытым вопрос о вознаграждении мелких собственников, купивших землю и обрабатывавших ее своим трудом... Усиленно подчеркивалась мысль о необходимости при передачах земли вознаграждать бывших владельцев за произведенные улучшения»[2].

8. Обращение Плеханова к съезду.

Вот почему эсеровский президиум съезда, который фактически стоял за выкуп земли, хотя формально признавал конфискацию земли, так сочувственно встретил плехановское «Письмо к Всероссийскому крестьянскому съезду». Когда-то марксист, принявший на IV съезде партии аграрную программу, хотя и принципиально невыдержанную, но все же признававшую конфискацию помещичьей земли, Плеханов дошел до полного забвения революционных принципов, опустился до явного предательства интересов рабочего класса и трудящихся крестьян. В каждой строчке его письма чувствуется боязнь за интересы помещиков, опасение, как бы революция не нанесла непоправимый ущерб их имуществу и хозяйству. С вызывающей откровенностью защищаются права и собственность помещиков-дворян в его обращении к крестьянам, поднявшимся против векового гнета, насилий и произвола.

Аграрное движение Плеханов называет аграрными беспорядками и объясняет их возникновение темнотой народа. Таково у него, «основанное» на марксистском анализе, объяснение развертывающейся аграрной революции. Плеханов призывает крестьян не допускать никаких самочинных захватов земель.

---

1 «Новая жизнь» № 31, за 1917 г.

2 В. Гуревич, Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция «Летопись революции», кн. 1, стр. 191.

Главная задача «Письма» убедить делегатов-крестьян отказаться от перехода земли бесплатно, без выкупа. Плеханов жалел, по его словам, прежде всего мелких крестьянских землевладельцев, иначе говоря—кулаков. Отнять землю у них без выкупа—«это и несправедливо и нерасчетливо. Несправедливо, потому, что мелкие крестьянские землевладельцы нередко платили за землю деньги, заработанные ими в поте чела своего» (это кулаки-то!—*М. Г.*). Он против отобрания земли у них и против всеобщего отчуждения частновладельческих земель. Плеханов предлагает чисто кадетское разрешение земельного вопроса: «частная земельная собственность, не превышающая известного числа десятин, остается неприкосновенной»[1].

Таким образом Плеханов выступает и против требования национализации земли и против эсеровского требования социализации земли. Он резко возражает и против отобрания земли у помещиков без выкупа и выставляет мотивы далеко не классового характера. Помещики, в случае проведения земельной реформы без выкупа, останутся-де нищими, и он спрашивает делегатов: «Теперь скажите мне: в вашем ли интересе плодить нищенство на Руси?» «Спасатель помещика» делает лишь одну уступку—он соглашается на скромное вознаграждение помещиков, признавая, что «Россия слишком бедна для того, чтобы платить миллионы владельцам огромных поместий»[2]. В заключение Плеханов призывает крестьян к гуманным чувствам в отношении помещиков. «Вы победили. А победитель, когда у него в груди бьется львиное, а не волчье сердце, ведет себя великодушно». Плеханов чувствует свою отчужденность от делегатов-крестьян. Не случайно он заявляет в начале письма, что болезнь помешала ему выступить на съезде, но, «если бы я был здоров, то и тогда я, может быть, не решился бы выступить перед вами с изложением моего взгляда на некоторые особенности нашего земельного вопроса, как его поставила недавно революция»[3]. Справедливость требует признать, что он правильно учел настроение делегатов.

Позиция Плеханова ничем по существу не отличается от меньшевистской, выделяясь разве только большей откровенностью оппортунистических своих выводов. Как мы видели, в официальном проекте резолюции меньшевистской конференции, происходившей одновременно с крестьянским съездом, говорится об отчуждении лишь части частновладельческих земель. Официальный же докладчикк конференции по аграрному вопросу—П. Маслов—выразил мнение конференции, высказываясь за частичное возна-

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 21, 2 июня 1917 г., или «Единство» №50.

[2] Там же.

[3] Там же.

граждение владельцев земель (плехановское—«скромное вознаграждение» помещиков). Одна и та же кадетская сущность характеризует позицию меньшевиков и позицию Плеханова как в аграрном вопросе, так и в остальных вопросах текущей политики.

«Письмо» Плеханова, оглашенное 27 мая на пленуме съезда, не произвело никакого впечатления на участников съезда. Оно встретило полное равнодушное отношение со стороны делегатов, так как шло совершенно в разрезе с настроениями основной делегатской массы. Меньшевистско-эсеровский блок потерпел полное поражение в подобном приеме обращения одного из «авторитетов» революции.

Интерес Плеханова к съезду был вызван лишь попыткой затормозить аграрную революцию. Само-то крестьянское движение очень мало его интересовало.

Нельзя не отметить полное, безучастное отношение меньшевиков к съезду. И присутствовавшие на съезде меньшевики ничем себя не проявили, и представитель меньшевистского Исполкома совета рабочих и солдатских депутатов выступил лишь с приветствием и не принимал никакого участия в работах съезда. Характерно, что в «Рабочей газете», официальном органе меньшевиков и меньшевистских в то время «Известиях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» не помещено ни одной статьи, ни одной заметки, относящейся к крестьянскому съезду. Впрочем в «Рабочей газете» ничего не сообщалось о крестьянском движении вообще. В то же время мы находим в этой газете весьма подробные отчеты о последовавшей вскоре всероссийской конференции ротных фельдшеров. С точки зрения отщепенцев революции постановления и решения конференции ротных фельдшеров более важны были для революции, чем борьба классов и партий на Всероссийском крестьянском съезде.

9. Национальный момент на съезде.

При особо подобранном составе съезда, когда крестьянство из разных частей страны было представлено далеко не равномерно, неудивительно, что национальный момент занимал на съезде чрезвычайно незначительное место. Тенденции к национальному самоопределению за исключением отдельных проявлений со стороны украинских делегатов не выявлялись. Эсер В. Гуревич вполне последовательно со своей эсеровской точки зрения пишет: «Самая разноплеменность депутатов, как уже отмечено выше, почти не чувствовалась»[1].

Требования национального характера выявлены были одними только депутатами Украины, наиболее численно и компактно пред-

[1] В. Гуревич, Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция, «Летопись революции», т. I, стр. 195.

ставленными на съезде. При каждом удобном случае, при разрешении того или иного принципиального вопроса украинские депутаты выдвигали вопросы украинской народности. Эти стремления к украинизации вызывали неудовольствие со стороны большинства, настроенного в общем централистически и великодержавно.

Эсеровские историки (В. Гуревич, Н. Быховский) с особенной укоризной по адресу украинских делегатов останавливаются на незначительных, но по существу вполне справедливых, хотя и облеченных в националистические формы, тенденциях к национальному самоопределению со стороны украинцев.

Украинские делегаты потребовали например своего представительства в делегации для переговоров с Временным правительством о составе коалиционного правительства. Они внесли свою резолюцию по вопросу о войне и мире, в которой, присоединяясь в основном к резолюции президиума, выдвигали еще особые требования, как-то: формирование отдельных украинских воинских частей или своего представительства на мирном конгрессе по окончании войны.

Особенное недовольство вызвало на съезде их предложение открыть дискуссию о самой сущности федерации и автономии и объеме прав федерации и автономных частей государства по отношению ко всему государству в связи с резолюцией, предложенной президиумом о будущем политическом устройстве России. Большинство собиралось принять резолюцию без доклада и без прений. После больших усилий удалось большинству убедить украинцев отказаться от своих претензий. Съезд принял общую бесцветную резолюцию по национальному вопросу, далеко не свободную впрочем от великодержавных тенденций: «Всероссийский совет крестьянских депутатов глубоко убежден, что только при самой широкой автономии (т. е. при свободе внутреннего самоуправления) народов, населяющих Россию, без подавления одного народа другим может создаться новая, сильная свободным внутренним единением свободных наций России».

Вполне, повидимому, правдоподобно сообщение В. Гуревича, что на съезде вызвало возмущение предложение украинцев поставить на обсуждение вопрос об языке съезда. Для эсеровских подкулачников и идущих за ними пока середняков казалось неслыханной дерзостью самая постановка вопроса о каком-либо другом языке, кроме русского. По словам В. Гуревича, «кто-то из депутатов, какой-то кавказец, вышел на трибуну и умолял украинцев не вносить осложнения и розни в общее дело...»[1].

Характерно это замечание В. Гуревича: «какой-то кавказец».

---

[1] Гуревич, «Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция». «Летопись революции», кн. I, стр. 188 — 189.

Этот кавказец выступает в его описании в роли хранителя русских великодержавных тенденций. Необходимо все же отметить, что за исключением украинских делегатов представители национальных областей не вносили вопросов или предложений, связанных с особым положением своей национальности или области. Верноподданическим духом из старой «единой, неделимой России» отзывалось выступление например представителя литовского народа Гржевицкого. Сообщая, что в Петрограде собирается съезд представителей литовского народа, он заявляет, что литовцы ждут слова «матушки-России» и просят предоставить литовским губерниям три места в исполнительном комитете»[1].

Подобные заявления, заискивающие перед «единой, неделимой Россией», со стороны представителей отдельных национальностей были не единичны на съезде. Великодержавным характером отличались выступления эсеров, хотя они обычно прикрывали свои великодержавные тенденции требованиями широкой федерации или автономии. Министр Чернов таким образом расписывает будущие благодеяния Временного правительства в отношении национальных меньшинств, называя их «инородцами» (кстати, заметим, термин «инородцы» часто употреблялся на съезде). «Старое правительство,—заявил Чернов в своем докладе по аграрному вопросу,—грабило инородцев, отнимало их земли, раздавая великим князьям и придворным чиновникам. Мы же будем давать им истинное сельскохозяйственное знание, а взамен будем брать от них излишек земли»[2].

В стране росло широкое национальное движение. Вскоре возник кризис в самом Временном правительстве в связи с национальным вопросом.

На крестьянском же съезде мы слышим только об «инородцах», об автономии, понимаемой как внутреннее самоуправление, об «объединенной внутренним единением» России и т. д.

Эсеровский организационный комитет, подбиравший состав съезда из состоятельного крестянства преимущественно центральных областей, меньше всего заботился о широком национальном представительстве крестьянства. Национальный вопрос на съезде явился отражением общих условий классовой борьбы в стране.

10. Крестьянская фракция большевиков и группа «14 беспартийных».

I Всероссийский крестьянский съезд состоял из двух неравных частей—огромного большинства из центра, или правого большинства, и из небольшого левого крыла, во главе которого стояли

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов № 8.
[2] «Новая жизнь» № 25, 17 мая.

две небольшие фракции—социал-демократическая фракция большевиков и группа «14 беспартийных». К левому крылу примыкали фракция объединенных социал-демократов-интернационалистов и левые эсеры. Группа объединенцев неоднократно примыкала к большевикам, и тогда от ее имени говорил т. Михайлов или т. Г. Разживин, стоявший во главе большевистской фракции. В ряде случаев группа выставляла свои отдельные резолюции. В позиции ее не было однако постоянной четкости, и она не играла какой-либо самостоятельной роли на съезде.

Группа левых эсеров занимала радикальную позицию в общей фракции эсеров. Выделяясь из эсеров правых или центра, левые эсеры держались особой линии и от большевиков по ряду вопросов. По вопросу например о коалиционном правительстве они стояли за однородное социалистическое правительство. По вопросу о войне и мире левые эсеры лишь формально призывали к превращению империалистической войны в гражданскую, в действительности же они стояли на позиции условного оборончества. Левые эсеры не отказывались и от наступления на фронте при условии, если последует опубликование тайных договоров и сообщены будут цели войны.

Вполне последовательную борьбу за крестьянство, за освобождение делегатской массы из-под влияния буржуазной идеологии вели только большевистская фракция и группа «14 беспартийных». Группа «14 беспартийных», как указывалось, была организована т. Михайловым (М. В. Фрунзе). Тов. Фрунзе с начала Февральской революции принимал активное участие в крестьянском движении Белоруссии и был организатором советов крестьянских депутатов Белоруссии, провел там два съезда белорусского крестьянства и был председателем Исполкома советов крестьянских депутатов Белоруссии.

На Всероссийском крестьянском съезде т. Фрунзе сорганизовал белорусскую группу делегатов и от нее, как мы уже знаем, вошел в президиум съезда.

Группа «14 беспартийных» вместе с крестьянской большевистской фракцией проявила большую активность на съезде. Своей неутомимой защитой правильной и в основном большевистской линии группа «четырнадцати» вызывала негодование со стороны руководящей верхушки съезда, с одной стороны, и сочувствие огромной массы делегатов-крестьян, с другой. И не без основания эсеровские историки, как В. Гуревич, Н. Быховский, вынуждены признать, что эта группа «четырнадцати» доставила немало хлопот президиуму съезда. С возмущением писали об активности этой группы и эсеровские газеты—«Земля и воля» и др.

Работа большевистской фракции и группы «14 беспартийных» протекала на съезде в невероятно тяжелых условиях. Эсеровские вожди организовали форменную травлю большевиков и всех,

кто им сочувствовал. Во время речей большевиков [illegible] слышались возгласы: «долой», «изменники», «провокаторы», «продажные шкуры», «Вильгельмы» и т. д. и т. п.

Ни один из ораторов-большевиков, в том числе и Ленин, не выступал в качестве докладчика. Выступавшие в прениях большевики были лишены заключительного слова и следовательно возможности отвечать на обвинения противников. Пользуясь этим обстоятельством, эсеровские докладчики и участники прений возводили всевозможные обвинения и поклепы на большевистскую партию. Против большевиков применялись гнуснейшие приемы борьбы, продолжалась самая безответственная травля большевиков, которая велась вне съезда в буржуазной и соглашательской печати.

«Социалистический» министр Церетелли обливал на съезде потоками лжи и грязи и возводил всякого рода инсинуации на кронштадские события и в погромном стиле высказывался по адресу кронштадтских моряков, которые поставили своей задачей на деле осуществить лозунг «Вся власть советам». Принятая съездом резолюция о кронштадтских событиях угрожала кронштадтским морякам лишением их продуктов потребления, если они беспрекословно не выполнят требований Временного правительства.

Всесильный эсеровский президиум наметил заранее членов Исполнительного комитета, которых должен был избрать съезд. Список составлен был из 30 человек, из них 25 мест было оставлено за эсерами и пять было предоставлено их надежным союзникам-трудовикам и народным социалистам. Эта новая махинация президиума, лишающая всякого представительства пролетарскую партию, побудила большевиков выступить с протестом против поведения президиума и эсеровских вождей. Г. Разживин от имени крестьянской социал-демократической фракции и Михайлов (Фрунзе) от имени крестьянской фракции и объединенных социал-демократов-интернационалистов подали в президиум письменный протест по поводу травли, ведущейся руководителями съезда против революционной социал-демократии. В протесте подчеркивались безответственные выступления руководителей съезда по адресу социал-демократов.

Указывалось на стремление президиума лишить возможности левые течения развивать свои взгляды, на то, что большевистской фракции было отказано в том, чтобы она выставила докладчика по аграрному вопросу, между тем как от народнических течений было дано слово пяти докладчикам. Подчеркивалось, что в списке членов будущего исполнительного комитета отведены места трудовикам и народным социалистам (признающим выкуп за землю) и не дано ни одного места революционным социал-демократам. В заключение обе фракции—большевики и объединенные социал-демократы— заявили, что они не могут считать такой состав исполнительного комитета выражающим интересы революционного крестьянства, сла-

всякую ответственность за направление его будущей политики и отказываются участвовать в выборах[1].

Несмотря на явно враждебную атмосферу, группа «четырнадцати» и большевистская фракция провели большую работу по раскалыванию компактного вначале большинства съезда и по пропаганде большевистских взглядов. На съезде не было ни одного принципиально важного вопроса, в котором члены обеих групп не приняли бы участия. Представители обеих фракций выступали по аграрному вопросу, по вопросам о войне, о коалиционном правительстве, по продовольственному вопросу, о местном самоуправлении и т. д. От фракции большевиков выступил ряд делегатов (Разживин, Сухарьков, Ермошенко и др.) и ответственные представители партии во главе с т. Лениным. По всем основным вопросам съезда обеими фракциями предлагались свои резолюции. Правда, эти резолюции собирали небольшое число голосов, но самый факт защиты этих резолюций на съезде имел глубоко воспитательное значение и содействовал росту большевистских настроений.

В своей работе на съезде обе фракции проводили в общем правильные большевистские установки по основным вопросам программы и тактики партии. Однако по отдельным вопросам группа «14 беспартийных» не проявила достаточной политической четкости. Как мы уже отмечали, умеренной была например резолюция группы по вопросу о коалиционном правительстве. Не было выявлено достаточной четкости и в резолюции группы по продовольственному вопросу. В резолюции не указывалось на связь разрешения продовольственного вопроса с немедленным переходом земли в руки трудящихся и с основным вопросом о переходе власти в руки советов. Неясна была позиция группы и в аграрном вопросе. То обстоятельство, что за резолюцию Ленина по аграрному вопросу голосовало лишь 6 человек, делает вероятным предположение, что при голосовании воздержалась часть беспартийных, шедших за т. Михайловым.

Но, несмотря на отдельные промахи в позиции группы «14 беспартийных», нужно отметить, что работа обеих фракций оказывала революционизирующее влияние на съездовское большинство. К тому же большевики вели агитацию не только на пленуме съезда, но и по кулуарам и общежитиям делегатов. Успехи большевистской агитации в значительной степени следует приписать неутомимой деятельности обеих фракций. Обе эти фракции сыграли большую роль в усилении роста большевистских настроений среди делегатов-крестьян.

---

[1] «Правда» № 62, 1917 г. Заявление, внесенное в президиум Всероссийского крестьянского совета 18 мая 1917 г. от фракции социал-демократов-большевиков и социал-демократов-объединенных интернационалистов.

Колоссальное значение в росте классового самосознания крестьянских масс имела работа большевиков на съезде и прежде всего выступление самого Ленина. Это было первое выступление вождя пролетариата перед представителями широких крестьянских масс, и оно оказало глубокое влияние на дальнейшее развитие аграрной революции в России.

11. Ленин и съезд.

Работа большевистской фракции протекала под непосредственным руководством партии. Мы видели, какое количество ответственных представителей партии принимало участие в работах съезда. Председатель фракции т. Разживин имел непосредственную связь с ЦК и получил там директивы по всем важнейшим вопросам. Судя по всем статьям, заметкам Ленина, относящимся к съезду, и наконец по самому его выступлению на съезде, вполне достоверно сообщение делегата-большевика А. Кучкина о том, что «Ленин горячо интересовался работой фракции и иногда забегал в нее на несколько минут»[1].

Однажды Ленин явился в помещение фракции по ее вызову для ответа на ряд вопросов. Фракции были неясны, как сообщает т. Кучкин, некоторые положения по аграрному вопросу в связи с «Открытым письмом» Ленина и ходом обсуждения этого вопроса на съезде. Ленин посоветовал заготовить заранее вопросник и отвечал по таковому вопроснику, устно читаемому одним из членов фракции. Эти ответы были исчерпывающие и вполне удовлетворили фракцию[2].

Ленин горячо интересовался работой съезда, как и вообще всеми вопросами, относящимися к борьбе партии за крестьянство. Если посмотреть статьи, заметки, выступления Ленина на митингах за апрель—май 1917 г., поражаешься тому вниманию, которое оказывал он развертывающемуся аграрному движению. Ленин неустанно следит за тактикой буржуазии и социал-предателей и шаг за шагом вскрывает обман соглашателей. Он не оставляет без разоблачения ни одной махинации классового врага, ни одного случая явного или скрытого предательства интересов трудящихся.

Как только стало известно о подготовительной работе по созыву Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов и вообще по организации советов крестьянских депутатов, Ленин выказывает большой интерес к организационной подготовке съезда и призывает большевиков поддерживать организацию крестьянства.

---

[1] А. Кучкин, I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, «Пролетарская революция» № 8—9 (67—68), 1927 г., стр. 300.

[2] Там же, стр. 303.

Сообщая о решениях апрельского совещания представителей крестьянства о подготовке Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, Ленин пишет: «Нет сомнения, все члены нашей партии, все сознательные рабочие всеми силами поддержат организацию советов крестьянских депутатов, позаботятся об увеличении их числа, об укреплении их силы, напрягут со своей стороны усилия, чтобы внутри этих советов вести работу в последовательно и строго пролетарском классовом направлении»[1].

Когда съезд собрался, Ленин уделил особое внимание его работам. Не говоря уже про его выступление на съезде и «Открытое письмо» к делегатам, он неоднократно разоблачал на страницах «Правды» ложь и обман буржуазии и ее агентов («Новое правительство уже отстало... от массы крестьянства», «О самочинном захвате земли», «Как и почему крестьян обманули» и др.). После съезда Ленин не раз возвращался к итогам и значению I Всероссийского крестьянского съезда. Такое же внимание Ленин уделял и последующим Всероссийским крестьянским съездам.

12. Итоги и значение съезда.

Формально эсеры ушли со съезда полными победителями. Победа была полностью одержана и на выборах в Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов. Цифры поданных голосов свидетельствуют как будто о самом незначительном удельном весе левого меньшинства съезда и в особенности большевиков. Кандидаты эсеров и видные народные социалисты получили огромное количество голосов: В. М. Чернов—810 голосов, Е. К. Брешко-Брешковская—809, А. Ф. Керенский—804, Н. Д. Авксентьев—799, И. И. Бунаков—790 и т. д. Левые эсеры не были избраны вовсе в Исполком, хотя М. Натансон получил 296 голосов. Остальные левые эсеры имели крайне ничтожное число голосов: Б. Камков—10 голосов; М. Спиридонова—7, Ленин получил 20 голосов, М. Горький 7 и т. д.[2].

Вместе с членами Исполкома, избранными на областных собраниях, создался мощный по численности Исполнительный комитет в составе 250 человек. По положению, принятому съездом о советах крестьянских депутатов, срок следующего Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов назначался данным съездом, на съезд мог быть созван и раньше по инициативе Исполнительного комитета или одной четверти губернских советов крестьянских депутатов. Особым постановлением съезд назначил созыв II съезда на 20 августа 1917 г.

Эсеры получили в свое распоряжение мощную организацию, на которую они могли опираться в своей борьбе против партии про-

[1] Ленин, Съезд крестьянских депутатов, Собр. соч., т. XX, стр. 193.
[2] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 11, 1917 г.

летариата. Эсеровский исполком в [illegible] витии стал надежным оплотом контрреволюции.

Но усилением эсеровской верхушки не исчерпывается значение съезда. Классовая борьба, развернувшаяся на самом съезде, имела глубокое революционизирующее значение для делегатов-крестьян. Начало процесса большевизации крестьянства идет именно с I Всероссийского съезда.

Успехи эсеров Ленин объяснял удачно проведенной ими тактикой обмана доверчивых пока крестьян. «Социалисты-революционеры успокоили крестьян, накормили их обещаниями. Крестьяне поверили. Крестьяне успокоились. Крестьяне разъехались»[1]. Так писал Ленин через неделю после съезда об обмане эсеров в своей статье «Как и почему крестьян обманули».

«Хитрая механика» буржуазии и изменников социализма и состояла в обмане трудящихся пустыми обещаниями. Из этого обмана Ленин выводит уроки тактики в борьбе за освобождение крестьянства из-под влияния буржуазии:

> «Пусть же каждый рабочий и солдат на этом, особенно поучительном для крестьян, примере хорошенечко разъяснит крестьянам, как и почему их обманули! Не в блоке (союзе) с капиталистами, а только в союзе с рабочими смогут крестьяне добиться своих целей»[2].

Классовая правда вскоре оказалась сильнее эсеровского обмана. Охваченные большевистской агитацией, разъехавшиеся на места делегаты-крестьяне стали осуществлять на практике по-своему «каучуковые» резолюции съезда, сделав волостные земельные комитеты по существу хозяевами положения.

Именно после съезда усиленно посылаются с мест телеграммы о начавшемся «хаосе» в деревне. Крестьяне захватывали земли у помещиков, отказывались вовсе от уплаты арендных денег, захватывали усадьбы, инвентарь, скот. Волостные земельные комитеты стояли во главе движения крестьянских масс.

Началась медленная, но упорная борьба волостных земельных комитетов с эсерами из центра, сидящими в центральных органах власти. Через голову кулацкого авксентьевского исполкома, в союзе с рабочими трудящиеся крестьяне стали осуществлять большевистскую программу развертывания аграрной революции, намеченную Лениным на I Всероссийском крестьянском съезде. Ленинские лозунги, провозглашенные на Крестьянском съезде, стали путеводными нитями развертывающейся аграрной революции. Всероссийский крестьянский съезд имеет важное значение в истории революционной борьбы пролетариата и беднейших крестьян за свержение власти помещиков и капиталистов, за уничтожение ига капитализма.

---

[1] Ленин, Как и почему крестьян обманули, Собр. соч., т. XX, стр. 580.
Там же, стр. 582.

ГЛАВА III.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ.

1. Крестьянская революция перед Октябрем. 2. Советы крестьянских депутатов и мелкобуржуазные партии в борьбе с крестьянским движением. 3. Классовая борьба в деревне. 4. Крестьянское движение в национальных районах. 5. Большевизация деревни. 6. Задачи большевиков в крестьянском движении перед Октябрем.

1. Крестьянская революция перед Октябрем.

Итоги Всероссийского крестьянского съезда советов крестьянских депутатов на первых порах оправдали надежды и задачи, которые возлагали на съезд соглашательские мелкобуржуазные партии. Резолюции, как и вся работа съезда, должны были, по плану социал-предателей, послужить укреплению союза крестьянства с буржуазией, задержать и свести на-нет крестьянское движение.

Правда, в течение двух месяцев (июнь и июль), последовавших за съездом, имели место гораздо более высокие цифры крестьянских выступлений, чем первые три месяца Февральской революции, но зато движение носит мирный, организованный характер.

Со второй половины июля наступает перелом в крестьянском движении в отношении широты движения, когда после подавления движения пролетариата в июльские дни устанавливается полностью диктатура буржуазии и Временное правительство встало на путь беспощадной расправы с революционным движением рабочих и крестьян. С середины июля начинает широко проводиться практика подавления крестьянского движения мерами судебного характера, а затем и мерами военного характера: на места «беспорядков» командируются карательные отряды из юнкеров или казаков, высылаются особые части из Ставки и т. д.

Под влиянием этих репрессий в августе временно сокращается крестьянское движение в стране. В сентябре и октябре оно вновь разрастается, принимая новые формы и превращаясь по существу уже в крестьянскую революцию.

Для правильного представления о динамике крестьянского движения рассмотрим по месяцам и отдельным периодам цифры крестьянских выступлений по двум таблицам, приводимым в сборнике «Аграрная революция»[1].

Общее число подсчитанных случаев крестьянских выступлений к итогу всех форм движения (в процентном отношении с округлением до 1):

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Итого
1	7	12	17	16	13	14	20[2]	100

Объединяя все число случаев по периодам, получим (округляя до 1):

I период (1 мес.) — начало движения (март)	II период (5 мес.) — развертывание крестьянской борьбы (апрель, май, июнь, июль и август)		III период (2 мес.) — начало крестьянской революции (сентябрь и октябрь)
	1-й этап	2-й этап	
1%	36%	29%	34%

Таким образом только за два неполных месяца, в третьем периоде, мы имеем 34% всех случаев крестьянского движения. Резко изменяется и самый характер движения в процессе развертывания борьбы за землю.

В периоде, непосредственно следовавшем за Всероссийским крестьянским съездом, имело место, как было уже указано, наибольшее количество случаев мирного и вместе с тем организованного крестьянского движения. Это явление связано с тем, что как раз после съезда на местах широко развиваются крестьянские организации—волостные земельные комететы и советы крестьянских депутатов.

«Каучуковые» резолюции съезда не стесняли инициативы крестьянских масс. Крестьяне решили ждать Учредительного собрания, которое должно будет декларировать национализацию земли, а пока всю свою земельную политику на местах стали строить в расчете именно на такое разрешение земельного вопроса Учредительным собранием.

Стремление к организованности в движении было настолько общим в первые месяцы революции, за исключением марта, что оно уже принимало кое-где общие типичные черты. В Льговском уезде например часть служащих имения княгини Барятинской, объединившись предварительно в комитет, самовольно арестовала и устранила от должности управляющего имением, кассира и конторщика[3]. В другом месте, захватив монастырь, крестьяне отдали

---

[1] «Аграрная революция», т. II, стр. 171, изд. Комакадемии.

[2] Данные охватывают октябрьское движение до двадцатых чисел октября примерно $^2/_3$ этого месяца.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 37, «Архив Октябрьской революции».

управление организованному в нем комитету из сестер милосердия.

Июль вслед за июнем был временем наибольшего развития организованного движения за весь период от Февраля к Октябрю. В июле на 100 случаев неорганизованного крестьянского движения приходилось 120 случаев организованного движения, вместо 86—в июне, 67—в мае, 33—в апреле и 6—в марте[1]. После июля резко уменьшается организованность в крестьянском движении. В августе мы имеем только 62 случая организованного движения на 100 случаев неорганизованного движения, в октябре на 100 случаев неорганизованного движения приходится только 14 случаев организационного движения[2]. Перед Октябрем крестьянское движение в основном получает преобладающий стихийный характер.

Стихийным характером отличаются теперь все формы крестьянского движения, не говоря уже про разгромы имений или усадеб. Даже арендное движение из организованного становится все более стихийным. В целом крестьянское движение отрывается уже от крестьянских организаций, идет через их голову, кроме тех случаев, когда волостные комитеты или другие крестьянские организации возглавляют движение.

Разгромное движение, включая сюда и поджоги имений, не прекращалось за все время от Февраля к Октябрю, но осенью, в сентябре и октябре, разгромы становятся преобладающей формой крестьянского движения. Разгромы помещичьих имений растут по месяцам, начиная с июля, и достигают кульминационной точки в октябре. В марте было только 12 случаев разгромов, в апреле—21, в мае—25, в июне—22, в июле—27, в августе—35, в сентябре—106, в октябре—274[3]. Один октябрь дает 42,1% всех случаев разгромного движения, зарегистрированных за время Февральской революции[4].

В литературе уже указывалось, что цифровые сведения о крестьянском движении, даваемые в книге «Крестьянское движение в 1917 г.», откуда мы цитировали приведенные выше цифры, значительно преуменьшены, поскольку основаны они на данных только Главного управления милиции, а туда далеко не полностью доставлялись сведения о происходивших выступлениях. Даже комиссары Временного правительства на местах не давали в Министерство внутренних дел полных сведений о крестьянских выступлениях. Много документов из крестьянского движения осталось на местах в архивах губернских комиссаров и лишь частично использованы

---

[1] «Крестьянское движение в 1917 г.» Предисловие т. Яковлева, стр. 6.
[2] Там же, стр. 7, 9.
[3] «Аграрная революция». т. II, стр. 172, изд. Комакадемии.
[4] «Крестьянское движение в 1917 г.», Предисловие, стр. 8. «Архив Октябрьской революции».

в недавнее время, в юбилейных изданиях местных истпартов или губернских комиссий по празднованию десятилетия Октября.

Укажем при этом на т. Рубача, который в своей работе «Аграрная революция на Украине в 1917 г.», заявляет, что сводка милицейских данных, даваемая в книге «Крестьянское движение в 1917 г.», чрезвычайно неудовлетворительна. В частности он утверждает, что цифра выступлений от сентября в отношении 9 губерний степной полосы Украины «является явно неправильной... 118 правонарушений—это в десятки раз преуменьшенная цифра»[1].

В свою очередь мы считаем нужным отметить в отношении цифровых сведений о разгромах, что хотя кривая их роста по месяцам представлена в общем правильно, но самые сведения о количестве разгромов в предоктябрьский период крайне преуменьшены. За два последние месяца перед Октябрем,—в момент наивысшего развития разгромного движения,—в сводке указаны всего-навсего 380 случаев разгромов.

Мы не имеем в своем распоряжении исчерпывающих данных о разгромах по всей стране, приведем однако эти отрывочные сведения только по 4 губерниям, и будет достаточно, чтобы показать, насколько указанная выше цифра резко отстает от действительности.

В одном Козловском уезде, Тамбовской губ., за три дня 23—26 (10—13) сентября было сожжено 26 имений, всего за время 18 сентября—14 октября по Козловскому уезду сожжено и разгромлено было 54 частновладельческих имения[2].

В Саратовской губ. за период только 7—26 октября подверглось разрушению до 50 имений[3]. В Нижегородской губ., в одном только следственном участке Лукояновского уезда, за время с 15 по 30 октября разгромлено было до 20 экономий и хуторов. За весь 1917 г. в этой губернии было не менее 384 случаев аграрно-революционного движения[4]. По сообщению Всероссийского союза земельных собственников в министерство, в Ефремовском уезде Тульской губ. полному разгрому подвергались от 10 до 20 имений в день[5].

Таким образом только по 4 губерниям, принадлежащим, правда, к районам сильного крестьянского движения, к районам крестьянского восстания (Центральноземледельческому и Средневолжско-

---

[1] Журнал «Летопись революции» № 1 (28), стр. 47, выноска. М. А. Рубач, Аграрная революция на Украине в 1917 г.

[2] Хроника революционных событий Тамбовской губ., стр. 21—22, изд. Тамбовск. губ. комиссии по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции.

[3] «1917 г. в Саратове», стр. 80, изд. Истпартотдела ГК ВКП(б). Данные приведены с ссылкой на сообщение Антонова-Саратовского.

[4] «Октябрьская революция в Нижегородской губ.», стр. 26, 24, изд. Нижегородского истпартотдела губкома ВКП(б).

[5] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 323 «Архив Октябрьской революции»

му), мы имеем цифру разгромов, близкую к цифре разгромов, указанной в «Крестьянском движении в 1917 г.» по всей стране. Действительное же число разгромов имений и хуторов, имевших место по всей стране в предоктябрьский период, в несколько раз превосходит цифру, отмеченную в указанной книге.

Огромные цифровые показатели разгромов имений и хуторов дают наглядное представление о необычайном размахе и революционном характере крестьянского движения накануне Октября. В волне разгромов помещичьих имений перед Октябрем на первое место выступают полные разгромы и поджоги, вместо прежних частичных разгромов. Самый факт увеличения разгромов означает углубление крестьянского движения, превращающегося уже в открытую крестьянскую войну против помещиков. Разгромная волна охватывает прежде всего территорию Центральноземледельческого и Средневолжского районов, где особенно сильны были пережитки кабально-крепостнических отношений.

Движение переходит на высшую ступень—стадию крестьянского восстания. Все более вытесняются из практики мирные формы борьбы, захваты земель, лугов в легальной форме. Крестьяне редко обращались теперь к помещикам с требованием давать подписку о добровольной передаче своих лугов, земель волостным комитетам.[1] Иногда эта подписка о добровольной передаче вынуждалась теперь уже угрозой самосуда[2]. Крестьянское движение в сентябре и октябре резко шагнуло вперед от той ступени развития, когда крестьяне, выражаясь словами одной резолюции уполномоченных от ряда селений, ставили себе задачей «организованным путем стараться принудить помещиков оставить свои имения»[3].

От принудительной аренды помещичьих и кулацких земель в предшествующий период, от разных других форм мирной борьбы крестьяне переходят к прямому, открытому захвату помещичьих и кулацких земель. Движение становится массовым и революционным.

Это движение не остается без руководства. Правда, волостные комитеты сплошь и рядом не возглавляют теперь движения, но их обычно заменяют солдаты и матросы вместе с городскими рабочими и под руководством последних.

Крестьянское движение в предоктябрьский период не лишено было известной организованности, поскольку оно проводится по известному плану. В отношении помещиков не употреблялись всегда одни и те же меры. Убивают например из помещиков главным образом тех, кто оказывал сопротивление или по приказу которых стражники или помещичьи охранники стреляли в крестьян.

---

[1] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 245. «Архив Октябрьской революции».

[2] Там же, стр. 287.

[3] Там же, стр. 49.

Волна крестьянского террора по отношению к помещикам, за исключением отдельных окраин, широко распространяется по всей стране. Официальные документы той эпохи довольно наглядно отражают характер разгромного движения. Вот как рисует мощь этой волны крестьянского террора один из представителей Временного правительства, нижегородский прокурор: «Нижегородскую губернию постигло несчастье—аграрные беспорядки. В большинстве уездов снесены с лица земли не только помещичьи усадьбы, но и крестьянские владения...»[1].

Ненависть крестьянства к вековым угнетателям и их прислужникам вылилась в ожесточенных формах разгромов, грозивших захлестнуть целиком районы, где были особенно сильны остатки крепостнически-феодальных отношений (Центральноземледельческий и Средневолжский районы), как и районы с сильно развитым капиталистическим хозяйством (Западный район и юго-западная Украина)[2].

Описывая волну разгромов в Лукояновском уезде, Нижегородской губ., судебный следователь этого района отмечает силу и характер проделанных разрушений: «Постройки частью сожжены, частью разобраны и увезены; мельницы, сельскохозяйственные машины и орудия приведены в негодность—разобраны «до винтика» и расхищены, скот всякий и даже домашняя птица уведены, да и хозяйственное имущество всюду в разгромленных усадьбах и хуторах расхищено...»[3].

Тамбовский губернский комиссар, сообщая о разгромах в Козловском уезде (Тамбовской губ.) пишет: «За три дня сожжено 24 имения... Погром носит крайне ожесточенный характер. Выжигается все, что может гореть, все же, что не поддается огню,—разламывается, разбивается, уничтожается или растаскивается»[4].

События в Тамбовской губ. имеют большое историческое значение, поскольку они были переломным пунктом в крестьянском движении и служили явным признаком наступившего крестьянского восстания. Восстание, как сообщают соглашательские газеты, началось в Козловском уезде 8—10 сентября, разгромы и поджоги продолжались несколько дней.

За разгромами имений следовали карательные экспедиции Временного правительства, возвращавшие нас ко временам столыпинской расправы с восставшими рабочими и крестьянами. «С мест,

---

[1] «Октябрьская революция в Нижегородской губ.», изд. Нижегородского истпартотдела губкома ВКП(б), стр. 25.

[2] «Крестьянское движение в 1917 г». Предисловие т. Яковлева, стр. XIII—XIV «Архив Октябрьской революции».

[3] «Октябрьская революция в Нижегородской губ., изд. Истпартотдела губкома ВКП(б), стр. 26.

[4] Хроника революционных событий Тамбовской губ., изд. Тамбовской губернской комиссии по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции, стр. 22.

куда послали казаков,—сообщает «Новая жизнь»,—крестьяне бросились бежать в город, в казармы, к солдатам и с плачем умоляли заступиться за них, так как казаки до полусмерти избивают нагайками их, женщин и детей. Был момент, когда на призыв крестьян о помощи солдаты бросились к ружьям...»[1] Социал-предателям,—прибавим от себя,—больших трудов стоило удержать солдат от выступлений.

Через несколько дней после первой карательной экспедиции крестьяне делают вторичную попытку просить заступничества со стороны солдат. Они отправились на заседание социал-демократической партии (меньшевиков), где присутствовало много солдат, «бросились на колени, плакали, просили защиты от казаков, говоря, что избивают их нагайкой, загоняют и запирают в ригу, а жен и детей тащат в барский дом и там насилуют.

Солдаты были возмущены, некоторые плакали вместе с крестьянами, другие стали призывать товарищей пойти по ротам, собрать полки и покончить с казаками»[2]. Социал-предателям и на этот раз удалось успокоить солдат.

Соглашательская печать видела в тамбовских событиях лишь одну «анархию» и погромную волну темной крестьянской массы, Ленин же указывал на политическое значение крестьянского движения в Тамбовской губ.[3] Несмотря на свой стихийный характер и на нежелательные эксцессы, которыми они сопровождались, тамбовские события показали рост классового самосознания трудящихся крестьян и политический рост самого движения, развивавшегося уже в крестьянскую революцию.

> «Движение крестьян в Тамбовской губ.,—заявляет Ленин в «Письме к товарищам»,—было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Недаром вся запуганная восстанием эсеровская шваль, вплоть до «Дела народа» вопит теперь о необходимости передачи земель крестьянам».
>
> «Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания, отмеченное уже в «Рабочем пути», это—подвоз хлеба к станциям железных дорог Тамбовской губ. Пока эсеровские меньшевистские предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учредительного собрания, народ по-большевистски приступит к решению вопроса о хлебе восстанием против помещиков, капиталистов и скупщиков»[3].

---

[1] «Новая жизнь» № 141 (135) и 136 (130), 1917 г.
[2] Там же.
[3] Ленин, Письмо к товарищам, Собр. соч., т. XXI, стр. 335—336.

В результате крестьянского движения «все станции железных дорог в уезде, как вынуждена сообщить горькую правду буржуазная газета «Русская воля», оказались буквально засыпанными зерном. Это еще не разгромленные помещики торопились спасать свое добро».

Крестьянство теряло доверие и к Временному правительству и к министрам-«социалистам», открыто поддерживавшим диктатуру имущих классов. От пути соглашения с буржуазией крестьянство приходило на путь всеобщего восстания против правительства помещиков и капиталистов.

2. Советы крестьянских депутатов и мелкобуржуазные партии в борьбе с крестьянским движением.

Тамбовские события свидетельствовали о разрыве между крестьянством и буржуазией. Борьба за землю означала теперь борьбу против помещиков и поддерживающего их Временного правительства. Волна разгромов, охватившая сначала Козловский уезд Тамбовской губ., оттуда быстро перекинувшаяся в соседние уезды и губернии Поволжья, а затем по всей стране, была классовой борьбой и против помещиков и против правительства помещиков и капиталистов.

Тамбовские события свидетельствовали вместе с тем о разрыве между крестьянскими верхушечными организациями и крестьянскими низами. Замаскированная политика предательства интересов трудящихся со стороны Исполнительного комитета Всероссийского крестьянского совета становилась теперь открыто и явно предательской.

Вся деятельность эсеровских вождей Исполкома представляла собою систему сплошного надувательства, измены обещаниям, данным крестьянским делегатам на майском Всероссийском крестьянском съезде.

В. Чернов обещал съезду в ближайшие дни издать законопроект о запрещении земельных сделок. Два месяца прошло с того времени, и только 12 июля этот закон был издан. Это был единственный законопроект, вышедший в свет из обещанных съезду, притом закон не в интересах крестьянства. Остальные земельные проекты—и прежде всего законопроект о передаче земли земельным комитетам, несмотря на категорические требования крестьянства, Временным правительством держались под спудом. Лишь за два дня до своего свержения Временное правительство приняло в измененной форме законопроект Главного земельного комитета, утверждавший переход земли к земельным комитетам и устанавливающий нормы временного землепользования до окончательного

куда послали казаков — сообщает «Новая жизнь»

закона Учредительного собрания. Однако принята была только первая часть законопроекта. Остальную часть законопроекта Временное правительство не «успело» принять за все шесть месяцев своего существования после съезда, которые были по существу временем сплошной борьбы Временного правительства с крестьянством.

Выполняя целиком волю цензовых элементов, социал-предатели — меньшевики и эсеры, не только не боролись с противокрестьянской политикой Временного правительства, но под разными благовидными предлогами всячески защищали эту политику перед крестьянскими массами.

Замаскированная политика предательства и обмана трудящихся выявилась со стороны «социалистических» министров и в их отношении к «242 Наказам крестьянских делегатов». Как мы уже выше говорили, вскоре после Всероссийского крестьянского съезда в так называемом «примерном наказе» была дана сводка важнейших требований 242 наказов, представленных делегатами съезда. «Социалистические» министры предали полному забвению и самый «примерный наказ» и требования делегатов, и только Октябрьская революция поставила реально вопрос об осуществлении на практике требований 242 наказов крестьянских делегатов. Поведение министров-«социалистов» становилось открыто предательским, когда они начали издавать положения, инструкции, явно идущие в разрез с их собственными обещаниями и надеждами и требованиями крестьянских делегатов. 16 июля например «селянский» министр Чернов разослал инструкцию земельным комитетам, которая вместо передачи земли земельным комитетам предлагала взять землю на учет продовольственным комитетам, а уже те предоставляли землю в распоряжение земельным комитетам. Ограничение далее идет по линии того, что не вся земля берется на учет, а только «оставшаяся необработанной». Устанавливается арендная плата за земли, взятые у помещиков, по «добровольному» соглашению арендаторов с землевладельцами. Арендная плата, за вычетом налогов и платежей, вносится землевладельцам.

Каждый пункт этой инструкции является издевательством над данными делегатам съезда обещаниями, а вся она в целом представляет собой пример сплошного предательства интересов трудящихся крестьянских масс.

Перед самым Октябрем эсеровский министр земледелия С. Маслов выступил с земельным законопроектом, который Ленин назвал «новым обманом крестьян партией эсеров». Законопроект передает в распоряжение временного арендного фонда лишь часть помещичьих земель вместо конфискации всех помещичьих земель. Зачисление земель в этот фонд производится земельными комитетами, учрежденными на основании шингаревского положения о земельных комитетах от 21 апреля 1917 г. Устанавливается аренд-

ная плата, которая предназначается в новом законопроекте, как и в инструкции Чернова, попрежнему помещику.

Министры-«социалисты» шли в первых рядах в борьбе с аграрным движением. Вслед за Черновым, издавшим указанную нами выше инструкцию, выступил и Церетелли, новый министр внутренних дел, с циркуляром от 18 июля на имя губернских и областных комиссаров. В циркуляре воспрещаются какие-либо «попытки самочинного осуществления земельной реформы на местах решениями местных комитетов и крестьянских съездов». Местным и земельным комитетам категорически предлагалось руководствоваться шингаревским положением о земельных комитетах от 21 апреля. При министрах-«социалистах» началась и широко применялась практика судебных преследований крестьян, причем привлекались они к суду по старым дореформенным законам.

При министрах-«социалистах» (эсерах-народниках—Чернове, Пешехонове, меньшевиках—Церетелли, Никитине) начались аресты членов волостных земельных комитетов и вообще местных крестьянских организаций. В некоторых уездах привлечены были к судебной ответственности почти все волостные земельные комитеты, например в Ельницком уезде Смоленской губ., из 17 комитетов отдано под суд 14, а число лиц, привлеченных к суду, уездный комитет определял до 70 человек. Это только по одному уезду [1]. Нечего уж говорить про аресты крестьян за нарушение владельческих прав помещиков.

Аресты членов волостных земельных комитетов, выполнявших постановление крестьянских съездов, были для всех крестьян наглядным примером предательства и обмана крестьянства социал-предателями. Первые аресты крестьян, членов земельных комитетов, начались по распоряжению эсеровских министров, Керенского и Авксентьева. Дальнейшие усмирения крестьян карательными отрядами производились под «верховным руководством» эсера Керенского и меньшевика Никитина [2]. Меньшевики и правые эсеры уже в июле 1917 г. «оказались фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества» (Ленин).

Вслед за объявлением смертной казни на фронте Корнилов и командующие фронтами и армиями начинают распространять свои полномочия и по борьбе «с разрухой в тылу» и издают распоряжения, аннулирующие постановления крестьянских съездов и земельных комитетов. В то время как общим требованием волостных и уездных земельных комитетов на Украине например было требование натуральной оплаты труда, и за снятие хлебов на полях землевладельцев комитеты требовали «третью часть урожая» (борьба за «третий сноп»), новый главнокомандующий юго-западным

---

1 «Новая жизнь» № 152 (146), 13 (26) октября 1917 г.
2 «Рабочий путь» № 33, 1917 г.

фронтом генерал Корнилов в первый день своего назначения издал приказ, которым воспрещал «принуждать владельцев платить за труд по уборке не деньгами, а натурой—в хлебе». А затем 13 июня, после закона о смертной казни для солдат, Корнилов издает второй приказ, дополняющий и углубляющий «аграрную программу» первого приказа: «... объявляю всем сельским хозяевам и землевладельцам... что тех из них, которые будут обвинены в недобросовестности или явно злоумышленном отношении к делу сбора урожая, я буду предавать революционно-полевому суду как изменников и предателей родины»[1].

Таким образом за одно требование натуральной оплаты труда следовало предание полевому суду. Ставка принимает непосредственное участие в подавлении крестьянского движения мерами военного характера. По распоряжению Ставки был арестован председатель Могилевского губернского исполнительного комитета крестьянских депутатов прапорщик Гольман и в Подольской губ.— председатель Летического уезда совета крестьянских депутатов. Арест двух представителей советов крестьянских депутатов вызвал всеобщее возмущение в рядах организованного крестьянства.

Все чаще на места вызывались надежные роты солдат и кавалерийские части для подавления аграрных «беспорядков», а в особых случаях действуют и броневики (например в Подольской губ. и в Тамбове).

Аппетиты помещиков и агентов Временного правительства настолько разрослись, что тамбовским губкомиссаром, например в связи с разгромами в Липецком уезде, была отправлена телеграмма в Министерство внутренних дел с заявлением, что «одного эскадрона для трех волостей недостаточно»[2]. Из сведений официального характера мы узнаем, что в Козловском уезде во время «беспорядков» действовали четыре эскадрона кавалерии.

Всеми военными силами Тамбовской губ. распоряжался приехавший из Москвы с особым отрядом и броневиками капитан Миронович. Часть его отряда, составленная из казаков и юнкеров, действовала в Козловском уезде, другая половина отряда занята была подавлением разгрома на продовольственной почве в Тамбове и волнений в Тамбовском гарнизоне[3]. Угрозой применения броневиков Миронович принудил к выдаче зачинщиков вышедшего из повиновения 204-го пехотного полка, а затем обезоружил и весь полк[4].

Специально подобранные воинские части неоднократно обезоруживали пехотные части, которые принимали то или иное участие в разгромах имений, с другой стороны, в прифронтовой полосе

[1] М. А. Рубач, Аграрная революция на Украине, «Летопись революции» № 1 (28), 1928 г., стр. 31 и 33.

[2] «Хроника революционных событий Тамбовской губ.», составили П Крошицкий и С. Соколов стр. 26.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Там же.

имели место случаи, когда пехота, переходя на сторону крестьян, обстреливала казачьи части, приехавшие прекращать «самоуправство» крестьян.

Помещики, имевшие свою стражу, не дожидаясь прихода воинских частей, собственными наличными силами устраивали вооружённые вылазки против крестьян. Когда в одном из имений Нижнедевицкого уезда возникло столкновение между владельцами имения и крестьянами на почве земельного вопроса, землевладельцы отрядили против крестьян до 30 пленных мадьяр, вооруженных вилами [1].

Воинским частям приказано было не останавливаться перед «решительными мерами». Повсеместно, где только вспыхивало аграрное движение, объявлялось военное положение. Неоднократно войска стреляли по безоружным крестьянам. Так, в Сормовской волости, Ядринского уезда (Казанской губ.), «ввиду враждебности толпы», как указывалось в официальном донесении, солдаты стреляли в толпу, причем убито было 2, ранено 7, из них 2 умерло от ран [2].

Даже соглашательская печать вынуждена была протестовать против этих расправ и против «столыпинских хваток» министра Керенского.

Диктатура Временного правительства была откровенной диктатурой империалистической буржуазии и помещиков, ограждавших свои интересы с помощью казаков, георгиевских кавалеров, юнкеров и отдельных отрядов Ставки, которые были в распоряжении Керенского. Временное правительство, в угоду помещикам и кулакам, беспрерывно повышало хлебные цены, а под конец своего существования их удвоило, между тем как голод в городе и деревне становился все более реальным.

Режим корниловца Керенского, тщательно поддерживаемый министрами-«социалистами», сам по себе агитировал против коалиции с буржуазией и в значительной степени содействовал полевению крестьянских масс. Аресты членов волостных комитетов, среди которых много было эсеров, вели к дальнейшему разрыву между верхушечными крестьянскими организациями, возглавляемыми теми же эсерами, и низовыми крестьянскими комитетами. Это полевение крестьянских масс выражалось как в росте большевистских настроений в деревне, так и во все большем усилении левого крыла в партии эсеров.

Полевение крестьянских масс, рост классовых противоречий в самом крестьянстве с приближением к Октябрю ускоряют все разрастающийся раскол в крестьянстве. Мелкие и средние крестьяне, которые в апреле и мае шли за эсерами, в том числе и черновцами, к июлю и августу разочаровываются в соглашательской

[1] «1917 г. в Воронежской губ.», хроника Истпартотдела, изд. Воронежского губкома ВКП(б) и губернской комиссии по празднованию десятилетия Октябрьской революции, стр. 113.

[2] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции» стр. 278.

политике эсеров, на опыте убедившись в предательской политике Временного правительства.

Фракция левых эсеров оформилась на III съезде эсеров в начале июня. Левые эсеры, как выразители интересов среднего крестьянства в то время, составляли левое крыло в общей пока партии эсеров и выдвигали более решительные требования в области земли, войны и мира: немедленную передачу земли трудящимся, однородное социалистическое правительство и в нерешительной половинчатой форме требование о прекращении империалистической войны в гражданскую. С первых же шагов возникновения фракции в ее тактике проявляются нерешительность, колебания, столь характерные для всей последующей деятельности левых эсеров.

Левые эсеры долго не отмежевывались от общего эсеровского центра, хотя и держались обособленно—и эта черта характерна для всех мелкобуржуазных неустойчивых партий. Они образовали оппозицию в Исполнительном комитете крестьянских депутатов, возглавляемую М. Спиридоновой, Б. Камковым и др. Оппозиция превратилась в Исполнительном комитете в значительное меньшинство, отражавшее растущее полевение крестьянских масс.

Опасаясь потерять свое преобладание, президиум Исполнительного комитета, несмотря на категорическое постановление I Всероссийского крестьянского съезда о созыве II съезда на 20 августа, всячески оттягивал созыв II съезда совета крестьянских депутатов. Три раза съезд откладывался эсеровской верхушкой и был созван уже после Октября по инициативе большевиков и левых эсеров.

3. Классовая борьба в деревне.

Весь ход событий от Февраля к Октябрю оказывал глубокое влияние на классовую и партийную борьбу в деревне. На селе шла упорная классовая борьба, направленная не только против помещиков, но и против отрубщиков, хуторян и вообще зажиточных слоев деревни. С ростом классовых противоречий в стране обострялась и классовая борьба внутри самого крестьянства.

Статистические данные показывают, правда, невысокий к общему числу крестьянских выступлений процент случаев движения, направленных против крестьян-собственников [1], но борьба эта по своему содержанию и значению была очень важная и занимала одно из центральных мест в жизни деревни.

Кулаки арендовали в большом количестве землю у помещиков и обычно переуступали ее нуждающимся в земле по более дорогой

[1] Необходимо оговориться, что как самое число выступлений против своей деревенской буржуазии, так и самое процентное отношение к общему числу крестьянских выступлений, приводимые нами выше в тексте книги на стр. 11, лишь относительно верны, поскольку основаны на одной лишь сводке милицейских данных.

цене мелкими участками. Отобрание арендуемой земли крепко задевало интересы кулаков и зажиточных.

Кулаки пользовались в значительных размерах наемной рабочей силой. Движение сельскохозяйственных рабочих, батраков на почве применения наемного труда задевало интересы как помещиков, так кулаков и зажиточных крестьян.

Происходило таким образом отождествление на практике интересов помещиков и крупных собственников-крестьян, задеваемых растущим крестьянским движением. Еще до приговоров крестьянских обществ, требующих полной ликвидации отрубного владения, мы видим, как острие первых крестьянских приговоров одинаково было направлено как против помещиков, так и кулаков в вопросах аренды земли, нормирования арендных цен, использования военнопленных и вообще наемной рабочей силы.

Характерно например постановление крестьян нескольких сел Курмыжского уезда, Симбирской губ., принятое на общей сходке совместно с крестьянами деревень Васильсурского уезда, Нижегородской губ. Это постановление требовало: не арендовать земель у помещиков и кулаков и не наниматься к ним на работы; требовать у Нижегородского и Симбирского советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов недопущения к ним на работу военнопленных и солдат [1]. На этой же сходке образовался союз из ряда деревень двух указанных уездов, и уполномоченные союза выработали на своем собрании 26 мая 1917 г. дополнительные меры на основе предыдущего постановления общекрестьянской сходки: «Не допускать к помещикам и кулакам на сельскохозяйственные работы военнопленных, предложить помещикам сдать всю землю в волостные комитеты, в случае отказа помещиков и кулаков обрабатывать землю своими руками, отобрать от них землю и передать крестьянам, арендовать землю у помещиков и кулаков по ценам, определяемым союзом, причем деньги должны вноситься в депозит казначейства, а не в руки помещиков...» [2].

В ряде других районов, например в Нижегородской губ., издавались постановления волостных и сельских сходов о запрещении наниматься на работу к помещикам и кулакам под угрозой штрафа [3].

В других спорных вопросах крестьяне-общинники также одинаково борются против помещиков и кулаков. Отождествление кулаков с помещиками происходит и в отношении распределения частновладельческих земель. На первом же волостном собрании Новорожевской волости и уезда, Псковской губ. (в деревне Никулино) крестьяне выносят постановление: «Делить землю помещиков и крупных кулаков, не дожидаясь разрешения Временного

---

1 «Крестьянское движение в 1917 г. «Архив Октябрьской революции» стр. 49.
2 Там же.
3 «Октябрьская революция в Нижегородской губ.», изд. Нижегдского истпартотдела губкома ВКП(б), стр. 24.

правительства, потому что у власти, хотя и не царь, а министры, но никакого толку нет безземельным»[1]. Из дальнейшего текста корреспонденции, где говорится только о кулаках, видно, что «крупные» кулаки означают здесь обычных кулаков и названы они крупными повидимому для большего противопоставления безземельным.

В деревне шло глубокое классовое расслоение, разрастающееся ко времени приближения к Октябрю: на одном фронте шли бедняки, батраки и часть колеблющихся середняков во главе с солдатами и рабочими, на другом—зажиточные и кулаки вместе с помещиками.

Как сообщают селькоры, участники крестьянского движения 1917 г., кулаки всячески содействовали помещикам. Они помогали помещикам уезжать ночью и забирали их вещи [2]. В свою очередь помещики оказывали большое доверие имущим слоям крестьянства. Уезжая, они все более ценное, что не могли увезти с собою, передавали на хранение зажиточным крестьянам, а часть имущества зарывали в землю [3].

Необходимо все же признать, что союз зажиточного крестьянства с помещиками был неполный, так как зажиточные и кулаки не стремились совершенно отмежеваться от всего крестьянства. Отношение зажиточных и кулаков к разгромам помещичьих имений было двойственное. С одной стороны, они выигрывали от ликвидации помещичьего землевладения, и сплошь и рядом участвовали в разделе захваченных земель и в особенности в распределении помещичьего инвентаря. С другой стороны, как мы видели, развертывающееся крестьянское движение наносило кровный ущерб их собственным интересам.

Участники крестьянского движения в своих воспоминаниях передают на конкретных примерах историю этого двойственного отношения зажиточных крестьян к разгромному движению. Так селькор из Орловской губ. сообщает: «...богатеи, зажиточные всегда поддерживали помещиков, запугивая бедноту, что, мол, это вам так не пройдет. Но при разграблении имений всегда приходилось больше зажиточному, так как в то голодное время зажиточные имели деньги и хлеб, да к этому еще бедняк всегда был запуган богатым: «У тебя силы нехватит за хорошую корову расплатиться и прокормить ее, отдай мне, и ты будешь чист», бедняки соглашались, а богатеи подешевле покупали захваченное имущество и земельку и своими семенами обсеменили» [4].

Ряд других корреспонденций, помещенных в указанном сборнике воспоминаний крестьян «1917 г. в деревне», как и официальные документы той эпохи, отмечают, что в борьбе с помещиками главную роль играла деревенская беднота, но от разгрома

[1] «1917 г. в деревне», стр. 247—248. Воспоминания крестьян. Сборник под редакцией Я. Яковлева.

[2] Там же, стр. 50. Корреспонденция селькора Воронежской губ. А. Шмаровой

[3] Там же, стр. 150. Корреспонденция селькора Могилевской губ. т. Бабкова

[4] Там же, стр. 50. Корреспонденция селькора С. Санченкова Орловской губ.

помещичьих экономий в ряде случаев больше всего выигрывала зажиточная часть крестьянства, которая имела своих лошадей и своими подводами возила к себе награбленное у помещика [1].

Кулаки прилагали все усилия, чтобы в первую очередь использовать результаты разгромов, хотя сами не участвовали в разгромах и вели даже агитацию против них. Показательно в этом отношении донесение подольского губернского комиссара министру внутренних дел об аграрном движении (от 15 октября 1917 г.). В этом донесении комиссар сообщает о ловкости рук зажиточных: «Нельзя пройти мимо наметившегося способа решения земельных отношений, а именно самочинного раздела частновладельческих земель зажиточными домохозяевами в свою пользу, а не в пользу безземельных односельчан» [2].

Не отказываясь от выгод разгромов помещичьих имений, кулаки вели активно агитацию против растущего крестьянского движения, ибо развертывающееся крестьянское движение, колебавшее все устои помещичьего и частновладельческого землевладения, кровно задевало интересы и кулачества.

Кулаки были против национализации земли, так как они лишались своей купчей земли и других преимуществ, связанных с применением капитала на своей земле. Эти мотивы сближали их с помещиками. Не выделяясь целиком от остального крестьянства, кулаки держали в основном общий фронт с капиталистами и помещиками и активно боролись с движением рабочих и деревенской бедноты за советскую власть.

Что же касается середняков, то они в целом колебались между властью Временного правительства и властью советов, сохраняя лишь нейтралитет в борьбе рабочих и беднейших крестьян против диктатуры помещиков и капиталистов. «К Октябрю мы шли и победили в Октябре вместе с беднейшим крестьянством при сопротивлении кулачества (тоже крестьянство) и колебаниях со стороны среднего крестьянства» (Сталин) [3].

В своих воспоминаниях о крестьянском движении в 1917 г. многие из авторов удачно воспроизводят эту картину расслоения деревни: «Крестьянство разделялось на несколько партий. Самое зажиточное население было против разгрома хуторов и помещиков, среднее крестьянство относилось к этому равнодушно, а беднота действовала во-всю. Образовывали особые группы, которые с оружием в руках шли на все...» [4].

---

[1] «1917 г. в деревне», стр. 280. Корреспонденция селькора Таврической губ. И. Н. Гаповенко.

[2] «Летопись революции» № 5—6, стр. 14, 1927 г. М. Рубач, Аграрная революция на Украине.

[3] Сталин, О лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября. Вопросы ленинизма, стр. 318, изд. 1930 г., Гиз, Дешевая библиотека, 2-е доп. изд.

[4] «Война крестьян с помещиками», Сборник с предисловием Я. Яковлева, стр. 12

Волна крестьянского террора направлялась в одинаковой степени как против помещиков, так и против крупных владельцев земли из крестьян. Надо при этом отметить, что из всей деревенской буржуазии особенную ненависть вызывали к себе со стороны крестьян отрубщики, прозванные в некоторых районах «столыпинскими помещиками».

Нижегородский губкомиссар в своем официальном донесении отмечает, что террор направлялся как против помещиков, так и против отрубщиков, хуторян. «В большинстве уездов,—заканчивает он свое донесение,—снесены с лица земли не только помещичьи, но и крестьянские владения» [1].

Красный петух гулял и над владениями богатых крестьян, хуторян, отрубщиков. Ненависть крестьян к земельным собственникам из крестьянской же среды достигла таких огромных размеров, что в отдельных случаях не только грозила снести с лица земли дома и владения хуторян и богатеев-крестьян, но им самим угрожали самосудом. Стихийная ненависть к кулакам и хуторянам не мешает однако крестьянам действовать против них сплоченно и организованно. Так граждане села Яблоновца, Шекмановской волости, Липецкого уезда (Тамбовской губ.) например, на общем собрании постановили выселить местного крестьянина—хуторянина Ф. Якунина, лишив его купленной земли. Ударили в набат и направились к хутору Якунина, где разобрали остов риги, раскрыли избу, повредили печь, окна, стены, разрушили колодезь, забив его бревнами. Грозили его убить и требовали ареста и удаления с хутора всего семейства Якунина. Причина выступления—вражда Якунина с крестьянским обществом из-за купленной им земли [2].

Аналогичный инцидент имел место в Московской губ., в селе Жарово, Можайского уезда, где крестьяне стали громить дом зажиточного крестьянина Васильева, грозя его убить и сжечь дом. На помощь срочно выехал уполномоченный комиссара волостной начальник милиции. Возбужденная толпа требовала народного суда над Васильевым и его семьей. С большим трудом после 2-часовых переговоров удалось уполномоченному вывести Васильевых из дома, но, отпустив Васильевых, толпа стала угрожать уполномоченному, которому едва удалось избежать самосуда» [3].

После раздела и отнятия земли у отрубщиков беднота продолжала вести упорную и систематическую борьбу с ними, стремясь подорвать и на будущее время экономическое влияние и мощь кулачества, а также дезорганизовать хуторские хозяйства.

---

[1] «Октябрьская революция в Нижегородской губ.», стр. 25, изд. Истпарт отдела губкома ВКП(б).

[2] «Хроника революционных событий Тамбовской губ»., стр. 21, изд. Тамбовской губернской комиссии по организации проведения десятилетия Октябрьской революции.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции», стр. 2 8.

Крестьяне-общинники из бедноты и части [illegible] чинно разделяют земли отрубщиков или, как первый шаг к этому, самочинно производят распашку их земель. Не ограничиваясь разделом земли или захватом распашки, они уничтожают озимые посевы, разделяют меж собой рожь, засеянную отрубщиками, лишают их возможности пасти скот на пастбище, препятствуют производить сельскохозяйственные работы, уничтожают пасеки отрубщиков, захватывают инвентарь и т. д.[1]. Такую борьбу они ведут иногда сообща несколькими селами. Так районный съезд пяти волостей Самарской губ. постановил лишить арендаторов лугов в селах Воронино и Остров, крестьян Алексеевской волости, Хвалынского уезда—права заготовки сена, что грозило им полным разорением[2].

Крестьяне-общинники этими мерами добивались полной ликвидации экономической самостоятельности отрубщиков. Так в одной волости Малопуповской, Козловского уезда (Тамбовской губ.) 80 хуторян были совершенно разорены черным переделом 1 200 десятин, произведенным по приговорам двух сел[3].

Классовая борьба внутри деревни нашла свое отражение также в деятельности союзов земельных собственников из крестьян. На местах вслед за помещичьими союзами возникали и росли союзы земельных собственников из кулаков и зажиточных крестьян. Наиболее крупный и известный из союзов земельных собственников был помещичий «Всероссийский союз земельных собственников», особенно развивший свою активность после съезда в июле 1917 г. В этот союз втягивались и кулацкие слои деревни, к нему примыкали отдельные кулацкие союзы, как крестьянские «союзы хлеборобов», земельных собственников, союз «Освобождения земли», крестьянский республиканский союз и т. д. Больше всего подобного рода союзы организовались на юге, в районах крупного капиталистического сельского хозяйства.

Помещичьи и кулацкие союзы обращались за содействием к Временному правительству, от которого требовали посылки воинских команд для подавления аграрных «беспорядков». Кулацкие союзы хлеборобов или просто союзы земельных собственников торжественно объявляли частную собственность на землю неприкосновенной. Полтавский союз хлеборобов в ответ на опубликование закона о запрещении земельных сделок послал Временному правительству телеграмму с выражением резкого протеста и негодования: «Так можно поступать только с преступниками, лишенными всех прав состояния, а не с честными тружениками»[4].

---

1 «Крестьянское движение в 1917 г», стр. 48, 334, 201, 338, «Архив Октябрьской революции».

2 Там же, стр. 103.

3 Там же, ст. 212.

4 «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I. ч. 2, стр. 180.

Помещичьи союзы хлеборобов и земельных собственников шли по стопам помещичьих союзов землевладельцев и вели неутомимую и свирепую борьбу против движения большинства крестьян. Что же касается «платформы» этих союзов, то общий характер ее вполне выявляется в постановлениях Всероссийского съезда земельных собственников. Отстаивая неприкосновенность крупного землевладения, платформа допускала возможность принудительного отчуждения частновладельческих земель с характерной оговоркой: «Признать в крайнем случае принудительное отчуждение и притом не по справедливой, а по рыночной цене» [1].

Контрреволюционную сущность союзов землевладельцев можно видеть на примере союза землевладельцев Ростовского округа. В этом союзе было постановлено: «Лишать хлеба города, откуда приезжают агитаторы за 8-часовой рабочий день» [2].

Между деревенской беднотой и союзами земельных собственников шла упорная и систематическая борьба. Деревенская беднота держалась тактики активного бойкота в отношении союзов мелких собственников, не говоря уже про явно помещичьи союзы землевладельцев. В этом отношении показательна резолюция конференции советов крестьянских депутатов Московского уезда о союзе мелких земельных собственников, «в который,—как говорится в резолюции,—входят наряду с владеющими тысячными имениями и крестьяне собственники 3—5 десятин». Считая «этот союз мобилизацией реакционных сил для борьбы с завоеваниями революции, особенно в области земельных отношений, конференция «призывает трудовое крестьянство воздержаться от участия в этом союзе» [3].

Деревенская беднота организуется уже в первые месяцы Февральской революции и принимает активнейшее участие в ликвидации помещичьего землевладения. Она же являлась застрельщиком в борьбе против кулачества. В первые же месяцы Февральской революции мы видим широкое движение сельскохозяйственных рабочих и батраков. Вслед за городскими рабочими они предъявляют требование 8-часового рабочего дня, и борьба за него ведется всеми средствами вплоть до стачек. В Елецком уезде, Орловской губ., на садоводстве Быхановой уже в мае рабочие прекратили работу, требуя 8-часового рабочего дня, и оказывали затем сопротивление производству дальнейших работ [4].

В Вольмарском уезде, в Лифляндии, в имении барона Нолькена сельскохозяйственные рабочие предъявили требование 8-часового

[1] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. 2, стр. 180.

[2] Там же, стр. 157.

[3] «Земля и воля» № 75 от 22 июня. Цитировано по сб. «Советы крестьянских депутатов и других крестьянских организаций», т. I, ч. 2, стр. 206—207.

[4] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции»), стр. 39.

рабочего дня и увеличения заработной платы. Когда эти требования не были удовлетворены, рабочие забастовали [1]. В лесостепи Украины сельскохозяйственные рабочие помещичьих экономий вслед за городскими рабочими выставляли требование 8-часового рабочего дня и т. д. [2].

В некоторых районах 8-часовой рабочий день вводился самочинно, по примеру городских рабочих. Волостные комитеты в Воронежской губ. установили например в имении генерала Шевина 8-часовой рабочий день. Аналогичные постановления выносились иногда крестьянскими съездами. Щигровский съезд крестьянских депутатов (в Курской губ.) установил например 8-часовой рабочий день в своем районе [3].

Требование 8-часового рабочего дня являлось одним из важнейших моментов движения сельскохозяйственных рабочих за улучшение своего материального положения. Кроме требования 8-часового рабочего дня рабочие предъявили ряд других требований, как увеличение заработной платы и т. д. (например, сельскохозяйственные рабочие в имении барона Нолькена и т. д.).

Борьба батраков и сельскохозяйственных рабочих на Украине выражалась в борьбе за высшие нормы оплаты труда и степень ее натуральности.

Волостные и уездные комитеты (в Черниговской, Полтавской, Харьковской, Подольской и Киевской губ.) выносили постановления о том, чтобы оплата труда была натуральной, что крестьяне не помирятся с теми ценами, которые они получали до революции, и не ограничатся денежной формой выдачи заработной платы. Проскуровский уездный исполнительный комитет (в Подольской губ.) провел тщательное различие в оплате труда между безземельными и малоземельными крестьянами, с одной стороны, и остальными крестьянами, работающими по найму,—с другой. «Возка по соглашению, сноп должен быть не меньше аршина по объему. Безземельные или малоземельные убирают за копну или сноп. Земельные убирают за деньги» [4].

Во главе борьбы крестьянства с помещиками и кулаками стояли сельскохозяйственные рабочие и батраки, которым вместе с солдатами и матросами под общим руководством городских рабочих принадлежала активнейшая и ведущая роль в крестьянском движении. В селе Новомакарове (Новохоперского уезда, Воронежской губ.) например батраки, организовавшись, стали нападать

---

[1] «Крестьянское движение в 1914 г.», «Архив Октябрьской революции», стр. 136.

[2] Журнал «Летопись революции» № 5—6, стр. 39 за 1927 г. М. Рубач Аграрная революция на Украине 1917 г.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции», стр. 141.

[4] М. Рубач, Аграрная революция на Украине, «Летопись революции» № 5—6, стр. 41, 1927 г.

на помещиков, мешали всячески им работать, жгли скирды и стоги сена, постройки [1].

В помещичьих имениях с капиталистической обработкой создавались рабочие комитеты (рабочкомы), составленные из рабочих имений. В одном Днепровском уезде, Таврической губ., образовались рабочие комитеты при 38 имениях. Функции этих рабочкомов были очень широкие. Они взяли на учет все имущество имений, в том числе и инвентарь, и стали управлять имениями. Рабочкомы отстаивали нужды рабочих, защищали всячески их интересы [2].

Хуже было положение батраков, служивших у кулаков. Им, работающим в одиночку или небольшими группами, труднее было сорганизоваться, чем рабочим в помещичьих имениях. В том же самом Днепровском уезде, в котором образовались рабочкомы с указанными широкими функциями, рабочие и батраки кулацких хозяйств, отрубщиков, не имели отдельных организаций, а по всем своим нуждам обращались в уездную примирительную камеру, которая уже по своему социальному составу не могла последовательно защищать интересы батраков или рабочих [3].

Но и батраки, работающие у кулаков, поднимались и активизировались в борьбе за улучшение своего положения. Так например батрак деревни Шемы в Малмышском уезде (Вятской губ.) стал требовать от кулака содержание для своей полуголодной семьи, иначе говоря такого повышения своей заработной платы, чтобы можно было прокормить свою семью [4].

Сельскохозяйственные рабочие в борьбе за улучшение своего положения обращались к испытанному средству—к стачке, причем эти стачки редко кончались взаимным соглашением, обычно они велись упорно и приводили к тяжелым конфликтам.

Упорно тянулись например стачки сельскохозяйственных рабочих в восточной части Ольгопольского уезда (Подольской губ.). Стачки эти, отметим, происходили при полном попустительстве солдат, находящихся в помещичьих экономиях и обязанных «охранять и водворять порядок» [5].

В других случаях мы находим явную поддержку со стороны солдат забастовочного движения среди сельскохозяйственных рабочих. Так когда забастовавшие рабочие в имении Нолькена обратились за содействием к Вольмарскому совету рабочих и солдатских депутатов (в Лифляндии), солдаты не только поддержали требование рабочих, но забрали это имение в свои руки [6].

---

[1] «1917 г. в деревне», стр. 90, корресп. селькора Воронежской губ. А. Шмаровой

[2] К. Москаленко, Аграрные беспорядки после Февральской революции на Днепровщине. «1917 г. в деревне», стр. 271—273.

[3] «1917 г. в деревне», стр. 275, Ст. К. Москаленко Аграрные беспорядки после Февральской революции на Днепровщине.

[4] Там же, стр. 305, корреспонденция крестьянина М. Шагимова.

[5] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции стр. 289—290.

[6] «Крестьянское движение в 1917 г., «Архив Октябрьской революции», стр. 136.

Вслед за сельскохозяйственными рабочими и батраками активнейшую роль в борьбе с помещиками и кулаками играли и безземельные крестьяне. Отсутствие достаточных сведений с мест не дает возможности исчерпывающим образом осветить движение безземельных. Сведения эти идут главным образом из Латвии, Эстляндии, Лифляндии. Мы видим здесь мощное движение безземельных. Образовавшиеся советы безземельных депутатов или общества безземельных депутатов стояли здесь во главе крестьянского движения.

Совет безземельных крестьян Волмарской волости и уезда например захватывает землю и инвентарь крестьян, мелких собственников[1]. Активнейшую роль в революционном движении Латвии играл Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов, возникший в конце августа, после сдачи Риги[2].

В Крыму, где было до 40% безземельных, безземельные возглавляли крестьянское движение. Надо отметить, что вообще же во всех сводках о крестьянском движении, где только сообщается о безземельных, они выделяются своей активной ролью в этом движении. Так, в Святокрестовском уезде, Ставропольской губ., в начавшемся брожении против продовольственной и земской управ выделились безземельные крестьяне вместе с отпускными солдатами. Попытки к разгрому управ были предотвращены лишь прибывшим военным отрядом[3].

Партия большевиков в соответствии с ленинскими установками, данными Лениным еще в 1905—1907 гг., придавала особо важное значение организации деревенской бедноты и сельскохозяйственных рабочих и руководству ими в начавшемся крестьянском движении. С первых же дней революции 1917 г. Ленин неоднократно подчеркивал исключительно важную роль самостоятельной классовой организации беднейшего крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата. Когда же в июне происходила в Петрограде Всероссийская конференция профессиональных союзов, Ленин обратился к участникам конференции с призывом об активной помощи в деле организации Всероссийского союза сельскохозяйственных рабочих.

Конференцией были приняты кой-какие меры в этом направлении, и с первой половины 1917 г. мы видим оживление в организации союзов сельскохозяйственных рабочих в Центральной России и на Украйне[4]. С лета 1917 г. возникло широкое движение за организацию профессиональных союзов среди сельскохозяйствен-

---

[1] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции», стр. 315.

[2] Там же, стр. 201.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.» «Архив Октябрьской революции», стр. 358

[4] А. Шестаков, Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг., стр. 66 и след.

ных рабочих. Весьма характерно, что в союзы сельскохозяйственных рабочих рядом с батраками помещиков широко вовлекались и батраки зажиточных крестьян и колонистов юга. В ряде губерний осенью 1917 г. состоялись конференции уездных и губернских организаций союзов сельскохозяйственных рабочих. Однако необходимо отметить, что все же профессиональное движение среди сельскохозяйственных рабочих было еще очень слабо. Распыленность сельскохозяйственных рабочих мешала и их объединению.

Мало сведений имеется в нашем распоряжении об организации советов батрацких депутатов или советов беднейших крестьян. До сих пор известны только советы безземельных крестьян Латвии и Эстонии, находившихся под руководством социал-демократии. Известен совет батрацких депутатов в Режице, Витебской губ., где был образован батрацкий комитет[1]. Как и Губановский совет батрацких депутатов (в Лифляндии), советы батрацких депутатов находились под большевистским влиянием и стояли на большевистской платформе. Корреспонденция с мест того времени сообщает также о предстоящем образовании батрацкой фракции при Минском совете рабочих депутатов. И здесь движение батраков находилось под влиянием большевиков.

Тов. Сталин сообщает на VI съезде партии об организации в Ленинграде «совета из беднейших крестьян (из представителей 80 солдатских частей и от заводов), который ведет отчаянную борьбу против политики (соглашательской.—*М. Г.*) совета крестьянских депутатов» [2].

Несомненно эти сведения как об организации союзов сельскохозяйственных рабочих, так и о батрацких организациях и советах беднейших крестьян очень ничтожны и далеко отстают от действительности.

В общей сложности надо признать, что эти организации не получили широкого развития в предоктябрьский период. Настоящее развитие этих организаций мы видим уже после Октября, но только в другой форме—в форме комбедов. Но деревенская беднота и батрачество—как в тех районах, в которые они были выделены в особых организациях или в общих крестьянских советах, так и в тех районах, где они были еще слабо самостоятельно организованы,—являлись лучшей и надежнейшей опорой большевистского влияния в деревне.

4. Крестьянское движение в национальных районах.

На окраинах крестьянское движение протекало в своеобразных формах. В основном оно было направлено против феодально-крепостнических пережитков. Но аграрное движение здесь осложнялось наследием национального гнета царской России и возни-

[1] «Правда» № 53, от 23 мая 1917 г.
[2] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 132—133.

кавшими на этой почве взаимоотношениями русс[illegible] туземным. С другой стороны, за исключением некоторых национальных районов с развитым капиталистическим хозяйством, как юго-западная Украина, Латвия, Эстония, классовая дифференциация на окраинах слабее выявилась, чем в центре.

Развертыванию классовой борьбы мешало национальное движение в тех формах, в которых оно проявлялось в Февральскую революцию. Руководящую роль в национальном движении захватила мелкобуржуазная интеллигенция, а в отдельных случаях даже реакционные феодалы и буржуа, как это имело место среди горских племен на Кавказе и в Туркестане. Руководящие верхушки национального движения стремились свернуть это движение, сузить его рамки, сделать его движением узконационалистическим. Само по себе национальное движение не только не находится в противоречии с крестьянским движением, оно по существу сливается с ним.

> «Основу национального вопроса,—говорит т. Сталин,—его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский» [1].

Содержание и задачи национального движения в Февральскую революцию совпадали с задачами крестьянского движения. Оно было направлено против экономических основ национальной политики царизма и против самого национального гнета этого царизма.

Колонизаторская политика русского царизма основывалась на беспощадном угнетении народностей, на насильственном отобрании принадлежавших им земель. У «инородцев» отнимались лучшие земли и распределялись между русскими помещиками и русскими чиновниками. Так было в Поволжьи (известное расхищение башкирских земель), в степной Украине, в Закавказьи, среди горских племен и мусульманских народов, в Средней Азии и Алтае.

Основным лозунгом национального и крестьянского движения на окраинах было требование возвращения земель, реквизированных царским правительством, и распределение их по решениям своих авторитетных национальных учреждений.

Руководящие же верхушки пытались свернуть широкое национальное, по существу крестьянское, движение на путь лишь удов-

---

1 И. Сталин, К национальному вопросу в Югославии, «Вопросы ленинизма», стр. 129, 1930 г.

выражения интересов господствующих классов. Буржуазные политики и мелкобуржуазные «социалисты»-националисты проводили на практике буржуазное понимание самоопределения наций, означавшее требование: «Вся власть национальной буржуазии». Они тормозили широкое национальное движение, основным содержанием которого была борьба за землю.

Вполне последовательно с точки зрения буржуазных интересов было то, что II Универсал украинской центральной рады совершенно обошел наиболее жгучую проблему революции—вопрос о земле. Весьма показательна также программа украинской хлеборобской демократической партии, выставившей два основных лозунга: 1) полная суверенность украинской хлеборобской демократической партии, 2) обеспечение частной собственности на землю как основы народного хозяйства [1].

Руководящие верхушки из местной национальной буржуазии отрицательно относились к национальному движению еще и потому, что на некоторых окраинах, как например на Кавказе, туземные привилегированные сословия сделались наряду с казаками оплотом русского владычества. Руководящей ролью, в национальном движении на Северном и Восточном Кавказе овладела клерикально-помещичья и буржуазная верхушка Дагестана, которая меньше всего заботилась о развитии национального движения среди трудящихся. Первый национальный горский съезд прошел под знаком сплочения реакционных сил, не выдвинув ни одного лозунга национально-освободительного движения. В то же время он организовал Союз объединенных горцев с шариатским советом Кавказа [2].

Но и мелкобуржуазная интеллигенция, стоявшая во главе национального движения в большинстве районов, не поднималась выше лозунгов буржуазно-демократического движения, этого первого этапа национального движения на наших окраинах. Башкирская интеллигенция возглавляла например национальное движение, выражавшееся главным образом в борьбе за возвращение башкирских земель. То же самое имело место в Казакстане, где вопрос о возвращении киргизских земель являлся доминирующим. Точно так же в Бурятии программу национального движения составляло восстановление бурятского самоуправления и прекращение экспроприации земель, иначе говоря—сохранение за бурятами их прежних территорий.

В общественном движении Грузии солидной классовой силой была мелкая буржуазия, представленная социал-демократией, которая и стала во главе национально-освободительного движения. Программа грузинской социал-демократии была по существу буржуазной и состояла в уничтожении феодальных отношений с

---

[1] «Революция и национальный вопрос», т. III, изд. Комакадемии, стр. 159.
[2] Там же, стр. 371.

последующей передачей земли в частную собственность. Буржуазной по существу была аграрная программа и армянской социал-демократии, основными положениями которой были, неприкосновенность частной собственности крестьян на землю и муниципализация конфискованных земель.

Официальные представители национального движения не только не боролись с отсталыми сторонами движения, но, напротив, усиливали реакционные моменты в движении. Так, Всероссийский мусульманский съезд, происходивший в Москве 1—11 мая, открылся чтением корана. Возглавляя движение крымских татар за возвращение национальных земель, татарская буржуазия придавала борьбе религиозный, мистический характер. Исполнительный мусульманский комитет пытался использовать право распоряжения вакуфами в интересах расширения своего влияния в массах[1]. Вакуфы—это была земля, постройки и деньги, являвшиеся собственностью мусульманской религиозной общины. Требуя возвращения вакуфов в народное достояние крымских татар, татарская буржуазная интеллигенция ничуть не собиралась при этом уничтожать самый институт вакуфов.

Националистический флаг использовался буржуазными и мелкобуржуазными политиками для защиты скрыто выраженных интересов имущих классов. Требование сохранения частной собственности на землю прикрывалось указаниями на исторические особенности своей национальности.

Всероссийский мусульманский съезд солидаризируется например с постановлениями Всероссийского крестьянского съезда с характерной оговоркой, что «необходимо согласовать свои действия с постановлениями Всероссийского крестьянского съезда, поскольку постановления этого съезда не будут противоречить коренным интересам мусульманского населения»[2].

Характерно в этом отношении заявление представителя башкирской фракции Мансура Халикова на уфимском губернском крестьянском съезде (в июне): «Мы, башкиры, не согласны ни с социализацией земли, какую постановил съезд, ни с национализацией, каковая выдвинута демократами. Не только наша земля должна оставаться у нас, но и должно быть возвращено все то, что обманно или насильно было отобрано у нас (земельные, лесные, водные угодья)»[3]. Прикрывались защитой местных особенностей края и представители Временного правительства, когда им нужно было поддержать имущие классы той или иной туземной народности. Министр-«социалист» Керенский очень сочувственно отнесся к ходатайству депутации от «коренного» населения Туркестана. Де-

---

[1] М. Бунегин, Революция и гражданская война в Крыму, стр. 46.
[2] «Революция и национальный вопрос», т. III, стр. 300, изд. Комакадемии.
[3] Там же, стр. 328.

настаивала об отмене в отношении Туркестана закона о запрещении земельных сделок, вызвавшего недовольство капиталистических слоев «коренного» населения Туркестана. Вскоре после приема депутации за подписью двух министров-«социалистов»—Керенского и Зарудного—последовало по телеграфу отданное распоряжение «О приостановлении действия постановления Временного правительства об ограничении земельных сделок в Туркестане»[1].

Вожди национальной буржуазии иногда вели и открытую политику защиты интересов господствующих классов, пользуясь слабостью классового самосознания народностей, подавленных тяжелым национальным гнетом царизма.

Как далеки были например от крестьянских и национальных интересов туркестанских масс партии «Улема» и «Алаш», выражавшие собственнические интересы имущих классов туркестанских народов—первая узбеков, вторая—казаков. Представители этих партий не открещивались от представителей откровенной колонизаторской политики русского царизма. На выборах в Ташкентскую городскую думу и в самой думе «Улема» выдвигала кандидатуру в городского голову обрусителя края Лыкошина, бывшего самаркандского губернатора. Характерно заявление в думе представителя партии «Улема»: «Нас избрал народ как людей богатых и почетных»[2].

Кулаки и подкулачники пытались совратить крестьянское движение с классовых рельсов, поощряя национальную рознь. Как на Украине, так и в Крыму делались усиленные попытки направить движение крестьян по погромному пути. «Крестьян убеждали в том,—рассказывает М. Бунегин,—что все будет по-старому, главными виновниками бунтов, как и прежде, объявлялись евреи. В некоторых местах были попытки организовать группы еврейских погромов, распространялись листовки с призывом «бить жидов». Наиболее активными во всей этой работе наряду с попами были земские начальники»[3].

Под влиянием кулацкой агитации возникали крестьянские выступления против «инородцев». Во главе этих выступлений стояли кулаки, интересы которых задевались национально-освободительным движением «коренного» населения.

Широкое развертывание национального крестьянского движения в Бурятии в 1917 г. вызывает встречное наступление колонизаторов на бурятские земли. Захваты бурятских земель, потравы, грабеж скота сделались повсеместным явлением. Захваты, как правило, проводились состоятельным многоземельным крестьян-

---

[1] «Революция и национальный вопрос», т. III, стр. 74, изд. Комакадемии.
[2] Там же, стр. 353.
[3] М. Бунегин, Революция и гражданская война в Крыму, стр. 42.

ством. Русское кулачество мстило бурятам за попытки освобождения из-под вековой кабалы [1].

Столкновения на аграрной почве, окрашиваемые в национальный цвет, особенно часты были на Кавказе. По донесению губкомиссара, стремления русского населения к захвату «инородческих» земель приняло в Ставропольской губ. угрожающие размеры. «Инородцы» в целях охраны собственности вступили в переговоры с союзом горцев (во Владикавказе) для совместных действий [2].

Столкновения иногда кончались и человеческими жертвами. В той же Ставропольской губ. имело место столкновение Надеждинского сельского общества с татарским на почве спора о праве собственности на лес. В результате столкновения 2 были убиты и около 20 ранены [3].

Особенно часты столкновения были на юго-востоке России между коренным населением и переселенцами. Движение против переселенцев объясняется тем, что царское правительство наделяло переселенцев обычно хорошей землей, ограбленной у местного населения. В Хаса-юртовском округе, Терской области например русские переселенцы, терроризуемые шайками вооруженных туземцев, бросают усадьбы, хутора и бегут [4]. В Грозненском уезде, Терской области чеченцы нападают на местных хуторян, грабят, изгоняют последних [5].

Жители-магометане деревень Алтаи и Осиново-Гая (Новоузенского уезда, Самарской губ.) постановили отобрать землю у русских отрубщиков и приступили к разделу сенокосов у отрубщиков. Во всех этих столкновениях мы видим ту же классовую борьбу между общинниками и хуторянами, которая происходила и в основных районах страны, но на окраинах эта борьба окрашивалась в национальный цвет.

Несмотря на национальную рознь, искусственно разжигаемую заправилами из местной буржуазии или даже реакционных феодалов, мы видим, как «инородцы» объединяются с русскими деревнями для совместных земельных захватов, рубки леса и т. д. на помещичьих и казенных землях. В Хвалынском уезде, Саратовской губ., крестьяне четырех сельских обществ вместе с татарскими и мордовскими деревнями захватили посевы, землю и т. д. [6]. Классовое самосознание и в этом как и в ряде других случаев крестьянских выступлений стало выше национальной розни.

С другой стороны, развертывающееся крестьянское движение,

---

1 «Революция и национальный вопрос», т. III, стр. 429—431, изд. Комакадемии.
2 «Крестьянское движение в 1917 г.», «Арх. Окт. рев.», стр. 316.
3 Там же, стр. 358.
4 Там же, стр. 33.
5 Там же, стр. 137.
6 Там же, стр. 329.

туземных собственников с русскими крупными владельцами из крестьян—кулаками, в лице русских союзов хлеборобов. Возникали соответствующие союзы среди собственников из коренного населения.

Очень ярко выявил свое кулацкое нутро Мусульманский съезд сельских хозяев Ташкентского уезда в Туркестане (19 июня 1917 г.). На этом съезде радостно было встречено известие об отмене циркуляра, запрещавшего сделки на землю. На съезде единогласно было вынесено постановление о желательности привлечения в члены союза русских хозяев, имеющих собственную землю [1].

В своей борьбе против развертывающегося крестьянского движения русские «хлеборобы» неоднократно выступают солидарно с собственниками из туземных национальностей.

Необходимо отметить, что кулаки и подкулачники были сильнее в национальных районах, чем в центре. Классовая диференциация внутри крестьянства здесь только начала выявляться. Пользуясь политической беспомощностью трудящихся масс крестьянства, кулаки открыто проводили свою классовую линию. Национальные по существу крестьянские съезды обычно служили проводником их взглядов и интересов. Этого руководящие верхушки из имущих классов достигали бесцеремонной подтасовкой представительства трудящихся масс. Не ограничиваясь всякого рода «моральным» воздействием, они измышляли рогатки материального, финансового характера, которые лишали возможности проникновения на съезды делегатов из деревенской бедноты. Так организаторы I Всебашкирского съезда (19 июля 1917 г.) установили своеобразный налог с участников съезда, в силу чего состав съезда оказался явно кулацким. По сообщению С. Атнагулова, «подавляющее большинство на этом съезде составляли муллы, старшины и деревенские куштаны—кулаки, так как каждый приезжающий на съезд делегат был обязан вносить взнос в 50 руб. Бедняки башкиры боялись участвовать на съездах из-за опасений такого «национального башкирского налога» [2].

Та же картина с подбором участников наблюдается и на крестьянских съездах других районов. Так, основной контингент участников крестьянских съездов на Поволжьи и в Белоруссии принадлежал к мелкобуржуазной интеллигенции.

Не ограничиваясь принятием резолюции, направленной против немедленных захватов земли крестьянами, крестьянские съезды в национальных районах выносили решения об охране интересов

---

1 «Революция и национальный вопрос», т. III, стр. 347—448, изд. Комакадемии.

2 Там же, стр. 328.

владельцев при переходе земли в руки трудящихся. Такие резолюции выносили и крестьянские съезды, организуемые эсерами, как например резолюцию о временном вознаграждении помещиков для приспособления к новым условиям жизни (Белоруссия) или о частичной компенсации их (Дагестан). Характерно, что тот же «крестьянский» съезд Белоруссии возложил на волостные комитеты обязанность «вести борьбу против всякого самочинного разрешения аграрного вопроса» [1].

Эсеры, как видим, здесь действовали откровеннее, чем в центре. Руководимые ими крестьянские и национальные съезды или краевые организации, а также сами эсеровские партийные организации выносили обычно как решения о сохранении частной собственности на землю за мелкими владельцами, так и постановления с требованиями вознаграждения потерпевшим от перехода земли в народное достояние (Тургайский областной казакский съезд в Казакстане, программа осетинского социалистического союза на Кавказе, платформа Исполнительного комитета крымских татар, программы грузинской и армянской социал-демократии, Всероссийский мусульманский съезд, требования башкирских представителей на Уфимском крестьянском съезде и т. д.).

Ход классовых противоречий в стране вел к развертыванию классового расслоения деревни и на окраинах. А это в свою очередь не могло не повести к конфликтам между национальным по содержанию и по форме движением крестьян и между националистическим движением имущих слоев. Развертывающаяся классовая борьба на окраинах неизбежно перерастала в борьбу против националистического движения имущих классов, руководители же националистического движения переходили на сторону контрреволюции.

В Белоруссии например крестьяне решительно отвергали белорусский национализм как «панскую интригу» [2]. Совершенно очевидно было для трудящихся, что мелкобуржуазные «социалисты» из Белорусской социалистической громады, равно как из Центральной украинской рады предавали аграрную революцию вместе с национальными интересами представляемых ими народностей.

Попытка белорусской «социалистической» интеллигенции путем демократизации руководства овладеть движением и повести его по линии национализма и соглашательства с буржуазией не увенчалась успехом. Во время выборов в Учредительное собрание белорусские национальные организации собрали ничтожное количество голосов, подавляющая же масса белорусского трудового крестьянства голосовала за большевиков [3].

---

[1] «Революция и национальный вопрос», т. III, стр. 270, изд. Комакадемии.
[2] Там же, стр. 266.
[3] Там же.

На Украине классовые противоречия внутри крестьянства заметно проявлялись с самого начала аграрной революции (март—апрель 1917), получив свое значительное развитие в июле—августе—сентябре 1917 г. Движение украинского крестьянства, протекавшее в национальных формах и принявшее явно классовый характер против помещиков и богатеев-кулаков, побуждает мелкобуржуазных и буржуазных политиков рады изменить линию своего поведения. II Универсал Центральной украинской рады представляет собою капитуляцию украинской мелкой буржуазии, напуганной ростом массового крестьянского движения. В Универсале определенно заявляется об отказе от «самочинного» осуществления права самоопределения Украины до Российского учредительного собрания, и совершенно опущен вопрос о земле.

Со стороны украинских социал-демократов и украинских социал-революционеров, руководивших политикой Центральной рады, это было вполне последовательно. Предав аграрную революцию, они неизбежно должны были предать и национальную революцию, так как основным социально-экономическим содержанием последней была борьба крестьян за землю.

Процесс превращения Центральной рады в контрреволюционную силу завершился уже на пороге Октябрьской революции. Организуется «вільное козатцтво», своего рода «национальная» кулацкая гвардия, которая, как сказано в декларации генерального секретариата, «должна стать опорой в борьбе с бесчинствующими и разбойничающими элементами», с «анархическими выступлениями безответственных групп» (иначе говоря, большевиков).

В Латвии латышская буржуазия под лозунгом «вся власть Латвии» руководила национальным движением, и в лице «Крестьянского союза» организовала зажиточное крестьянство. С ходом революционных событий растет классовая диференциация и в Латвии. Образуется Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов, который вскоре становится реальной революционной силой в стране, объединяющей вокруг себя все трудовое население Латвии, центром, руководящим движением и готовящим массы к дальнейшей борьбе».

Рост широкого национального движения в Крыму не замедлил вскрыть контрреволюционную позицию татарской буржуазии, вступившей в блок с агентами Временного правительства и меньшевиками. Образовавшийся Исполнительный комитет крымских татар, выражавший интересы мелкобуржуазной татарской демократии, уже в июле месяце объявляет как о широкой аграрной платформе, которую он будет отстаивать в Учредительном собрании, так и о полном своем отмежевании от татарской буржуазии. «Никакие грубые оклики,—заявляется в политической платформе комитета,—позорно ведущей себя невежественной татарской буржуазии не остановят поступательного движения вперед».

Классовая борьба в Крыму однако вскоре перешагнула и эту стадию развития, выдвинувшую на авансцену татарскую мелкобуржуазную интеллигенцию, вместе с эсерами пытавшуюся помешать развертывающемуся крестьянскому движению. Ко времени выборов в земстве крестьянство, находившееся ранее под влиянием эсеров, заметно полевело и начинало выходить из-под влияния эсеров, воспринимая более левые лозунги. На выборах в волостные и уездные земства крестьяне во многих деревнях не выбирают уже эсеров [1], и в первую очередь из-под влияния эсеров уходят деревни с большим безземельем.

Как было уже указано, за исключением Латвии, Финляндии, Украины, Белоруссии, классовая борьба слабее выявилась на бывших окраинах, чем в центральных губерниях. Классовая дифференциация внутри крестьянства в большинстве окраин развертывается уже после Октября. Но нельзя упустить из виду успехи революционной пропаганды большевиков в Финляндии, Латвии, Белоруссии, на Украине.

Ленинская национальная политика партии, выражавшаяся в провозглашении и осуществлении на практике права наций на самоопределение вплоть до отделения наций, сыграла огромную роль в подготовке Октября. Через свою национальную политику партия проводила смычку рабочего класса с крестьянством, поскольку из крестьян состояла основная масса угнетавшихся царизмом народностей.

Ленинская национальная политика большевиков содействовала отходу трудящихся масс от «национальных советов» и областных правительств. Пока эти правительства вели борьбу с Временным правительством, они встречали полную поддержку со стороны нашей партии в борьбе за ликвидацию национального гнета. Такая политика партии большевиков как нельзя лучше содействовала изоляции Временного правительства на местах.

Мелкобуржуазные «социалисты» и демократы Украины, Финляндии, Прибалтийского края, отчасти Закавказья, тюркского Поволжья и Средней Азии одно время сплачивали вокруг себя народные массы, которых отталкивала от себя великодержавная политика Временного правительства. Но нерешительная национальная политика мелкобуржуазных демократов и «социалистов» показывала, что они неспособны удовлетворить интересы национальных рабочих и крестьян.

«Становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами» (Сталин).

---

[1] М. Бунегин, Революция и гражданская война в Крыму, стр. 75.

Когда же выявилась наглядно нерешительная, половинчатая политика мелкобуржуазных «социалистов», дошедшая до полного предательства национального и крестьянского движения, трудящиеся массы разных национальностей еще больше сблизились с партией большевиков, которая снискала полное доверие трудящихся масс своей последовательной национальной политикой, защитой национальных интересов угнетенных прежде народов.

Национальное движение перед Октябрем становится могучим фактором борьбы за диктатуру пролетариата, и оно служило, по Ленину, одним из доводов за восстание против Временного правительства. В своей статье «Кризис назрел» Ленин пишет:

> «После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» совещании, подтасованном господином Церетелли и К°, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов рабочих и солдатских депутатов, по проценту голосов, поданных против коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются» [1].

Ленинская национальная политика партии большевиков, являющаяся самым сильным орудием смычки рабочего класса с крестьянством, давала толчок и мощно поддерживала широкое национальное движение на окраинах, и она сыграла огромнейшую роль в деле подготовки Октября.

5. Большевизация деревни.

Настроение в деревне резко изменяется после корниловщины. Корниловщина сыграла огромную роль в крахе соглашательских иллюзий, в освобождении крестьянства из-под влияния буржуазии и социал-предателей.

Но еще до корниловщины начавшиеся в августе в ряде районов выборы в волостные земства выявили переломный момент в настроении трудящихся масс крестьянства. Рост политического самосознания обнаруживается уже в резко враждебной оппозиции к хлебной монополии, в выставлении требования об уничтожении продовольственных и земельных организаций, проводивших на

---

[1] Ленин, Кризис назрел, Собр. соч., т. XXI, стр. 237—238.

практике интересы господствующих классов. В отдельных случаях дело доходило до угроз разгрома продовольственных управ [1].

Все чаще усиливаются эксцессы на почве продовольственных затруднений. В Гжатском уезде, Смоленской губ., например крестьяне нескольких деревень произвели самовольный обыск в деревне Морбунках, с нанесением побоев члену потребительского общества и волостного продовольственного комитета [2].

Выборы в волостные земства, начавшиеся до корниловщины и затянувшиеся на сентябрь во многих районах, еще ярче и определеннее показали политический рост трудящихся крестьянских масс. Отношение крестьянства к выборам в общем было сдержанное. В ряде округов имели место отказы от выборов в земства (в Мозырском уезде Минской губ., в некоторых волостях Витебской губ. и т. д.) [3]. В некоторых волостях Ставропольской губ. имел место отказ вообще от земства [4].

В тех округах, где выборы состоялись, протекали они, как общее правило, очень вяло, при слабом участии населения, зато при активном поведении бойкотистов. В Смоленской губ. например на выборах происходили «эксцессы»: разгонялись избирательные комиссии, разбивались урны и сжигались избирательные записки, избиратели избивались и арестовывались. Голосовало по официальным сведениям в общем не более 5% [5].

Абсентеизм на выборах в земства проявился и в национальных районах, как например в Крыму. В старом Крыму на выборах участвовало всего 18% избирателей [6]. Эксцессы на выборах, происходившие на местах, характеризуют явно враждебное отношение трудящегося крестьянства к самому институту земства. Имели место даже аресты председателя и членов избирательной комиссии с нанесением побоев комендантам и вообще представителям старого режима [7].

В некоторых местностях выборы не состоялись, как сообщается в официальных донесениях в Главное управление милиции, вследствие агитации солдат и других безответственных лиц (читай: большевиков) [8]. Матросы и солдаты выступали активными противниками выборов в земства. Во главе движения против земств в отдельных случаях становились советы крестьянских депутатов. В Гондоле (Саратовской губ.) например толпа во главе с советом депутатов разогнала волостное земское собрание [9].

---

1 «Крестьянское движение в 1917 г.» «Арх. Окт. рев.», стр. 278—279.
2 Там же, стр. 307.
3 Там же, стр. 304, 305.
4 Там же, стр. 316.
5 Там же, стр. 307.
6 М. Бунегин, Революция и гражданская война в Крыму, стр. 76.
7 «Крестьянское движение в 1917 г.» «Арх. Окт. рев.», стр. 302—303.
8 Там же, стр. 305.
9 Там же, стр. 330.

На самый характер и форму выборов в земства несомненно оказывали влияние большевистские лозунги. В этом отношении показательны выборы в Лемешевской волости (Минской губ.), где выборы произведены были посредством открытого голосования, «чем в корне нарушен (был) принцип тайности голосования», как сообщается в официальном донесении Пинской уездной земельной управы (в Минской губ.).

Большевистские организации не бойкотировали выборов, хотя, понятно, ничего положительного не ждали от этих выборов. Но выборы в земства, как и выборы в новые городские думы, на основе четырехвостки, мы использовали в целях агитации и пропаганды большевистских лозунгов и лучшей организации и подготовки трудящихся масс к восстанию против правительства Керенского.

И там, где выборы в волостные земства происходили с участием представителей наших организаций, мы имели безусловные успехи на выборах, как например в районе Кинешмы, где в ряде волостных земств большевики получили абсолютное большинство. Из 23 волостей в 7 удалось организовать большевистские фракции. В уездном земстве из 49 гласных оказалось 22 большевика и 5 сочувствующих большевикам. «В общем, указывается в отчете на пленуме Московского областного бюро 27—28 сентября, в деревне в данный момент настроение определенно большевистское»[1].

Такие же успехи одержали мы на выборах и в Тверской губ., где в докладах с мест на губернской конференции подчеркивалось растущее большевистское настроение в деревне. На различных крестьянских выборах большевики местами получали до $^1/_3$ голосов[2]. В ряде мест выборы в земства служили поводом к консолидации большевистских сил, и в это время организовались в волостях ячейки, как например в с. Авдотьино, Шуйского уезда.

«Тенденции большевизма», по заявлению липецкого уездного комиссара, после корниловщины начинают все в большей степени выявляться по ряду тревожных для охранителей буржуазных порядков признаков. Все чаще обнаруживалось стремление крестьянских организаций к переизбранию уездных комитетов, стоявших на позиции Временного правительства, как например в Курской губ.[3].

Уездные, губернские крестьянские организации, крестьянские съезды левеют, а если остаются на прежних меньшевистско-эсеровских позициях,—теряют всякий авторитет. Официальное заявление липецкого уездного комиссара о том, что «уезд разло-

---

[1] «Архив Истпарта ЦК ВКП(б). Д. № 47. Цитировано по книге Советы крестьянских депутатов и других крестьянских организаций», т. I, ч. 2, стр. 276.
[2] «Рабочий путь» № 15 1917 г.
[3] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 261.

жился», было основано на том, что «преимущественное голосование в уезде—за большевиков» [1].

Происходит резкое полевение Саратовской губернии, являвшейся еще со времени первой революции цитаделью эсеровской партии. На втором губернском съезде советов (в середине сентября) полностью выявились трещины в этом эсеровском царстве. Хотя принятая резолюция о власти отличалась еще крайней расплывчатостью, но принцип коалиции с буржуазными партиями был встречен настолько недружелюбно большинством делегатов, что официальный эсеровский докладчик по этому вопросу Минкин вынужден был, учитывая настроение, «протестовать против сотрудничества с буржуазией» [2].

Признаки поворота саратовского крестьянства от эсеров к большевикам выразились в изменении состава солдатской (военной) секции Саратовского совета. В секции совета второго созыва большевики имели только 50 депутатов-солдат, меньшевики—90 и эсеры—260. В совете третьего созыва у большевиков было уже 156 мест, у меньшевиков—4 и у эсеров—60 [3]. Эсеры все более и более теряли свои позиции на Волге, где (как сказано) были сильны с давних пор. Незадолго, правда, до Октябрьского восстания третий съезд советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья принял уже чисто большевистскую резолюцию о земле. Констатируя, что «неприкрытая помещичья политика Временного правительства в земельном вопросе... и соглашательская политика «вождей демократии» (эсеров и меньшевиков), капитулировавших перед помещиками, поставили страну перед фактом крестьянского восстания, протекающего под знаком борьбы за землю», — съезд постановил: «необходима немедленная (до Учредительного собрания) конфискация помещичьих, церковных и монастырских земель»...[4].

После корниловщины все чаще местные крестьянские советы принимают большевистские резолюции и сбрасывают меньшевистско-эсеровские президиумы. Левоэсеровская оппозиция растет и внутри эсеровских организаций и в крестьянских массах.

Начавшиеся выборы в Учредительное собрание также свидетельствовали об усилении большевистского влияния в деревне. Правда, в итоге выборов правые эсеры получили большинство мест в Учредительном собрании. Но выборы в него происходили еще до раскола партии эсеров, и левые эсеры голосовали по общим спискам партии эсеров. В целом ряде случаев, как например

---

[1] «Хроника революционных событий Тамбовской губ.», стр. 25, изд. Тамбовской губ. комиссии по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции.

[2] «1917 г. в Саратове», стр. 80, изд. Истпартотдела ГК ВКП(б).

[3] Там же, стр. 81.

[4] Там же, стр. 80.

в Саратове, левоэсеровские советы крестьянских депутатов вынуждены были голосовать за обязательные официальные кандидатуры правых эсеров.

Несмотря на все эсеровские махинации, большевики в Учредительном собрании, хотя и были в меньшинстве, составили значительное ядро. Несомненно выборы в Учредительное собрание выявили рост влияния большевиков и левых эсеров в деревне.

Избранные в свое время председатели советов и вообще представители местной власти, если еще и оставались на своем посту, то все больше теряли авторитет и влияние в трудящихся массах. Так, происходивший еще в апреле уездный съезд крестьянских депутатов в Кинешме, например, избрал эсеровский исполком крестьянских депутатов и в петроградское бюро крестьянских съездов послал своим представителем правого эсера проф. Н. Д. Кондратьева, вдохновителя и руководителя уже в наше время контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия». Но в той же Кинешме отношение населения к представителям власти вскоре стало настолько враждебным, что председатель совета Савченко и председатель земской управы Колодин не могли безбоязненно ехать на пароходе, так как бывали случаи, когда крестьяне искали их по каютам, собираясь утопить в Волге [1].

Политический рост деревни шел безостановочно вперед. Развертывающиеся события в городе, приезжающие с фронта солдаты поднимали на большую высоту политическое самосознание трудящихся крестьян. Трудящееся крестьянство начинает активно реагировать на политические события, происходящие внутри страны и за рубежом. В этом отношении характерен состоявшийся еще 1 июня (19 мая) митинг крестьян в с. Усмани (Воронежской губ.), выразивший протест против смертного приговора Фр. Адлеру [2].

Трудящиеся крестьянские массы реагировали и на корниловский мятеж, делая из него надлежащие политические выводы. Естратовский волостной исполнительный комитет (Острожского уезда, Воронежской губ.) созывает в связи с мятежом Корнилова чрезвычайное заседание и выносит постановление о созыве экстренного съезда на 16 сентября для разъяснения крестьянам текущего момента. Вместе с тем исполнительный комитет воспретил помещикам выезд до 16 сентября [3].

---

[1] «Кинешемский район за 10 лет Октября», стр. 9, изд. Кинешемской уездной комиссии по празднованию десятилетней годовщины Октябрьской революции.

[2] «1917 г. в Воронежской губ.» (Хроника), стр. 45, изд. Истпартотдела Воронежского губкома ВКП(б) и губернской комиссии по празднованию десятилетия Октябрьской революции.

[3] Там же, стр. 102. —

Большевизация деревни проявилась уже в том успехе, который все больше получали большевистская агитация и пропаганда. Целый ряд официальных донесений со стороны представителей власти на местах приписывает усиление разгромного движения влиянию большевистской агитации или, как часто квалифицируется в официальных донесениях агитации «безответственных лиц». Неотразимое действие большевистской агитации вынуждены признать представителя власти и распространению одной большевистской прокламации приписывают иногда такое огромное значение, что ее появлением объясняют постановление исполнительного земельного комитета о разделе имений и помещичьего инвентаря (в Слуцком уезде, Минской губернии) [1].

Классовая защита собственнических интересов побуждала буржуазных политиков и мелкобуржуазных соглашателей замазывать социальные корни крестьянского движения и выставлять главными и единственными виновниками разгромного движения большевистских агитаторов как «смутьянов» крестьян. Представители старого и нового режима всеми средствами ведут борьбу против «зловредной» агитации большевиков. Отдельных агитаторов-большевиков арестовывают и изолируют как вредный элемент.

Начальник военной милиции Кавказской туземной конной дивизии в своем официальном донесении комиссару при главнокомандующем юго-западным фронтом о самоуправных действиях крестьян, не выполняющих постановлений главнокомандующего, категорически заявляет в конце донесения: «Неотложной задачей является вырвать с корнем из тыла всех агитаторов..., принимая самые строгие меры, не исключая даже оружия» [2].

Животный страх перед всесильной большевистской агитацией выражают и местные «выборные» власти. В этом отношении чрезвычайно любопытно постановление собрания гласных Куймановского волостного земства (Тамбовской губ.) Это собрание постановило: «ассигновать 100 руб. Лебедянскому земству на присылку опытного агитатора на всю волость, который постарался бы опровергнуть агитацию наехавших большевиков-солдат, склоняющих сельский народ при выборах в Учредительное собрание подавать записки за список партии большевиков, и разъяснил бы вредность большевистской партии» [3].

После корниловщины на местах резко поднялся интерес к большевистской пропаганде. С разных мест получались сообщения, что «деревня требовала большевика». Как рассказывает делегат

---

1 «Крестьянское движение в 1917 г. «Архив Октябрьской революции», стр. 350.

2 «Летопись революции» № 5—6, стр. 45. М. Рубач., «Аграрная революция на Украине.

3 «Хроника революционных событий Тамбовской губ.», стр. 35, изд. Тамбовской губернской комиссии по проведению десятилетия Октябрьской революции.

Смоленского губернского крестьянского землячества, объездивший ряд мест, крестьяне очень охотно идут на собрания и с большим вниманием относятся ко всякого рода организациям и просят посылать деревне побольше городских делегатов [1].

Тов. Яковлева, которая была в то время секретарем областного бюро Центрального промышленного района, так описывает рост большевизации деревни в Московской области и вообще в Центральном промышленном районе:

> «Нам, т. е. партийной организации, не приходилось разыскивать связи, нас искали, к нам шли ходоки из самых отдаленных углов... Приходили из деревень Калужской и Тамбовской губерний, приходили в Москву, потому что не находили большевистских комитетов в своих уездных городах. Появилось много солдат из гарнизонов отдельных городов области: даже больше—появились ходоки из Воронежской, Пензенской и даже Вологодской губерний. Спрос на (большевистскую.—*М. Г.*) книгу и листовку был колоссальный» [2].

Во второй половине сентября работники московского областного бюро объезжали область, ряд из них отправились в южные губернии: «Впечатления их были совершенно тождественны: всюду во всех губерниях происходил процесс поголовной большевизации масс. И все отмечали также, что деревня требовала большевика» [3].

Большевикам приходилось в деревне вести упорную и жестокую борьбу с эсеровским засильем в низовых крестьянских организациях и вообще с влиянием эсеров, сохранявших еще свою силу в крестьянских массах. Борьба затруднялась злостной, бессовестной демагогией, которой пользовались эсеры в борьбе с пролетарской партией. «Большевики-ленинцы», как иронически называли в то время большевиков буржуазные и соглашательские партии, были синонимами—в их определении—немецких шпионов, по заданиям врагов сеющих анархию в стране. Старые и новые «мартовские» эсеры в глухих углах, пользуясь там политической отсталостью крестьянства, доходили до распространения самых чудовищных слухов про большевиков, подобно например инженеру эсеру Мелихову, который заявлял о том, что «большевики получают деньги от немцев и сами дают по рублю тем, кто вступает в их партию» [4].

---

1 «Правда» № 6, 3 ноября 1917 г., вечерний выпуск.

2 В. Яковлева Подготовка Октябрьского восстания в Московской области. «Пролетарская революция» № 10, 1932 г., стр. 303.

3 Там же, стр. 303.

4 «Солдат» № 24—25 (12 и 13 сентября). Цитируется по сборнику «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. 2, стр. 244.

Рост большевизма в деревне после корниловщины был настолько очевиден, что его вынуждены были признать как прискорбный факт буржуазные и соглашательские газеты. «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» как официально внефракционный орган не мог отказаться от печатания писем деревенской бедноты и солдат с фронта, хотя эти письма резко расходились с той погромной кампанией против большевиков, которая велась на страницах самих же «Известий». В этих письмах ярко вскрывается как симпатия деревенских активистов и фронтовиков к большевистской партии, так и жгучая ненависть к классовому врагу. «Я попрошу вас выяснить,—пишет солдат-крестьянин из села Мотляино—в совете, какое положение безземельных крестьян, и мы, солдаты, будем всеми силами поддерживать свою партию большевиков. Если наше правительство не выйдет на правильный путь, какой ему предлагает партия большевиков, то мы, солдаты, вторую революцию сделаем»[1].

Партия большевиков все время направляла свое внимание и свои организационные силы в деревню, на борьбу за крестьянство, чтобы повести беднейшее крестьянство в союзе с городским пролетариатом и под его руководством по пути пролетарской революции.

VI съезд партии, руководимый т. Сталиным, дал определенные директивы по усилению работы в деревне. Съезд принял решение об издании крестьянской газеты, популярных брошюр—листовок, руководство для агитаторов, создания кадра подготовленных работников, о посылке в деревню сознательных рабочих и об открытии краткосрочных курсов для агитаторов. Было принято также решение о создании в крупнопромышленных центрах землячеств среди рабочих и солдат. 23 августа (5 сентября) узкий состав ЦК принял решение о выработке детальной разработки плана организации землячества и об издании циркулярного письма к местным организациям с разъяснением важности работы среди крестьян[2].

После съезда партии стали вскоре выходить центральная «Деревенская правда», московская «Деревенская правда» и на местах крестьянские газеты. В газетах, предназначенных для солдат, по постановлению ЦК стали выделяться особые крестьянские отделы.

На местах, как мы видели, партией большевиков велась усиленная борьба за крестьянство с первых дней Февральской революции. Мы имеем правда очень скудные сведения о работе большевиков в деревне, в волостных комитетах и в гуще крестьянских масс. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные и далеко не полные сведения дают наглядное представление

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов», № 143, 22 октября 1917 г.

[2] Протоколы ЦК РСДРП(б) (август 1917 г. — февраль 1918 г.), стр. 39, изд. Института Ленина.

о размахе и величине проделанной большевиками работы, а также о тяжелых условиях борьбы большевиков за крестьянские массы.

Пропаганда велась больше всего приезжими агитаторами, рабочими—партийцами или беспартийными, солдатами и матросами. Агитаторы приезжали иногда из далекаго центра, как например матросы из Кронштадта, направившиеся в Казанскую губ. В Винницком уезде (Подольской губ.) эмигрант-большевик Ковальчук вел агитацию об отобрании и разделе помещичьих земель. Агитация очевидно была успешная, судя по тому, что в донесении подчеркивается «о контрагитации», которая велась представителями совета солдатских депутатов, волостного комитета и делегатами армии[1]. В селе Сасове социал-демократ большевик И. А. Холопов вел пропаганду, как сообщается в донесении, о том, что землю надо у помещиков отобрать до Учредительного собрания, но организованным путем через волостные комитеты, что война ведется в интересах капиталистов, но не в интересах рабочего класса и т. д.[2].

Судя по официальным же донесениям, надо констатировать успешное влияние агитации на местах отдельных большевиков. В селе Сулаке например Николаевского уезда (Самарской губ.) волостной земельный комитет под влиянием агитации солдата-большевика Рязанцева постановил произвести раздел надельных и частновладельческих земель под посев будущего года на условиях, неприемлемых для посевщиков[3].

В официальной телеграмме местных властей секретариат министра-председателя сообщается о невыполнении распоряжения губернского комитета о прекращении захватов ввиду агитации большевика Васильева. Член волостного комитета Васильев,—сообщается в телеграмме,—распространял среди населения программу большевиков и открыто заявлял, что помещики будут повешены[4].

Содержание большевистской программы приведено в этом сообщении очень примитивно, но верно передан общий революционный характер пропаганды, которую вели большевики на местах. Местные донесения пестрят указаниями на большевистскую пропаганду, во всех донесениях передается одно и то же содержание большевистской пропаганды—о немедленном разделе помещичьих земель, об агитации против Временного правительства.

Местные власти не церемонятся с приезжими большевиками, как впрочем и со своими собственными. Когда в Трескинской волости (Кирсановского уезда, Тамбовской губ.) появился боль-

---

1 «Крестьянское движение в 1917 г.». «Арх. Окт. рев.», стр. 111.

2 «Хроника революционных событий Тамбовской губ.», стр. 14, изд. Губернской комиссии по празднованию десятилетия Октябрьской революции.

3 «Крестьянское движение в 1917 г.», «Арх. Окт. рев.» стр. 163.

4 Там же, стр. 251.

шевик, или «ленинец», как сообщается в донесении, и стал призывать к захвату земель, местные власти потребовали от него документов. Выяснилось, что он имеет мандат от совета рабочих и солдатских депутатов. Агитатор все же был арестован и отправлен в Кирсанов. Сообщение не может не отметить, что агитация большевика встретила сочувствие у части населения [1].

Большевики в селах, уездах вели упорную борьбу за завоевание крестьянских масс—в волостных комитетах или советах, на сельских сходах и на всяких других крестьянских собраниях. Всячески использовали они письменную агитацию, распространяли листки, прокламации, большевистские газеты. Есть ряд сообщений с мест о большевистских листках, распространенных по уездам, или воззваниях с изложением иногда содержания. В одном из этих сообщений рассказывается например, что в селе Турганге (Оренбургской губ.) член Златоустовского совета солдатских и рабочих депутатов распространяет воззвание, оправдывающее работу Ленина [2].

Разнообразны и гибки были конкретные формы борьбы большевиков за крестьянские массы. Где возможно было, организовывались партячейки, фракции в волостях, селах. Для лучшей связи с большевиками из волостей или сел организовывались крестьянские секции при райкомах партии, как например в Кинешме. Задачей этих секций было создавать объединение большевиков, живущих по волостям, знакомых с программой партии, но не состоящих еще в оформленной организации. Представитель крестьянской секции большевиков входил в районный комитет партии [3].

Проводниками влияния большевиков в деревне были городские рабочие—партийцы или беспартийные и солдаты, возвращавшиеся в деревню или отправлявшихся туда на побывку. Через них шла мощная волна большевизации деревни. Напор шел главным образом через рабочих и солдат, связанных с деревней.

Особенно организованно прошла кампания выборов в волостные земства в Иваново-вознесенском районе, насыщенном рабочими, связанными с деревней. Главная тяжесть кампании здесь пала на рабочих, связанных с деревней. Были приняты особые меры для выяснения товарищей, живущих в деревне, которых возможно было выставить кандидатами в земства и которые в свою очередь в состоянии были бы провести эту кампанию в деревне [4].

---

[1] «Хроника революционных событий Тамбовской губернии», изд. Тамбовской губернской комиссии по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции.

[2] «Крестьянское движение в 1917 г.», «Арх. Окт. рев.», стр. 226,

[3] «1917 г. в Иваново-вознесенском районе», стр. 183, изд. Губистпарта Иваново-вознесенского губкома ВКП(б).

[4] Там же, стр. 205.

размахе и величине проделанной. В Иваново-Вознесенске был организован даже особый коллектив на фабриках из рабочих, которые уезжали на праздники в деревню. Они были использованы для агитации по выборам в Учредительное собрание[1]. В Иваново-Вознесенском районе были открыты курсы пропагандистов для посылки их в деревню и города. Парторганизациями принимались всяческие меры к усилению пролетарского влияния в Советах крестьянских депутатов. На крестьянском съезде в Шуе, принявшем большевистскую резолюцию, особым решением было постановлено командировать на каждое заседание крестьянского совета по пяти человек от рабочих и солдат.

Таким же пролетарским влиянием на крестьянских делегатов отличалась работа расширенного пленума полтавского земельного комитета. Руководителями крестьянских делегатов выступали здесь представители совета рабочих и солдатских депутатов. Пролетарское влияние и здесь толкало крестьян к более решительным действиям[2].

Особенно широко использовались парторганизациями для работы в деревне солдаты и матросы, направляющиеся в деревни. Для кампании выборов в Учредительное собрание парторганизация в Кинешме решила использовать местный гарнизон, который мог повлиять на деревню или посредством личного влияния или посредством переписки с родственниками[3].

Даже в тех парторганизациях, в которых не уделялось достаточного внимания непосредственной борьбе за крестьянские массы, как например в губернской саратовской организации, особо важное значение придавалось работе среди солдат как главных проводников нашего влияния в деревне. В. П. Антонов-Саратовский, говоря о слабой работе среди крестьянства со стороны саратовских большевиков до Октябрьского переворота, отмечает однако энергичную работу в местном гарнизоне.

> «Главной же нашей крестьянской аудиторией был местный гарнизон. Над ним мы работали много и энергично. Здесь же проходили главные бои по земельному вопросу между нами и нашими противниками. Мужики на съездах и в солдатских шинелях сперва нас здорово освистывали... С ростом же классовой борьбы в деревне—мужик стал терять доверие к эсерам и все более прислушиваться к нам. Распропагандированные нами солдаты, уходя из тающего гарнизона, разносили «большевистскую бациллу» и в земельном вопросе. В ряде уездов (Аткарском, Сердобском, Кузнец-

---

[1] «1917 г. в Иваново-вознесенском районе», стр. 209, изд. Губистпарта Ивановознесенского губкома ВКП (б).

[2] М. «Рубач, Аграрная революция на Украине в 1917 г., «Летопись революции», № 1 (28) 1928 г., стр. 44.

[3] «1917 г. в Иваново-Вознесенске», стр. 223—224.

ком и Петровском) вспыхивали отдельные бунты, [illegible] помещичьи усадьбы...» [1]

Такое же важное значение придавала работе среди местного гарнизона и вообще солдат нижегородская парторганизация. Для работы среди солдат образуется с некоторым запозданием только 28 сентября военная организация РСДРП(б) и избирается временный комитет этой организации.

В Нижнем-Новгороде был организован под непосредственным руководством партийной организации интересный союз—«Союз солдаток». Умело проведенная работа в «Союзе солдаток» сделала из этой организации наилучший опорный пункт для борьбы за женские трудящиеся массы в Нижнем-Новгороде.

«Союз солдаток» вначале объединял только город, с течением времени в эту организацию начинают вливаться женщины из соседних селений и районов (а также затонов) [2]. Таким образом «Союз солдаток» служил усилению пролетарского влияния и в деревне.

Одним из мощных опорных пунктов пролетарского влияния в деревне явились землячества, руководство в которых всецело принадлежало большевистским организациям как в центре, так и на местах.

Эти землячества, образуемые из групп рабочих на фабриках и заводах одной волости или уезда, развиваются под непосредственным руководством партии. Центральное бюро землячеств, организованное в Питере, приняло чисто большевистскую платформу. Организация землячества в Московской области принадлежала военному бюро при Московском комитете ВКП(б). В Твери также при партийной организации находилось несколько землячеств. Организованные по инициативе и под руководством партии землячества сыграли большую роль в большевизации деревни. Землячества старались централизовать агитацию и пропаганду по деревням. Они представляли собой уже довольно крупную силу, поскольку к осени 1917 г. образовалось центральное бюро землячества 12 губерний. Всего к этому времени в землячествах насчитывалось около 30 тыс. рабочих и солдат.

Центральное бюро землячеств вело борьбу с Авксентьевским исполкомом крестьянских депутатов, выступая против его политики и деятельности и требуя своего участия в заседаниях Исполкома. Разоблачение предательской политики кулацкого исполкома иногда на огромных митингах, в которых участвовало до 5 тыс. человек, имело большое революционизирующее значение для деревни.

---

[1] В. П. Антонов-Саратовский, Под стягом пролетарской борьбы стр. 133—134.

[2] «Октябрьская революция в Нижегородской губ.», изд. Нижегородского партотдела губкома ВКП (б), стр. 59.

о размахе и величине. Наряду с устной пропагандой своих взглядов в деревне, она содействовала организации и материальной помощи деревне через центральный совет фабрично-заводских комитетов, находившийся под влиянием партии. Отмечая нужду деревни в сельскохозяйственных орудиях, совет обратился с призывом к рабочим на предприятиях о сборе металла и выделке из него сельскохозяйственных орудий и частей для них. Рабочие Петрограда и Кронштадта организовали сельскохозяйственные комиссии, собиравшие по заводам металл, бракованные части, обрезки, обрубки и т. д. Все это металлическое утильсырье поступало в распоряжение особого технического комитета при центральном совете фабзавкомов под названием «Рабочий—крестьянину»[1].

Реальная помощь, оказываемая деревне, еще больше должна была спаять деревню с рабочими, поскольку крестьяне на практике убеждались в искренности стремлений пролетариата и его партии помочь пролетариату.

Влияние свое на деревню партия проводила, как уже говорилось, и непосредственно через рабочих-партийцев, посылаемых в большом количестве в деревню. Иногда эти командировки рабочих принимали массовый характер. Большую переброску рабочих произвели например районные комитеты петроградской организации, и эта переброска имела очень важное значение для проявления классового самосознания трудящихся крестьянских масс. Агитация велась упорная, продолжительная. Как сообщает ленинградский рабочий большевик. И. Д. Мелкин, немало стоило ему усилий завоевать на сторону нашей партии бедноту и часть середняков. «Темными ночами и грязными осенними дорогами ходили мы из деревни в деревню, подготовляя крестьян к захвату власти от Временного правительства»[2].

Большое значение для большевизации деревни имели наезды в деревню беспартийных городских рабочих, благодаря которым усиливалось пролетарское влияние в деревне.

Эта ведущая роль городских рабочих и руководимых ими солдат-фронтовиков в крестьянском движении очень ярко воспроизводится в воспоминаниях селькоров «Крестьянской газеты», участников крестьянского движения в 1917 г. В их описании начало крестьянского движения у них на селе, в волости связывается с появлением городских рабочих и демобилизованных солдат.

> «Крестьянское движение в нашей местности началось,—пишет селькор из села Нерадовки (Брянского уезда, Орловской губ.),—с весны 1917 г., с того времени, как стали приезжать с фронта солдаты и ораторы из Брянского завода»[3].

---

[1] А. Шестаков, Большевики и крестьянство в революции 1917. г., стр. 68.

[2] Там же, стр. 63.

[3] «1917 г. в деревне» (воспоминания крестьян), стр. 47, корреспонденция селькора С. В. Савченкова.

«Август принес первые большевистские течения в деревню,—пишет селькор из Калужской губ.—Речи Ленина глубоко затронули солдат-крестьян и рабочих. Прибывшие с фронта солдаты в отпуск, на поправку, а некоторые и совсем, повели самую широкую агитацию среди крестьянства о большевистской программе...»[1] «Руководителями всего крестьянского движения, — пишет селькор из Псковской губернии,—были солдаты, возвратившиеся с фронта, и приехавшие из Петрограда рабочие»[2]. Во всех корреспонденциях пишется о руководящей роли рабочих и солдат в крестьянском движении, называются только разные крупные фабричные центры, из которых прибыли рабочие.

Прибывающие в деревню солдаты сразу становятся во главе крестьянского или «большевистского» движения, как пишут некоторые селькоры. Не случайно селькоры называют солдат обычно большевиками. «Большею частью они назывались,—пишет селькор из Самарской губернии,—«большевиками», так как сразу же настаивали на отборе земли и на разделе таковой всем поровну»[3]. «Большевики,—пишет другой селькор,—у нас появились из демобилизованных солдат»[4].

Возвращаясь с фронта в деревню, солдаты и матросы выявляют себя в роли ярых защитников батраков, бедноты. Они же под руководством большевистской партии и пролетариата возглавляют борьбу крестьянства против помещиков и кулаков. Неудивительно, что беднота, батраки и сельскохозяйственные рабочие выбирают солдат в волостные комитеты, в земства, и всюду солдаты и матросы идут на смену кулакам, подкулачной интеллигенции и слугам старого режима. Особенно усилилось влияние солдат и матросов в предоктябрьский период, когда движение пошло уже мимо крестьянских организаций и прежде всего мимо Авксентьевского исполнительного комитета крестьянских депутатов, отказавшегося возглавлять крестьянскую революцию. В октябре в течение одного только месяца приходилось около трети всех выступлений, проходивших под руководством солдат в предоктябрьский период.

Революционные солдаты, сами вышедшие из деревни и целиком с ней связанные, были застрельщиками классовой борьбы крестьян против помещиков и кулаков. Находясь на фронте, они поднимали своих земляков к восстанию против вековых угнетателей.

---

[1] «1917 г. в деревне», стр. 205, корреспонденция селькора Я. Наумченкова, Калужской губ., Жиздренского уезда.

[2] Там же (воспоминания крестьян), стр. 244, корреспонденция селькора С. Денисова, Дроздовской волости, Великолуцкого уезда, Псковской губернии.

[3] Там же, стр. 295, корреспонденция селькора В. Т. Захарова из Самарской губернии.

[4] Там же, стр. 50.

о размахе и величине пролетарской [illegible]

«Прошу скотину безо всяких пущайте,—читаем в одном письме с фронта,—по помещиков земле, и пашите землю, не спрашивайте их, собак толстопузых, довольно им теперь пить нашу кровь. Смотрите, берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружия, пока все не установим и домой придем с винтовками»[1].

В другом письме с фронта писали: «Ждем только конца войны, тогда уже расправимся с помещиками».

Могучей, организующей силой партии пролетариата, ходом классовой и партийной борьбы деревня освобождалась из-под соглашательского угара и из-под влияния буржуазии, постепенно переходя на сторону пролетариата и под руководство пролетариата.

Деревня пылала в огне крестьянского восстания. Тем настойчивее выдвигалась для партии задача—поднять восстание против буржуазии, чтобы совместными усилиями рабочих и беднейших крестьян низвергнуть диктатуру капиталистов и помещиков.

6. Задачи большевиков в крестьянском движении перед Октябрем.

Основной задачей партии большевиков было в предоктябрьский период возглавить крестьянское движение, и партия вела соответствующую агитацию в этом направлении. Необходимо было, с другой стороны, внести больше организованности в крестьянское движение, освободив его от элементов стихийности. Эту организованность в движении вносили рабочие, солдаты и матросы.

Кризис в стране, по определению Ленина, назрел. Близилось время восстания пролетариата против диктатуры помещиков и капиталистов.

Крестьянское восстание в крестьянской стране было, по Ленину, одним из решающих условий для определения момента восстания против Временного правительства. Сочетание пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков было одним из основных условий ленинской стратегии и тактики в период от Февраля к Октябрю.

Лозунги партии определялись стратегическим этапом революции. Мы шли к социалистической революции, к завоеванию власти пролетариатом. Попутно мы должны были разрешить задачи буржуазно-демократической революции. Задачи буржуазно-демократической революции являлись второстепенными в сравнении с основными задачами пролетарской революции.

В этом заключалось одно из важнейших условий перерастания буржуазно-демократической Февральской революции в социалистическую Октябрьскую революцию. Октябрьская революция была

---

1 Истпарт, «Солдатские письма 1917 г.», стр. 13—14.

революцией социалистической, завершившей задачи буржуазно-демократической революции «походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей пролетарско-революционной, социалистической работы» (Ленин).

Тактика нашей партии обусловливалась борьбой за трудящиеся массы и упиралась в коренной вопрос об отношении рабочих и крестьян. Этот коренной вопрос,—заявляет Ленин в исторической статье «Крестьяне и рабочие»,—сводится к следующему: «рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад, к примирению с капитализмом»[1].

Союз рабочих и беднейших крестьян под руководством рабочих являлся основным методом разрешения классовых соотношений по первому пути, по пути социалистической революции. Лишь диктатура пролетариата могла разрешить и действительно разрешила вопросы земли, мира и освобождения национальностей и повела к первым, но твердым «шагам социализма».

> Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени (Ленин говорит о времени первой революции и кануне буржуазной революции.—*М. Г.*), определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 г. лишний раз подтвердили это.
>
> Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и неотложными шаги к социализму—таково определение нашей классовой политики теперь»[2].

Выставляя в первую очередь союз с деревенской беднотой, мы не могли пренебрегать той помощью, которую могли получить и получали от колеблющихся других слоев крестьянства. Тов. Сталин на VI съезде партии таким образом определяет задачи, вытекающие из классового соотношения сил в деревне:

> «Неразумно было бы не пытаться достигнуть в революционный период известного соглашения между различными слоями крестьянства, но в то же время необходимо организовать отдельно беднейшие слои крестьянства, сплотить их вокруг пролетариев»[3].

Неоднократно Ленин подчеркивал и общенародный характер революции, отмечая только, что блок эсеров, как и блок крестьян-

---

[1] Ленин, Крестьяне и рабочие, Собр. соч., т. XXI, стр. 109—110.
[2] Там же, стр. 111.
[3] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 132.

о размахе и величине пролетарской [illegible]
ва с капиталистами, не в состоянии дать землю крестьянству. «А в этом гвоздь общенародного характера революции»[1].

Поэтому Ленин и выдвигал задачи организации крестьянства. С первых же дней революции он призывал партию и рабочих поддерживать советы крестьянских депутатов, отмечая одновременно слабые стороны в классовой структуре этой организации, поскольку в советах крестьянских депутатов объединились в то время не только батраки и деревенская беднота, но и зажиточные крестьяне. Как известно, Ленин требовал выделения самостоятельной классовой организации сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты:

«Невозможно ограничиться одними общими советами крестьянских депутатов, ибо богатые крестьяне—те же капиталисты, которые всегда будут склонны обидеть или обмануть батраков, поденщиков и беднейших крестьян»[2]. Вот почему пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, как часто повторяет Ленин, переносить центр тяжести на советы батрацких депутатов.

С приближением к Октябрю, когда резко усиливается классовое расслоение в деревне, Ленин из всех имеющихся слоев крестьянства выделяет кулаков и отмечает особенно вредное значение кулаков. Он выставляет их определенными врагами «справедливой борьбы крестьян за землю». Демократическое совещание среди других реакционных слоев представлено было по определению Ленина деревенскими кулаками. Правительство Корнилова и Керенского и сам Керенский опирались на кулаков, помещиков и капиталистов. Это правительство, опирающееся на кулаков, помещиков и капиталистов «стоваривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян...»[3].

Наша тактика в борьбе за крестьянство в предоктябрьский период имеет глубоко важное принципиальное значение для братских компартий, и одной из причин успехов борьбы за власть являлась большевистски выдержанная тактика борьбы за массы. Среди особенностей этой тактики, отмечаемых т. Сталиным, выделялось «умение убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся»[4].

В период господства соглашательского угара особенно важна была политика разоблачения предательства мелкобуржузных пар-

---

[1] Ленин, Марксизм и восстание, Собр. соч., т. XXI, стр. 196.
[2] Ленин, Политические партии в России и задачи пролетариата, Собр. соч., т. XX, стр. 142—143.
[3] Ленин, К рабочим, крестьянам и солдатам, Собр. соч., т. XXI, стр. 286.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 122, 1930 г.

тий, меньшевиков и народников. Отсюда выделялась другая важнейшая черта борьбы за массы, в особенности за крестьянские массы, «изоляция партий меньшевиков и эсеров как основная линия руководства» (Сталин).

В новых условиях Ленин находил другие приемы борьбы с эсерами, чем в предшествующие периоды. Он отмечал, что теперь нельзя ограничиться теоретическим разоблачением мелкобуржуазных иллюзий, «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда». Сейчас вытекают новые задачи в борьбе с эсерами в виду явной предательской политики эсеров, путем всякого рода обманов ведущих трудящихся к союзу с капиталистами.

> «Центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров надо переносить на то, что они изменили крестьянам. Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т. е. к подчинению им. Они продали интересы трудящейся и эксплоатируемой массы за министерские местечки, за блок с меньшевиками и с кадетами»[1].

Партия большевиков неустанно вела борьбу за крестьянство, высвобождая его из-под влияния буржуазии, изолируя прежде всего мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков—«партии соглашения между империализмом и трудящимися массами» (Сталин).

> «История этого периода,—говорит т. Сталин,—есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами»[2].

В то время как партия придавала чрезвычайно важное значение работе в крестьянских массах, подготовке и организации крестьянского восстания, отдельные оппортунистические элементы в партии недооценивали всей важности крестьянского движения, не понимали значения союза крестьянского восстания против помещиков с рабочей революцией против буржуазии.

После апрельской конференции на время как будто улеглись споры по аграрному вопросу, поскольку партией были приняты определенные установки и лозунги в отношении к крестьянскому движению. Все же отголоски оппортунистического, неленинского понимания роли крестьянства в революции продолжали кое-где проявляться и заметно выявились на VI съезде партии, на котором в связи с политическим отчетом ЦК (докладом т. Сталина) возникли прения вокруг основного вопроса о движущих силах революции.

---

[1] Ленин, Крестьяне и рабочие, Собр. соч. т. XXI, стр. 111.

[2] Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. «Вопросы ленинизма», стр. 115, 1930 г.

Механистична была позиция т. Бухарина по вопросу о роли и участии крестьянства в развертывающейся революции. Бухарин возражал против ленинских лозунгов и оценки перспектив революции, защищаемых т. Сталиным, и выдвигал установку по существу троцкистского характера. «Новый подъем революции,—говорил Бухарин,—я мыслю з двух сменяющихся фазисах: первый фазис—с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис—после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы»[1]. Тов. Сталин резко разбил эту «теорию» Бухарина, назвав ее «игрушечной схемой», и показал, что в ней не увязаны концы с концами, поскольку Бухарин разрозненно ставит вопрос о двух этапах революции и неизвестно даже, против кого направлен у него второй этап.

Основная ошибка Бухарина, Ярославского, Ангарского и др., выступавших против оценки текущего момента, даваемой т. Сталиным, заключалась в недооценке ими роли крестьянства в развертывающейся революции. Эта недооценка проявлялась и в обсуждении других вопросов съезда, как например по вопросу о предвыборных соглашениях с беспартийными крестьянскими организациями. «Левый» Преображенский возражал против таких соглашений, исходя при этом из тех соображений, что крестьянские организации могут пойти с нами только в аграрном вопросе, а по другим вопросам резко расходятся с линией партии. Преображенский по-троцкистски недооценивал значение бедняцких слоев крестьянства в развертывающейся революции, не видел важности для развития пролетарской революции союза рабочих и беднейших крестьян.

Характерна поправка Преображенского к резолюции «о политическом положении». Преображенский допускал возможность развития у нас социалистической революции только «при наличии пролетарской революции на Западе». Тов. Сталин резко возражал против этой троцкистской установки Преображенского. «Не исключена возможность,—заявил т. Сталин,—что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»[2]. Далее т. Сталин вскрывает сущность ошибки Преображенского, заключающейся в недооценке крестьянских резервов пролетарской революции.

Преображенский, Бухарин, Ангарский и другие оппоненты т. Сталина на VI съезде партии были выразителями оппортунистических настроений, охвативших на время отдельные элементы в нашей партии после июльских дней, под влиянием напора мелкобуржуазной стихии. Троцкистское неверие в силы пролетариата, троцкист-

[1] Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б), VI съезд, стр. 139.

[2] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 138.

ская недооценка революционной роли крестьянства—союзника пролетариата в революции—вот что лежало в основе оппортунистических шатаний Преображенского, Бухарина и др. по вопросу о движущих силах революции.

Отдельные оппортунистические элементы в партии не видели разрастающегося крестьянского движения даже тогда, когда оно превратилось уже в крестьянскую революцию. В своем известном штрейкбрехерском «Письме к текущему моменту» Каменев и Зиновьев как один из доводов против восстания и в виде доказательства нашей изоляции приводили слабое развитие у нас крестьянского движения. О самой крестьянской революции они отзываются таким образом: «Крестьянское движение еще только начинается» [1].

Ленин дает им горячую отповедь, отмечает всю беспочвенность их установок, выдвигая как «самый крупный факт современной жизни в России крестьянское восстание». Он подчеркивает коренную ошибку Зиновьева и Каменева—отсутствие всяких революционных перспектив, полное непонимание происходящего в России крестьянского восстания. Касаясь подвоза хлеба к железнодорожным станциям восставшими крестьянами Тамбовской губ., Ленин отмечает всю бесперспективность оценки у Зиновьева и Каменева современного момента: «Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров» [2].

В свою очередь и В. Невский, заведывающий крестьянским отделом органа партии «Пролетарий», выявил тогда полную бесперспективность в оценке текущего момента и полную недооценку развернувшейся уже крестьянской революции.

> «Решающее значение в революции,—говорил он на заседании ЦК РСДРП(б) от 15 октября,—конечно имеет рабочий класс. Это верно, но нельзя не учитывать настроения масс, ведь тогда вы не выиграете победы. В целом ряде губерний (Костромской, Рязанской) крестьяне заявляют, что в случае восстания они не дадут хлеба. Абсолютно ничего не сделано в том направлении, чтобы расшевелить деревни. В этом выступлении может быть крестьянская масса сыграет колоссальную роль. Если вы уверены, что крестьянские массы пойдут за нами, то хорошо... Настроение крестьянских масс во многих местах России совершенно не учтено» [3].

Каменев, Зиновьев и другие оппортунисты, шедшие за ними, не

[1] «Письмо к текущему моменту», Сб. «Каменев и Зиновьев в 1917 г. (факты и документы)», стр. 41.

[2] Ленин, Письмо к товарищам, Собр. соч., XXI, стр. 336.

[3] Протоколы ЦК (Архив Истпарта ЦК ВКП (б), д. № 42). Цитировано по книге «Советы крестьянских депутатов и других крестьянских организаций», т. I, ч. 2, стр. 277.

учитывали происходящего в стране крестьянского движения или не придавали ему определенного значения в развертывающейся революции рабочих против буржуазии. А Ленин в те же дни в воззвании «К рабочим, крестьянам и солдатам» пишет:

> «Ни одного дня нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно предложить справедливый мир. Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну! Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов» [1].

Вслед за Лениным т. Сталин в ряде своих статей накануне Октября, отмечая непрерывный рост и углубление развивающейся революции, решительно указывает на все усиливающийся подъем революционного движения крестьянства («Кризис и директория», «Правительство буржуазной диктатуры», «Ждать вам—не дождаться». «Кто срывает Учредительное собрание», «Контрреволюция мобилизуется,—готовьтесь к отпору», «Власть советов», «Что нам нужно?» и т. д. «Рабочий путь», 1927 г. № 1, 21, 23, 28, 32, 35 и 44) [2].

В самом начале октября 1917 г. т. Сталин в передовой «Кто срывает Учредительное собрание» («Рабочий путь» № 28, 5(18) октября 1917 г.) отмечает накопление сил революции, находившей резервы в революционном движении крестьянства.

«Где же та сила,—спрашивает т. Сталин,—которую можно будет противопоставить контрреволюционным попыткам буржуазии?

Сила эта—растущая русская революция. Соглашатели не верят в нее. Но это не мешает ей расти, захватывая деревню и сметая устои помещичьей власти» [3].

В день принятия ЦК резолюции о вооруженном восстании, на заседании 10(23) октября, на котором Каменев и Зиновьев пытались сорвать подготовку вооруженного восстания, т. Сталин помещает в «Рабочем пути» № 32 статью «Контрреволюция мобилизуется—готовьтесь к отпору» с бодрым призывом к отпору контрреволюции и мобилизации сил революции. Статья—передовица т. Сталина—ярко рисует все растущее значение крестьянского восстания:

«Революция живет. Сорвав корниловскую попытку и раскачав фронт, облетев города и оживив фабричные районы, она перекидывается теперь в деревню, сметая ненавистные устои помещичьей власти.

---

[1] Ленин, К рабочим, крестьянам и солдатам, Собр. соч., т. XXI, стр. 286.

[2] Указанные статьи — передовицы «Рабочего пути», выходившего вместо закрытой «Правды».

[3] И. Сталин, На путях к Октябрю, статья «Кто срывает Учредительное собрание», стр. 252.

Падает последняя опора соглашательства. Борьба с корниловщиной смела соглашательские иллюзии рабочих и солдат, сплотив последних вокруг нашей партии. Борьба с помещиками сметет соглашательские иллюзии крестьян, собирая последних вокруг рабочих и солдат.

В борьбе с оборонцами и вопреки им складывается революционный фронт рабочих, солдат и крестьян. В борьбе с соглашателями и вопреки им растет и укрепляется этот фронт»[1].

Штрейкбрехеры пролетарской революции—Каменев, Зиновьев и другие оппортунисты, шедшие за ними,—потеряли все перспективы революционного движения и возлагали все надежды на Учредительное собрание. Как и Ленин, т. Сталин отмечает сложившуюся революционную ситуацию в октябре и все условия, создавшиеся для захвата власти. В передовой «Рабочего пути» № 35 «Власть советов», описывая создавшуюся внутреннюю и внешнюю политическую обстановку, которая «неудержимо влечет революционные классы России к власти», т. Сталин характеризует общее положение накануне Октября таким образом: «Это значит: страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства»[2].

Особую позицию в рядах нашей партии перед Октябрем занимал Троцкий. Приехав в Россию в мае и вступив вскоре в нашу партию, Троцкий в основных вопросах оставался на своей прежней позиции, позиции меньшевистской теории «перманентной революции». Он выдвигал лозунг Революционного рабочего правительства, опирающегося на крестьянство вместо ленинского лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Но и лозунг «опоры на крестьянство» имел у Троцкого лишь временное значение, пока пролетариат не приходил к власти. На другой же день после пролетарской революции неминуемо следовал, по троцкистской теории перманентной революции, разрыв между пролетариатом и крестьянством, неизбежно возникали «враждебные столкновения» между пролетариатом и широкими массами крестьянства, «при содействии которых он пришел к власти» (Троцкий), на почве непримиримых будто бы враждебных классовых интересов между пролетариатом и крестьянством.

Основной и единственной движущей силой революции Троцкий попрежнему признавал только пролетариат.

Положение о гегемонии пролетариата в революции было у Троцкого чисто формальным, как формальным было признание им социалистической революции. Лишая пролетариат союзников в революции, Троцкий тем самым отрицал возможность победы революции, так как пролетариат, действующий, по схеме Троцкого,

[1] И. Сталин, На путях к Октябрю, стр. 253, статья «Контрреволюция мобилизуется—готовьтесь к отпору».

[2] Там же, стр. 259, статья «Власть советов».

«в безвоздушном пространстве», обречен был на полную неудачу своей борьбы за социализм.

В статье «1905—1917 гг.» («О ближайших задачах нынешней революции»), напечатанной еще в Америке, в газете «Новый мир», Троцкий таким образом отзывался о роли мелкой буржуазии в революции: «В великой французской революции конца XVIII в. главной движущей силой была мелкая буржуазия, державшая под своим влиянием крестьянскую массу. Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших централизованных формах» [1].

Между тем Ленин неоднократно указывал как в ту эпоху, так и позже на роль и значение в революции мелкой буржуазии и в первую очередь крестьянства. На апрельской конференции 1917 г. Ленин несколько раз подчеркивал беспринципность троцкизма с его теорией «перманентной революции», с непониманием роли крестьянства и мелкой буржуазии в революции, с перескакиванием через буржуазно-демократический этап. «Троцкизм,—говорил Ленин,—«без царя, а правительство рабочее» [2]. Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя» [3].

Троцкизм лишь формально признавал социалистическую революцию, перескакивая через этап буржуазно-демократической революции. В действительности же троцкизм выражал направление, идеологию буржуазной революции. Троцкий, признающий теперь открыто нашу Октябрьскую революцию революцией буржуазной, отвергающий какие бы то ни было социалистические перспективы в революции китайской или испанской, никогда на деле не боролся за социалистическую революцию, а если и формально призывал к ней, в действительности и в 1905 г. и в 1917 г. отстаивал не что иное, как доведение до конца пролетариатом буржуазно-демократической революции в интересах не пролетариата, а буржуазии.

Троцкистская теория «перманентной революции» есть буржуазная теория о невозможности построения социализма в нашей стране.

Вполне последовательно Троцкий в 1917 г. отрицал и перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и замазывал сущность перерастания путем втягивания в этот процесс беднейших слоев крестьянства. Ближайшей задачей революции Троцкий выдвигал летом 1917 г. создание «чистых пролетарских советов». Современное положение вещей и ближайшие перспективы на первом этапе пролетарской революции он рисовал тогда таким образом:

---

[1] Л. Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 24.

[2] Лозунг Парвуса и Троцкого в 1905 г. об организации революционной власти

[3] Петроградская общегородская и Всероссийская конференция в апреле 1917 г. Протоколы, стр. 17.

«Развал совета рабочих и солдатских депутатов идет, и справа и слева отваливаются части, но это не последняя глава истории революции. Будет третья и четвертая глава, когда настанет полное отделение от мелкобуржуазных элементов города и деревни» [1].

Другая установка была у большевистской партии. Выдвигая ближайшей задачей партии привлечение крестьянства на сторону революции как важнейшее условие завершения этапа буржуазно-демократической революции, Ленин, напротив, настаивал на значении современных советов с участием именно представителей крестьянства. В полемике с Каменевым Ленин заявляет, отмечая беспринципность троцкизма:

«Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?»

«Если бы я сказал: «без царя, а правительство р а б о ч е е»,—эта опасность мне бы грозила. Но я сказал н е это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) н е м о ж е т быть, п о м и м о советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова т о л ь к о к этим советам, а в них к а к р а з преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику» [2].

«Левый» Троцкий не видел в крестьянстве самостоятельной движущей силы в Февральской или Октябрьской революции, не допускал возможности социалистических перспектив в самом крестьянском движении. Программа аграрной революции, которую, по Троцкому, суждено развернуть одному лишь пролетариату, была очень куцая у него, не то энэсовская, не то даже кадетская, поскольку энэсы признавали все же хотя бы частичную национализацию земли. Антиреволюционный характер троцкистской программы выражался в требовании одной лишь «конфискации в пользу народа царских, помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель».

Неслучайно опущено у Троцкого упоминание о крестьянских землях. Дальнейшие перспективы крестьянского движения рисуются Троцким таким образом: «Если революция передаст русским крестьянам землю, принадлежащую царю и помещикам, то крестьяне

---

[1] Л. Т р о ц к и й, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 47—48.
[2] Л е н и н, Письма о тактике, Собр. соч., т. XX, стр. 104.

размахе и «величии» [illegible]
будут всеми силами защищать свою собственность против монархической контрреволюции» [1].

Таким образом Троцкий в 1917 г. вместо большевистской национализации земли выдвигал кадетско-эсэсовскую программу простого раздела помещичьей и казенной земли между крестьянами.

Меньшевистское, презрительное отношение к крестьянству Троцкий сохранил за все время своего пребывания в большевистской партии, формально свертывая свои антибольшевистские установки. Такое же отношение к крестьянскому движению выражает он и в своей новой работе («История русской революции, т. I, Февральская революция»), выпущенной им в Берлине в 1931 г. В этой «Истории» одним из важнейших источников, которой служили «Записки о русской революции» Суханова, подвергнувшиеся в свое время резкой критике Ленина, Троцкий оценивает аграрный вопрос в революции 1917 г. «как наследие варварства старой русской истории» и только.

Как и прежде, он смотрит на крестьянское движение как на движение сплошь реакционное.

Выказывая себя на словах сторонником пролетарской революции, Троцкий с притворной опаской говорил в период Февральской революции о привлечении крестьянства на сторону революции. Он брал на себя претензию охранять чистоту революционных позиций пролетариата и выражал опасение, как бы новый союзник своей отсталостью не сковал бы волю и энергию революционного пролетариата и не отвлек бы его в сторону от выполнения стоящих перед ним задач социалистической революции:

> «Было бы преступлением пытаться разрешить эту задачу (привлечение крестьянства.—*М. Г.*) путем приспособления нашей политики к национально-патриотической ограниченности деревни; русский рабочий совершил бы самоубийство, оплачивая свою связь с крестьянством ценой разрыва «своей связи с европейским пролетариатом» [2].

«Левые» и правые оппортунисты рассматривают крестьянство в целом, не отмечая классовой диференциации в самом крестьянстве и соответствующих прослоек в деревне. Отсюда у Троцкого фальшивое, лишенное всякого марксистского анализа, изображение классовой борьбы, происходившей в деревне в 1917 г.

Верный своей стратегической установке о крестьянстве как едином целом, Троцкий затушевывал классовую борьбу, происходившую внутри крестьянства, замазывал классовый характер крестьянского движения в 1917 г.

Меньшевистское презрение к крестьянству, замазывание его политической роли в революции 1917 г. выражается у Троцкого

---

[1] Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 28.
[2] Там же, стр. 18.

также в затушевывании связи между крестьянскими требованиями земли и политическими требованиями развертывающейся революции. Кулацкий авксентьевский исполком крестьянских депутатов является в описании Троцкого сторонником и выразителем крестьянских требований и надежд на помещичью землю.

В 1931 г. Троцкий представляет уже в ином виде, в другом освещении роль и значение в крестьянском движении «авксентьевских молодцов» и эсеров вообще, нежели в своих воззваниях, статьях из эпохи 1917 г. Перепечатывая с указанной нами «Истории русской революции» статьи 1917 г., он намеренно опускает например место с ядовитой характеристикой Керенского. Он теперь «объективно, лишь слегка критикует «либерального социолога» Милюкова. В новой роли мистер Троцкий старается подойти ко вкусу новых своих читателей из западноевропейской буржуазной среды. Ренегат революции протягивает руку примирения своим прежним врагам Керенским и Милюковым, теперь союзникам в борьбе против советского социалистического государства.

Относительно характера и своеобразия крестьянского движения в первые месяцы Февральской революции Троцкий создает фантастические теории, в основе которых лежит то же замазывание политической роли крестьянства в революции 1917 г. Троцкий отрицает существование соглашательских иллюзий в крестьянстве в первом периоде революции, в периоде так называемого «добросовестного оборончества». Мирную тактику крестьянства в этот период он квалифицирует как особую маневренную тактику «хитрого мужика». Троцкий полемизирует в своей «Истории русской революции» с т. Яковлевым, который совершенно правильно, в полном соответствии с ленинской оценкой крестьянского движения, объясняет сравнительно мирную тактику крестьян в первый период революции их доверчивостью тогда к буржуазии, в период господства соглашательских иллюзий.

Троцкий не видит ничего своеобразного в способах мирной борьбы крестьян в первом периоде Февральской революции. «Те способы,—иронизирует он над т. Яковлевым,—которые объявлены здесь невиданными в истории, являются на самом деле типичными, неизбежными, исторически общеобязательными для начальной стадии крестьянской войны под всеми меридианами» [1].

«Марксист» Троцкий ищет причины этой тактики в явлениях всемирно-исторического характера, в глубоком историческом прошлом, и подходит таким образом к разрешению этого вопроса без всякого классового анализа и учета исторической обстановки. «Если от современности,—говорит он,—отойдем далеко назад, то без труда найдем те же якобы «не виданные в истории» явления

[1] Троцкий, История русской революции, т. I, «Февральская революция», стр. 444.

о размахе и величине [illegible]
в самых решительных, национальных, философских и политических оболочках, начиная с библейских времен и ранее того» [1].

Политический банкрот, выброшенный за борт, Троцкий имеет наглость утверждать, будто его позиция, лозунги, выдвигавшиеся им еще в «Новом мире»—в Америке при первых известиях о Февральской революции—были чисто ленинскими, ничуть, мол, не расходились с установками Ленина, в противоположность, мол, позиции большевистской партии. В приложении к своей «Истории русской революции» он приводит ряд отрывков из статей, печатавшихся в «Новом мире», и в заключение заявляет: «Вряд ли есть надобность доказывать, что в приведенных выше обширных выписках из предназначенных для рабочих популярных статей (т. е. статей, печатавшихся в «Новом мире».—*М. Г.*) развивается тот же взгляд на развитие революции, который нашел свое выражение в тезисах Ленина 4 апреля» [2].

Эти отрывки Троцкий дает в главе (в приложении) с вызывающим заголовком «Перевооружение партии», в которой он вновь повторяет свою клевету о «перевооружении» большевизма в апреле 1917 г. Герой «перманентной революции» слишком прозрачно дает здесь понять, что предвосхитил Ленина в оценке Февральской революции и в определении задач и тактики пролетарской партии.

Не ограничиваясь выпячиванием своей роли в революции и желая во что бы то ни стало опорочить роль Ленина в революции, Троцкий прячется за спину «старых большевиков» (т. е. правых большевиков, шедших за Каменевым) и приписывает им обвинение Ленина в недооценке крестьянства. Подобным маневром Троцкий пытается теперь отвести от себя вполне заслуженное обвинение в недооценке крестьянства, поскольку, мол, и Ленин подвергался обвинениям в недооценке крестьянства.

Не высказываясь по существу этих вымышленных им же самим обвинений по адресу Ленина, он старается за то показать, как он выражается, «очень осторожную позицию» Ленина в аграрном вопросе. Перевирая бесцеремонно речи Ленина на апрельской конференции 1917 г., Троцкий «доказывает» затем, как развертывание крестьянского движения пошло дальше первоначальных предположений и перспектив Ленина, дальше ленинского прогноза событий революции 1917 г.

Вся эта троцкистская бутафория с выпадами против Ленина и партии сопровождается бесцеремонным извращением и возмутительным жонглированием ленинскими цитатами, причем отрывки фраз приводятся без ссылок на источники, не говоря уже про отсутствие ссылок на страницы.

Троцкий в 1931 г. уже без всякой маскировки пытается «дока-

[1] Троцкий, История русской революции, т. I, «Февральская революция» стр. 445.

[2] Там же, стр. 522.

зать», что жизнь пошла левее предположений Ленина, левее ленинского стратегического плана, а он, Троцкий, еще в Америке предвидел и давал перспективы революционного крестьянского движения. По словам зарвавшегося авантюриста, крестьянское движение развернулось помимо Ленина и большевистской партии, которая, мол-де, плелась в хвосте.

Как лживы были прежние заявления ренегата революции, так лживо и это утверждение его. В действительности большевистская партия с самого начала принимала активнейшее участие в крестьянском движении, и она одна возглавила крестьянскую революцию.

Троцкий занимал особую позицию и перед Октябрем. Не высказываясь против самого восстания, подобно Каменеву и Зиновьеву, он выступал за отсрочку восстания под предлогом предстоящего съезда советов. Неверием в силы пролетарской революции, замазыванием революционного значения крестьянского движения вызывалось предложение Троцкого ждать с захватом власти до съезда советов или до созыва Учредительного собрания.

Осуществление плана «левого» Троцкого, как и правых Каменева и Зиновьева, привело бы в одинаковой степени к гибели революции. Сообщая, что «у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания», Ленин резко ополчается против подобных отсрочек восстания. Он категорически заявляет, что подобная тактика выражала бы «полный идиотизм или полную измену»[1].

Одним из мотивов за немедленное восстание против диктатуры буржуазии для Ленина было разрастающееся крестьянское восстание. Оттяжку восстания против Временного правительства он приравнивал к предательству в отношении к крестьянству.

> «Полная измена крестьянству. Имея оба столичных совета, дать подавить восстание крестьян—значит потерять и заслуженно потерять всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами.
>
> «Ждать» съезда советов есть полный идиотизм, ибо съезд ничего не дает, ничего не может дать!
>
> «Моральное» значение? Удивительно!! «Значение» резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что советы за крестьян и что крестьянское восстание подавляют!! Мы сведем эти Советы до роли жалких болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд»[2].

Не поддержанное революцией городских рабочих крестьянское восстание, восстание крестьян было бы обречено на неудачу. Кре-

---

[1] Ленин, Кризис назрел, Собр. соч., т. XXI, стр. 240.
[2] Там же.

с размахом и величием
стьянское восстание, в свою очередь, являлось надежнейшей опорой и подкреплением рабочей революции против буржуазии. Крестьянское восстание в крестьянской стране было, по Ленину, одним из решающих условий для восстания против Временного правительства.

Движение рабочих и крестьян против правительства помещиков и капиталистов росло к Октябрю не по дням, а по часам. Трудящиеся массы разочаровались в последней затее Временного правительства—предпарламенте, который народ прозвал «предбанником».

Под руководством большевистской партии пролетариат восстал против корниловца Керенского и с помощью солдат и матросов—той же деревенской бедноты—сломил диктатуру буржуазии.

Героический период восьмимесячной борьбы за диктатуру пролетариата, начавшийся после Февральской революции, закончился полным торжеством дела рабочих и трудящихся крестьян. Союз рабочего класса с деревенской беднотой под руководством рабочего класса одержал полную победу. «Русский народ,—говорил Ленин вскоре после переворота,—совершил гигантский скачок—прыжок от царизма к советам» [1]. Питерский совет рабочих и солдатских депутатов передает власть II Всероссийскому съезду рабочих и солдатских депутатов, который выбирает рабоче-крестьянское правительство и утверждает советскую власть в центре и на местах.

Перед победившей партией большевиков встали необычайно трудные задачи. Пролетариат брал власть во имя социализма. Победа Октября означала победу социализма в России и начало мировой пролетарской революции. Перед партией пролетариата встали задачи укрепления и углубления социалистических завоеваний в городе и деревне.

---

[1] Ленин, Речь о роспуске Учредительного собрания, Собр. соч., т. XXII, стр. 185.

ГЛАВА IV

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БОРЬБА КЛАССОВ В ДЕРЕВНЕ.

1. Октябрьский переворот в деревне. 2. Классовая и партийная борьба среди крестьянства. 3. Авксентьевский исполком советов крестьянских депутатов и советская власть. 4. Аграрная политика большевиков и борьба за влияние на крестьянство после Октябрьского переворота.

1. Октябрьский переворот в деревне.

Октябрь победил. Победа пролетарской революции поставила—как одну из важнейших задач—задачу осуществления крестьянских требований, выполнения одного из лозунгов восстания—передачи земли трудящемуся крестьянству. На другой же день после Октябрьского переворота II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов принят был декрет о земле 26 октября (8 ноября), декрет о переходе земли во всенародное достояние.

Декрет о земле был проведен после тяжелой и продолжительной борьбы с классовыми врагами трудящегося крестьянства. За осуществление его на практике боролись трудящиеся крестьянские массы во главе с городскими рабочими, солдатами и матросами, теми самыми силами, которые возглавляли крестьянскую революцию перед Октябрем. Советская власть лишь зарождалась в деревне. И не только в ноябре, но и в декабре далеко не повсюду функционировали советские организации и, главное, не пользовались еще должным авторитетом.

На местах попрежнему сидели комиссары, поставленные Временным правительством и А. Ф. Керенским, продолжали существовать и боролись за власть контрреволюционные земства, продовольственные и земельные управы. В самом Петрограде земство существовало до марта 1918 г. На местах—в уездах и волостях Петроградской губернии—земство например держалось очень уверенно на своих позициях, считая себя полноправным, избранным хозяином. Так в Ямбургском уезде городская и зе-

о размахе и величине пролетарской
земельная управы не подчинились постановлению уездного совета о своем роспуске и стали, напротив, мобилизовать свои силы [1].

Неустойчивость власти на местах, в Петроградской губ., например выражалась также в том, что губисполком, избранный на губернском съезде в конце декабря 1917 г., состоял в большинстве своем из антисоветских элементов, так как в него выбраны были, кроме 6 большевиков, 8 эсеров и 1 меньшевик. Такой губисполком просуществовал до марта 1918 г.—до II съезда советов Петроградской губ. [2]. Рядом с этим губисполкомом продолжали существовать еще три других губернских центра прежней эпохи: земство, продовольственная и земская управы. И если пережитки прошлого продолжали так сильно довлеть еще в Петроградской губ., в самом центре революции, тем более неприглядная картина создавалась в других местах, где старые органы власти цепко держались за свое существование и влияние, и революционным органам приходилось вышибать их упорной борьбой из занятых ими позиций.

В волостях сплошь и рядом оставались прежние волостные земства, недемократизированные еще земельные комитеты или продовольственные комитеты. Что касается губернских и уездных земельных комитетов, то они с самого начала заняли явно враждебную позицию по отношению к Октябрьскому перевороту. Волостные земельные комитеты, когда-то, в эпоху керенщины, стоявшие во главе аграрного движения, не оказались в большинстве своем на должной высоте в момент Октябрьского переворота и держались лишь выжидательной тактики, плетясь в хвосте событий.

Не переизбранные сплошь и рядом с начала Февральской революции, часто переполненные правыми эсерами, волостные земельные комитеты отрывались от левеющих крестьянских масс и занимали выжидательную позицию после Октября в отношении к советской власти.

Весьма показательно поведение земельных комитетов в Ленинградской (прежде—Озерной) области. Даже лучшие из них, наиболее близкие к нам, все же не оказывали активной помощи советской власти. Высказывая например недоверие Временному правительству, они ограничились лишь подачей заявления о своей отставке, как это имело место с Воскресенским волостным земельным комитетом Новгородской губернии [3]. Большинство земельных комитетов Ленинградской области еще в конце ноября и в начале декабря 1917 г. не высказывали своей определенной ориентации в вопросе о власти и откладывали решение на неопределенное

1 «Красная летопись» № 3/27, 1923 г., стр. 237.
2 Там же, стр. 241.
3 Там же, № 2/26, 1923 г., стр. 136.

время—«до согласованности решения в контакте с уездным и губернским комитетами». Часть земельных комитетов из разных соображений стояла за активное вмешательство в непрекращающееся аграрное движение, но по вопросу о власти продолжала оставаться на прежней выжидательной позиции. В этом отношении характерно постановление Кушеверского волостного земельного комитета от 20 ноября (3 декабря) 1917 г.:

> «1) Заслушав доклад о декрете гражданина Ульянова-Ленина, комитет постановил: не проводить декрета в жизнь, пока не будет опубликован закон о земле и не последует распоряжения от высших земельных комитетов.
>
> 2) Волостной земельный комитет постановил: ввиду угрожающей опасности разгрома усадеб взять все находящиеся в волости усадьбы на учет и под контроль земельного комитета...» [1]

Под ленинским декретом следует понимать конечно декрет советской власти о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г.,—известно, что закона о земле реакционеры ждали от Учредительного собрания.

Но если встречались хотя бы в виде исключения земельные комитеты, стоявшие на советской платформе, то они в своей работе встречали упорное сопротивление со стороны комиссаров Временного правительства и прочих органов старой власти. Корреспонденции с мест в большевистских и левоэсеровских газетах того времени рисовали довольно мрачную картину взаимоотношений прежних деревенских властей и крестьянских организаций с беднотой и батраками на почве осуществления декрета о земле. Про Старицкий уезд, Тверской губ., находим например такое сообщение:

> «В волостях Страшевской, Рясенской и Супроненской земельные комитеты находятся во власти комиссаров Временного правительства, которые запрещают комитетам конфисковывать помещичьи земли и леса. Органы старой власти не переизбраны...» [2]

Запуганность крестьян в указанных волостях проявилась и в том, что, несмотря на свою очевидную политическую сознательность,—на выборах в Учредительное собрание они голосовали за большевиков,—они просили распоряжения «о формировании Красной гвардии и инструкций для проведения закона народного правительства».

Характерна корреспонденция из г. Калязина, той же Тверской губернии:

---

[1] «Красная летопись» № 2/26, 1928 г., стр. 143—144.
[2] «Голос трудового крестьянства» № 33, 30 декабря ст. ст., 1917 г.

«В городе Калязине расклеены воззвания комиссара, совета крестьянских депутатов, воинского начальника и т. п., призывающие не подчиняться никаким распоряжениям хулиганов-большевиков Петрограда и их прихвостней—левых эсеров и бороться с ними всеми средствами...» [1]

На местах кое-где были сильны еще помещики, разными способами мешавшие осуществлению декрета и советских распоряжений о земле. Неоднократны были сообщения с мест, что «крестьян пугают казаками». И действительно были случаи употребления воинской силы против крестьян, осуществлявших постановления советской власти.

Положение волостных земельных комитетов на первых порах после Октябрьского переворота было неопределенным, и они не были ограждены от насилий и угроз со стороны уцелевших еще кое-где агентов Временного правительства или помещиков. На другой день после переворота 26 октября (8 ноября) от имени Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов разослано было, правда, следующее распоряжение губернским и уездным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Постановлением Всероссийского съезда советов все арестованные члены земельных комитетов немедленно освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту. Вся власть отныне принадлежит советам. Комиссары правительства отстраняются. Председатели советов сносятся непосредственно с революционным правительством» [2].

Комиссары Временного правительства однако не всюду и не сразу были отстранены от власти на местах. Сплошь и рядом они опирались на военные отряды, уцелевшие еще от прежнего времени и бродившие по уездам, деревням. Положение членов волостных земельных комитетов не было безопасным.

Характерно в этом отношении постановление Чрезвычайного крестьянского съезда (10/23 ноября—25 ноября (8 декабря) о земельных комитетах, в котором съезд наряду с призывом к трудящемуся крестьянству поддержать свои земельные комитеты в их работе, направленной к осуществлению советского закона о земле, обращается к крестьянству с особым призывом «отстоять эти комитеты от всяких репрессий и насилий со стороны представителей низвергнутой власти правительства Керенского» [3].

Только в конце декабря (24 декабря ст. ст.) последовало распоряжение из Народного комиссариата внутренних дел о полной реорганизации местных деревенских властей и о создании сети советских крестьянских организаций:

---

1 «Голос трудового крестьянства» № 33, 30 декабря ст. ст.. 1917 г.

2 «Революция 1917 г., (хроника), стр. 201. Сост. К. Рябинский, изд. Истпарта.

3 Сборник резолюций Чрезвычайного и II Всероссийского съездов советов крестьянских депутатов, стр. 11—12.

«Все прежние органы местного управления, областные губернские и уездные комиссары, комитеты общественных организаций, волостные управления и пр. должны быть заменены соответственно областными, губернскими и уездными, районными и волостными советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Вся страна должна покрыться сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собою»[1].

Что касается самого аграрного движения, принявшего грандиозные размеры перед Октябрем, то Октябрьский переворот произвел коренное изменение в его ходе. На основании разнообразных данных следует констатировать, что волна разгромов ослабляется и заканчивается в первые месяцы после Октября.

Движение крестьян направлялось попрежнему, как перед Октябрем, и против помещиков и против кулаков. В Липецком уезде Тамбовской губ. происходил например массовый захват и дележ имущества и скота, принятых на учет помещиков и отдельных зажиточных крестьян, как сообщается в официальном донесении с мест[2]. Точно так же крестьяне села Новая-Чигла, Бобровского уезда, Воронежской губ., начавши погром помещичьих имений, на другой день разгромили хозяйства зажиточных крестьян[3].

Необходимо все же оговориться, что разгромы имений или хуторов гораздо реже встречаются теперь, чем до Октября. Как общее правило, отмечаются теперь уже не разгромы или поджоги, но организованная конфискация земель и имущества помещичьих имений или богатых крестьянских хуторов.

Возникают разгромы преимущественно лишь в тех местах, где крестьяне наталкивались на сопротивление при проведении декрета и распоряжений советской власти о земле.

Характерно, что в указанном Липецком уезде, в котором имели место отмеченные массовые разгромы, еще в середине декабря существовал и бодрствовал уездный комиссар Временного правительства, как это видно из официального донесения от 24 (11) декабря. Сообщая о погромах, комиссар просит губернского комиссара о высылке трех эскадронов для водворения порядка в уезде[4].

Советской властью посылались также военные отряды для восстановления революционного порядка в места, объятые крестьян-

---

[1] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» № 41, 24 декабря ст. ст., 1917 г.

[2] «Революция 1917 г.» (хроника событий). Сост. И. Любимов, стр. 325, изд. Института Ленина.

[3] «1917 год в Воронежской губ.» (хроника событий), стр. 145, изд. Истпартотдела губкома губернской комиссии по организации празднования десятилетия Октябрьской революции.

[4] «Революция 1917 г.» (хроника событий). Сост. И. Любимов, стр. 325, изд. Института Ленина.

ским движением, но с другими понятно уже функциями, чем при Керенском. Задачи этих отрядов сводились к проведению на практике декрета о земле организованным порядком, к обеспечению классовых интересов трудящихся крестьянских масс. Посылаемым отрядам давались особые инструкции, содержание и характер которых были направлены против помещиков и кулаков, в защиту интересов беднейших крестьян.

Когда в Усманском уезде Тамбовской губ. начались массовые погромы помещичьих экономий, туда посланы были военные отряды для восстановления порядка со следующей инструкцией: 1) расхищенный живой инвентарь дать беднейшему крестьянству, 2) мертвый инвентарь и машины передаются крестьянским общинам, 3) хлеб реквизируется у помещиков и богатых крестьян в пользу фронта, голодающих губерний и беднейших крестьян по товарной цене... 7) создать Красную гвардию, 8) созвать съезд беднейших крестьян[1].

В Тамбовской губ., как в ряде других мест, разгромы имений и хуторов продолжались два месяца—вплоть до того момента, когда декрет о земле получил свое осуществление на практике.

Декрет 26 октября (8 ноября) о немедленной передаче всех земель в ведение земельных комитетов был лучшим оружием против продолжающихся еще кое-где разгромов и грабежей. На местах некоторые органы, как например Новгородская губернская земельная управа, спешили с передачей земли в ведение земельных комитетов «для предотвращения,—как сказано в ее объявлении,—надвигающейся земельной анархии, погромов и гражданской войны среди крестьянства». Подобные же решения выносили, как мы видели, и некоторые земельные комитеты. Советское правительство в свою очередь считало самым лучшим средством борьбы с продолжающимися еще разгромами скорейшую передачу помещичьих земель земельным комитетам и широкое распространение в крестьянских массах убеждения, что дело идет о спасении общенародного крестьянского достояния, и принимало на этот счет соответствующие меры.

В целях агитации против советской власти буржуазная и соглашательская печать преувеличивала крестьянское движение после Октября, видела сплошь одни разгромы и грабежи в деревне и целиком приписывала это разгромное движение именно разлагающим декретам советской власти о земле.

Отбросив кликушествующие заявления соглашательской и буржуазной печати о послеоктябрьском крестьянском движении, мы не можем не привести авторитетное заявление М. М. Володарского о состоянии деревни на II Всероссийском крестьянском

---

[1] «Революция 1917 г.» (хроника событий). Сост. Любимов, стр. 185, изд. Института Ленина.

съезде 29 ноября (12 декабря). Возражая против обвинений правых эсеров, будто большевики начали и разжигают гражданскую войну, Володарский, как бесспорный факт для всех, отмечает наступившее успокоение деревни после Октября:

> «А почему не рассказали об ужасах после декрета о земле? Потому, что нет их. Кто начал сжигать,—теперь щадит, как свое. И я скажу крестьянам: судите, кто принес вред, кто пользу»[1].

Другой характер имело и в другой обстановке протекало крестьянское движение после Октября в национальных районах, где выполнение декрета о земле на практике затянулось на более продолжительный срок. Классовая борьба в аулах, станицах, селеньях и деревнях, которая до Октября слабо выявлялась на окраинах, вспыхивает здесь с особой силой после переворота.

Пример русского крестьянства, отвоевавшего землю у помещиков, действовал заразительно и на крестьянство в отсталых национальных районах. В том или другом национальном районе, с большим или меньшим запозданием выступало крестьянство на борьбу против помещиков-феодалов, баев, кулаков и стоящих на страже интересов этих классов правительств местной буржуазии или мелкобуржуазной «демократии» в лице партии эсеров и меньшевиков. Восстало наконец против своих эксплоататоров-феодалов и кулаков самое забитое тюркское крестьянство[2].

Начавшаяся вскоре гражданская война еще более продлила затяжной характер крестьянского движения в национальных районах после Октябрьского переворота. Окраины послужили своего рода аванпостом для калединско-деникинской контрреволюции. Трехлетняя борьба трудящегося крестьянства под руководством рабочих с царскими генералами была продолжением той же борьбы, которую вели трудящиеся крестьянские массы с помещиками перед Октябрем. Дело шло о сохранении и укреплении завоеваний Октября в городе и деревне.

2. Классовая и партийная борьба среди крестьянства.

В самой деревне осуществление советских декретов наталкивалось на сопротивление со стороны кулаков наравне с представителями власти Временного правительства. О борьбе с кулаками и зажиточными крестьянами поступали неоднократные сообщения с мест. В некоторых случаях кулаки и подкулачники мешали реквизиции помещичьего хлеба[3]. С другой стороны, классовая борьба проявляется и в таких формах, как например в распреде-

---

[1] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 11.
[2] Н. Попов, Национальный вопрос и Октябрьская революция, стр. 48—49.
[3] «Голос трудового крестьянства» № 28.

о размахе и величине провокации
лении реквизированного хлеба между беднейшими крестьянами[1]. Кулаки прибегали к всевозможным приемам для дискредитирования советской власти. В Ярославской губ., в деревне Климово, например черная кулацкая сотня распространяла поддельные декреты советской власти, вроде тех, будто «Главным земельным комитетом отменяется передача земли крестьянам»[2].

Кулаки и зажиточные крестьяне использовали всякие ошибки и отдельные недостатки местных советских органов в целях агитации против советской власти. Для большего успеха своей агитации они проникали в выборные органы и неоднократно надевали на себя личину сторонников свободы. В Бельско-Сяберской волости, Лужского уезда, Петроградской губ., они разжигали например несознательную массу, напевая, что вот, мол, ждали свободы, а получили кабалу, думали получить все, а теперь—отберут последнее[3].

В ряде случаев агитация кулаков имела свои печальные последствия. Иногда эта агитация била на собственнические инстинкты среднего крестьянства и частично вызывала симпатию с его стороны, как это имело место в Ямбургском уезде, Петроградской губ. В противовес партийной организации и уездному совету, принимавшим все меры к сохранению имений для организации крупного коллективного сельского хозяйства, кулацкие и зажиточные слои деревень вели здесь агитацию за раздел имений, земель и имущества и ставили вопрос о лишении рабочих (в большинстве своем—эстонцев) права получения чего-либо при этом дележе. Эта кулацкая установка привлекла, по воспоминаниям Ал. Ал. Кузьмина, симпатии и значительной части середняков-крестьян. В противовес этому шла там усиленная организация бедноты и батраков[4]. Большую помощь кулакам оказывало эсерствующее учительство в ряде мест: в Петроградской, Иваново-Вознесенской и других губерниях.

Оставшиеся еще на местах представители прежней власти вели ту же линию провокации и открытой борьбы против советской власти. По волостям, например Новгород-северского уезда, Черниговской губ., кулаки, стоявшие в то время у власти, называли всех большевиков разбойниками, а комиссар 29 октября (11 ноября) заявил публично, что «большевики сложили оружие, власть—Временному правительству». Тот же комиссар объявил поддельными номера большевистских газет с декретами о мире и земле[5].

Весьма показательна директива по вопросу о социальном соста-

---

[1] «Голос трудового крестьянства» № 33.

[2] Ал. Алтаев, Как крестьяне отобрали свою землю, стр. 9, Госиздат, 1920 г.,

[3] «Красная летопись» № 1/25, 1928 г., стр. 196.

[4] Там же, № 3/28. 1928 г., стр. 245—246.

[5] Ал. Алтаев, Как крестьяне отобрали свою землю, стр. 9, Госиздат, 1920 г.

не крестьянских организаций в упомянутом циркуляре Народного комиссариата внутренних дел о создании сети советских крестьянских организаций:

> «При организации советов крестьянских депутатов необходимо иметь в виду, чтобы они объединили действительно демократические, пролетарские и полупролетарские элементы деревни, чтобы в них не было места кулакам, торговцам и прочим сторонникам насаждения кабальных отношений» [1].

Советская власть нашла своих сторонников в деревне, прежде всего в лице бедноты и известной части колеблющегося середняцкого крестьянства, которое в общем сохраняло дружественный нейтралитет по отношению к советской власти. По вопросу об организации власти крестьянское большинство было несвободно однако от мелкобуржуазных соглашательских иллюзий. Пресловутое «однородное социалистическое правительство»—было лозунгом огромной массы крестьянства и иногда даже тех крестьян, которые стояли на платформе советской власти. Середняк недоверчиво относился к расколу социалистических партий и хотел добиться прежде всего «единого» революционного фронта, популярного тогда в левоэсеровских кругах. Эти опасения крестьянства и его чаяния хорошо выражает общее собрание крестьян Сухроменской волости, Бежецкого уезда, Тверской губ., которое, в числе около 500 человек, вынесло 10/23 ноября характерную резолюцию по вопросу о власти:

> «Мы приветствуем советское правительство, выражая ему полное доверие, а также требуем, чтобы социалистические партии пришли к соглашению, так как раскол партий вносит дезорганизацию в народ и снова поведет к братоубийственной войне. Требуем итти с народом» [2].

С таким настроением приезжали многие делегаты на всероссийские крестьянские съезды, как об этом пишет солдат-крестьянин В. Зубченко в своем письме в газету крестьянских советов:

> «Когда съехались на II съезд крестьяне с фронта и из деревни, то стали обсуждать вопрос о создании власти, так как у каждого приехавшего были наказы о создании однородного социалистического правительства» [3].

Лишь одна деревенская беднота, батраки и безземельные крестьяне шли бесповоротно за большевиками, признавали лишь один революционный путь к освобождению крестьянства от помещичьего—капиталистического гнета.

В разгорающейся классовой борьбе в деревне большую роль сыграли советы крестьянских депутатов на местах. Позже только,

---

[1] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» № 41.
[2] «Солдатская правда» № 91.
[3] «Голос трудового крестьянства» № 26.

чем рабочие советы, но все же после Октябрьского переворота и советы крестьянских депутатов постепенно становились полномочными органами крестьянства и стали вскоре властью на местах.

На первых порах после Октябрьского переворота советы крестьянских депутатов, сплошь и рядом переполненные элементами, враждебными деревенской бедноте и вообще трудящемуся крестьянину, далеко не всюду служили задачам и интересам укрепления советской власти на местах. В тех же районах, где декрет о земле на практике осуществлялся под контролем советов крестьянских депутатов, проведение декрета усиливало и укрепляло авторитет советов крестьянских депутатов в крестьянских массах. В большинстве же мест декрет о земле проводился на практике ревкомами и другими органами революционной власти очень часто помимо и через голову советов крестьянских депутатов, при помощи и активной поддержке деревенской бедноты.

Декрет о земле и в особенности практика его проведения на местах ярко выявили мелкобуржуазные тенденции большинства крестьян на первой стадии пролетарской революции. Вековой идеал крестьянства, направленный к удовлетворению нужд мелкого хозяйства, получил теперь реальную возможность своего осуществления. Устранены были всякие остатки крепостнической, помещичьей кабалы. Созданы были, казалось, на первый взгляд незыблемые условия для беспрепятственного развития мелкого хозяйства в Советской стране.

Как известно, по декрету о земле следовало распределять землю, исходя из потребительско-трудовой нормы. Иначе говоря, земля должна была распределяться, с одной стороны, по тому количеству земли, которое могло обработать одно хозяйство и, с другой стороны, по тому минимуму земельного обеспечения, доход с которого мог обеспечить крестьянскую семью, которой оно выдается. Целиком проникнутое идеалами мелкобуржуазной уравнительности, крестьянство на практике обычно распределяло землю по едоцкому принципу, именно—делило землю поровну по количеству едоков, приходящемуся на каждое крестьянское хозяйство.

Такой принцип распределения земель, осуществляемый при переделах,—поравнение всех земель по едокам,—должен был еще более обострить классовую борьбу на селе, которая не прекращалась за весь период борьбы крестьянства за землю. Поравнение по едокам было направлено в первую очередь против кулаков и зажиточных крестьян. Для осуществления этого способа распределения отнимались купчие земли у деревенской буржуазии. Ее классовые интересы были чувствительно задеты этим принципом распределения земель. В конфликтах, вызываемых распределением или переделами земли, советы крестьянских депутатов часто принимали сторону зажиточных и кулацких слоев деревни.

Самый переход власти к советам обострил классовую борьбу в волостях и по деревням. Деревенская беднота, проводившая политику советской власти на местах, тем скорее и настойчивее втягивалась в борьбу с зажиточным и богатым крестьянством, чем скорее последнее находило поддержку в советах крестьянских депутатов, не отражавших интересов трудящихся крестьянских масс на первом этапе пролетарской революции. Волостные советы крестьянских депутатов стали ареной борьбы между различными слоями крестьянства, а именно между деревенской беднотой и сельской буржуазией. И когда с ростом классовых противоречий в стране и деревне кулачество вступило на путь открытой борьбы и открытого сопротивления диктатуре пролетариата, деревенская беднота показала себя в роли энергичного борца с классовыми врагами власти рабочих и беднейших крестьян. Созданные советской властью летом 1918 г. комитеты деревенской бедноты[1] повели жестокую борьбу с кулаками за сохранение и укрепление завоеваний пролетарской социалистической революции.

Под руководством коммунистической партии комбеды ликвидировали сопротивление кулачества и создали новые взаимоотношения в деревне, усилив там позиции бедноты. Реорганизованы были советы крестьянских депутатов (осенью и зимой 1918 г.), из их состава были изгнаны кулаки. Утверждено было классовое господство деревенской бедноты в советах крестьянских депутатов. Советы крестьянских депутатов, опирающиеся теперь на деревенскую бедноту, стали служить проводниками пролетарского руководства деревней.

В своеобразных условиях протекала и с еще бо́льшими трудностями проводилась аграрная политика партии в национальных районах. Трудности создавались сохранившимися феодально-крепостническими пережитками, глубоко укоренившимися и уцелевшими здесь до самого Октябрьского переворота.

Октябрьская революция резко обострила классовую борьбу в национальных районах, развертывавшуюся, правда, здесь еще до Октября. Октябрьский переворот на Северном Кавказе например выделяет в два резко противоположных друг другу лагеря зажиточное русское крестьянство и горскую буржуазию, с одной стороны, и обездоленную горскую бедноту—с другой.

На Северном Кавказе во главе контрреволюции стояло русское зажиточное крестьянство, горская же буржуазия в свою очередь организовала контрреволюционное правительство. Горская беднота (в Осетии, Ингушетии, Дагестане и в других местах Северного Кавказа), напротив, выступала против своих феодалов, мулл

---

[1] Особым декретом 11 июня 1918 г. «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями».

размахе и величии
и нарождавшейся буржуазии в союзе с русскими рабочими Грозного, Владикавказа, Петровска [1].

Местные парторганизации стояли во главе революционного движения бедноты против помещиков и кулаков. Против образовавшихся после Октябрьского переворота национальных правительств буржуазии Татарии, Башкирии, Казакстана и т. д. выступали всюду мусульманские большевики, опиравшиеся на крестьянскую и пастушескую бедноту, на небольшую часть интеллигенции [2].

Советизация страны в национальных районах, как и в остальных районах, успешно завершилась благодаря все разрастающемуся организационному влиянию партии большевиков. Большую роль сыграли в советизации деревни партийные рабочие, посылаемые в деревню еще в большем количестве, чем до Октябрьского переворота, а также революционные солдаты и матросы. Особенно важное значение для укрепления советов на местах имело сочувственное отношение к партии со стороны деревенской бедноты, которая стала широко примыкать к партии. Растут парторганизации на селе, отмечается большой рост волостных ячеек.

Целые села и деревни начинают признавать дело большевиков по укреплению Октября своим собственным делом. Вынося единогласные постановления о голосовании за список большевиков на выборах в Учредительное собрание, они тут же ассигнуют определенные суммы в кассу большевиков на проведение кампании по выборам и вообще на нужды партии. Подобные решения принимались иногда на общих крестьянских сходах.

Так на общем собрании села Ивановки, Воронежского уезда, единогласно например была принята следующая резолюция в день Октябрьского переворота 7 ноября (25 октября): «...признавая, что только партия большевиков борется за скорый мир, за немедленный бесплатный переход земли к крестьянству, постановлено голосовать за список социал-демократов-большевиков № 2. Для ведения предвыборной кампании внести в кассу партии большевиков 20 рублей» [3]. На общем собрании граждан села Вознесенского, Землянского уезда, Воронежской губ., целиком признавшем Октябрьский переворот и новую власть, собрание постановило пожертвовать на нужды партии большевиков деньгами 100 рублей. Единогласно же принято было решение голосовать за список большевиков [4].

В докладе о деятельности Московского областного бюро отмечается массовый приток в партию после Октябрьского переворота со стороны деревенской бедноты: «целыми волостями голосовали

---

[1] Н. Попов, Национальный вопрос и Октябрьская революция, стр. 47.
[2] Там же, стр. 47—48.
[3] «1917 г. в Воронежской губ.» (хроника), стр. 124, изд. Истпартотдела Воронежского губкома ВКП(б).
[4] Там же, стр. 141.

на выборах в Учредительное собрание за большевистские списки и целыми волостями выражают желание записаться в партию, присылают в Москву, в Областное бюро специальных ходоков с покрытыми многочисленными подписями приговорами, с указанием размера установленного обществом вступительного взноса»[1].

Надо все же оговориться — такую тягу в партию в деревне ни в коим случае нельзя считать повсеместным явлением, как и не было полного торжества советской власти на местах немедленно после Октябрьского переворота. Правда, сплошь и рядом высказывается на местах разочарование крестьянских масс в прежних своих руководителях, и это разочарование особенно ярко проявлялось на крестьянских съездах по волостям, уездам, губерниям, где эсеровские вожди клеймились как изменники и предатели крестьянского дела.

Но в деревне еще продолжалось засилье эсеров, которые обманным путем снискали доверие крестьян, поскольку на местах они обещали крестьянам землю и волю, а в центральных организациях всячески оттягивали разрешение земельного вопроса до Учредительного собрания. Крестьянские верхушечные организации, а также волостные земельные комитеты еще продолжали служить местом эсеровского засилья.

На местах и в центре вплоть до осени 1918 г., когда ликвидировано было сопротивление кулачества и середняк безоговорочно признал советскую власть, партии большевиков приходилось еще выбивать соглашателей из их последних опорных пунктов, сохранившихся в верхушечных организациях, не переизбранных еще после переворота.

Отражение борьбы с кулаками и зажиточными слоями деревни после Октября имело место в целом ряде губернских крестьянских съездов и наконец на двух Всероссийских крестьянских съездах послеоктябрьского периода: на Чрезвычайном и II Всероссийском съездах советов крестьянских депутатов.

3. Авксентьевский исполком советов крестьянских депутатов и советская власть.

Лишь ко времени самого Октябрьского переворота изменилось соотношение сил между правыми и левыми эсерами, когда даже в самих губернских советах крестьянских депутатов усилилось левоэсеровское влияние. Однако, колебания левых эсеров, выражавших в то время классовые интересы крестьян-середняков, их колебания порвать с правыми эсерами приводили к затушевыванию

[1] Архив Истпарта ВКП(б), дело № 47. Цитировано по сборнику «Советы крестьянских депутатов и других крестьянских организаций, т. I. ч., 2, стр. 277, изд. Комакадемии.

о размахе и величии пролетарской
классовой сущности правых эсеров, отстаивавших интересы кулаков, вообще зажиточной части деревни. Неустойчивая политика левых эсеров задерживала рост классового самосознания социальных группировок крестьянства.

В Исполнительном комитете Всероссийского совета крестьянских депутатов организовалось значительное левоэсеровское меньшинство, которое все же не порывало с большинством.

За все время своего существования Исполнительный комитет вел контрреволюционную политику и целиком связал свою судьбу с Временным правительством. Он поддерживал наступление 18 июня (1 июля), поддерживал смертную казнь на фронте, вопреки постановлению I Всероссийского крестьянского съезда еще от 25 мая (7 июня), никаких мер не принимал к переходу земли в ведение земельных комитетов, допуская аресты членов земельных комитетов. Избранный еще на майском крестьянском съезде, он всячески противился созыву II Всероссийского крестьянского съезда, боясь потерять свое влияние, несмотря на определенное постановление первого съезда и несмотря на ряд категорических требований об этом с мест. Авксентьевский исполком назначил, правда, второй крестьянский съезд на 20 сентября (3 октября), но затем отложил его на 20 октября (2 ноября). Когда же на это число назначен был Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, он снова отменил созыв крестьянского съезда и настойчиво предупреждал крестьян против поездки на съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

Перед Октябрем Исполком советов крестьянских депутатов предпринял ряд шагов, чтобы помешать созыву II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов. И хотя многие губернские советы крестьянских депутатов еще недавно высказывались против коалиции с буржуазией, но перед угрозой большевистского переворота большинство их высказалось теперь, накануне Учредительного собрания, против передачи власти советам.

В результате подобных мероприятий Исполнительного комитета крестьянство было представлено очень незначительно на II Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов; на этом съезде были лишь отдельные представители губернских советов крестьянских депутатов.

Когда же совершился Октябрьский переворот, Исполнительный комитет советов крестьянских депутатов, руководимый эсеровскими светилами, повел открытую борьбу против советской власти. С первых же дней после Октябрьского переворота Исполнительный комитет крестьянских депутатов перешел на явно контрреволюционную позицию, отбросив в сторону обычную эсеровскую тактику обмана народа демократическими фразами. Прикрываясь авторитетом крестьянского центра, лидеры кулацкого исполкома сбрасывают теперь маски с себя и показывают наружу

всю силу и глубину своей предательской политики, которую они вместе с вождями ЦИК первого созыва вели с первых дней Февральской революции.

Еще в день Октябрьской победы, вечером 25 октября (7 ноября) в Городской думе Ленинграда происходило под председательством городского головы Г. И. Шрейдера собрание представителей разных антисоветских общественных и партийных организаций во главе с эсерами и меньшевиками, ушедшими со II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов для обсуждения своей тактики в связи с захватом власти большевиками. На это собрание явился целиком Исполнительный комитет крестьянских депутатов, за исключением левоэсеровского своего меньшинства.

По призыву Н. Я. Быховского, члена президиума Исполнительного комитета крестьянских депутатов, контрреволюционное собрание пошло «спасать Временное правительство». Несколько сот контрреволюционных деятелей во главе с Исполнительным комитетом крестьянских депутатов отправились к Зимнему дворцу выручать от красногвардейцев и матросов Временное правительство.

Но вся эта комедия прекратилась, стоило только начальнику отряда заявить, что он не пропустит делегацию ко дворцу. Жалкие демонстранты поспешили вернуться обратно в помещение городской думы. Здесь они и образовали «Комитет общественной безопасности», впоследствии превратившийся в «Комитет спасения родины и революции», непосредственно руководивший восстанием юнкеров в Петрограде и Москве. Этому комитету спасения контрреволюции Исполнительный комитет крестьянских депутатов предоставил любезно свое помещение.

В первые дни после Октября Исполнительный комитет крестьянских депутатов был занят вопросом об освобождении из-под ареста членов Временного правительства, в особенности из состава Исполнительного комитета. Черновцы не шутя добивались иммунитета для членов Исполнительного комитета. Они сделали ряд попыток добиться отмены приказа об аресте Керенского, Авксентьева и Гоца, как членов Исполнительного комитета.

Исполнительный комитет претенциозно заявил в резолюции, принятой на своем пленуме, что «все члены Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов ответственны за свою политическую деятельность только перед Всероссийским советом крестьянских депутатов. Исполнительный комитет решительно требует отмены распоряжения Военно-революционного комитета посягательства[1] на свободу своих членов. Приведение же в исполнение этих решений Военно-революционного комитета Исполнительный комитет будет считать посягатель-

[1] Газетная опечатка. Данное место следует читать: «являющегося посягательством».

о размахе и величине [illegible] ством на свободу и права организованного трудового крестьянства»[1].

Многочисленные аресты членов волостных земельных комитетов, подавление крестьянского движения военными мерами, наконец расстрелы крестьян, производимые по приказу Временного правительства, не вызвали даже протеста со стороны Авксентьевского исполкома, а угрозы ареста корниловца Керенского с его друзьями не шутя встревожили Исполнительный комитет, поскольку он видел в этих арестах угрозу ликвидации диктатуры буржуазии.

26 октября Исполком обращается с воззванием «ко всем крестьянам, солдатам и рабочим», а 27 октября с воззванием «к крестьянству», направленными против признания советской власти и с призывом неповиновения органам этой власти.

Характерна для правых эсеров и эсеров центра попытка реабилитировать Временное правительство. «Они (т. е. большевики, захватившие власть.—*М. Г.*),—заявляют черновцы в указанных воззваниях,—начали гражданскую войну и насильственно захватили власть в тот самый момент, когда Временное правительство, заканчивая выработку закона о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, исполнило давнишнее желание всего трудового крестьянства и когда до прихода полномочного хозяина земли русской—Учредительного собрания—оставалось всего только три недели»[2]. Так говорили черновцы о выработке и принятии Временным правительством того самого земельного законопроекта, который обещали провести они же на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов и который пять месяцев лежал под спудом. Впрочем, даже утверждая его за два дня до своего падения, Временное правительство издавало его, как мы уже выше говорили, в неполном виде.

О величайшем историческом событии—победе пролетариата—черновцы заявляют: «Захват власти за три недели до Учредительного собрания есть захват прав всего народа». Захвативший власть «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов начал братоубийственную войну»[3].

По словам черновцев, Временное правительство, расстреливавшее крестьян, сажавшее в тюрьмы рабочих и крестьян, требовавших земли и мира, объявившее смертную казнь на фронте, не начинало и не вело братоубийственной войны. И до такой наглости и лжи доходил в борьбе с советской властью орган, называвший себя идейным и политическим центром крестьянства!

---

[1] «Воля народа» № 166, 8 ноября 1917 г.

[2] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 148, 28 октября 1917 г.

[3] Там же, № 146, 26 октября 1917 г.

«Петроградский совет обещает мир, хлеб и землю. Это ложь! Он даст междоусобие, монархию и рабство»[1].

Не признавая «большевистской власти государственной властью», Исполнительный комитет призывает местные советы крестьянских депутатов, органы местного самоуправления и армию не подчиняться этой насильственно созданной власти[2].

Основной смысл обоих воззваний: вместо насильственной большевистской власти — «воссоздание власти, пользующейся всеобщим признанием и могущей довести страну до Учредительного собрания»[3]. «Вся власть Учредительному собранию, ни одного дня отсрочки!»[4]

Когда по инициативе «Викжеля» (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного союза) начались переговоры о власти, о создании так называемой однородной социалистической власти от н. с. (народных социалистов) до большевиков, исполнительный комитет крестьянских депутатов занял наиболее непримиримую позицию в этом вопросе. В то время, как правые эсеры и меньшевики, хотя бы маскируясь, участвовали в переговорах о соглашении между «социалистическими» партиями и большевиками, Исполнительный комитет крестьянских депутатов, опираясь на Ставку и вступив на открытый контрреволюционный путь, отказывался вообще вести переговоры о создании власти с участием большевиков.

Установка кулацкого Исполкома была—«создание впредь до созыва Учредительного собрания власти без участия виновников переворота — большевиков». Единственную уступку, которую делал Исполнительный комитет крестьянских депутатов в вопросе о власти — «во избежание братоубийственной войны»,— это ту, что, «если другие общественные организации сочтут для себя возможным сотрудничество в новом правительстве, не оказывать такому правительству противодействия», и он слагал с себя всякую ответственность в этом случае[5].

Во всех своих выступлениях и воззваниях после Октября на страницах своего официального органа—«Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» — эсеровский исполком открыто звал к борьбе с советской властью, всячески дискредитируя ее мероприятия. Лозунгу «власть советам» он противопоставлял лозунг «вся власть Учредительному собранию», вокруг которого в то время сплачивались контрреволюционные силы. Каждый день исполком помещал в виде огромного аншлага этот

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 148, 28 октября 1917 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, № 146, 26 октября 1917 г.
[5] Там же, № 152, 3 ноября 1917 г.

о размахе и величине продоволь-
лозунг в своей официальной газете. Когда же разразилась гражданская война, он поместил форматом в одну страницу огромное объявление от имени «Всероссийского комитета спасения родины и революции» с призывом сплочения вокруг «Комитета спасения» и полного предательства рабочей революции:

«Товарищи рабочие, солдаты и граждане революционного Петрограда!

Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу.

Не подчиняйтесь их провокационным призывам!

Не ройте окопов!

Долой оружие!

Долой предательские засады!

Солдаты, возвращайтесь в окопы»! [1].

Историческим стало другое объявление этого эсеровского исполкома, хотя и фактически ложное, как это раскрылось уже на II крестьянском съезде.

> «С войсками, идущими на Петроград, идет председатель Центрального комитета партии социалистов-революционеров, член Исполнительного комитета и почетный председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов В. М. Чернов».

Исполнительный комитет хорошо знал, что в это время Чернова не было под Гатчиной, так как он находился в то время в «Ставке», в Могилеве, где занят был составлением контрреволюционного правительства, но, выпуская подобное объявление о Чернове, Исполком определенно шел на обман крестьянства, на психику которого должен был оказать особое воздействие тот факт, что во главе вооруженных сил против восставших рабочих идет председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Советская власть через голову кулацкого исполкома стала немедленно принимать меры к созыву II крестьянского съезда, чтобы привлечь многомиллионное крестьянство к активному осуществлению земельных декретов советской власти и к совместному социалистическому строительству.

4. Аграрная политика большевиков и борьба за влияние на крестьянство после Октябрьского переворота.

Победа Октябрьской революции выдвинула новые формы взаимоотношений классов, лишила всякой реальной почвы соглашательские иллюзии, облекла властью советы. Октябрьская революция означала полный крах соглашательства.

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 149, 1917 г.

«В течение всего первого периода российской революции, говорится в цитированном уже нами ленинском проекте декрета о роспуске Учредительного собрания,—советы множились, росли и крепли, на собственном опыте изживая иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передавшая всю власть в руки советов» [1].

Победа Октябрьской революции, как уже указывалось, поставила как одну из важнейших задач—задачу осуществления одного из лозунгов восстания—передачи земли трудящемуся крестьянству. На другой же день после Октябрьского переворота II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов был принят декрет о земле 26 октября (8 ноября). Выступая на съезде с защитой этого декрета, Ленин освещал таким образом поспешность и важность его проведения:

«Мы полагаем,— заявил он,— что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй— Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян... Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле,— вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты» [2].

Крестьянские требования, которые партия и Ленин на I Всероссийском крестьянском съезде обещали крестьянству осуществить при переходе власти к пролетариату и беднейшему крестьянству, были полностью реализованы в декрете о земле. Декретирован был немедленный организованный захват помещичьей, удельной, монастырской и церковной земли. Была объявлена отмена помещичьей собственности на землю немедленно и без всякого выкупа. Все конфискуемые земли (помещичьи, удельные, монастырские, церковные) перешли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов с соблюдением строжайшего порядка в определении участков, подлежащих конфискации, и при строжайшей революционной охране имущества и всего хозяйства, переходящего к народу.

Для руководства по осуществлению земельных преобразований указан был «Крестьянский наказ», составленный редакцией «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов» на основании 242 наказов крестьянских делегатов.

---

[1] Ленин, Проект декрета о роспуске Учредительного собрания, Собр. соч., т. XXII, стр. 188.

[2] Ленин, II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, Собр. соч., т. XXII, стр. 20.

о размахе и величине пролетариата.

Приводим основные положения Крестьянского наказа о земле, окончательное разрешение которых предоставлено было Учредительному собранию.

1) «Право частной собственности на землю отменяется навсегда... Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней...

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

4) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом... Наемный труд не допускается.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления...

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства...

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению».

---

[1] Ленин, II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, Собр. соч., т. XXII, стр. 21—23.

В заключение наказа указывается, что «Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания, проводится в жизнь по возможности немедленно»[1].

Крестьянский наказ о земле является частью так называемого «Примерного наказа», представляющего собою, как известно, эсеровскую обработку наказов с мест, авторами которых были в большинстве случаев те же самые социалисты-революционеры, что и составители сводки.

В этих наказах выражено полностью стремление крестьян к уравнительному мелкому хозяйству.

Принятием декрета о земле партия большевиков пошла навстречу требованиям большинства крестьянства. Учитывая роль и значение демократических резервов в пролетарской революции, партия большевиков придавала и национальному вопросу столь же важное значение, как и аграрной политике, проводимой в интересах трудящихся масс крестьянства.

Ленинская национальная политика служит наилучшим выражением смычки пролетариата с крестьянством в национальных районах.

На союзе рабочих с большинством крестьян, на ленинской национальной политике зиждились как подготовка, так и победа Октября, когда основные массы крестьян поддержали борьбу рабочих за социализм, и первые успехи в деле сохранения и упрочения завоеваний Октября.

Декрет о земле противоречит основным положениям большевистской аграрной программы. Партия этого никогда не скрывала. Через три дня после принятия декрета на совещании полковых представителей петроградского гарнизона Ленин заявил: «Мы не проводим программы большевиков, и в земельном вопросе наша программа взята целиком из крестьянских наказов»[2].

Уже на самом II Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов раздавались голоса, что декрет и наказ являются эсеровскими по происхождению и содержанию. Признавая это, Ленин все же настаивал на целесообразности издания этого эсеровского декрета.

«Как демократическое правительство,—отвечал Ленин на реплики,— мы не можем обойти постановление народных ни-

---

[1] Ленин, II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, Собр. соч., т. XXII, стр. 21—23.

[2] Ленин, Совещание полковых представителей петроградского гарнизона, Собр. соч., т. XXII, стр. 30.

о размахе и величии [illegible] несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, крестьяне сами поймут, где правда»[1].

В тогдашних условиях особенно важен был осторожный подход к крестьянским массам, разочарованным политикой обмана трудящихся, которую проводили эсеры и меньшевики во весь период Февральской революции. Отсюда настойчиво подчеркивалась необходимость предоставления полной инициативы крестьянским массам для того, чтобы крестьянство на опыте убедилось в разнице политики эсеров и политики большевиков.

«Крестьяне,—говорит Ленин на съезде,—кой-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решать все вопросы о земле».

Задачи нашей тактики в отношении крестьянства Ленин определял тогда таким образом:

«В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы,— не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь»[2].

Ленин неоднократно возвращался к вопросу об уступках, сделанных крестьянству в проведении эсеровских пунктов в декрете о земле, в особенности пунктов об уравнительном землепользования и переделах земли между мелкими хозяйствами. Ленин не считал возможным итти на разрыв с деревенской беднотой и с огромным большинством крестьянства из-за отказа от этих требований при сохранении одного важного принципиального условия—«что эти меры не повредят социализму». Переход власти к советам давал гарантии, что подобными уступками, вытекающими из союза рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, мы не задержим движение к социализму.

«Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за ним экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма»[3].

На опыте миллионов массы изживут свои ошибки, и только такой подход к массам обеспечивает путь к социализму.

---

[1] Ленин, II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, Собр. соч., т. XXII, стр. 23.

[2] Там же.

[3] Ленин, Союз рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, Собр. соч., т. XXII, стр. 90.

«Постепенно,— говорит Ленин,— с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплоатации» [1].

Эсеры из этого факта,— из того обстоятельства, что мы в основу нашего декрета о земле положили крестьянские требования,— сделали мишень для нападений на большевиков, вынужденных будто бы за отсутствием своей программы списывать чужую аграрную программу. Сознательные предатели трудящихся масс, эсеры, на словах принимающие крестьянские требования только затем, чтобы немедленно потом предавать интересы этого крестьянства, не могли понять тактику партии, идущей всегда «с массами, во главе масс».

Впоследствии Ленин исчерпывающе определил сущность нашей аграрной политики в послеоктябрьский период и дал одновременно уничтожающую критику партии эсеров.

«Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики ни слова своего не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эсерами в эсеровской газете.

«Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!» [2].

Как мы видели, все земельное законодательство Временного правительства явилось сплошным наглым обманом трудящегося крестьянства. Аресты земельных комитетов, карательные экспедиции, проводившиеся с согласия и по прямому приказу эсеровских и меньшевистских министров-«социалистов», явились лучшей иллюстрацией предательства эсеров и меньшевиков. Острота борьбы крестьян за землю осенью 1917 г. отчасти вызывалась полной потерей доверия трудящихся крестьянских масс, к правительству помещиков и капиталистов и окончательным разочарованием в соглашательской политике агентов помещика и кулака—эсеров и меньшевиков.

---

[1] Ленин, К населению, Собр. соч., т. XXII, стр. 56.

[2] Ленин, Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, Собр. соч., т. XXIV, стр. 641.

Первые мероприятия советской власти по земельному вопросу, не говоря уже о том, что они «не вредили делу социализма», вовсе не носили характера одних сплошных уступок крестьянству, но имели и важное политическое значение, поскольку они подготовили непосредственный переход к социализму в сельском хозяйстве. Как указывает Ленин в своей критике Каутского («Пролетарская революция и ренегат Каутский»), в первые же дни после Октября большевиками была принципиально правильно поставлена и целесообразно проведена законодательная деятельность советской власти в аграрном преобразовании.

Ленин отмечает прежде всего колоссально важное значение факта отмены частной собственности на землю, провозглашенной первым декретом о земле. Закон 6 (19) февраля 1918 г. о социализации земли еще раз подтвердил отмену собственности на землю.

Декретом 26 октября (7 ноября) провозглашена была по существу национализация земли, хотя в печати того времени, в особенно левоэсеровской, декрет обычно квалифицировался как декрет о социализации земли. Полемизируя с народниками, Ленин пишет в указанной статье:

> «Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму»[1].

Значение аграрного преобразования, проведенного на первом послеоктябрьском этапе советской властью, заключалось в том, что оно, с одной стороны, удовлетворило чаяния широких крестьянских масс, требовавших национализации земли еще в 1905 г., с другой стороны, оно создавало самые благоприятные условия для перехода к социализму в земледелии.

Мелкобуржуазные лозунги и идеи, например идея об уравнительности землепользования, пользовались еще популярностью в трудящихся массах крестьянства. Лучшим средством для борьбы с ними должна была быть—и в действительности явилась—тактика большевиков, рассчитанная на изживание мелкобуржуазной идеи уравнительности самими трудящимися массами. Задачей большевиков являлось, по Ленину: «помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим»[2].

---

[1] Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский, Собр. соч., т. XXIII, стр. 400.

[2] Там же стр. 398.

В самом декрете о земле заложены основы для изживания мелкобуржуазных иллюзий трудящимися массами:

«Идея уравнительности землепользования,—говорит Ленин,—имеет демократически-революционное значение, значение доведения до конца буржуазно-демократической революции. Дальше этот переворот итти не может. Доходя до конца, он тем яснее, тем скорее, тем легче обнаруживает перед массами недостаточность буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к социализму» [1].

Декрет о земле представлял собою, с другой стороны, наиболее подходящие условия для перехода к общественной обработке земли. «Частная собственность на землю,—говорит Ленин,—в России с 26 октября 1917 г., т. е. с первого дня пролетарской социалистической революции, отменена.

Этим создан фундамент, наиболее совершенный с точки зрения развития капитализма..., и в то же время создан земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму» [2].

Таким образом, аграрная политика большевиков, проведших декрет о национализации земли, вытекала из пролетарского руководства деревней в борьбе за землю и наилучшим образом соответствовала задачам успешного развития социалистической революции.

«Именно большевики,—подчеркивает Ленин,—только большевики, только в силу победы пролетарской революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции» [3].

В основе политики большевиков лежал попрежнему союз рабочих и трудящихся крестьян, в социалистической революции попрежнему признавалось единственным союзником пролетариата беднейшее крестьянство. «Необходим союз беднейшего крестьянства с рабочими,—говорит Ленин на расширенном заседании Петроградского совета 17 (4) ноября,—и тогда социализм победит во всем мире» [4].

С ростом влияния левых эсеров, которым доверяли многие крестьяне, выдвигалась новая задача партии большевиков, задача союза (коалиции) с левыми эсерами на основе «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами. Возможность и необходимость такого союза обусловливается тем, что

---

[1] Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Собр. соч., т. XXIII, стр. 398.

[2] Там же, стр. 402.

[3] Там же.

[4] Ленин, Речь на заседании Петроградского совета, Собр. соч., т. XXII, стр. 51.

«коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян нет. Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы»[1].

Задачи нашей партии заключались в разоблачении мнимых «социалистических» позиций левых эсеров, этих, по определению Ленина, буржуазно-демократических идеологов крестьянства, в то время, правда, «наиболее радикальных, наиболее революционных». Отражая колебания, свойственные середнякам, доверием которых они пользовались в то время и общие настроения которых они выражали, левые эсеры вели неустойчивую линию в вопросах текущей политики. Руководство партии большевиков было направлено в сторону ликвидации всяких колебаний и соглашательства со стороны промежуточных, мелкобуржуазных элементов из среды трудящегося крестьянства, доверявших мелкобуржуазной партии левых эсеров и плетущихся в их хвосте. Отсюда выдвигалась другая задача партии большевиков—вырвать колеблющееся середняцкое крестьянство из-под влияния мелкобуржуазной идеологии левоэсеров.

На первом же этапе пролетарской революции партия большевиков проводит политику пролетарского руководства деревней на основе того же диференцированного подхода к разным слоям крестьянства, с каким она шла к Октябрю. Вместе с беднейшим крестьянством, против кулаков, при нейтрализации середняка—этот лозунг партии по крестьянскому вопросу оставался доминирующим на первом этапе пролетарской революции, вплоть до конца комбедов (осенью 1918 г.).

Немедленно же после переворота, на упомянутом расширенном заседании Петроградского совета Ленин заявил: «Что касается крестьян, то мы говорим: трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить»[2].

С ростом классового и политического расслоения в деревне, с ростом классовой борьбы внутри крестьянства, когда кулачество вступает в открытую борьбу против диктатуры пролетариата, задачей партии является ликвидация сопротивления кулачества с привлечением середняка на сторону пролетариата и деревенской бедноты. С поворотом же середняка на сторону советской власти на следующем этапе пролетарской революции, связанном с концом периода комбедов, политика партии по отношению к разным слоям крестьянства получает свое полное оформление в известном лозунге партии: «Опора на бедноту, союз с середняком, беспощадная борьба с кулаком».

---

[1] Ленин, Союз рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, Собр. соч., т. XXII, стр. 89.

[2] Ленин, Речь на заседании Петроградского совета, Собр. соч., т. XXII, стр. 50.

Аграрная политика большевиков явилась наилучшим выражением пролетарского руководства борьбой крестьянства за землю.

Законодательная деятельность большевиков по аграрному вопросу должна была послужить усилению большевистского влияния в трудящихся крестьянских массах и в действительности усилила и укрепила большевистское влияние на крестьянство. Проведение аграрной политики на практике зависело в свою очередь от успешности борьбы за влияние в широких крестьянских массах.

После Октябрьского переворота партия большевиков продолжала вести с еще большей энергией борьбу за крестьянские массы. Борьба за влияние в крестьянстве оставалась в центре и на местах основной задачей партии. Укрепление авторитета партии и упрочение ее влияния в крестьянских трудовых массах пошло глубже и шире после Октябрьского переворота.

Советская власть и партия большевиков предприняли большую разъяснительную кампанию по вопросам, связанным с организованным захватом помещичьих земель земельными комитетами. В этом отношении во время Октябрьского переворота, как и до него, большое содействие большевистской агитации оказали земляческие организации. Землячества, как известно, ставили своей задачей укрепление связи с крестьянством.

Центральное правление землячеств рассылало по деревням своих агитаторов и представителей на крестьянские съезды и совещания. В момент Октябрьского переворота большое количество членов землячеств было разослано по деревням для агитации за поддержку власти советов [1].

После Октябрьского переворота, как и до переворота, огромную роль в деревне играли агитаторы-рабочие, солдаты и матросы, эти трибуны советской власти в деревне. Просто и содержательно сообщает о значении этой агитации корреспонденция из Никулинской волости, Тверской губ.

> «Только в последних числах ноября сюда приехал первый агитатор-большевик. До этого времени крестьяне не знали, кто такие эсеры, кадеты и большевики. Они только читали разные ужасы про большевиков в тех буржуазных газетах, которые там получаются. Кроме поповской, никакой другой агитации здесь не было. Теперь крестьяне решили выписать «Деревенскую бедноту». На собрании волости принята большевистская резолюция. Избран земельный комитет, который конфисковал все имущество помещиков, живой и мертвый инвентарь» [2].

---

[1] «Великий Октябрь», Альбом ленинградского Истпарта, таблица № 25. Госиздат, 1927 г.

[2] «Голос трудового крестьянства» № 33.

О положительном значении этих отрядов агитаторов говорилось и на Чрезвычайном крестьянском съезде. Делегат Г. А. Ривкин (эсер-максималист) особенно рекомендовал посылать в деревню матросов и рабочих из Кронштадта. При этом он заявлял, что деревня кронштадтцев не понимала сначала, а потом стала забрасывать письмами и благодарностями за приезд [1].

Посылаемые в деревню рабочие, как и командируемые или возвращающиеся с фронтов солдаты и матросы, не ограничивались одной агитацией, но обычно вели организационную работу по укреплению советской власти, возглавляли борьбу с поднимающей голову контрреволюцией и интервенцией. Как сообщает К. А. Москаленко в своих воспоминаниях, солдаты, возвращающиеся с фронтов, прокладывали пути для советской власти, так как они почти все были настроены большевистски. Тов. Москаленко иллюстрирует свою мысль характерным эпизодом: когда немцы заняли Херсон и Алешки, то исполкомовцы отступили в экономию Преображенку, а фронтовики, узнав, что немцев мало, подняли восстание и выбили немцев из Херсона и Алешек [2].

В свою очередь прибывающие в деревню рабочие призывали фронтовиков организоваться в красногвардейские отряды, взять власть и избрать советы [3]. В организации поворота трудящихся масс деревни на сторону советской власти большую роль сыграл союз городских и сельскохозяйственных рабочих, безземельных крестьян и демобилизованных солдат.

Ведя борьбу за влияние в крестьянстве, партия большевиков провела большую работу по руководству и организации крестьянских съездов в центре и на местах. Несмотря на сопротивление Авксентьевского исполкома крестьянских депутатов, уже в дни переворота усилиями большевиков несколько десятков крестьянских делегатов были привлечены к работам II Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов. По инициативе большевиков стали приниматься меры по подготовке и организации II Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов.

По инициативе же большевистских парторганизаций на местах принимались меры по созыву крестьянских съездов. В Иваново-Вознесенске, Саратове и других районах это нашло место в официальных постановлениях советов рабочих и солдатских депутатов о созыве губернских крестьянских съездов. Местные парторганизации большевиков стремились осуществлять руководство выборами и самой работой крестьянских съездов, и в значительной степени это им удавалось.

---

[1] «Известия ВЦИК» № 227 , 1917 г.

[2] «1917 г. в деревне», Сборник воспоминаний под редакцией т. Яковлева, стр. 275—276, ст. К. А. Москаленко, Аграрные беспорядки после Февральской революции на Днепровщине.

[3] Там же, Корреспонденция селькора А. П. Легкого, стр. 318.

В этом отношении любопытен опыт саратовской губернской парторганизации.

Саратовские большевики, созывая губернский крестьянский съезд, открывшийся 2 декабря, произвели прежде всего коренную ломку в самой форме представительства крестьянских съездов. Они приняли меры к тому, чтобы выборы на съезд производились бы не от волостных комитетов, а от самих сельских сходов. Эта мера была необходима потому, что представительство от волостных комитетов всегда было неполным и в недостаточной степени отражало настроения трудящихся крестьянских масс, после же Октябрьского переворота это представительство тем более не могло отражать подлинные настроения крестьянских низов, что большинство комитетов не было еще переизбрано после переворота, и в них попрежнему царило эсеровское засилье. Так происходивший в Саратове уже после переворота губернский съезд представителей волостных комитетов находился всецело под эсеровским влиянием. Как мало этот съезд отражал подлинные настроения крестьянских масс, видно из работы непосредственно затем состоявшегося губернского крестьянского съезда, созванного уже под руководством большевиков.

Основная тяжесть проведения кампании по выборам на новый съезд возложена была на солдат, которые и до Октябрьского переворота служили в Саратовской губ. основным проводником большевистского влияния на крестьянские массы.

Через военную секцию и местный гарнизонный совет крестьянских депутатов было подобрано 200—300 солдат с таким расчетом, чтобы на волость попал один солдат и именно местный—из той же волости, куда он и делегировался для проведения кампании. Понятно, что с помощью солдат, связанных со своей волостью, удобнее всего было проводить на съезд делегатов, большевистски настроенных[1].

Результаты такой подготовки выборов оказались самые положительные. Новый губернский крестьянский съезд, открывшийся 2 декабря, не только одобрил политику партии большевиков и исполкома саратовского совета рабочих и солдатских депутатов, но и объявил местный совет органом губернской власти.

Задачи партии в центре и на местах сводились к усилению и углублению пролетарского влияния как в советах крестьянских депутатов, так и вообще в крестьянских массах. Как в центре страны возобладали тенденции к объединению Всероссийского исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов с Всероссийским советом крестьянских депутатов, так и в губернских и уездных центрах все более выявлялись и осуществлялись тен-

[1] В. П. Антонов-Саратовский, Под стягом пролетарской борьбы, стр. 228.

денции к объединению или слиянию местных советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов. Саратовские большевики решили предложить открывающемуся губернскому крестьянскому съезду выбрать 40 делегатов, чтобы «сразу же взять крестьянских представителей в атмосферу пролетарской среды»[1].

Выделенные съездом 40 делегатов вошли в губернский исполком саратовского совета и составили здесь крестьянскую секцию. Подобные секции возникли и в ряде других губисполкомов.

Крестьянская секция образовалась и при Всероссийском исполнительном комитете советов рабочих и солдатских депутатов после слияния Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов с III Всероссийским крестьянским съездом и ликвидации самостоятельного существования советов крестьянских депутатов, согласно постановлению объединенного уже III Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Парторганизации большевиков на местах возглавляют революционное движение крестьянства против реакционных учреждений, сохранившихся еще от прежнего режима. В ответ на политику саботажа или открытого сопротивления советской власти «демократических» земств и управ, трудящиеся крестьянские массы требовали самороспуска этих организаций или разгона, когда они добровольно не шли на самороспуск.

Большая роль выпала на местные парторганизации в проведении аграрной политики партии на окраинах. Осуществление аграрной политики здесь встречало большие затруднения из-за сохранившихся остатков феодальных пережитков, но облегчалось оно правильной национальной политикой партии. Ленинская национальная политика партии большевиков вызвала сочувствие к советской власти и поддержку советов со стороны угнетенных царизмом народностей на территории бывшей царской России. Обнародованная советской властью через несколько дней после свержения Временного правительства (2 декабря) Декларация прав народов России, признающая право на самоопределение наций вплоть до отделения их, еще более должна была сблизить и сблизила в действительности трудящихся в национальных районах с партией и советами. Ленинская национальная политика имела также огромное значение в деле сближения трудящихся масс «туземных» национальностей с русскими рабочими. Местные парторганизации в национальных районах, как мы видели, [2] обычно стояли во главе революционного движения бедноты против помещиков и кулаков.

---

[1] В. П. Антонов-Саратовский, Под стягом пролетарской борьбы стр. 229.

[2] Смотри об этом на стр. 157.

Нельзя не отметить все же, что происходившие в некоторых районах ошибки и извращения национальной политики имели печальные последствия на первых порах послеоктябрьского периода, помогали кулацким и националистическим элементам, содействовали сплочению сил контрреволюции.

Таково значение например ошибок, сделанных крымскими большевиками на Таврическом губернском съезде советов (в начале марта 1918 г.). Большевики выставили здесь принцип непонятной для крестьянства национализации земли—национализации без перехода земли в распоряжение крестьянства на началах уравнительного землепользования. В конце концов было принято решение о предоставлении земли трудящемуся крестьянству, но уже не по инициативе большевиков.

Ошибочно на съезде не было упомянуто ничего о землях немецкого крестьянства. Съезд обошел молчанием этот жгучий вопрос для немецких колонистов, наиболее активно выступавших против помещиков в предшествующий период. Это обстоятельство оттолкнуло от большевиков те группы из колонистов, которые безусловно стояли близко к большевистской позиции.

Национальный вопрос получил вообще на съезде извращенное выражение. В исполком был выбран только один татарин-большевик, самой татарской группе было отказано в представительстве. Не попали в исполком делегаты—армяне, немцы.

Хотя большевикам в общем удалось привлечь на свою сторону татарскую делегацию, инцидент с выборами в исполком был широко использован националистами для борьбы с советской властью. Националистам удалось создать единый фронт от мурзаков (кулаков) до левой группы курултая (национального парламента в Крыму) [1]. Когда националисты подняли восстание против советов, то хотя опорой у них и служила кулацкая верхушка деревни, но им удалось привлечь на свою сторону еще середняцкие слои деревни.

Беднота вначале была пассивна в этой борьбе. Причина такого поведения деревенской бедноты заключалась в слабости ее классового самосознания. Беднота находилась здесь в кабале у кулаков, в тяжелой экономической зависимости от них. На активность бедноты отрицательно действовала и национальная рознь, искусственно разжигаемая националистами. Беднота оказалась пассивной еще потому, что не получила от местных советов четкого решения вопроса о земле.

Слабым развитием классовой борьбы внутри деревни в национальных районах до Октября объясняется и медленность и затяжка в проведении в этих районах социалистических завоеваний Октября.

---

[1] М. Бунегин, Революция и гражданская война в Крыму, стр. 140.

Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую затянулось на окраинах на несколько лет. Как указывает т. Сталин, «доведение до конца буржуазной революции... растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 г., но и кусочки 1919 г. (Поволжье—Урал) и 1919—1920 гг. (Украина)»[1].

Сопротивление классового врага—помещиков и кулаков—было сломлено в национальных районах усилиями и энергичной борьбой трудящихся крестьянских масс, поднявшихся под руководством партии большевиков на борьбу против своих эксплоататоров и угнетателей.

Борьба за влияние в крестьянстве, проводившаяся на местных губернских и уездных крестьянских съездах, с особой силой выявилась на всероссийских послеоктябрьских крестьянских съездах. 10 (23) ноября 1917 г. открылся второй по счету всероссийский крестьянский съезд или, как он официально назывался, Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов. Ставший из-за своей немногочисленности Чрезвычайным съездом, он вскоре (26 ноября/9 декабря) сливается со II Всероссийским крестьянским съездом, и оба эти съезда, связанные общностью президиумов, очень близки были и по основным моментам своей работы.

Оба эти крестьянских съезда имели большое практическое значение в переломе настроений трудящихся крестьянских масс на сторону советской власти. Сами съезды в свою очередь служили показателем этого поворота трудящегося крестьянства. Резко отличалось например отношение к большевистским вождям на I и II Всероссийских крестьянских съездах, различное отношение проявилось и к большевистским резолюциям на том и другом съезде. Большевизация съездов явилась в результате прежде всего усиленной борьбы большевиков за влияние на крестьянство, как на самих съездах, так и в крестьянских массах.

---

[1] Сталин, О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу «Вопросы ленинизма», стр. 306, 1930 г.

ГЛАВА V.

БОРЬБА ЗА СЕРЕДНЯКА НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ КРЕСТЬЯНСКОМ СЪЕЗДЕ.

1. Созыв и открытие Чрезвычайного съезда советов крестьянских депутатов.—2. Позиция и тактика правых и левых эсеров.—3. Вопрос о власти.—4. Первое объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.—5. Аграрный вопрос. Выступление Ленина.—6. Продовольственный вопрос.—7. Фракционная борьба на Чрезвычайном съезде.—8. Тактика Ленина на Чрезвычайном съезде.—9. Итоги и общеполитическое значение Чрезвычайного съезда.

1. Созыв и открытие Чрезвычайного съезда советов крестьянских депутатов.

На первом же заседании нового ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, 27 октября (9 ноября) 1917 г., по докладу и предложению комиссара земледелия т. В. П. Милютина было принято постановление о созыве в срочном порядке крестьянского съезда и избрана комиссия для подготовительных работ по созыву съезда[1].

Когда при ВЦИК стала работать означенная комиссия с функциями организационного бюро по созыву крестьянского съезда, эсеровский Исполком крестьянских советов повел открытую и закулисную борьбу против созываемого съезда. Формально, чтобы не очутиться совсем в стороне, он созывает с своей стороны съезд и назначает его на 10/23 ноября, накануне выборов в Учредительное собрание. В действительности Авксентьевский исполком всячески мешал созыву съезда, посылая на места телеграммы противоречивого характера.

Первоначальной своей телеграммой Исполнительный кометет созывал Всероссийский крестьянский съезд с представительством по одному делегату на 150 тыс. человек крестьянского населения. Телеграмма эта вскоре отменяется и заменяется другой, которой вызываются на съезд только представители губерний и армейских крестьянских комитетов.

[1] Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва, стр. 3.

Были разосланы еще и другие телеграммы, всего повидимому до шести, из которых каждая устанавливала новые нормы представительства[1]. Неразбериха дошла до того, что некоторые делегаты вернулись с пути, а многие советы крестьянских депутатов отказались от участия на съезде, будучи не в состоянии разобраться в противоречивых указаниях[2].

Таким образом Исполком незаметно сделал попытку лишить революционного значения крестьянский съезд, изолировать его от широких крестьянских масс, организовав его в более узких рамках. Вместо широкого крестьянского съезда с действительным представительством от крестьянских низов, он делал попытку созвать совещание из одних представителей губернских исполнительных комитетов советов крестьянских депутатов и крестьянских секций армии и, напротив, отвергает предложение своего лево-эсеровского меньшинства о созыве съезда с приглашением представителей от уездных исполнительных комитетов и крестьянских секций дивизий. Мотивы ясны—чем выше стояли крестьянские верхушечные организации, тем прочнее было правоэсеровское засилье в них и тем увереннее могло опираться на них большинство Исполкома в своих кулацких вожделениях.

Энергично участвовало в созыве съезда лишь лево-эсеровское меньшинство Исполкома, которое активно работало в указанной комиссии, избранной ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов. От имени означенной комиссии рассылались предложения по местам—посылать по два представителя от губернии и по три от армий, а также по одному от уезда и дивизии.

Когда же вопреки стараниям большинства в Исполкоме крестьянский съезд становился уже фактом, Исполком большинством 27 голосов против 23 (левоэсеровского меньшинства) постановил собрать второй крестьянский съезд в Могилеве, т. е. в Ставке. Решение было принято под тем предлогом, что на съезд в Петроград не могут прибыть эсеровские вожди—В. М. Чернов и А. Р. Гоц, которым угрожает арест в Петрограде, где возможны, с другой стороны, по заявлениям черновцев, эксцессы большевиков против крестьянского съезда. В действительности, как об этом писалось в «Известиях ВЦИК» того времени, правые эсеры хотели изолировать крестьянство от пролетариата и революционных солдат Петрограда. Опасались также воздействия на делегатов-крестьян большевистских вождей.

В результате созданной неразберихи, в связи с условиями выборов на съезд и даже с самим местом съезда, когда давались разнородные директивы и от самого Исполкома крестьянских депутатов, точнее—от большинства его, и параллельно из Смоль-

---

[1] «Известия Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда» № 1.
[2] Там же.

ного от организационного бюро,—созванный на 10/23 ноября съезд собрался в Петрограде в крайне незначительном числе, в первый день всего в количестве около 150 делегатов (по информации «Знамени труда»). Организационное собрание съезда 10/23 ноября было целиком посвящено вопросам об условиях самого открытия съезда и об его правомощности. Официальное же открытие съезда, произведенное членом Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов Г. К. Покровским, произошло на другой день 11/24 ноября[1].

Уже первое заседание съезда 10/23 ноября, представлявшее собой в сущности предварительное совещание делегатов, вводит нас в общую атмосферу съезда, знакомит с активными деятелями его и выявляет общие линии работы съезда.

Совещание открывается докладом мандатной комиссии.

Мандатная комиссия предоставила решающий голос только представителям губернских советов крестьянских депутатов, а представителям уездных советов и дивизий—одни совещательные голоса. Мандатная комиссия сообщила, что кворума съезда нет, если считать решающими только мандаты губернских советов. Тогда Исполком выступил с предложением отложить съезд за отсутствием кворума на 30 ноября (13 декабря), пока объявив его совещанием. Эсерам-черновцам нужно было выгадать время, чтобы обработать приезжающих делегатов. Напротив, большинство делегатов настаивало на немедленном открытии съезда, с предоставлением решающих голосов представителям уездных крестьянских советов и дивизий. Учитывая все же неполноту съезда, большинство предлагало объявить съезд чрезвычайным, но правомощным.

Как отмечают газеты, «Знамя труда» и др., горячность прений по докладу мандатной комиссии вызывалась остротой вопроса, волновавшего большинство участников съезда. Перед съездом стояла основная задача—решение вопроса о власти. Не только правых эсеров, но и левых эсеров волновал вопрос о создании власти. Настроение левых эсеров на этом совещании лучше всего выразилось в речи М. А. Спиридоновой, наиболее популярного лидера левых эсеров. Она была против откладывания съезда, потому что

> «...наша революция находится в таком положении, что нужно ее немедленно спасать. Нельзя откладывать съезд

---

[1] Вопрос о дне открытия съезда толкуется разно в литературе, и нет точной даты в имеющихся источниках: одни и те же газеты, как например «Известия ВЦИК» или «Знамя труда», называют днем открытия съезда то 10 (23), то 11 (24) ноября. Это происходило очевидно потому, что днем открытия съезда назывался то день его организационного собрания, то день официального открытия, с выборами президиума и пр.

до 30 ноября—может быть уже поздно, от нашей революции ничего не останется. Нужно, чтобы крестьянство сказало свое слово в вопросе о создании однородной власти из всех социалистических партий. Только страна не хочет жить под большевистским правительством, идет гражданская распря, идет усиление разрухи из-за саботажа новой власти, и здесь только крестьянство может помочь, создав новую власть, авторитетную»[1].

Представители левой части съезда — М. А. Спиридонова, А. А. Калегаев и др.—настаивали на предоставлении решающего голоса делегатам уездных советов и дивизий, обрушиваясь своей критикой при этом на старый Исполнительный комитет советов крестьянских депутатов. Характерно выступление на этом совещании кронштадтского матроса, который в чрезвычайно решительной форме, по словам «Дела народа», призывал собрание «вынести из избы лишний сор», намекая на необходимость ликвидации старого состава Исполнительного комитета[2]. Подавляющим большинством голосов совещание постановило предоставить право решающего голоса представителям уездных советов крестьянских депутатов и дивизий. Президиум съезда немедленно опубликовал это решение. уже от имени съезда, с предложением уездам и дивизиям посылать на съезд своих представителей.

11 (24) ноября состоялось официальное открытие Чрезвычайного всероссийского съезда крестьянских депутатов уже с представительством от губернских и уездных советов и фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных крестьянских комитетов[3]. По предварительным данным, неполным повидимому, и по мнению газеты, откуда заимствуем эти сведения, всего на этом расширенном, по своему составу, заседании присутствовало около 260 делегатов[4].

Скоро однако, ввиду прибытия новых делегатов с мест, значительно возросло общее число участников съезда. Каждый день прибывали делегаты с мест и фронта с решающими и совещательными голосами. По данным мандатной комиссии на 18 ноября (1 декабря), опубликованным в официальном органе съезда—«Известиях Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда», всего было 18 ноября (1 декабря) 335 делегатов с решающим голосом и распределялись они по фракциям следующим образом: левых социалистов-революционеров—195, большевиков—37, социалистов революционеров-максималистов—7, социал-демократов «Новой жизни»—3, меньшевиков-интернационалистов—3, анархи-

---

[1] Речь А. М. Спиридоновой приводится по неполному изложению ее в газете «Знамя труда» № 69, органе левых эсеров-интернационалистов.

[2] «Дело народа» № 207, 1917 г.

[3] «Известия ВЦИК» № 224, 1917 г.

[4] Там же.

стов—22, социалистов-революционеров центра и правых—65, народных социалистов-трудовиков—4, беспартийных—14, из последних многие сочувствовали левым эсерам [1].

Впрочем на этом не остановился количественный рост съезда. Спустя несколько дней мы встречаем сообщение на страницах того же официального органа съезда о выдаче 576 делегатских мандатов, из них более 400 с правом решающего голоса [2].

К приведенным данным о партийном составе съезда следует прибавить, что с течением времени число большевиков-делегатов безусловно возросло, судя по тому, что на некоторых голосованиях число участвовавших большевиков равнялось 45.

Абсолютное большинство принадлежало левым эсерам. Большевики, хотя численно уступали левым эсерам и даже правым эсерам, выгодно выделялись своей организованностью и дисциплинированностью. В первый же день съезда большевики и левые эсеры организационно оформились на съезде и образовали свои бюро фракций.

Что касается социального состава делегатов или социальных группировок деревни, выразителями которых они являлись, то здесь следует прежде всего провести резкую границу между левыми и правыми флангами съезда, организовавшимися еще до начала работы съезда. На стороне правоэсеровского большинства Исполнительного комитета были представители губернских исполнительных комитетов, большая часть армейских делегатов, а именно армейских советов или комитетов. На левом фланге, как сообщали и современные наблюдатели [3] и как в отношении II съезда советов крестьянских депутатов это подтверждено точными цифровыми данными, приводимыми нами ниже [4], огромная масса делегатов была от окопников, от дивизий и равных им частей и значительно меньшее число делегатов с мест, избранных в большинстве случаев на уездных крестьянских съездах, реже на губернских.

Делегаты губернских и армейских комитетов представляли собою верхушечные эсеровские организации и по социальному своему составу примыкали к зажиточной части деревни или во всяком случае отражали интересы верхних зажиточных слоев деревни. Уездные делегаты были большей частью рядовые крестьяне, равно как делегаты из низовых армейских организаций были рядовые солдаты. Те и другие делегаты выражали интересы середняцкого крестьянства и отчасти деревенской бедноты. Делегаты-окопники по своему социальному составу были ближе связаны с деревен-

[1] «Известия Чрезвычайного крестьянского съезда» № 1.
[2] Там же № 3.
[3] М. Х. Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253, 16 декабря 1917 г.
[4] Смотри об этом ниже, стр. 220 и следующие страницы.

своей бедностью, в их выступлениях, репликах можно было бы определенно услышать настроения батрацких и бедняцких элементов деревни.

Впрочем, необходимо оговориться, подобные настроения разделялись далеко не всеми фронтовыми делегатами, преимущественно же делегатами низовых армейских организаций.

Первый день работы съезда, посвященный организационным вопросам, уже ознаменовался саботажем со стороны правых членов во главе с Исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов. Выборам президиума и открытию самого съезда[1] предшествовала попытка эсеров-черновцев усилить правое крыло съезда путем искусственно подобранного президиума. Правые эсеры и Исполнительный комитет потребовали, чтобы президиум съезда состоял из президиума Исполнительного комитета, пополненного представителями от фракций. Левые эсеры настаивали на образовании президиума на основе пропорционального представительства от фракций. Когда большинством 155 голосов против 84 было отвергнуто предложение фракции эсеров, правых и центра, Н. Д. Кондратьев от имени фракции эсеров огласил декларацию об оставлении съезда фракцией эсеров. К его заявлению присоединились некоторые представители губернских советов крестьянских депутатов и четырех армейских комитетов, которые также покинули заседание съезда. Вместе с ними с демонстративной поспешностью ушли правые члены Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов[2].

Единогласно, при бурных аплодисментах председательницей съезда была избрана М. А. Спиридонова, открывшая съезд и в горячей речи приветствовавшая его. Затем последовал ряд приветствий. От имени ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов приветственную речь произнес Г. Е. Зиновьев. Делегация ВЦИК состояла из трех представителей: А. М. Устинова, Г. Е. Зиновьева и И. В. Литвина. Президиум съезда был составлен из 10 левых эсеров, 3 большевиков, 1 максималиста и 1 беспартийного.

В состав президиума съезда вошли: председатель съезда и президиума М. А. Спиридонова, товарищ председателя М. А. Натансон, А. Л. Калегаев, Б. Д. Камков, Р. И. Сташков, А. М. Утиспов, Г. Е. Зиновьев[3] и Н. М. Никитин; секретари: Н. Ф. Попов, Б. Ф. Малкин, Г. М. Иващенко, П. П. Прошьян и В. П. Милютин[4]. На этом же заседании собрание объявило себя Чрезвычайным съездом.

---

[1] «Известия ВЦИК» № 225. 1917 г.

[2] «Дело народа» № 207, 1917 г.

[3] Впоследствии, на заседании 19 ноября (2 декабря) 1917 г., в президиум съезда вместо Г. Е. Зиновьева и В. П. Милютина вошли М. Харитонов и В. Косарев, «Знамя труда» № 77.

[4] «Известия ВЦИК» № 225, 1917 г.

2. Позиция и тактика правых и левых эсеров.

Работа съезда, ознаменовавшаяся уже в первый день уходом правых, протекала все время в условиях напряженной борьбы с правыми, являвшейся отголоском гражданской войны в стране. Правые начали с раскола съезда, т. е. стали продолжать ту политику раскола, которую они проводили еще до съезда. Видя, что инициатива съезда выпала из их рук, эсеры-черновцы стали принимать все меры, если и не к полнейшей ликвидации съезда, то к уменьшению его политического значения путем превращения его в совещание. Когда и это не удалось и съезд стал все же функционировать, правые эсеры и эсеры центра (ориентировка В. М. Чернова) стали окружать работу съезда атмосферой лжи и клеветы, подрывая работу съезда внутри его открытым саботажем.

Всячески ускоряя раскол и в дни «откола» устраивая отдельные заседания со своими сторонниками из числа делегатов правых эсеров и эсеров центра, вожди Исполнительного комитета обычно сваливали вину раскола на левое большинство съезда. Уже на второй день съезда (12/25 ноября) представитель Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов Г. А. Матюшин выступил с заявлением о левых, как о «группе раскольников из Смольного института».

Решения съезда они дискредитировали указаниями на насильственный будто характер их принятия. В «Деле народа» от 14 (27) ноября 1917 г. опубликовано было например во всеобщее сведение, будто «левые эсеры угрожали вызвать войска для поддержки своих резолюций».

Правые характеризовали в своих газетах и в выступлениях видных участников съезда из среды левых эсеров и большевиков как фиктивных крестьян делегатов и не отступали перед бессовестной демагогией вплоть до антисемитизма. Эсеры-черновцы, бесспорно представлявшие и защищавшие интересы кулаков, иронически называли левоэсеровских и большевистских делегатов-крестьян «смольными землеробами» и откровенно в этих иронических названиях выражали свою классовую сущность. Обычный прием их полемики против враждебных им левых фракций был—расшифровка партийных кличек евреев—большевиков или левых эсеров.

Антисемитской травлей правых по адресу евреев—участников съезда следует объяснить записку, поданную в президиум съезда с подобным требованием:

«Удалить из состава президиума всех жид в. Нетерпимо, чтобы в крестьянские дела вмешивались пейсатые» [1].

---

[1] «Дело народа» № 210 и другие газеты.

Как отметил это в особой резолюции Чрезвычайный съезд, и в травле съезда вообще и участников-евреев в отдельности особенно отличалась «социалистическая» печать, в частности—«Дело народа».

«Дело народа», которое требовало составления президиума съезда из президиума правоэсеровского Исполкома, отнюдь не избранного на данном съезде, возмущалось участием на съезде В. И. Ленина:

«Большевику В. Ленину выдан сначала решающий мандат, а затем совещательный»[1].

Характерна также вызывающая заметка в «Деле народа»—центральном органе партии социалистов-революционеров—с протестом против участия в работах съезда видного большевика М. Харитонова, члена президиума:

«Участвует на съезде и задает тон съезду также знаменитый М. Харитонов (Лейхтенбергский), получивший неизвестно на каком основании совещательный голос»[2].

Правые не отступали перед угрозами, рассчитывая на неустойчивую психологию середняцкого большинства съезда.

Во все время работ съезда правые продолжали вести тактику раскола. Этой тактикой они пытались показать, что крестьянство не едино, что за левыми эсерами и большевиками идет незначительная часть крестьянства, волю же огромного большинства крестьян насилует большевистская власть, «держащаяся на штыках», по заявлению В. М. Чернова.

Если правые вели определенную предательскую тактику, то левоэсеровское большинство съезда недостаточно выдержано и устойчиво стояло на революционных позициях. Тактика левых эсеров на съезде обусловливалась общей неустойчивой политикой их в принципиальных вопросах. Если правые эсеры резко отрицательно относились к советской власти, то и левые эсеры пока относились к ней выжидательно. В первые дни после переворота левые эсеры категорически отказались войти в Совет народных комиссаров, несмотря на определенное обращение к ним со стороны Центрального комитета большевиков. Призванные на заседание ЦК за несколько часов до образования первого Совнаркома левые эсеры: Б. Д. Камков, В. Д. Спиро и В. А. Карелин, отказались участвовать в новом правительстве[3]. Левые эсеры в те дни стояли в принципе за советскую власть, но были против, как они выражались, фракционной большевистской власти. Они целиком стояли на формуле Всероссийского исполнительного комитета железнодо-

---

[1] «Дело народа» № 216. 1917 г.

[2] Там же.

[3] Ленин, От Центрального комитета российской социал-демократической партии (б), Соч., т. XXII, стр. 58.

рожников (Викжель)—за однородную социалистическую власть, от народных социалистов до большевиков.

Настроение и тактика левых эсеров обнаруживаются уже на фракционном заседании 11/24 ноября, накануне официального открытия съезда. Весьма показателен доклад Ал. М. Устинова о работе левоэсеровской фракции II съезда советов рабочих и солдатских депутатов. Позицию левых эсеров после Октябрьского переворота А. М. Устинов характеризует таким образом: «левые эсеры решили остаться с народом, хотя и делающим ошибки, но все же с народом. Ибо нет революции без народа [1].

Колебания левых эсеров на съезде проявлялись прежде всего в том, что они не могли окончательно порвать с правыми. Три раза правые торжественно уходили со съезда во главе с Исполнительным комитетом советов крестьянских депутатов, три раза возвращались обратно на съезд, а левоэсеровское большинство с одинаковым восторгом продолжало принимать их в свои объятия. Неоднократно съезд менял свое решение в отношении членов Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов. Сначала лишил их решающего голоса на съезде, а затем предоставил им право решающего голоса, вопреки протестам большевиков.

Левые эсеры неоднократно отклоняли предложения большевиков или проводили свои резолюции большинством голосов против большевиков. Высказываясь в общем за программу II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, они неизменно выставляли свое несогласие с политикой Совета народных комиссаров, выражали свое осуждение господствующей, по их заявлениям, системе насилия. Боязнь диктатуры партии большевиков проходила непрерывно в выступлениях больших и малых лидеров левых эсеров.

Весьма показателен отказ левых эсеров выслушать доклад Ленина о деятельности Совнаркома. Мотивировка отказа, освещенная в особенности в их центральном органе «Знамя труда», показывает всю силу их колебаний, неустойчивости в отношении правительства пролетарской революции. «Голосование по предложению большевиков о приглашении Ленина как председателя народных комиссаров для доклада съезду—совершенно недвусмысленно выявило политическую позицию съезда—в его крестьянском, т. е. левоэсеровском большинстве. Съезд отклонил приглашение Ленина—тем самым подчеркнул, что он не считает Совет народных комиссаров «подотчетным» себе, а стало быть, ни в какой степени не связывает себя с правительством октябрьского переворота» [2].

Характерна для левых эсеров политика отмежевания от советской власти, от «фракционной власти» большевиков, по их

---

[1] «Знамя труда» № 70.
[2] «Знамя труда» № 72 от 15 ноября 1917 г.

определению. Подчеркивалось крестьянское большинство съезда как именно левоэсеровское. Большевистские делегаты куда-то выпали. За ними не признавалось, повидимому, крестьянское представительство на съезде.

Политика левых эсеров была политикой балансирования между правыми и большевиками.

Такая политика колебаний была причиной того, что левые эсеры не могли стать во главе движения и не могли раз навсегда предпочесть революционные методы в политике и тактике реформистским.

Вся работа Чрезвычайного съезда, на котором большинство принадлежало левым эсерам, протекала в обстановке компромиссов, соглашательства.

3. Вопрос о власти.

За время существования с ъезда с 10 до 25 ноября (по ст. ст.) было всего 15 дней заседаний. Заседания происходили днем и вечером. Неоднократно заседания происходили глубокой ночью, как например это было с 12 (25) на 13 (26) ноября, когда заседание возобновилось в 12 часов ночи и собрание приняло предложение президиума продолжать заседание до утра, чтобы разрешить только вопрос о власти. Наиболее яркими моментами в работе съезда были заседания, связанные с вопросом об организации власти, доклады и прения по аграрному вопросу, выступления на съезде В. И. Ленина и наконец торжественное заседание Крестьянского съезда с ВЦИК и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, в связи с достигнутым соглашением с ВЦИК по вопросу об организации власти.

С вопроса о власти начал свою работу съезд после своего сконструирования. Представителю каждой фракции давалось слово для доклада, согласно существовавшим тогда съездовским порядкам.

Левый эсер Ал. М. Устинов в своей речи указал, что партия эсеров центра и правые эсеры оторвались от масс. Задачей настоящего момента является коалиция интернационалистских элементов, которые бы боролись против коалиции с буржуазией[1]. Он же отметил в своей речи, что сейчас выработана платформа соглашения. Партии, желающие итти за трудовым народом, входят в ВЦИК, который организует власть... [2]

Затем выступал ряд ораторов, указывавших на необходимость совместной работы советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов; среди других ораторов отметим выступление М. Крушинского, представителя от Викжеля, который раскрыл и обоснo-

---

[1] и [2] «Правда» № 189, за 1917 г. и «Известия ВЦИК» № 225 за 1917 г. Изложение очень близко к газетным источникам, но с некоторыми стилистическими изменениями. Подобное изложение приводится мною в ряде других аналогичных случаев.—*М. Г.*

вал по своему популярную в те дни среди левых эсеров и прочих попутчиков пролетарской революции платформу соглашения о власти. Двусмысленное и недоверчивое отношение к советской власти особенно заметно проявилось в том месте его речи, когда он, заявляя, что против коалиции с буржуазией и стоит за советскую власть, тут же подчеркнул:

«И съезд[1] недостаточно авторитетен. ВЦИК должен быть пополнен представительством от крестьян, армии, профессиональных союзов и городских самоуправлений. Мы войдем во ВЦИК, если вы, крестьянский съезд, решитесь туда войти»[2].

Тов. В. И. Невский предложил от фракции большевиков выслушать доклад Ленина о деятельности Совета народных комиссаров. Против этого предложения выступил представитель левых эсеров А. А. Калегаев:

«Если мы дадим слово народным комиссарам,—говорил Калегаев,—мы этим самым предрешим вопрос о власти».

Съезд отверг предложения большевиков[3].

Заседание закончилось речью Г. Е. Зиновьева, который опроверг заявление меньшевиков о сделанных будто ими шагах для мирного разрешения политического кризиса, ссылаясь при этом на свой личный опыт. Зиновьев еще недавно всячески добивался соглашения с меньшевиками и эсерами для образования «однородного» советского правительства. Как известно, в предоктябрьские дни и непосредственно после Октября Зиновьев занимал явно штрейкбрехерскую позицию по вопросу о советской власти и диктатуре пролетариата. Указание его теперь на прошлый собственный опыт в соглашательских комбинациях должно было служить особо убедительным «доводом» для колеблющихся депутатов в пользу объединения с большевиками для образования советского правительства из партий, стоящих на советской платформе. Зиновьев отверг обвинение в организации большевиками политического заговора и говорил о действительных причинах несостоявшегося соглашения с социалистическими партиями[4].

«Я был один из тех, которые стояли за соглашение с социалистическими партиями. Но оборонцы и соглашатели своими предварительными условиями о выпуске буржуазных газет, об освобождении из-под ареста бывших министров М. И. Терещенко, А. И. Коновалова и др. сорвали соглашение»[5].

Заседание протекало в оживленной борьбе мнений между сто-

---

1 Очевидно — II съезд советов рабочих и солдатских депутатов.
2 «Известия ВЦИК» № 225, 1917 г.
3 Там же.
4 «Правда» № 189 и «Известия ВЦИК» № 225, 1917 г.
5 Там же.

ронниками и скрытыми или открытыми противниками советской власти. Среди других моментов заседания характерно выступление матроса Киселева от Гельсингфорского гарнизона, который особенно резко отметил контрреволюционную политику прежнего правительства и ВЦИК прежнего созыва и классовую сущность Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов. Он призывал трудящихся крестьян к единому революционному фронту с рабочими и солдатами:

«Я зову настоящих, а не авксентьевских, мужиков к единению с солдатами и рабочими...»

В заключение он прочел наказ от «военного крестьянства» армии и флота Гельсингфорса.

На съезде происходило братание работниц с крестьянами. Таковы были выступления с внеочередными заявлениями тт. А. Т. Прохоровой и К. И. Николаевой, делегированных сюда от 80 тыс. работниц Петрограда. Товарищи А. Прохорова и К. Николаева приветствовали крестьянский съезд и высказали пожелания, чтобы крестьянский съезд и советы рабочих и солдатских депутатов общими силами боролись за революционные завоевания пролетариата.

К концу заседания были оглашены наказы без речей. Многие из них требовали перехода всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Уже поздно ночью внесены были три резолюции по вопросу о власти—эсерами-максималистами, фракцией левых эсеров и фракцией большевиков. В основу принята была резолюция фракции левых эсеров—большинством 127 голосов против 45. Окончательно резолюция о власти была принята на другой день, 13 (26) ноября.

Заседание в этот день началось с обсуждения резолюции левых эсеров о переходе полномочий прежнего Исполнительного комитета Чрезвычайному съезду и о выборах членов ЦИК крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. По этой резолюции полномочия старого Исполнительного комитета переходят к Чрезвычайному крестьянскому съезду, с которым вышеозначенный Исполнительный комитет сливается; членам старого Исполнительного комитета предоставляется право решающего голоса; Чрезвычайный съезд выделяет из своей среды 108 членов в качестве Временного исполнительного комитета для объединения с ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов [1].

В этой резолюции левые эсеры полностью обнаружили свою непоследовательность, так как этой резолюцией отменялось только что принятое (накануне, ночью 12 (25) ноября), решение съезда о присвоении совещательного голоса членам прежнего Исполнительного комитета.

---

[1] «Знамя труда» № 72. См. также «Резолюции Чрезвычайного и II съездов советов крестьянских депутатов», стр. 20.

От фракции большевиков т. В. И. Невский высказался против резолюции, ссылаясь при этом на прошлое старого Исполнительного комитета, который своей соглашательской политикой тормозил творческую работу. Резолюция левых эсеров голосовалась и была принята простым большинством.

Затем собрание перешло к голосованию левоэсеровской резолюции о власти, принятой уже в основе на ночном заседании 12 (25) ноября. Тов. М. М. Харитонов сделал новое заявление от имени фракции большевиков: если резолюция будет голосоваться полностью, фракция большевиков не примет участия в голосовании. В итоге резолюция была принята 175 голосами против 22 при 6 воздержавшихся [1].

В виду особой важности для описываемого исторического момента этой резолюции,—отдельные ее пункты вызывали горячие и длинные споры и на крестьянском съезде, и на заседании ВЦИК, и в ряде других заседаний,—приводим ее полностью:

«1. Избранный на Чрезвычайном крестьянском съезде Исполнительный комитет советов крестьянских депутатов, с одной стороны, и избранный на II съезде советов рабочих и солдатских депутатов ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, с другой, соединяются воедино на равных основаниях.

2. Власть организуется Исполнительным комитетом советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно.

3. В случае отказа каких-либо групп или партий от создания такой власти, эта власть организуется из тех социалистических и профессиональных групп, которые принимают платформу соглашения исполнительных комитетов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

4. Власть, ответственная перед Исполнительным комитетом советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, организуется для осуществления программы II съезда советов: созыв Учредительного собрания в назначенный срок, решение вопросов о земле, мире, контроле над производством и распределением, согласно постановлениям II съезда советов рабочих и солдатских депутатов» [2].

После принятия резолюции в целом съезд решил немедленно приняться за переговоры с Смольным и политическими партиями.

---

[1] «Дело народа» № 209, «Знамя труда» № 72, «Новая жизнь» № 180 (174) за 1917 г.

[2] «Резолюции Чрезвычайного и II съездов советов крестьянских депутатов», стр. 19, 20.

Приведенная левоэсеровская резолюция о власти подверглась большим изменениям на фракционных заседаниях левых эсеров и при переговорах с другими партиями, прежде чем она была проголосована на Чрезвычайном съезде. По информации «Новой жизни»[1], получившей подтверждение еще в других газетах, а также в известной книге Джона Рида[2], левые эсеры начали торг о соглашении с требованием подчинения новой власти Народному совету. Накануне заседания съезда левые эсеры приняли резолюцию о конструкции новой власти, в которой советский принцип был заменен общедемократическим:

> «Новая верховная власть должна быть подотчетна до Учредительного собрания Народному совету, составленному в равном числе из: 1) представителей Исполнительного комитета крестьянского совета, 2) Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, пополненного представителями ушедших партий и фронтовых организаций, 3) представителей земств и городов»[3].

В таком виде переговоры оказались безуспешными для соглашателей. Соглашение состоялось в конце концов на других условиях: о народном совете ни слова не было сказано в окончательно принятой резолюции съезда, исключено было представительство от земств и городов, подтверждена была ответственность новой власти перед ВЦИК. Осталось только паритетное представительство от Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов и Исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов, особое представительство армии и флота, а главное—особое представительство от профсоюзов, в том числе от Викжеля и почтово-телеграфного союза, кстати сказать, занимавших особенно упорную соглашательскую позицию в то время. Несомненно, советский принцип одержал верх в результате соглашательских комбинаций съезда. Первоначальные условия соглашения претерпели еще другое изменение: соглашение о власти состоялось только с левыми эсерами, и одни левые эсеры вошли в правительство.

4. Первое объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

15(28) ноября в результате достигнутого соглашения между большевиками и левыми эсерами по вопросу о власти состоялось первое объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского совета рабочих и солдат-

---

[1] «Новая жизнь» № 180 (174).
[2] Джон Рид, Десять дней, которые потрясли мир, стр. 248 — 249.
[3] «Новая жизнь» № 180 (174) за 1917 г.

ских депутатов. Самый факт слияния советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, торжественность обстановки заседания и знаменитое шествие крестьян-делегатов в Смольный—являлись несомненным крупным историческим событием в области взаимоотношений между пролетариатом и трудящимся крестьянством, а также между партией пролетариата и партией левых эсеров. На основании главным образом газетных отчетов того времени[1], постараемся дать набросок картины этого торжественного заседания.

Прежде чем отправиться в Смольный на объединенное заседание Петроградского совета с ВЦИК, крестьянский съезд был созван на чрезвычайное собрание.

Старейший член партии эсеров М. А. Натансон сделал доклад о соединении Исполнительного комитета крестьянских депутатов с ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов. Само слово «соединение» вызвало бурю аплодисментов.

Затем прибыли делегаты из Смольного и представители Красной гвардии, встреченные бурей аплодисментов. Выступили с речами рабочие—представители Василеостровского и Петроградского районов, выступил, по выражению газет, представитель авангарда революции—матрос.

Слово получил Борис Рейнштейн, представитель американской социалистической рабочей партии, сказавший:

«Товарищи! День соглашения съезда советов крестьянских депутатов и советов рабочих и солдатских депутатов—один из самых важных дней революции. Он откликнется глубоким эхом по всему миру: и в Париже, и в Лондоне, и за океаном—в Нью-Йорке».

После его речи—ура, несмолкаемые аплодисменты.

На трибуне появился Я. М. Свердлов, сказавший:

«От ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов приветствую вас, товарищи! Вашим соединением с советами рабочих и солдатских депутатов вы закрепили дело всей революции. Это соглашение один из самых выдающихся фактов революции. Благодарный за это, прошу вас пожаловать в Смольный»[2].

Крестьяне-делегаты вместе с гостями направились в Смольный.

Выстроившийся Павловский полк встретил выходивших депутатов звуками Марсельезы. Депутаты построились рядами, над ними взвилось красное знамя Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов с надписью: «Да здравствует единство революционного трудового народа!...» У Смольного шествие имело встречу с Красной гвардией, все вместе стройными рядами вошли в Смольный.

---

[1] В первую очередь «Правды» № 191 и «Известий ВЦИК» № 227 за 1917 г.
[2] «Известия ВЦИК» № 227 за 1917 г.

Здесь крестьян ждал Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и ВЦИК. Еще до прихода делегатов Г. Е. Зиновьев сделал доклад о достигнутом соглашении на следующих условиях: так как Центральный исполнительный комитет Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов состоит из 108 членов, то и крестьянский Чрезвычайный съезд избирает из своей среды 108 членов, к ним присоединяются еще 100 делегатов с фронта и флота и 50 представителей профессиональных союзов, включая 10 представителей от Викжеля и 5 от почтово-телеграфного союза. Все эти группы объединяются между собой на платформе II съезда советов рабочих и солдатских депутатов. Верный своей соглашательской тактике Зиновьев закончил свою речь выражением полного удовлетворения по поводу достигнутых условий соглашения с левыми эсерами.

> «Сегодня,—экспансивно заявляет он,—состоится первое торжественное заседание этого полномочного представителя революционной демократии. Состоялась та единственная коалиция, то единственно возможное соглашение, которое должно закрепить факт действительной победы революции—соглашение рабочих, солдат и революционного крестьянства»[1].

Спустя полчаса после речи Г. Е. Зиновьева появились делегаты крестьянского съезда, встреченные бурной овацией. В зал был внесен ряд знамен и штандартов крестьянского съезда, в том числе и украинское знамя. В президиуме заняли места члены Президиумов ВЦИК и крестьянского съезда. Настроение в зале было повышенное, общим энтузиазмом была встречена приветственная речь Я. М. Свердлова, обращенная к крестьянским делегатам[2].

Затем слово было предоставлено председательнице крестьянского съезда М. А. Спиридоновой, речь которой была проникнута призывом к солидарности русских крестьян, рабочих и солдат, а также к международной солидарности «всех несчастных, всех страдающих (!!) и угнетенных мира». Вся ее речь блистала пафосом, присущим эсеровскому интеллигенту.

Затем последовали приветственные речи от советских и профессиональных учреждений, от имени Балтийского флота, от партийных организаций—фракции большевиков (А. В. Луначарского), от фракции левых эсеров (П. П. Прошьяна), объединенных социал-демократов-интернационалистов (Д. А. Сагирашвили).

Хотя представитель Викжеля М. Крушинский и остался верным и на этом собрании старому лозунгу Викжеля об однородной социалистической власти от народных социалистов до большевиков, важно было его присутствие на этом заседании и признание

---

[1] Протоколы заседаний ВЦИК второго созыва, стр. 65.
[2] «Новая жизнь» № 182 (176) за 1917 г.

им с разными оговорками важности факта объединения. Правые эсеры сбежали с этого собрания.

Одним из ярких моментов заседания было выступление члена президиума крестьянского съезда Сташкова[1], седовласого старика. Старика встретили овацией и криками: «Да здравствует деревня»[2].

«Я—представитель уездного совета рабочих и крестьянских депутатов,—говорил он.—Мне поручено передать, что вся власть должна принадлежать советам. Жили мы не на воле, не на свете, но в каких-то гробах. Но наши борцы за народ страдали больше нас. Скованных сажали их и гноили в тюрьмах. Сегодня великий день. От Фонтанки[3] до Смольного я не шел, а летел. Не могу описать своей радости. От удара правды разлетелись врата адовы. Поздравляю вас всех с воскресением к новой жизни, свободной. Да здравствует революция! Да здравствует земля и воля!»[4].

В заключение Я. М. Свердлов от имени президиума предложил следующую резолюцию, единогласно принятую собранием:

«Всероссийский центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с Чрезвычайным крестьянским съездом и Петроградским советом подтверждает законы о мире и земле, принятые II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов, а равно закон о рабочем контроле, принятый Всероссийским центральным исполнительным комитетом.

Соединенное заседание ВЦИК и Всероссийского крестьянского съезда выражает твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян—этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых, укрепив завоеванную им государственную власть, примет с своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других более передовых стран и обеспечит таким образом прочную победу делу справедливого мира и делу социализма. Да здравствует революционный союз рабочих, солдат и крестьян!»

М. А. Спиридонова предложила избрать комиссию для составления воззвания к народам с призывом требования мира. В комиссию были избраны тт. И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, М. М. Володарский, Б. Ф. Малкин и Б. Д. Камков.

---

[1] Роман Илларионович Сташков — в 1918 г. член русской мирной делегации Брест-Литовске.

[2] «Новая жизнь» № 12 (176) за 1917 г.

[3] В доме № 6 з ание у училища правоведения) по реке Фонтанке в Петрограде происходил в описываемое время съезд депутатов крестьянских советов и помещалась редакция «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов.

[4] «Правда» № 192.

Аграрный вопрос. Выступление Ленина.

Другим боевым вопросом на крестьянском съезде был вопрос о земле. С аграрным вопросом на съезде связано выступление В. И. Ленина. Ленин два раза выступал на съезде по аграрному вопросу: 14 (27) ноября, в качестве докладчика от фракции большевиков, и 18 ноября (1 декабря) с заключительным словом.

Первым оратором по аграрному вопросу выступил докладчик от фракции левых эсеров Вл. Качинский. Защищаемая им программа представляла собою характерные для левых эсеров колебания, связанные с промежуточностью их позиции между большевиками и правыми эсерами. Он резко критиковал соглашательскую земельную политику Временного правительства, но отмежевывался и от большевиков, отметив ряд имеющихся будто бы ошибок в их аграрной политике. Доводы, выставленные им против большевистской аграрной программы и политики, разделялись и другими ораторами из фракции левых эсеров и были, кстати сказать, очень популярными в антисоветском лагере. Попутно Качинский затронул вопрос об Учредительном собрании и пока еще слабо, но все же вскрыл ту межеумочную позицию левых эсеров в отношении к Учредительному собранию, которая особенно ярко выявилась уже на II Всероссийском крестьянском съезде.

> «Большевики в общем ставили правильно вопрос о земле,— говорил он в своем докладе.—Но, рекомендуя захватывать землю, большевики вредили делу. Надо не захватывать землю, а брать ее организованно, захватывать землю—значит сшибать одну волость с другой. Для большевиков важно было скорее осуществить задачи революции, но большевики не интересовались, как эти задачи будут осуществляться.
>
> ... Мы вступаем во второй период революции. Созывается Учредительное собрание—хозяин земли русской... Но пойдет ли Учредительное собрание вместе с народом по тому пути, на который в последние дни и недели стал народ... Революция будет заставлять Учредительное собрание итти нога в ногу с ней. Всякие попытки соглашательства Учредительного собрания в земельном вопросе будут сорваны революционным движением» [1].

Выступив после Вл. Качинского, Ленин подверг резкой критике аграрную политику партии эсеров, указав, что:

> «...Партия эсеров потерпела крах в земельном вопросе, проповедуя конфискацию помещичьих земель на словах и отказываясь осуществлять ее на деле» [2].

---

[1] «Правда» № 190, за 1917 г.

[2] Ленин, Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 81. Доклад Ленина, как и его заключительное слово приводятся в отрывках по газетным отчетам, перепечатанным в Собр. соч., т. XXII, стр. 81—82, а также в «Записках Института Ленина», кн. II, стр. 60—64.

Ликвидация помещичьего землевладения возможна лишь при разрешении других задач революции и прежде всего должно было быть покончено с политикой соглашения с буржуазией.

Центральное место в речи Ленина составляет критика половинчатости левых эсеров, их двусмысленного отношения к политике соглашения с буржуазией, против которой левые эсеры не выступали своевременно, «ссылаясь на то, что массы недостаточно развиты». Левые эсеры, указывал Ленин, должны прежде всего сами перестать колебаться, отказаться от всякого соглашательства, должны порвать с соглашательскими элементами в своей партии, так как

> «соглашательство—это попытка рабочих, крестьянских и солдатских масс добиться осуществления своих нужд путем реформ, уступок со стороны капитала, без социалистической революции» [1].

Ленин особенно подчеркивал социалистический характер Октябрьской революции.

Он говорил:

> «Задача революции—порвать с соглашательством, а порвать с соглашательством—это значит стать на путь социалистической революции» [2].

Попутно Ленин резко раскритиковал утверждения левых эсеров о невозможности у нас социалистической революции ввиду нашей культурной отсталости. Возражая против подобного маловерия Ленин сказал:

> «если социализм может осуществиться лишь тогда, когда все до конца будут развиты, тогда может быть мы и в пятьсот лет не доживем до социализма» [3].

В связи с высказанными Вл. Качинским надеждами, что Учредительное собрание пойдет по стопам революционного народа, Ленин, вскрывая отсутствие гарантии в подобных расчетах, призывал левых эсеров не плестись в хвосте событий, но активно стоять в авангарде революции и вести за собой массы:

> «что касается Учредительного собрания, то докладчик сказал, что работа Учредительного собрания будет зависеть от настроения в стране, а я скажу: на настроение надейся, а винтовки не забывай» [4].

Останавливаясь затем на обвинениях эсеров, будто большевики изменили своей аграрной программе, списавши ее у эсеров, Ленин заявил, что большевики не изменили своей программы, но лишь положили в основу декрета о земле крестьянские наказы, поскольку

---

1 Ленин, Чрезвычайный съезд советов кестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 81.

2 Там же, стр. 82.

3 «Записки Института Ленина», книга 2, стр. 63.

4 Ленин, Чезвычайный съезд советов крестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 82.

они стремятся сблизиться с низами и поскольку осуществление крестьянских требований возможно лишь в социалистической революции. В заключение Ленин предложил проект резолюции, в основу которой положено как полное одобрение декрета о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г., так и твердое убеждение, что осуществление декрета.

> «возможно только при успехе начавшейся 7 ноября (25 октября) рабочей социалистической революции».
>
> «Поэтому крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 7 ноября (25 октября) и поддерживая ее именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить в жизнь меры социалистического преобразования Российской республики» [1].

В своем заключительном слове по аграрному вопросу 18 ноября (1 декабря) Ленин остановился на беспочвенности претензий левых эсеров на «социалистическое» мировоззрение, которое в действительности у них отсутствует. Между тем прочное социалистическое мировоззрение левых эсеров необходимо прежде всего для тесного союза большевиков и левых эсеров. В основе соглашения левых эсеров с большевиками лежит союз рабочих и крестьян. Это есть честная коалиция, честный союз, но это будет честной коалицией и на верхах, между левыми эсерами и большевиками, если левые эсеры более определенно выскажут свое убеждение в том, что переживаемая нами революция есть революция социалистическая [2].

Условием прочности союза нашего с левыми эсерами является убеждение их в социалистическом характере нашей революции.

> «И только в том случае, когда левые эсеры ясно и недвусмысленно заявят об этом, наш союз с ними будет крепнуть и расти» [3].

Выступление Ленина по вопросу о «социалистическом» мировоззрении левых эсеров явилось выражением большевистской тактики, рассчитанной на разоблачение мнимых «социалистических» позиций левых эсеров. Указывая на отсутствие «социалистического» мировоззрения у левых эсеров, Ленин тем самым подчеркивал оппортунистическую сущность левых эсеров, этих буржуазно-демократических идеологов крестьянства по его определению. Через голову вождей левоэсеровской партии Ленин призывал трудящиеся массы крестьянства порвать с колебаниями левых эсеров и перейти безоговорочно на сторону пролетарской партии, выразив полное доверие и поддержку советам.

---

[1] Ленин, Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 83 — 84.

[2] Там же, стр. 87 — 88.

[3] «Записки Института Ленина», книга 2-я, стр. 64.

Ленин касался отношения большевиков к социализации и заявил, что, несмотря на отрицательное отношение большевиков к социализации земли, они сумеют договориться с левыми эсерами по вопросу о социализации земли и остаться в честном союзе с ними. Если новый, выдвигаемый левыми эсерами министр земледелия проведет закон о социализации земли, большевики не будут голосовать против закона, они воздержатся[1]. На вопрос, заданный Ленину, что будут делать большевики в Учредительном собрании, если левые эсеры будут там в меньшинстве и предложат закон о социализации земли, воздержатся ли тогда большевики, Ленин ответил:

«Большевики будут голосовать за этот закон, оговорившись, что мы голосуем за этот закон, чтобы поддержать крестьян против их врагов»[2].

В заключение своей речи Ленин вновь подчеркнул, что только союзом рабочих и крестьян возможно добиться мира и земли.

Доклад и содоклад по аграрному вопросу возбудили продолжительные и многосторонние прения, которые дополняли доклады о земельных порядках на местах. В результате прений были оглашены резолюции левых эсеров и большевиков, и большинством голосов была принята резолюция левых эсеров, в которую вносились затем поправки по отдельным пунктам.

М. М. Харитонов от имени фракции большевиков заявил, что фракция большевиков будет голосовать в целом за левоэсеровскую резолюцию[3].

В принятой резолюции съезд прежде всего подтвердил постановление I Всероссийского крестьянского съезда о переходе земли в общенародное достояние для уравнительного трудового пользования без всякого выкупа.

Съезд присоединился также к постановлению II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов об уничтожении частной собственности за землю, отмечая попутно, что

«Закон о земле в окончательной форме должен быть издан Всенародным учредительным собранием»[4].

Несмотря на эту оговорку, съезд высказался за немедленное проведение в жизнь декрета о земле, указывая, что

«новое народное социалистическое правительство должно принять все меры к практическому осуществлению перехода всей указанной земли и инвентаря в распоряжение демократизированных земельных комитетов и к снабжению последних

---

1 «Записки Института Ленина», книга 2-я, стр. 64.
2 Там же.
3 «Известия ВЦИК» № 231.
4 «Резолюции Чрезвычайного и II съездов советов крестьянских депутатов», стр. 10 – 11.

низации от вмешательства большевистской власти. Докладчик С. С. Зак выставлял вместо рабочего контроля народный контроль над производством и распределением. Надо, мол, наладить народную организацию хозяйства, и тогда мы справимся с продовольственной разрухой[1]. В одном только докладчики сходились—в необходимости привлечения к продовольственному делу крестьянских советов, которые и должны дать хлеб. В прениях еще указывалось на засилье в продовольственных комитетах купцов, на необходимость понижения цен на хлеб как меры, невыгодной только кулакам. В заключении обсуждения четырех резолюций за основу была принята резолюция В. М. Левина, которая и была сдана в комиссию для окончательной разработки и внесения ряда поправок.

7. Фракционная борьба на Чрезвычайном съезде.

На протяжении всего хода работы съезда велась ожесточенная фракционная борьба между большевиками и левыми эсерами, с одной стороны, с правыми эсерами во главе с Исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов—с другой. Далеко не всегда сохранялся общий фронт левых эсеров с большевиками, и по отдельным вопросам порой вспыхивала фракционная борьба между теми и другими. Фракционная борьба велась главным образом по линии борьбы между левым крылом съезда (большевики и левые эсеры) и правыми эсерами, и она началась еще со времени выборов президиума съезда. Правые уже тогда угрожали расколом путем своего демонстративного ухода. В дальнейшем ходе работы съезда происходили продолжительные отклонения в сторону от намеченного порядка работы съезда, вызывавшиеся тактикой правых.

В самом же начале работы съезда, 12 (25) ноября, возник инцидент или, правильнее сказать, ряд инцидентов, связанных с возвращением правых на съезд. Этот инцидент на время прервал деловую работу съезда, что было одним из приемов саботажа со стороны правых эсеров. Председатель, как сообщается в официальном отчете в «Известиях ЦИК», заявил о возвращении на съезд группы эсеров центра во главе с В. М. Черновым для совместной работы и предложил дать Чернову слово вне очереди. Чернов отказался однако от внеочередного слова, пожелав пока ознакомиться с настроением съезда. Через некоторое время председатель предложил выбрать Чернова почетным председателем съезда (раздались возгласы: «не надо» и «просим»)[2].

В этой встрече Чернова левыми эсерами проявилась и уступ-

[1] «Знамя труда» № 82, 1917 г.
[2] «Известия ВЦИК» № 225.

чивость левых эсеров по отношению к правым и сохранившаяся еще идейная связь с ними. Обаяние старых вождей, хотя и замешанных в контрреволюционных выступлениях, еще не исчезло в среде левых эсеров и доходило до редкой предупредительности перед ними. Недоставало им только с овацией встретить Чернова.

Большевистская фракция дала резкую отповедь Чернову и выразила категорический протест против избрания почетным председателем человека, который разогнал финляндский сейм. Попутно представитель фракции большевиков обратился особо к левым эсерам и требовал от них порвать с оборонцами и дать категорический ответ, на каком фронте остаются они: «с нами, с революционными рабочими, солдатами и крестьянами, или против» [1].

После перерыва фракция левых эсеров заявила об отказе своем от поддержки кандидатуры Чернова в почетные председатели, «ввиду неопределенности для съезда позиции товарища Чернова, за последнее время занятой им в настоящем конфликте, разделившем все социалистические партии». Вместе с тем фракция заявила, что «она находит неосторожным заявление представителя большевиков, основанное на слухах и газетных сообщениях» [2]. Таким образом для левых эсеров не очевидны еще были контрреволюционные дела Чернова.

Перед голосованием предложения о почетном председательствовании Чернова возник новый инцидент.

Всплыл вопрос о предоставлении голоса—решающего или совещательного—членам старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов и большинством 155 голосов против 137 было принято предложение о предоставлении им совещательного голоса, если только нет у них специальных мандатов на данный съезд. Спустя некоторое время, на том же заседании В. Я. Гуревич от имени Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов огласил резолюцию об уходе Исполкома с данного съезда, ввиду решения съезда лишить его членов решающего голоса. Это по счету был второй уход правых со съезда.

Но еще до самого этого ухода правых, непосредственно после голосования о правомочиях членов Исполкома, по инициативе правых возник еще один инцидент, вызвавший также перерыв в работе съезда. Член ЦИК советов крестьянских депутатов правый эсер Н. Я. Быховский [3] огласил угрожающую телеграмму союзных держав об отозвании своих представителей из Ставки верховного главнокомандующего. В этой телеграмме указывалось, что Россия-де нарушает теперь договоры 1914 г., и это приведет к тяжким последствиям для нее.

---

[1] «Известия ВЦИК» № 228 за 1917 г.
[2] «Знамя труда» № 72 от 15 ноября 1917 г.
[3] Редактор «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов».

В зале поднимается шум, раздались крики возмущения против этой угрозы. Был объявлен перерыв. После возобновления заседания президиум предложил немедленно приступить к решению вопроса о власти.

Собрание наконец получило возможность приступить к окончательному обсуждению этого вопроса.

Уход правых был очень кратковременный. После того как непоследовательные левые эсеры на другой же день поспешили вернуть право решающего голоса членам Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов правые немедленно возвратились на съезд, правда, с разными оговорками.

14 (27) же ноября они сделали новую вылазку против большинства, во время чтения телеграммы верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о заключенном перемирии на фронте. Сообщение об этом вызвало гром аплодисментов. Большинство делегатов приподнялось со своих мест и продолжало стоя аплодировать. Раздались возгласы: «Да здравствует всеобщий мир! Да здравствует Интернационал! Да здравствуют большевики!»[1]. Во время всеобщего радостного оживления в зале поднялся сильный шум, вызванный демонстративным уходом правых со съезда. Это был уже третий, по счету, уход правых со съезда.

Вокруг телеграммы Крыленко создался еще новый инцидент, вызванный неустойчивой позицией левых эсеров в вопросе о мире, как и в остальных принципиальных вопросах. По окончании шумных оваций большевистская фракция предложила послать Крыленко приветственную телеграмму от имени Всероссийского съезда крестьянских депутатов за решительные действия в пользу заключения мира. Председательствовавший левый эсер А. М. Устинов высказался против посылки такой телеграммы на том, мол, основании, что, с одной стороны, неизвестно еще о каком перемирии идет речь, с другой стороны, прапорщик Н. В. Крыленко не был уполномочен Центральным исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов на заключение перемирия. Предложение большевиков было провалено.

Раскольничья тактика правых эсеров не ограничилась одними уходами со съезда. Убедившись в полном крахе своих попыток руководства съездом, а также попыток взорвать его изнутри, они организовали после второго своего ухода особое совещание представителей губернских комитетов и армий. Совещание оформилось и организационно, избрав Чернова почетным председателем.

«Лидеры» крестьянства пытались противопоставить свое совещание Чрезвычайному съезду. Поэтому они обсуждали на совещании те же вопросы, что обсуждались и на съезде. Особо стоял доклад о власти, который и сделан был Черновым.

---

1 «Знамя труда» № 73, «Известия ЦИК» № 227 за 1917 г.

Пытаясь подорвать доверие крестьянства к Чрезвычайному съезду, черновцы обратились с особыми воззваниями к крестьянству, в которых, излагая причины происшедшего раскола, призывали крестьянство противодействовать «подтасованному крестьянскому съезду, созданному большевиками и так называемыми левыми эсерами». От имени Чернова как почетного председателя совещания, была разослана на места телеграмма о том, что Чрезвычайный съезд, созванный левыми эсерами и большевиками, является незаконным. О политической физиономии совещания можно судить хотя бы из того, что на нем обстоятельно обсуждалось предложение организовать боевые дружины для защиты Учредительного собрания.

Смешны были претензии этой кучки делегатов, вместе с Исполнительным комитетом не превосходившей сотни человек, противопоставить себя Чрезвычайному съезду с его 536 полномочными делегатами. Даже соглашательная печать прошла мимо этого совещания, настолько ублюдочной казалась сама идея создания совещания в противовес полномочному съезду.

Раскольничья тактика облегчила правым эсерам вести контрреволюционную работу. Отдельно от Чрезвычайного съезда они вели работу по подготовке II съезда советов крестьянских депутатов.

Фактически черновцы все время не порывали связи с Чрезвычайным крестьянским съездом и, действуя на колеблющихся левых эсеров, пытались каждый раз дезорганизовать работу съезда. Вернувшись весьма скоро на съезд после третьего ухода с него, они подняли теперь вопрос о допущении старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов в мандатную и разные другие комиссии по созыву II Всероссийского крестьянского съезда. Этот съезд первый стал созывать Авксентьевский Исполком из числа делегатов, опоздавших на Чрезвычайный съезд, и новых делегатов, уже специально созывавшихся на II крестьянском съезде. Самый факт признания созыва нового съезда был уже уступкой со стороны левых эсеров. Им оставалось тогда только вырвать инициативу созыва съезда из рук правых, что они и сделали, но новым проявлением соглашательств явилось согласие левых эсеров на включение в мандатную комиссию старого Исполкома. Эта уступка шла притом в разрез с накануне принятым постановлением съезда о переходе полномочий старого Исполнительного комитета Чрезвычайному съезду. Большевикам удалось внести лишь поправки к принятому предложению о том, что право вхождения в мандатную комиссию признается за теми членами Исполкома, которые получили мандат от съездовской мандатной комиссии и кто признавал настоящий Чрезвычайный съезд правомочным.

На другой день 17 (30) ноября, правые эсеры сделали попытку практически использовать дарованные права, пользуясь уходом большевиков и левых эсеров на фракционное заседание. Во

главе с Исполнительным комитетом старого созыва они пытались провести ряд новых положений относительно созывающегося на 25 ноября (8 декабря) крестьянского съезда, как например то, что приглашение на съезд должно исходить и от старого Исполкома и от специально уполномоченных на то Чрезвычайным съездом. Если бы это предложение было проведено на практике то оно могло бы значительно усилить влияние Авксентьевского исполкома на подбор нового состава крестьянского съезда.

Фракционная борьба на съезде не приняла открытых классовых форм. Классовая линия весьма слабо выявилась на съезде.

Объяснить это можно только тем, что Исполнительному комитету советов крестьянских депутатов и правым эсерам политически невыгодно было еще выявлять классовые интересы кулаков или даже зажиточных крестьян, интересы которых они выражали в действительности. На съезде впрочем часто раздавались сетования на классовую борьбу в деревне. С другой стороны, на самом съезде стала нарицательной кличка: «авксентьевские мужики», которая обозначала зажиточных мужиков. В свою очередь правые называли левонастроенных делегатов-крестьян «смольными землеробами».

Левые эсеры своими колебаниями на съезде обнаружили свою классовую сущность. Энергичный отпор соглашательским иллюзиям левых эсеров и их колебаниям давала большевистская фракция, возглавляемая М. Харитоновым и руководимая Лениным.

Относительно Зиновьева следует отметить, что он занимал оппортунистическую позицию в борьбе фракции с соглашательством левых эсеров. Это проявилось в соглашательской политике, которую он вел вне Чрезвычайного крестьянского съезда, и на самом съезде по вопросу о создании коалиционной социалистической власти. Эта политика являлась продолжением каменевско-зиновьевской линии соглашательства и штрейкбрехерства перед Октябрем. Зиновьев лично принимал большое участие в переговорах о соглашении с «социалистическими» партиями—меньшевиками и эсерами по вопросу о создании власти, оппортунистически толкуя линию партии в этом вопросе.

Он считал нужным, как мы видели, на одном из заседаний съезда (12 ноября) оправдываться от обвинений в непримиримости к мелкобуржуазным партиям и выражал косвенно сожаление о неудачных результатах переговоров о власти, которые велись еще до съезда [1].

Соглашение о власти, принятое съездом после продолжительной борьбы большевиков с соглашательскими иллюзиями левых эсеров, далеко не было удовлетворительным с точки зрения общепартийной установки. Достаточно указать хотя бы на пункт соглашения об организации власти из всех социалистических партий—от народных

[1] Смотри об этом выше, на стр. 188.

Пытаясь до-большевиков включительно. Чисто эсеровского характера было также требование паритетного представительства от Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов и Исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов. Вместо тактики союза рабочих с крестьянами эсеровские «друзья» крестьянства били на противопоставление тех и других и требовали отсюда «равноправия» крестьянства с рабочим классом, понимая под этим освобождение основных крестьянских масс от идеологического руководства пролетариата.

Между тем Зиновьев был в восторге от условий соглашения, и свой доклад о достигнутом соглашении на торжественном объединенном заседании ВЦИК и крестьянского съезда он закончил очень лестной положительной оценкой заключенного соглашения [1].

Несмотря на подобные прорывы соглашательства у Зиновьева, большевистская фракция в целом под общим руководством ЦК партии во главе с Лениным вела выдержанную революционную линию, направляя главный свой удар против правых эсеров и всячески стремясь оторвать от них левых эсеров и в особенности рядовых левоэсеровских делегатов.

8. Тактика Ленина на Чрезвычайном съезде.

Как и на I Всероссийском крестьянском съезде, Ленин принимал непосредственное участие в работах Чрезвычайного съезда. Ленин выступал четыре раза на съезде, и все его выступления были связаны с борьбой с соглашательством как правых, так и левых эсеров. Своей выдержанной тактикой Ленин производил все больше впечатления на съезд и шаг за шагом вырывал его большинство из-под власти эсеров и соглашательского угара. Каждое его выступление укрепляло большевистское влияние в крестьянской массе делегатов.

Заключительное слово Ленина по аграрному вопросу собрание слушало с напряженным вниманием, награждая оратора аплодисментами [2]. Вообще прием, оказанный В. И. Ленину 18 ноября (1 декабря), отличался от приема 14 (27) ноября, когда он выступил с докладом. Сообщение Ленина о происшедшем смещении генерала Н. Н. Духонина и о назначении верховным главнокомандующим Н. В. Крыленко вызвало в первом выступлении Ленина иронический смех на скамьях правых партий.

Не ограничившись заключительным словом, Ленин выступал в тот же день (18 ноября) еще два раза по злободневному политическому вопросу, связанному с антисоветской выходкой «нейтрального» Викжеля. Когда Ставка верховного главнокомандующего во главе с генералом Н. Н. Духониным отказалась подчиниться приказу о начале мировых переговоров и стала со-

[1] Смотри об этом выше, на стр. 192—193.
[2] «Известия ВЦИК» № 230 за 1917 г.

бирать силы вокруг контрреволюционного общеармейского комитета, Викжель выступил с ультиматумом, требуя от ВЦИК, с одной стороны, приостановить всякую подготовку военно-оперативного характера против войск общеармейского комитета Ставки, с другой—прекратить насилия над железнодорожниками, производившиеся будто бы эшелонами Н. В. Крыленко при его продвижении к Могилеву, к месту Ставки.

Своим ультиматумом Викжель пытался, если не удалось бы помешать ликвидации Ставки Духонина, то хотя бы морально ослабить авторитет советской власти. Свой ультиматум Викжель направил в ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, а на крестьянском съезде представитель Викжеля М. Крушинский, оглашая ультиматум, рассчитывал, что крестьянский съезд поддержит своим авторитетом требования Викжеля.

Ленин вскрыл ложь, на которой был основан ультиматум Викжеля. Последний обвинял большевиков в разжигании гражданской войны как раз в то время, когда союзники соглашались будто бы на заключение с Россией отдельного перемирия.

Ленин указывал на несостоятельность надежд на миролюбие Ставки Духонина и на подозрительность переговоров империалистов со Ставкой.

> «Почему мне и Троцкому, комиссару по иностранным делам, ничего не известно о согласии союзников на перемирие. Мы хотим общего перемирия, мы обращаемся к рабочим Англии и Франции, а в то же время французские и английские империалисты и миллиардеры ведут какие-то переговоры с бывшей Ставкой Духонина, царских генералов—помещиков. Правительство Керенского свергнуто, а Ставка ведет переговоры с империалистами Запада»[1].

По поводу упреков в разжигании гражданской войны Ленин отметил, что в этом повинны во всяком случае не те, кто ведет борьбу с Духониным, который выступил против власти рабочих и крестьян:

> «На мельницу гражданской войны льют воду те, которые идут на соглашение с Духониным»[2].

Политика колебаний только поддерживает и разжигает гражданскую войну:

> «Колебания здесь только вредны. Они только ослабляют власть советов, они показывают, что будто бы кто-то стоит за Духониным и помещиками.
>
> Пролития же братской крови бояться нечего, так как ни один солдат не решится бороться против своей советской власти»[3].

---

1 «Знамя труда» № 76.
2 Там же.
3 «Записки Института Ленина», кн. 2-я, стр. 65.

Выступление Ленина произвело большое впечатление на делегатов съезда. Крушинский потерял почву под ногами. Он произнес демагогическую речь, в которой прикидывался защитником тех

> «крестьян и рабочих, одетых в серые шинели, которые идут за Общеармейским комитетом и будут расстреливаться эшелонами Крыленко».

Съезд открыл прения по предложению Викжеля и дал слово двум ораторам за предложение Викжеля и двум против. Правый эсер Щадилов требовал «прекращения братоубийства, затеваемого Военно-революционным комитетом». Левый эсер Феофилактов высказался против переговоров со Ставкой. М. Крушинский еще раз выступил с речью о примиренческих заслугах Викжеля, с одной стороны, и о нарушениях большевистским правительством условий соглашения с партиями и Викжелем, с другой.

С ответом вновь выступил Ленин. Его речь имела глубоко принципиальное значение, так как освещала тактику большевиков в отношении гражданской войны. Возражая против всех обвинений Крушинского и доказывая их полную несостоятельность, Ленин одновременно категорически заявил, что большевики ни под каким видом не отказываются от шагов, которые могли бы предотвратить вооруженное столкновение.

> «У нас не может быть колебаний, но никогда еще не было случая, чтобы революционные солдаты, матросы и красногвардейцы не делали попыток избегнуть кровопролития. Так будет и сейчас со Ставкой»[1].

Свое заявление Ленин немедленно привел в исполнение. По окончании прений председательствовавший А. М. Устинов от имени президиума предложил резолюцию «О движении войск с прапорщиком Крыленко на Ставку»:

> «В случае подтверждения фактов, сообщенных Викжелем о положении дел в Ставке и о движении войск для арестования Ставки—Всероссийский чрезвычайный съезд крестьянских депутатов посылает делегацию в Смольный институт для того, чтобы через посредство Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совет народных комиссаров добиться принятия мер, которые осуществили бы сдачу позиций Ставкой без кровопролития и возобновления гражданской войны»[2].

Ленин от имени фракции большевиков присоединился к этой резолюции. Вынужден был к ней присоединиться и представитель Викжеля. Резолюция была принята всеми против одного при бурных аплодисментах всего зала.

---

[1] Вторая речь Ленина дается нами исключительно по «Знамени труда» № 76. Об этой речи ошибочно сказано в «Записках Института Ленина» (кн. 2-я, стр. 60), будто о ней не было хроникерских заметок в печати.

[2] «Известия Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда» № 1.

Своей тактикой Ленин вскрыл всю хитросплетенную сеть антисоветских замыслов Викжеля и показал, что большевики, отстаивая завоевания революции, ничуть не «грозят гражданской войной», и опроверг таким образом клеветнические обвинения викжельцев и черновцев в «разжигании» большевиками гражданской войны.

В своей последней речи Ленин назвал позицию Викжеля не нейтралитетом, а подстрекательством генералов к выступлению против советского правительства. Тем не менее и такое резкое заявление Ленина было встречено аплодисментами собрания. Точно так же и другое заявление Ленина—по адресу самого Н. Н. Духонина—вызвало теперь одобрение:

> «Генералу Духонину только то и нужно, чтобы отсрочить перемирие. Способствуя ему, вы срываете перемирие. Подумайте, какая тяжелая ответственность падает на вас и как к вам отнесется народ» [1].

В результате прений по возбужденному Крушинским вопросу съезд не только не выразил осуждения мерам Совнаркома, как этого добивался Крушинский, но, напротив, поддержал большевиков [2].

Выступления Ленина на съезде начались во враждебной обстановке, отдельные его заявления встречались в начале иронически и были моменты на собрании, когда Ленину не давали говорить. А под конец заявления и речи Ленина стали встречать в общем теплый прием и закончились даже торжественным моментом единодушного голосования резолюции.

В этом высказалась поразительная тактика Ленина, этого величайшего организатора масс, тактика, основанная на уменье подходить к массам и на понимании масс. Политическим воспитанием делегатов съезда Ленин все больше подводил их к революционным позициям.

Одно из важнейших условий этой тактики—увязывание отдельных вопросов с общими принципиальными вопросами. Только обывательская соглашательская «Новая жизнь» не могла понять, почему центральным местом в речах Ленина по аграрному вопросу являлось расхождение большевиков с левыми эсерами по вопросу об оценке Октябрьской революции.

Точно так же отдельный частный инцидент с ультиматумом Викжеля Ленин связал с вопросом о власти, с неискренней и по существу контрреволюционной политикой викжельцев и идущих вместе с ними соглашателей.

В своих выступлениях Ленин предусматривал всякую мелочь, которая могла бы создать обстановку доверия между оратором и вначале настроенной нейтрально или даже враждебно к нему аудиторией. Спокойствием, выдержкой, разоблачением соглаша-

---

1 «Известия ВЦИК» № 230.
2 «Правда» № 195.

тельства врагов и неустойчивых «друзей», деловыми ответами на демагогию врагов Ленин шаг за шагом завоевывал рядовую делегатскую массу съезда на сторону советской власти.

9. Итоги и общеполитическое значение Чрезвычайного съезда.

Последний день съезда был 25 ноября (8 декабря). На вечернем заседании заслушан был доклад С. Д. Мстиславского, члена делегации, ездившей для переговоров о перемирии на фронт, а также обсуждался порядок дня и открытие II Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов. Постановлено было, что открывает этот съезд президиум Чрезвычайного съезда; затем—все делегаты Чрезвычайного съезда входят во II съезд, с ним сливается Чрезвычайный съезд, который и прекращает свое существование на последнем своем заседании 25 ноября (8 декабря).

Надо отметить огромное политическое значение признания съездом Совета народных комиссаров, выразившееся в факте объединения советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Такое же принципиально важное значение имело признание съездом большевистского правительства народным и социалистическим правительством. Затем последовал ряд практических шагов съезда, вытекавших из факта признания советской власти: съезд избрал единодушно под аплодисменты новым комиссаром земледелия левого эсера А. Л. Калегаева, который согласился занять этот пост лишь с одобрения съезда. Непосредственно последовало потом, по предложению Калегаева, избрание особой делегации в 15 человек из среды съезда для образования коллегии при комиссариате земледелия.

17/30 ноября левые эсеры сделали дальнейшие выводы из факта своего признания Совета народных комиссаров. По соглашению с ними в этот день были введены следующие изменения в состав Совета народных комиссаров: 1) комиссариат земледелия передается партии левых эсеров; 2) во все коллегии при Совете народных комиссаров левые эсеры вводят своего представителя и 3) в комиссариат земледелия большевики вводят своего представителя[1].

Чрезвычайный съезд связал себя с советской властью и одобрил ее важнейшие политические и социальные мероприятия. Он избрал делегацию в комиссию для ведения мирных переговоров, он одобрил действия Совнаркома против Ставки и генерала Н. Н. Духонина.

Съезд начал с отказа выслушать доклад Совнаркома, с разных политических нелепых заявлений, вроде заявления левого эсера

[1] Протоколы заседаний ВЦИК второго созыва, стр. 71.

Г. М. Иващенко о том, что «у нас не социальная революция, а социальная разруха», или заявления другого левого эсера Венедиктова о том, что «крестьянство бесцеремонно сбрасывается со счетов истории ленинцами». Еще 18 ноября (1 декабря) в принятой резолюции «О движении войск с прапорщиком Крыленко на Ставку» проявляется отрыжка этого двойственного отношения к советской власти. Характерно это подчеркивание в речах и резолюции названия «прапорщик» в отношении Н. В. Крыленко и полное отсутствие именования его верховным главнокомандующим, хотя Крыленко был назначен главковерхом еще 9/22 ноября.

Несмотря на все эти колебания, за время своей работы съезд безусловно политически вырос. Ленин называет левым Чрезвычайный крестьянский съезд [1]. Огромную работу в этом отношении проделала численно небольшая большевистская фракция в 45 человек.

Огромное значение имело объединение крестьянского ЦИК с ВЦИК рабочих и солдатских депутатов. Представитель Викжеля еще в начале работы съезда заявил, что Викжель будет участвовать во ВЦИК, если делегаты-крестьяне пойдут в него. После объединения вынуждены были войти во ВЦИК и формально признать таким образом советскую власть представители таких мелкобуржуазных партий, как например меньшевики-объединенцы. День торжественного объединения советов стал действительно историческим днем,—прекратились отныне всякие попытки соглашательства с несоветскими партиями. Вынужденное, хотя и под усиленным нажимом большевиков, признание левыми эсерами советского правительства послужило значительной поддержкой большевикам в обстановке обостренной гражданской войны, которая уже начала разворачиваться.

Объединение ВЦИК рабочих и солдатских депутатов с крестьянским ВЦИК, как и слияние советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов, происходившие в это время сплошь и рядом и на местах, служили вместе с тем признаком все усиливающегося полевения широких трудящихся крестьянских масс, под влиянием которого левоэсеровские депутаты становились на советскую платформу. Эти же объединения имели в свою очередь чрезвычайно важные последствия в области взаимоотношений пролетариата и крестьянства, ускоряя поворот середняка на сторону советской власти.

---

[1] Ленин, Доклад о праве отзыва, Соч., т. XXII, стр. 97. О Чрезвычайном съезде здесь говорится как о «левом втором («втором» по счету.—*М. Г.*) крестьянском съезде».

ГЛАВА VI.

II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ.

1. Общие условия работы II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Тактика правых эсеров на съезде. Левое крыло съезда. 2. Классовая борьба на съезде. 3. Открытие съезда. Начало саботажа правых. 4. Деятельность Исполкома первого созыва перед судом съезда. Выборы нового Исполкома. 5. Вопрос об Учредительном собрании. Выступление Ленина. 6. Проблема мира. 7. Аграрный и продовольственный вопросы. 8. Делегации на съезде. 9. Раскол съезда и попытки к объединению. 10. Отколовшиеся правые. 11. Воззвание Ленина к крестьянству. 12. Закрытие съезда и его практическое значение.

1. Общие условия работы II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Тактика правых эсеров на съезде. Левое крыло съезда.

На II Крестьянском съезде мы видим уже другую картину борьбы фракций, нежели на Чрезвычайном. Если на Чрезвычайном съезде большевикам приходилось бороться за оформление самого левоэсерства, ускорять его откол от правых эсеров, то на II Крестьянском съезде мы видим уже не борьбу за левых эсеров со стороны большевиков или черновцев, но, напротив, вполне выявившуюся уже, вполне определившуюся борьбу между левыми эсерами и большевиками, с одной стороны, и черновцами и авксентьевцами—с другой. Несомненно прогресс проявился, если не в политическом самосознании левых эсеров в лице их лидеров, то во всяком случае в лице тех делегатов-крестьян, которые шли за левыми эсерами.

Если острием борьбы, основным вопросом Чрезвычайного съезда был вопрос о власти, то таким вопросом на II крестьянском съезде был вопрос об Учредительном собрании. В конечном счете это был тот же вопрос о власти, но он принял теперь другую конкретную форму—превратился в вопрос защиты Учредительного собрания. Раньше мелкобуржуазные партии группировались вокруг лозунга «единой революционной демократии», теперь они стали группироваться вокруг лозунга—«вся власть Учредительному

собранию», который с ходом событий становился все более и более лозунгом сплочения контрреволюционных сил.

Другим боевым вопросом на II крестьянском съезде стал вопрос о войне и мире, поскольку то или иное разрешение этого вопроса связывалось с перспективами дальнейшего существования советской власти.

Всю работу съезда пронизывала острая борьба правых эсеров с большевиками и левыми эсерами, создававшая ряд тяжелых инцидентов, прерывавших работу. Каждый день грозил новыми осложнениями, пока наконец правые не довели дело до открытого раскола и не образовали свой самостоятельный съезд.

В первые дни работы съезда правые эсеры не шли на открытый раскол, надеясь повести съезд за собой. Лишь когда все их надежды пошли прахом, после 9-дневной совместной работы[1], правое крыло ушло со съезда и организовало свой съезд, который и стал называться—«II Всероссийский крестьянский съезд» (часть, стоявшая на платформе «вся власть Учредительному собранию»).

Тактика правых на этом съезде как будто отличалась от тактики на Чрезвычайном съезде, поскольку последний они только дезавуировали, дезорганизовали его работу. Они, правда, делали попытки к расколу и на Чрезвычайном съезде. Даже образовали здесь свое особое совещание. Но малочисленность сил, полная изоляция от крестьянских масс делали настолько неактуальным совещание, что правые сами всерьез не считались со своим центром, беспрерывно навещали съезд и ограничивались одними только попытками дезорганизации его работы. На II съезде они были в гораздо большем количестве. Вот почему, если на Чрезвычайном съезде правые ограничивались одной тактикой саботажа работы, то на II съезде они могли прибегнуть сверх того к открытому расколу. Тактика борьбы осталась на съезде старая, содержание и приемы борьбы изменились.

Приспособление правых к новым условиям выразилось в том знаменательном факте, что все выступления правых происходили теперь, как правило, под флагом просто эсеров, без разделения на эсеров центра и правых эсеров. Обычно выступали одни эсеры центра и как зарегистрированная фракция правых фигурировали на съезде одни эсеры центра. Лишь в особых случаях говорили они и от лица правых эсеров. Хотя по существу не было принципиальных различий между правыми эсерами и эсерами центра, но характерно почти полное стушевывание первых и представительство правого эсерства эсерами центра, формально как будто

---

[1] В декларации правых об уходе со съезда говорится о 10-дневной совместной работе. Очевидно счет ведется с 25 ноября ст. ст., когда съезд формально должен был открыться и на каковое число были выданы мандаты В действительности съезд открылся 26 ноября ст. ст.

более левым, чем правые. Правые превратились в «центр» (на некоторое время) и обижались, когда их называли правыми. В таких случаях они гордо заявляли: «Мы—центр»[1].

Лидеры правых сделали ряд конкретных выводов из создавшегося положения. Советская власть как-никак уже установилась. Если авксентьевский Исполком не соглашался прежде ни под каким видом на однородную социалистическую власть и стоял за немедленное низвержение советской власти, теперь уже лидеры Исполкома и вообще правые эсеры формально изменили свою ориентацию. В. М. Чернов на Чрезвычайном крестьянском съезде выступил только с оправданием прежней тактики эсеров, но не защищал ее теперь, оправдывая ее тем, что «массы нуждались в предметном уроке», чтобы разочароваться в коалиции с буржуазией.

Правые эсеры, точнее, эсеры центра, признали уже однородную социалистическую власть с участием большевиков: они—надолго ли только—целиком отвергли коалицию с буржуазией. Считаясь уже с месячным существованием советской власти, черновцы не выдвигали теперь лозунга непосредственной борьбы с советами, а боролись, по их заявлениям, лишь с насилием «диктатуры» одной партии, диктатуры «Смольного института», и выдвигали основной лозунг—«вся власть Учредительному собранию» с сохранением советов как политического органа.

В действительности под видом передачи всей власти Учредительному собранию они подготовляли массы к открытой борьбе с советской властью.

В эпоху керенщины правые эсеры не возражали, даже сами содействовали всяческому откладыванию Учредительного собрания. В дни, описываемые нами, малейшее промедление в его созыве служило для них предлогом к борьбе с советской властью. Правые эсеры пытались организовать из Всероссийского крестьянского съезда аванпост в борьбе за Учредительное собрание.

Саботаж советской власти, рядом с открытой вооруженной борьбой против нее на Украине и на Юге, должен был служить прикрытием этой борьбы. Дискредитация советской власти должна была оправдать самый саботаж, популяризовать его в широких массах населения. Тактика правых на крестьянском съезде сводилась к тому, чтобы показать, как выразился В. М. Чернов, что советское правительство «саботирует все крестьянство», что это «власть насильническая, держащаяся на штыках». Вчерашние сотрудники А. Ф. Керенского, которые уже в июле 1917 г. «оказались фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества» (Ленин), обвиняли большевистскую власть

[1] М. Х., Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253, от 16 декабря 1917 г.

в произволе и насилиях. Между тем правые эсеры [illegible] еще недавно сквозь пальцы смотрели, как сажали в тюрьмы и расстреливали на фронтах революционных солдат, как правительство эсера Керенского расправлялось с крестьянами,—примерно до 2 тыс. крестьян, членов земельных комитетов, было арестовано (как об этом говорилось на съезде),—как произвол и насилие судов Керенского достигали таких размеров, что в одной из западных губерний военно-революционный суд мог приговорить солдата к смертной казни за кражу яблок в помещичьем саду.

«Большевистский террор»—это была одна из удочек, на которую эсеры и меньшевики пытались поймать крестьянство. Другим приемом в их тактике было доказать несостоятельность советской власти. «Советская власть существует уже целый месяц, а результатов никаких»—таков был лейтмотив многих ораторов эсеров на II съезде. «Захватывая власть, насильники обещали мир, хлеб, землю, свободу. Вместо мира они затягивают войну. Правда, они вступили в сепаратные переговоры с германскими и австрийскими генералами и дипломатами, но зато нависает новая война с союзниками. Они затеяли братоубийственную войну с украинским народом, вся Россия пылает в огне гражданской войны. Большевики не в состоянии дать и землю народу. Они только могли списать эсеровскую аграрную программу и то с орфографическими ошибками»,—так говорили эсеры.

«Земельная политика большевиков только натравляет одну волость на другую, но земли дать не может»,—кричали черновцы.

Для демагогии правых в особенности важно было дискредитировать успешность мирных переговоров советской власти. Крестьянство было истерзано империалистической войной, и вопрос о прекращении войны был самым жгучим для крестьянских масс.

С самого начала работы съезда авксентьевцы и черновцы делали попытки к расколу съезда. Они ждали только подходящего повода для раскола, выбирали момент, когда могли бы с твердой уверенностью в своем большинстве повести за собою своих сторонников на раскол и объявить себя полноправным съездом.

Они выбрали момент для раскола обсуждение вопроса об Учредительном собрании, поскольку политика советского правительства в отношении Учредительного собрания не вызывала сочувствия среди части левых эсеров и беспартийных. Правые рассчитывали получить наибольшее количество голосов при обсуждении своей резолюции об Учредительном собрании. Но они были против постановки и обсуждения отчета старого Исполнительного комитета, деятельность которого вызывала резкое осуждение со стороны большинства делегатов съезда.

В этих целях они всячески тормозили начало деловой работы съезда путем внесения всевозможных внеочередных заявлений, запросов, приветствий и т. д. Когда же большинством голосов

было решено поставить доклад Исполнительного комитета, они продолжали ту же тактику саботажа деловой работы съезда, и внесением внеочередного запроса об арестах членов Учредительного собрания правые фактически сняли отчет с повестки дня в середине его обсуждения.

С другой стороны, правые стремились организовать раскол до голосования съездом резолюции о войне и мире, с тем чтобы вырвать инициативу у левых в вопросе ликвидации войны.

Если тактика правых получила новые формы и новое содержание на II крестьянском съезде сравнительно с Чрезвычайным съездом, то общая картина внутрипартийной борьбы имела теперь более устойчивый, оформленный характер, борьбы между двумя крыльями съезда, направленной притом по другой линии фронта.

На Чрезвычайном крестьянском съезде левые эсеры отвергли предложение большевистской фракции выслушать доклад Совета народных комиссаров, на II крестьянском съезде сами левые эсеры, по инициативе, правда, большевистской фракции, выступили с предложением заслушать объяснение представителя Совета народных комиссаров о мерах по отношению к членам Учредительного собрания. Здесь это предложение было отвергнуто правыми, как на Чрезвычайном съезде—левыми эсерами. Левые эсеры выступали неоднократно на II крестьянском съезде с защитой советской власти от нападок правых.

Но при общем фронте с большевиками левые эсеры попрежнему проявляли характерные для них колебания. Это обнаружилось во время манифестации правых в честь Учредительного собрания, в которой приняла участие и часть левых эсеров. В отношении к Учредительному собранию левые эсеры усвоили половинчатую позицию: они за Учредительное собрание, идущее с народом, и они против Учредительного собрания, расходящегося с волей народа. Левые эсеры, правда, не фетишизировали Учредительного собрания—и в этом уже был большой шаг вперед,—но и не давали определенного ответа, что делать с Учредительным собранием, идущим против советов. Сама формула левых эсеров об Учредительном собрании, расходящемся с волей народа, тоже была не ясна. Понятие «воля народа» было довольно расплывчатое.

На Чрезвычайном съезде левые эсеры неоднократно подчеркивали нерушимость авторитета Учредительного собрания. Возможность роспуска Учредительного собрания казалась им тогда неслыханной ересью: «иные анархиствующие из большевиков,—заявляли они в своей печати,—договариваются до разгона Учредительного собрания, если произойдет «ошибка» и состав Учредительного собрания не будет соответствовать большевистскому пред-

ставлению о «суверенном собрании»[1]. Недалеко ушли левые эсеры от этих взглядов и на II крестьянском съезде.

Расплывчатость позиции левых эсеров проявлялась в их попытках совместить народоправство с принципом советской власти.

«Меня спрашивали,—говорила М. А. Спиридонова в своей вступительной речи,—что такое народовластие. Я скажу: власть советов есть народовластие (громкие аплодисменты, переходящие в овацию)[2].

Без принципа народовластия левые эсеры также не могли и шагу ступить.

Левые эсеры не порвали еще окончательно со своим соглашательством. Видный левый эсер, один из лидеров партии, член только-что избранного на съезде ЦК партии левых эсеров-интернационалистов — А. П. Карелин выступил на II крестьянском съезде с осуждением тактики большевиков в отношении членов Учредительного собрания. Правда, большинство левых эсеров оправдывало эту политику, и соответствующая резолюция была вынесена, но характерен этот разброд среди левых эсеров по такому принципиальному вопросу.

Оправдывая в общем тактику большевиков в отношении отдельных членов Учредительного собрания, левые эсеры и тут до конца не проводили последовательной линии. Они допускали репрессии по отношению к отдельным депутатам, безусловно замешанным в контрреволюционном выступлении, но не допускали репрессии на основании принадлежности к политической партии, хотя бы кадетской. Левые эсеры не могли подняться на точку зрения классового подхода к политическим партиям Учредительного собрания.

Среди левых эсеров были на съезде такие, которые еще в самом недавнем прошлом принадлежали к правым, находились вообще делегаты, сочувствующие правым. Записываться к левым побуждали их наказы с мест, в особенности наказы с фронта с их категорическим требованием «вся власть—советам». Идеологические и персональные связи с правыми эсерами были еще очень сильны у левых эсеров. Вот чем объясняется, что отдельные группы среди левоэсеровской фракции метались в сторону, что дало даже повод выступить правоэсеровскому докладчику от имени эсеров центра и группы левых эсеров по вопросу о защите членов Учредительного собрания. Хотя это заявление было дезавуировано выступлением специального представителя фракции левых эсеров, но и это обстоятельство характеризует общую неустойчивость тактики и организационных взглядов левых эсеров.

Расхождения с большевиками происходили и в ряде других

---

1 «Знамя труда» № 72.
2 «Правда» № 201.

вопросов. Неоднократно бывали прения в самом президиуме и мандатной комиссии между левыми эсерами и большевиками. Своими колебаниями левые эсеры допустили при равном представительстве в мандатной комиссии трех основных течений (4 большевика, 4 левых эсера, 4 эсера центра) избрание председателем комиссии правого эсера Владыкина. Благодаря такому попустительству левых эсеров в мандатной комиссии был ряд нарушений полномочий делегатов левого направления.

Левые эсеры и на II крестьянском съезде не порвали окончательно с снисходительным отношением к правым. Б. Д. Камков, наиболее близко стоявший к большевикам, выступая с довольно резкой критикой по адресу авксентьевского Исполкома, все же заявлял, что там не было контрреволюционеров, были лишь «люди, не имевшие в себе революционной мощи». Естественно, что отзываться так о правых эсерах 29 ноября (12 декабря) могли лишь левоэсеровские обыватели и фразеры.

Своими колебаниями левые эсеры усиливали позицию правых на съезде. Дезорганизаторская работа правых находила поддержку в поведении левых эсеров, которые, по выражению т. Харитонова, «в те же дни хотели сесть ровно в середине между нами и правыми. Это осудило их на двойную бухгалтерию в этом смысле»[1].

На самом съезде левые эсеры держали общий фронт с большевиками в борьбе с правыми. Вне обстановки съезда они со своими запросами в ЦИК и протестами в печати против действий народных комиссаров вносили дезорганизацию в ряды членов своей фракции. Это не могло не отражаться на выдержанности и устойчивости линии поведения фракции на съезде.

Как указывал т. Харитонов в цитированной уже нами его статье «Итоги II Всероссийского крестьянского съезда», наиболее неустойчивой и в политическом отношении неопределенной из всех фракций на съезде была фракция левых эсеров.

В условиях половинчатости и нерешительности тактики левых эсеров особенно важные задачи выпадали на большевистскую фракцию. Для большевиков с начала же работы съезда очевидно было, что черновцы подготовляют раскол, и надо было к этому готовиться. Левые эсеры, напротив, утверждая, что «крестьянство единое», настаивали на возможности работать совместно с правыми. Преодолевая и жестоко критикуя нерешительность и политическую близорукость левых эсеров, большевикам приходилось вырабатывать условия и формы работы всего левого крыла съезда. Левым эсерам совершенно недоступно было понимание классового характера борьбы между правым и левым крылом съезда. Больше-

---

[1] М. Х., Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК совета рабочих и солдатских депутатов» № 253 от 16 декабря 1917 г. М. Х., по всем данным, — М. Харитонов.

вики держались той точки зрения, что чем скорее произойдет раскол съезда, тем лучше будет для правильной революционной линии съезда. Но необходимо было дать бой правым по наиболее уязвимому месту для них—отчету старого Исполнительного комитета крестьянских депутатов.

Даже после того, как произошел раскол, левые эсеры, руководимые М. А. Спиридоновой, принимали все меры, чтобы «примирить» обе половины съезда. Большевикам не без усилий удалось убедить левых эсеров пойти на разрыв с правыми.

О силе и влиянии большевистской фракции на съезде можно судить по тому, с каким вниманием прислушивалось к голосу большевиков-делегатов фронтовое крестьянство. Когда съезд раскололся и часть делегатов с фронта ушла к правым, наши товарищи-фронтовики дали телеграммы в свои части и человек 50 правых после их ухода были отозваны обратно со съезда [1].

Как и прежним крестьянским съездам, Ленин придавал огромное значение II Всероссийскому крестьянскому съезду и пристально следил за ходом его работы. Он непосредственно поддерживал связь с лидерами левых эсеров—Устиновым, Спиридоновой, Калегаевым, Прошьяном и др. Они часто приезжали в Смольный и подолгу советовались с Лениным.

На съезде Ленин выступал, правда, только один раз, но он составил огромной важности документ—проект воззвания к крестьянству, в котором были изложены очередные задачи революционного крестьянства.

Ленину принадлежало непосредственное руководство всей работой большевистской фракции.

Насколько близко входил Ленин в дела фракции, видно из того, что он определял тактику фракции в каждом отдельном случае. Так, в связи с запросом правых об арестах кадетов, членов Учредительного собрания, Ленин обратился к организатору фракции М. Харитонову с официальным предложением, «чтобы большевики ультимативно потребовали голосования вопроса о немедленном приглашении представителей правительства.

Если отклонят прочтение этого предложения и голосование его на полном заседании, то вся фракция большевиков должна в виде протеста уйти с заседания» [2].

В связи с запросом правых об арестах кадетов по требованию большевиков, поддержанному левыми эсерами, и состоялось выступление Ленина на съезде.

---

[1] М. Х., Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253, 16 декабря 1917 г.

[2] Архив Института Ленина, документ № 2456.

2. Классовая борьба на съезде.

Борьба правых с левыми на съезде служила отголоском классовой борьбы, происходившей и в самом крестьянстве между его зажиточной частью и деревенской беднотой. Правда, левые эсеры попрежнему затушевывали классовую сущность расхождений между ними и правыми.

«И что самое печальное,—говорил на съезде А. Л. Калегаев,—и мы, левые социалисты-революционеры, и они—одна программа и одни требования, но пропасть между нами непроходимая, ибо одно дело—говорить, а другое—делать»[1].

В ходе работ съезда ярко обнаруживались классовые различия, разделявшие правое и левое крыло съезда.

Рядовые делегаты, даже из числа левых эсеров, не раз подчеркивали классовый характер фракционной борьбы. Делегат Малютин (левый эсер) объяснил причину ухода правых таким образом:

«Товарищи, почему за... та[2] драка? Не саботируют ли нас кулаки, которые за защиту свою держатся»[3].

Точно так же большевик-матрос Розанов, протестуя против тактики саботажа правыми эсерами работы съезда, заявил:

«Я взываю к товарищам с фронта и к товарищам крестьянам, приехавшим от земли, и не к тем кулакам, которые случайно сюда попали»[4].

Крестьяне левой стороны часто кричали по адресу правых: «деревенские кулаки»[5].

Левоэсеровские лидеры замалчивали эти классовые различия, тем характернее было выступление например одного из ораторов во время прений, связанных с уходом правых на Фонтанку[6].

Этот делегат заявил, «что не случаен уход сибиряков и кубанцев вместе с другими на Фонтанку. На Всероссийском крестьянском съезде было высказано решение, что вся земля принадлежит всему народу. Понятно, что при этом тем, у кого ее много, а именно сибирякам и кубанцам, пришлось бы кое-чем и кое с кем поделиться, и может быть, потому-то они ушли»[7].

Заявление этого оратора поразительно соответствовало действительности.

---

[1] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 13.

[2] Очевидно надо читать: «затеяна».

[3] Протоколы съезда, заседание 4 декабря 1917 г. Архив Института Ленина, документ № 2914.

[4] Там же, заседание 1/14 декабря 1917 г.

[5] М. Х. (Харитонов), Итоги II Всероссийского крестьянского съезда «Известия ВЦИК» № 253 от 16 декабря 1917 г.

[6] На Фонтанке, в доме № 6 находилось помещение старого Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, и здесь правые собирались после раскола.

[7] «Известия ВЦИК» № 247.

Впрочем не всегда правые делегаты скрывали свое кулацкое нутро. Один из таких «середнячков», по определению эсеровского историка Быховского, не шутя высказывает тревогу и одновременно угрозу в случае осуществления декрета о земле: «У меня 40 десятин земли. Что же, их у меня отнимут? Во!» (Показывает кулак [1]).

В свою очередь правые лидеры не могли целиком скрыть, к каким слоям крестьянства они по преимуществу обращаются. В этом отношении весьма показательно обращение с приветствием представителя Викжеля к «уравновешенному, спокойному крестьянству» или обращение к «бородачам»-крестьянам, в устах другого правого.

В «Деле народа» мы находим ряд конкретных статистических данных о составе съезда, собранных на основании голосования по одному из боевых вопросов, на котором резко противостояли два крыла съезда, и на котором случайно получило большинство правое крыло. Центральный орган партии эсеров центра приводит эти данные из особых побуждений: «Дело народа» хотело этим показать, что раскол был не случаен, что были непримиримые противоречия между крестьянством тыла, приехавшим из глубины деревенской России, и крестьянством фронтовым, прибывающим из окопов. Эти выводы «Дело народа» подтверждало результатами поименного голосования по вопросу о защите Учредительного собрания и неприкосновенности членов его [2].

Голосовало представителей / За резолюцию	Губернских и уездных советов	Армейских частей	Национальных организаций	Итого
Фракции социалистов-революционеров центра и старого Исполнительного комитета	270	82	7	359
Левых эсеров и большевиков . . .	107	206	1	314 [3]

«Дело народа» поэтому писало с презрением о левой части съезда как о солдатской. Фронтовое крестьянство на съезде в своем большинстве твердо стояло на революционных позициях,

---

[1] М. Х., Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253 от 16 декабря 1917 г.

[2] «Дело народа» № 230 за 1917 г.

[3] Фактически голосовали за резолюцию 321 левых делегатов, но «Дело народа» ухитрилось уменьшить цифру на 7 голосов на том, мол, основании, что потом оказалось, что 7 представителей голосовало по 2 раза,—отсюда, нелепый вывод — уменьшить общее число голосовавших за резолюцию левых на 7.

в то время как делегаты губернских советов и отчасти уездных в своем большинстве не выражали настроения крестьянских низов: в большей части крестьянских верхушечных организаций заседали зажиточные крестьяне и кулаки.

Но и фронтовое крестьянство не было однородным. Из цитированного выше сообщения «Дело народа» мы видим, что за резолюцию эсеров центра и авксентьевского Исполкома голосовало 82 представителя армейских частей. Это были представители верхушечных военно-крестьянских организаций, не переизбранных еще после Октября, преимущественно от крестьянских секций, комитетов армий, корпусов и, реже, дивизий.

Мы не имеем в своем распоряжении анкет делегатов II крестьянского съезда. Да неизвестно, сохранились ли они вообще. Но в материалах мандатной комиссии II Всероссийского крестьянского съезда, хранящихся в Архиве Октябрьской революции, имеются удостоверения, данные с места делегатам от армий на II Всероссийский съезд крестьянских депутатов и утвержденные мандатной комиссией, предоставившей им право решающего голоса.

В этих материалах в отношении большинства делегатов от армий даны сведения об их положении в армии, а отсюда можно сделать более или менее безошибочные выводы о социальном составе делегатов. В удостоверениях делегатов довольно ярко выявляется социальная база фракций и партий II крестьянского съезда.

На удостоверениях делегатов, выданных с мест, имеются отметки на полях, сделанные в самой мандатной комиссии, о партийной принадлежности делегатов, но только о 270 депутатах из общего числа делегатов—374, мандаты которых приведены в материалах комиссии [1].

Особенно часто отсутствуют указания о партийной принадлежности делегатов, занимавших привилегированное положение в армии, которые очевидно скрывали свое партийное лицо. Еще меньше, чем о партийной принадлежности, даются сведения о положении делегатов в армии, а именно—сообщаются они только о 203 делегатах. Тем не менее и эти неполные сведения о военных делегатах чрезвычайно любопытны, так как дают наглядное представление о социальном составе разных фракций съезда, вскрывают подлинное социальное лицо делегата в солдатской шинели, в действительности далеко не всегда являвшегося солдатом.

Согласно отметкам мандатной комиссии, делегаты от армий по партийному представительству делились таким образом: эсеры центра и правые—112, левые эсеры—94, большевики—41, беспартийные (а среди них один толстовец)—20, эсеры-украинцы—2, эсеры-максималисты—1. Всего отмечена партийная принадлеж-

[1] А. О. Р. Ф. 1235, серия А/3 II Кр. № 3, 4, 5, 6.

ность 270 делегатов, об остальных 104 военных делегатах нет указаний о принадлежности к той или иной фракции и вообще об отношении их к партийности [1].

По отношению к отдельным делегатам, как уже упомянуто выше, нет указаний ни о партийной принадлежности, ни о положении в армии. Это обстоятельство не может однако умалить значения общих выводов о социальном составе делегатов, получаемых на основании изучения мандатов огромного большинства делегатов от армии.

Сведения, собранные нами по материалам мандатной комиссии, мы даем в виде таблицы, чтобы наглядно представить социальную сущность фракций и группировок съезда.

Положение в армии (чин и разряд по службе, занимаемая должность), партийная принадлежность делегатов от военно-крестьянских организаций [1]

Положение в армии	Эсеры центра и правые	Левые эсеры	Большевики	Беспартийные	Неизвестные	Эсеры-украинцы	Эсеры-максималисты	Итого
Рядовые солдаты или матросы	21	18	15	7	11	1	1	74
Низший командный состав: ефрейтор, мл., ст. унтерофицер, мл., ст. фейерверкер, мл. надзиратель хлебопекарни и т. д.	24	20	11	13	13	1	—	82
Фельдфебель, урядник (в казачьх частях)	2	3	—	—	2	—	—	7
Старший писарь, младший писарь	2	2	—	—	1	—	—	5
Старший фельдшер, младший фельдшер	2	—	—	—	1	—	—	3
Ветеринарный врач	—	—	—	—	1	—	—	1
Чиновник военного времени	3	1	—	—	2	—	—	6
Прапорщик и подпрапорщ.	9	3	—	—	5	—	—	17
Подпоручик	2	1	—	—	1	—	—	4
Поручик	1	—	—	—	—	—	—	1
Штабс-капитан	—	1	—	—	—	—	—	1
Представитель Македонского отряда	1	—	—	—	—	—	—	1
Представитель Главного земельного комитета	—	—	—	—	1	—	—	1
Итого	67	49	26	20	38	2	1	203

[1] Сведения собраны на основании удостоверений делегатов с мест подтвержденных мандатной комиссией съезда. См. А. О. Р. Ф. 1235, серия А/3 II, Кр, № 3, 4, 5, 6.

Таким образом из 203 делегатов от армии, положение которых указано в мандатах, только 74 принадлежат к рядовым солдатам и матросам. Рядовые солдаты и матросы составляли около 30% общего числа делегатов. Такой же примерно процент к общему числу военных делегатов, о положении которых в армии имеются сведения, составляли делегаты, занимавшие низшие командные должности в царской армии—младшие взводные должности, так называемый «низший чин»: ефрейторы, младшие и старшие унтер-офицеры, младшие и старшие фейерверкеры. Таких делегатов было 82 человека. Остальные 40% делегатов падают на прослойки высших разрядов вплоть до офицерских чинов.

Среднее относительно положение между делегатами—младшими отделенными командирами из нижних чинов и офицерами-делегатами занимали делегаты из фельдфебелей, старших писарей или старших фельдшеров. Таких делегатов определенно насчитывается в мандатах 15 человек.

Далее среди делегатов выделяются чиновники военного времени (6 человек) и офицерские чины—прапорщик, подпоручик, поручик, штабс-капитан. Офицеров-делегатов от крестьянства (!!) было 23 человека, вместе с военными чиновниками—29.

К привилегированным разрядам делегатов следует отнести ветеринарного врача, представителя македонского русского отряда, представителя Главного земельного комитета, заведывавшего организационным отделом Главного комитета.

Офицеры-делегаты вместе с чиновниками военного времени, с указанными делегатами привилегированных разрядов образуют компактную прослойку среди делегатов, и в процентном отношении выделявшуюся в общей массе крестьянских делегатов.

Приведенные в таблице указания на должность, положение делегата в армии дают возможность судить о социальном положении того или иного делегата. Рядовые солдаты или матросы принадлежали к деревенской бедноте и отчасти к середнячеству. Низшие командиры (отделенные, унтер-офицеры) комплектовались главным образом из середняков и лишь отчасти из деревенской бедноты. Фельдфебель, урядник, старший писарь или старший фельдшер представляли собою зажиточную, кулацкую часть крестьянства.

Офицеры и чиновники военного времени представляли собой социальную прослойку из господствующих ранее классов. Если прапорщик мог еще быть выходцем из кулацкой части деревни, то поручики или подпоручики вместе с военными чиновниками примыкали обычно к состоятельной городской или деревенской интеллигенции и в большинстве своем были выходцами из имущих классов.

Офицерско-чиновничья прослойка делегатов съезда падает главным образом на эсеров центра и правых, затем на так называемых

«неизвестных», о партийности которых ничего не указано в их мандатах. Невыясненные делегаты этой категории скрывали свое партийное лицо, но в действительности это были эсеры или кадеты. Меньше падает эта прослойка на левых эсеров (6 делегатов из общей суммы 32 делегатов офицерско-чиновничьей прослойки).

Солдатская шинель военного делегата служила для черновцев прикрытием для защиты классовых интересов господствовавших раньше классов в развертывающейся классовой борьбе на съезде. «Шинель» была для «авксентьевских молодцов»[1] ширмой, под которой скрывался враг трудящихся. Несомненно, что именно этой группе делегатов принадлежала наиболее вызывающая линия поведения по адресу советской власти и пролетарской партии.

Подлинно-пролетарские кадры были в большевистской фракции. Среди делегатов-большевиков самый высокий чин был старший унтер-офицер, и то таких старших унтер-офицеров было среди большевиков всего-навсего 3 из общего числа 21 делегата-большевика, положение которых в армии было указано. Подавляющая часть большевистских делегатов принадлежала к рядовым солдатам и матросам.

По этим материалам мандатной комиссии, относящимся, правда, только к военным делегатам, мы можем и должны признать, что фракция эсеров центра и правых состояла из кулацких элементов и во всяком случае выражала интересы кулацкой или зажиточной части крестьянства. Левые эсеры в массе представляли середняцкую часть крестьянства, но и в их фракции была солидная прослойка городской и деревенской мелкобуржуазной интеллигенции. Только большевистская фракция выражала интересы деревенской бедноты, батраков и городских рабочих и целиком вербовалась из этих классов.

Как видно из указываемой нами таблицы, национальные меньшинства были слабо представлены в войсковых частях. Среди военных делегатов выделялись только два украинских эсера, один—делегат-латыш (большевик) и наконец подпрапорщик татарского уланского полка. Большинство делегатов от армий принадлежало к русской нации. Великодержавные тенденции присущи были не только черновцам, но и левым эсерам, и это обстоятельство отразилось на особом подборе национального представительства делегатов от воинских частей.

Сводка данных мандатной комиссии показывает большое число делегатов, примыкавших к фракции эсеров центра и правых (112 человек). Часть делегатов в ходе работы съезда перешла к левому лагерю, на позиции левых эсеров и большевиков, как это показало голосование по вопросу об Учредительном собрании,

[1] Так называли обычно деятелей авксентьевского Исполкома в петроградском гарнизоне.

когда за резолюцию черновцев голосовало только 82 делегата от армейских частей.

Через голову вождей партии правых эсеров большевистская фракция вела неустанно борьбу за делегата-крестьянина, и ей удавалось сплошь и рядом привлекать на сторону советской власти рядовых делегатов, случайно втянутых в эсеровскую фракцию.

Развертывающаяся классовая борьба на съезде раскалывала антисоветские группировки и приводила к большевикам лучшие социальные элементы из враждебных нам фракций. В общей массе делегатов от армий черновцы составили вскоре меньше одной трети. Фронтовое крестьянство в преобладающей своей массе поддерживало революционные требования пролетарской партии. Представители фронтового крестьянства, в особенности бедняки и батраки, стояли за союз с рабочими и партией пролетариата, правые делегаты—представители зажиточной части деревни противопоставляли крестьянство рабочим, опасаясь пролетарской революции, которая неизбежно должна была ударить и в действительности ударила по интересам состоятельных и кулацких слоев деревни.

Крестьянство на съезде неоднократно противопоставлялось правыми лидерами другим классам и слоям населения. Уже на первом заседании съезда Щадилов от имени междуобластного центра призывал съезд «стать на классовую крестьянскую позицию». «Только крестьянство способно предотвратить гражданскую войну»,—льстил съезду представитель Викжеля.

Правые эсеровские вожди всячески насаждали атмосферу враждебности крестьянства к пролетариату, пытаясь искусственно создавать отчужденность интересов рабочих и крестьян. Товарищ Харитонов рассказывает, что социал-демократам большевикам правые делегаты часто бросали слова: «Идите на заводы. Вам тут делать нечего» [1].

Благодаря своим организационным связям с местными крестьянскими верхушечными организациями авксентьевскому Исполкому удалось скомбинировать значительное ядро на съезде. Именно отсюда вербовали свои силы правые, в то время как фронтовое крестьянство шло за большевиками и левыми эсерами.

3. Открытие съезда. Начало саботажа правых.

II Всероссийский крестьянский съезд имел формально широкое демократическое представительство от крестьянских масс, в действительности далеко не имевшее места на практике выборов. Согласно принятому наказу съезда, делегаты должны были выбираться на губернских, уездных и районных съездах крестьянских

[1] М. Х. Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253, 16 декабря 1917 г.

депутатов с расчетом по 1 делегату на 150 тыс. крестьянского населения, воинские же части выбирать должны были также на съездах, с расчетом по 1 делегату на 20—25 тыс. солдат.

В действительности вовсе не проводился последовательно принцип избрания депутатов на съезд. Из доклада мандатной комиссии съезда (1/14 декабря) видно, что совершенно одинаковым правом делегирования пользовались, например губернские съезды, советы и исполнительные комитеты. В армии также практиксвалось, и в значительных размерах, делегирование депутатов верхушечными организациями, что особенно отрицательно отзывалось на выборах в некоторых армейских комитетах, где перевыборы не происходили уже несколько месяцев. В результате съезд далеко не отражал настроения крестьянских низов.

Согласно упомянутому докладу мандатной комиссии, к утру 1/14 декабря общее количество делегатов на съезде с правом решающего голоса выражалось цифрой 789, причем на представительство с мест приходилось 489 делегатов, на войсковые части—294 делегата [1]. Из представителей с мест 189 человек делегированы были губернскими крестьянскими организациями (губернские съезды, советы и исполнительные комитеты), остальные 300 делегатов представляли уездные крестьянские организации.

В материалах мандатной комиссии съезда, хранящихся в Архиве Октябрьской революции, даются сведения общего характера о делегатах съезда, немного расходящиеся с приведенными только что цифрами и очевидно позднейшего характера. Делегатов с мест с правом решающего голоса было 491[2], на два делегата больше, чем в цитированном выше докладе мандатной комиссии из «Знамени труда». По этим данным больше всего падает делегатов на представителей губернских крестьянских организаций, а именно 207 делегатов, в то время как по указанному докладу—лишь 189, т. е. на 18 делегатов меньше. Особенно резко расходятся цифры делегатов от армий—в материалах мандатной комиссии—374 делегата [3], в приведенном же докладе—294. Разница объясняется позднейшим характером сводки, составленной в мандатной комиссии. Как видно из мандатов военных делегатов, многие из делегатов прибывали с большим опозданием, а некоторые—к концу работ съезда.

---

[1] Лист с докладом мандатной комиссии не приведен в протоколах съезда. Доклад приводится в «Знамени труда» № 87. Цифра 789 делегатов не совсем понятна и как будто ошибочна (489 + 294 = 783). Более правильна как будто цифра,—783 делегата, которую приводят «Известия ВЦИК» № 243. Цифра—789 делегатов приведена в отчетах «Новой жизни» № 191/185 и «Дела народа» № 222. Возможно, что 6 решающих голосов падает на президиум Чрезвычайного съезда, и тогда правдоподобной является цифра—789 решающих голосов.

[2] А. О. Р. Ф. 1235, сер. А/3 П. № 8.

[3] А. О. Р. Ф. 1235, сер. А/3 Кр. II. № 3, 4, 5, 6.

Губернии и области представлены были на съезде весьма неравномерно. Менее населенные губернии были представлены численно больше (например Архангельская губерния командировала 7 делегатов), чем губернии с большим населением (Херсонская губерния прислала например только 6 делегатов). В отношении представительства от самих губерний, точнее от губернских крестьянских организаций, существовал, как мы видели, полный произвол. От одинаково или в достаточной степени густо населенных губерний совершенно различные были цифры представительства крестьянства на Всероссийском съезде: от Тамбовской губернии—1 делегат, Ярославской—5, Смоленской—9, Саратовской—8, Воронежской—25 [1].

Подобную же картину неравномерного представительства крестьянства давали выборы по разным губерниям или областям в целом—от губернских и от уездных крестьянских организаций каждой губернии или области. От Новгородской губернии на съезде было 11 делегатов, от Московской—12, от Могилевской—16, от Курской—18, от Саратовской—224, от Воронежской—30 и т. д. [2].

Неравномерное представительство на съезде от губерний и уездов было не случайным, а явилось результатом целой системы подтасовки выборов, проводившейся эсерами центра и правыми. Нельзя обойти вниманием факт наибольшего представительства крестьянства от Поволжья, где издавна были сильны эсеры.

На съезде представлены были лишь 53 губернии и области. Особенно широко были представлены центральные районы страны. Целый ряд бывших окраин вовсе не был представлен или представлен крайне ничтожно.

В то же время как от одной Воронежской губернии было 30 делегатов, весь Кавказ был представлен 16 делегатами. От Ставропольской губернии, от Терской области было послано по 1 делегату, от Эриванской губернии—2 делегата, от Черноморской—3 и т. д. [3].

От Восточной Сибири—6 губерний и областей—был делегирован 21 человек, причем от Тобольской, Енисейской губерний, от Приморской области—по 2 делегата. Западная Сибирь была представлена всего 7 делегатами. Из Средней Азии было представительство только от Акмолинской области—и всего 7 делегатов.

Целый ряд национальных районов и не только в Среднеазиатской России, но и в Европейской России оказался вовсе не представленным на съезде. Так и Кавказ и Украина были ничтожно представлены на съезде. Из всей Украины на съезде представлены были только 3 губернии—Харьковская, Херсонская и Екатери-

[1] А. О. Р. Ф. 1235, сер. А/3 П. № 8.
[2] Там же.
[3] Там же.

нославская. Всего—31 делегат, причем от Екатеринославской губернии был всего 1 представитель.

Но и это представительство бывших колоний царизма и буржуазии оказалось лишь номинальным. Украинская контрреволюционная рада вскоре отозвала украинских делегатов. Делегаты с Дона и Кавказа не могли прибыть из-за калединского восстания. Остались на съезде лишь отдельные представители Украины, Дона и Кавказа.

Если национальное представительство было слабо выявлено на I крестьянском съезде, то еще слабее было выражено оно на II крестьянском съезде.

Делегаты от национальных меньшинств лишь в виде исключения попадали на съезд. Слабо представлены были на съезде и национальные организации. О подборе делегаций национальных организаций можно убедиться хотя бы по характеру участия их в голосовании резолюции об отношении к Учредительному собранию. За резолюцию правых эсеров голосовали 7 делегатов национальных организаций, за резолюцию левых эсеров—один.

Представительство низов на съезде фальсифицировалось еще вследствие произвола мандатной комиссии, в которой большинство составилось случайно из черновцев и неустойчивых левых эсеров. Отвергнуто было например представительство ополченских дивизий, не уступавших в численности прочим дивизиям, а также представительство казачьих мастерских. Много представителей с фронта оказались выброшенными только потому, что мандаты их были написаны не ясно [1].

Такими путями черновцы отсеивали революционных делегатов. Некоторые мандаты опорочивались по самому незначительному поводу: лишен был например решающего голоса делегат, в мандате которого имелось указание, что он делегирован на II Всероссийский крестьянский съезд, но не указан был город (Петроград), где происходил съезд [2].

Что касается партийного представительства, то по предварительным неточным и неполным сведениям мандатной комиссии можно установить численность фракции эсеров («центра» и правых, особо не выделявшихся) в 300 человек и большевиков в 90. От численности других фракций, а также беспартийных не было сведений в мандатной комиссии ко времени 1/14 декабря [3]. Очевидно точному партийному делению мешала неустойчивость левых эсеров. По позднейшим данным, эсеров центра и правых было 305 чело-

---

[1] Протоколы съезда, заседание 1 декабря 1917 г. Архив Института Ленина, документ 2914.

[2] «Знамя труда» № 87 за 1917 г.

[3] «Знамя труда» № 87, «Дело народа» № 222 и «Новая жизнь» № 191/185 за 1917 г. примерно приводят те же цифры: членов фракции эсеров—307, большевиков—91.

век, левых эсеров—350, большевиков—91 [1]. Кроме этих трех больших фракций и беспартийных на съезде фигурировали фракции с незначительным представительством, как например максималисты, народные социалисты, меньшевики разных толков, в том числе представители от социал-демократических групп: «Новой жизни», «Единства» и т. д.

Съезд открылся в Петрограде 26 ноября (9 декабря) в Александровском зале Петроградской городской думы, где и закрылся 10/23 декабря.

Правые эсеры принимали все зависящие от них меры, чтобы съезд открыл Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов первого созыва. Вокруг порядка открытия съезда велась упорная фракционная борьба, не лишенная принципиального значения. Левые настояли на выполнении постановления Чрезвычайного съезда, и заседание II крестьянского съезда открыл президиум Чрезвычайного съезда. Вынужденные допустить открытие съезда президиумом Чрезвычайного съезда, правые дали бой по вопросу о выборе временного президиума съезда.

К тому времени правые эсеры успели уже сорганизоваться в особый центр,—в так называемое «междуобластное совещание». Под видом борьбы со всякими фракциями и партийными группировками они объединились по областям, поскольку такое деление делегатов затушевывало классовые и партийные противоречия и давало им численное преобладание. Этот «внефракционный» областной принцип играл для правых организующую роль на все время работ съезда, так как служил удобной ширмой для прикрытия классовых интересов.

Съезд открыла М. А. Спиридонова от имени Чрезвычайного крестьянского съезда [2]. После открытия съезда председатель междуобластного совещания Щадилов сделал безуспешно попытку выступить по поводу порядка открытия съезда, не встретив однако сочувствия у большинства собрания. А. М. Устинов затем от имени президиума Чрезвычайного съезда предложил избрать временный президиум,—временный впредь до утверждения съездом доклада мандатной комиссии,—на основе фракционного представительства. Затем выступил член Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов Абрамов. От имени междуобластного совещания он предложил в председатели съезда В. М. Чернова [3].

Левый эсер А. Л. Калегаев выставил в председатели съезда

---

[1] М. Х., Итоги II Всероссийского крестьянского съезда, «Известия ВЦИК» № 253, 16 декабря 1917 г.

[2] Протоколы II съезда, открытие съезда. Архив Института Ленина, документ № 2914. Отдельные подробности приводятся нами кроме того по газетным отчетам того времени.

[3] Протоколы съезда, открытие съезда.

М. А. Спиридонову. Большинством голосов она была изорана. По требованию черновцев голосование производилось дважды: во второй раз оно проверялось выходом делегатов съезда из зала заседания. Большинством 269 голосов против 230, поданных за Чернова, председательницей съезда окончательно была избрана Спиридонова.

Приветственная речь Спиридоновой была навеяна опасениями раскола.

> «Будем надеяться,—говорила она,—что нам удастся найти общий язык, что работа нашего съезда пройдет в обстановке взаимного уважения. Крестьянство одно, и делить ему нечего. Интересы крестьянства одни. И во имя общих интересов спасения революции, родины мы сумеем дружно провести этот съезд, который собирается в столь тяжких условиях»[1].

Закончила она свою речь возгласом: «Да здравствует власть советов!»

Выделяются и другие моменты в ее речи, характеризующие ее левоэсеровскую идеологию. Говоря о расколе между левыми и правыми эсерами, она считала нужным «оправдываться» за свою связь с большевистской властью:

> «Если сейчас нас позорят правые социалисты и говорят много оскорбительного для крестьянского уха, то здесь на съезде вы увидите всю правду, которая горит в нашем сердце, сердце левых эсеров и социал-демократов большевиков (долго несмолкаемые аплодисменты). Моя прежняя деятельность вам известна, и с гордостью я скажу еще раз, что я попрежнему отдам каждую каплю моей крови, каждый день моей жизни за счастье народа. Товарищи, я не грешна перед русским народом»[2].

Не свободна была ее речь от левоэсеровского хвастовства: «Товарищи, вы сами видите, что в течение 9 месяцев земля не перешла к народу и только мы, левые эсеры, в согласии с большевиками, настояли отдать ее вам» (аплодисменты).

Левым эсерам, как известно, мало чести принадлежит в революционном осуществлении передачи земли народу.

После приветственной речи Спиридоновой съезд приступил к коротким прениям по вопросу о принципе избрания президиума и мандатной комиссии. Правые настаивали на областном представительстве, и выступавший от имени упомянутого «междуобластного» центра Щадилов указывал на «необходимость при конструировании состава президиума и мандатной комиссии руководство-

---

1 «Известия Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда» № 7.

2 Протоколы съезда, открытие съезда. Архив Института Ленина, документ № 2914.

выбора по принципом фракционного представительства, а стать на классовую крестьянскую позицию»[1].

Голосованием съезд решил произвести выборы в президиум по принципу представительства от фракций.

По принятому предложению на каждые 20 членов фракции выбиралось по одному представителю в президиум. Фракции, не имевшие 20 членов, также посылали по одному представителю. Беспартийные посылали представителей на тех же основаниях. Мандатную комиссию постановлено было также избрать по принципу фракционного представительства. Временный президиум съезда образовался в составе следующих лиц: от левых эсеров—М. А. Спиридонова, А. Л. Калегаев, М. А. Устинов, М. А. Натансон, Б. Д. Камков, А. П. Карелин, Вл. Качинский, Никитин, Р. И. Сташков и другие; от эсеров центра и правых: Абрамов, В. Я. Гуревич, С. Л. Маслов, Овчинников, П. А. Сорокин, Старожилов, Тяпкин, Щадилов и другие; от большевиков: М. М. Харитонов, В. И. Невский, Некрасов, Игнунин; от эсеров-максималистов—Рывкин и от беспартийных—один представитель.

На другой день (27 ноября/10 декабря) продолжалась та же организационная работа съезда, дополняемая моментами чисто официального характера, например заслушиванием приветствий от разных общественных и политических организаций и партий—от Викжеля, от съезда партии эсеров центра и правых, от левых эсеров, от эсеров-максималистов, от группы крестьян—членов Учредительного собрания (по спискам советов крестьянских депутатов).

Все эти многочисленные приветствия были нужны правым эсерам, чтобы окружить особым блеском работу съезда, и главное, чтобы отсрочить деловую работу съезда. Порядок дня был принят съездом против голосов большевиков, предлагающих приступить к намеченной программе.

Особенным шумом окружено было выступление В. М. Чернова с приветствием от имени крестьянских депутатов Учредительного собрания. Уже одно появление его вызвало необычайное оживление и даже овации в одной части собрания. Само выступление его ознаменовалось особо торжественной манифестацией в честь Учредительного собрания.

Приветственная речь Чернова была полна нападок на другие партии. Поэтому все время сопровождалась она шумными протестами делегатов. В ответ на эти протесты Чернов демагогически заявил:

> «В первый раз я слышу, чтобы на крестьянском съезде нельзя было говорить о том, что страна выросла для политической жизни, и я рад, что крестьянство узнает, что есть

---

[1] Протоколы съезда, открытие съезда. Архив Института Ленина, документ № 2914.

среди крестьянских представителей такие лица, которые смеют с неуважением относиться к крестьянству»[1].

На скамьях большевиков поднялся тогда еще больший шум. Правые эсеры аплодировали, часть левых эсеров, по сообщениям «Новой жизни» и «Дела народа», также присоединилась к хлопкам правых делегатов.

«Крестьянство,—продолжал Чернов,—объединенное в социалистические организации, имеет определенный способ поддерживать Учредительное собрание и контролировать его действия... И до тех пор, пока народ обладает этим правом, он не допустит, чтобы какая-нибудь дерзновенная рука поднялась на высокое Учредительное собрание»[2].

Раздался взрыв аплодисментов и возгласы: «Да здравствует Учредительное собрание, ура!» Все правые эсеры, беспартийные и часть левых эсеров поднялись с мест, с энтузиазмом крича «ура», махая шапками. В течение 5 минут продолжалась манифестация в честь Учредительного собрания.

«Я счастлив,—закончил Чернов,—что присутствую на этой внушительной манифестации в честь Учредительного собрания. Эта манифестация ясно говорит за то, что всякая попытка, направленная против Учредительного собрания, обречена на неудачу[3].

Чернов покинул трибуну при бурных аплодисментах.

Таково описание манифестации несомненно несколько в тенденциозном освещении протоколов съезда и газет «Новая жизнь» и «Дело народа», но в общем соответствующее действительности, судя по дальнейшему ходу развертывавшихся событий на съезде.

Конец заседания (27 ноября/10 декабря) вводит нас вплотную в общую обстановку работ съезда. Когда приветствия и декларации были исчерпаны, президиум заявил о поступившем предложении обсудить вопрос об аресте членов продовольственной комиссии, среди которых был и Н. Д. Кондратьев—член совета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, бывший при А. Ф. Керенском товарищем министра продовольствия. Этими и другими подобными сообщениями об арестах советской властью контрреволюционеров правые заполняли заседания съезда и пытались при этом достигнуть двух целей: 1) демагогически представить «большевистский террор во всей его ужасающей наготе» и 2) сорвать деловую работу съезда.

Настоящая цель запроса об аресте Н. Д. Кондратьева была сразу понята большинством собрания. Раздались протесты. Ораторы стали высказываться за немедленный переход к деловой ра-

---

[1] Протоколы съезда, заседание 27 ноября ст. ст. 1917 г. Архив Института Ленина, документ № 2914.

[2] Там же.

[3] Там же.

боте. Вокруг запроса создалась бурная обстановка, несколько раз ставилось на голосование предложение обсуждать этот вопрос.

Большевики были против всякого обсуждения запроса. Левые эсеры предлагали присоединиться без прений к постановлению ЦИК об освобождении всех арестованных. Правые эсеры добивались особого постановления съезда, осуждающего насилие. Незначительным большинством голосов было принято предложение присоединиться к постановлению ЦИК и требовать освобождения арестованного Кондратьева.

М. М. Харитонов оспаривал наличность большинства голосов за резолюцию и требовал переголосования. Левый эсер А. Л. Калегаев убеждал т. Харитонова «не саботажничать». Собрание отказалось переголосовать принятое предложение.

Раздались протесты против того, что работа съезда сознательно саботируется правыми эсерами. Члены президиума четыре раза передавали председательствование друг другу, пока наконец не был объявлен перерыв. Но и после перерыва президиум вынужден был отложить заседание до следующего дня [1].

4. Деятельность Исполкома первого созыва перед судом съезда. Выборы нового Исполкома.

Только на третий день (28 ноября/11 декабря) съезд приступил наконец к органической работе. Перед началом заседания представители военно-крестьянских групп огласили резолюцию протеста против саботажа работы правыми участниками съезда, выгодного только для контрреволюции.

Съезд приступил к обсуждению повестки своих работ.

Согласно официальному извещению делегатам рекомендовался следующий порядок дня: 1) открытие съезда, избрание президиума и мандатной комиссии; 2) утверждение наказа съезду; 3) отчет Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов первого созыва по вопросу об отношении его: а) к земельному вопросу, б) к власти, к войне и миру; 4) организационный вопрос; 5) доклады с мест; 6) Учредительное собрание; 7) война и мир; демократизация армии (обсуждение резолюции Чрезвычайного крестьянского съезда); 8) демобилизация армии; 9) земельный вопрос; 10) продовольственный вопрос; 11) национальный вопрос.

По утверждении в основе порядка дня, принятого еще прежде Чрезвычайным крестьянским съездом, собрание приступило к заслушиванию отчета о деятельности I Исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов. Эсеры снова сделали попытку отложить невыгодный для них доклад. Они предлагали поста-

[1] «Известия Чрезвычайного всероссийского крестьянского съезда» № 8,

вить первым вопрос об Учредительном собрании под тем предлогом, что день созыва его является-де праздником для России[1].

Съезд приступил к намеченному порядком дня вопросу. Для большей организованности в работе члены съезда к тому времени расселись по группам, что встречено было эсерами с осуждением на съезде и в печати как проявление особой фракционности.

По отчету Исполнительного комитета первого созыва были два докладчика—официальный докладчик от Исполкома Г. А. Мартюшин и, по требованию съезда, содокладчик от меньшинства старого Исполнительного комитета—левый эсер Н. Рыбин. В своем докладе Мартюшин не мог опровергнуть обвинений в бездеятельности старого Исполкома, но целиком сваливал ее на большевиков,—Исполком-де вынужден был также пойти на коалицию с буржуазией, поскольку большевики отказывались заключить коалицию с эсерами. Отчет о земельной деятельности Исполкома представлял собою перечисление актов бумажного творчества Временного правительства и всех вообще законопроектов правых эсеров. Критику бездеятельности Исполкома по вопросу мира и войны докладчик старался смягчить ссылками на безуспешность мероприятий советской власти на этой почве:

«Если за 6 месяцев мы не смогли много сделать, то ведь и большевистская власть действует месяц, но ничего не сделано для мира без аннексий и контрибуций»[2].

Даже тенденциозная «Новая жизнь» вынуждена была признать слабое впечатление доклада:

«Доклад Мартюшина встречен довольно холодно. Прения по нему отложены»[3].

Содоклад Н. Рыбина представлял собою резкую отповедь большинству Исполкома за всю его ликвидаторскую работу и за открытую предательскую политику после Октябрьского переворота.

Докладчик нарисовал картину происшедшего раскола внутри Исполкома и описал имевшую там место фракционную борьбу между правоэсеровским большинством Исполкома и левоэсеровским меньшинством его.

1/14 ноября Исполкомом были приняты две резолюции по вопросу о власти—большинством (31 человека) и меньшинством (21 человека). Меньшинство стояло за однородную социалистическую власть от народных социалистов до большевиков, правое большинство Исполкома требовало исключения из состава нового правительства большевиков.

В заключение докладчик предлагал вынести осуждение деятельности большинства Исполнительного комитета, подобно ранее сделавшему это Чрезвычайному крестьянскому съезду.

---

[1] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 9.

[2] Там же.

[3] «Новая жизнь» № 190/184, за 1917 г.

Кроме Г. А. Мартюшина, официальную точку большинства Исполкома выражал на съезде еще правый эсер Н. Я. Быховский, который сделал в сущности содоклад по земельному вопросу. Подобно Мартюшину Быховский перечислил все касавшиеся крестьянства законопроекты, как признанные Временным правительством, так и залежавшиеся в его канцеляриях, приписав их продуктивной деятельности Исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов. Что же касается главного—невыполнения директивы I крестьянского съезда о переходе всей земли в руки трудового народа, то боязнь гражданской войны выставлялась Н. Я. Быховским как основная причина отказа от передачи земли по декрету.

> «Мы опасались, что земля была бы расхватана и бывшие на фронте остались бы без земли, а, воротившись домой, они стали бы по-своему расправляться с захватчиками. Мы не хотели убийств и беспорядков, вызванных декретом Ленина»[1].

Так лживо, прикидываясь чуть ли не сторонниками бедноты, объясняли лидеры авксентьевского Исполкома противокрестьянскую политику Временного правительства и целиком поддерживавшего его Исполкома советов крестьянских депутатов.

В развернувшихся прениях были раскрыты чрезвычайно интересные подробности контрреволюционной деятельности Исполкома советов крестьянских депутатов. Б. Д. Камков вспоминал, с каким упорством боролся Исполком с новою властью.

Камков в своей речи отметал обычные нападки правых эсеров на декреты советской власти, отличавшиеся будто бы своей безграмотностью, и вскрыл классовую сущность высокомерного отношения правых членов съезда к законодательной деятельности большевиков. Он указал настоящую причину провала в Совете республики законопроекта левых эсеров, который правые эсеры объясняли безграмотностью законопроекта:

> «Вы говорите, что он безграмотен, но почему же вы не внесли поправок? Это вы могли сделать, но не сделали из-за кадетов, из-за коалиции с ними»[2].

Камков защищал советскую власть от нападок со стороны цензовых элементов и правосоциалистических групп за «насилие», за аресты контрреволюционеров, производившиеся советской властью. Он предлагал вспомнить «волю, свободу» для трудового народа при Керенском и закончил свою речь выражением полной солидарности с действиями советского правительства:

> «Буржуазия первая нарушила свободу, мы повторяем ее действия. Мы говорим: лучше арест 10 Терещенок, нежели 1 000 крестьян».

Чернов выступил с обычными обвинениями по адресу большеви-

[1] Протоколы съезда, заседание 29 ноября 1917 г.
[2] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 10.

ков в разжигании гражданской войны, отметил безрезультатность мероприятий советской власти и угрожал саботажем всего крестьянства, возмущенного будто бы, по его словам, навязыванием большевиками своей власти многомиллионному крестьянству.

М. М. Володарский, выступивший от фракции большевиков, остановился особо на виновниках гражданской войны. Отвергая обвинение, будто большевики начали гражданскую войну, он описал состояние страны в эпоху керенщины, характеризовавшееся разгромом учреждений, погромами, насилиями над отдельными личностями, и подвел итоги своему описанию таким заключением:

> «Если это мир—то да здравствует гражданская война, она тогда обозначает спокойствие»[1].

Володарский остановился также на памятной свободе, царившей в эпоху Черновых и «авксентьевских молодцов», и указал между прочим, что если советская власть вынуждена прибегать к арестам и другим принудительным мерам, то они вызываются нуждами самозащиты против классовых врагов трудящихся: «Пусть лучше сидят тысячи Авксентьевых, Черновых и др., чем наши рабочие и крестьяне».

Опыт диктатуры буржуазии побуждает нас применять к врагам советской власти те же меры, какие применялись буржуазией в отношении трудящихся:

> «Когда на Московском съезде[2],—говорил Володарский,—спросили Милюкова о Ленине, он сказал: «арестовать, арестовать и арестовать», и мы повторяем вам ваши слова: «арестовать, арестовать и арестовать»[3].

Речь Володарского закончилась бодрым призывом и выражением твердой уверенности, что

> «мы выйдем победителями и учредим в России республику рабочих, крестьян и всего трудового народа»[4].

Калегаев между прочим остановился в своей речи на отношении к Учредительному собранию и выразил левоэсеровскую, т. е. условную, поддержку его:

> «Говорят об Учредительном собрании, но скажите, товарищи, если бы Учредительное собрание высказалось за выкуп, за землю помещику? Ведь вы бы не признавали его? (с места: конечно нет)... И если Учредительное собрание неправильно поставит вопрос о земле и мире,—вы будете с ним бороться (аплодисменты). Надо знать сперва состав Учредительного собрания. Кто бы ни пошел против народа,

---

[1] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 11. Блестящая речь т. М. М. Володарского полностью помещена в «Красной летописи» за 1925 г., № 3/14 стр. 251—254.

[2] Очевидно на Московском совещании.

[3] Протоколы съезда, заседание 29 ноября 1917 г.

[4] Там же.

мы тому не уступим» (продолжительные шумные аплодисменты)[1].

Три дня продолжались доклады и прения по отчету Исполнительного комитета, переплетавшиеся с оценкой современной действительности и злободневными вопросами текущего момента. После беспрерывных докладов за эти три дня дальнейшее обсуждение отчета прервалось. Съезд, инспирированный правыми, перешел к обсуждению запроса об Учредительном собрании, а затем и к другим, злободневным вопросам, и обсуждение отчета возобновилось лишь 6/19 декабря, уже после раскола, когда съезд приступил наконец к заключительным прениям по отчету старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов и принял резолюцию с резко отрицательной оценкой его деятельности. В основу резолюции легли обвинения левых эсеров и большевиков по адресу авксентьевского Исполкома.

Резолюция обстоятельно отметила попытки Исполкома превратить трудящееся крестьянство в контрреволюционную силу; когда ему не удалось увлечь за собой II крестьянский съезд, он покинул съезд с небольшой частью своих единомышленников, чем внес раскол в ряды трудового крестьянства. Резолюция подчеркивает, что отрыв Исполкома от крестьянских масс выразился также ярко в факте неподчинения его постановлению большинства съезда о поддержке начатых мирных переговоров.

Заключительная часть резолюции выражала резкое осуждение деятельности Исполкома и полное недоверие его большинству:

> «На основании всего вышеизложенного II Всероссийский крестьянский съезд признает деятельность большинства Исполнительного комитета преступной по отношению к трудовому крестьянству, расстраивающей единый фронт революционной армии крестьян и рабочих, выражает ему полное недоверие и избирает новый Исполнительный комитет, которому поручает, совместно с Центральным исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов, провести в жизнь основные требования трудового крестьянства о земле, мире и воле»[2].

Затем был избран новый Исполнительный комитет. По сообщению «Новой жизни», новый Исполком был сконструирован в составе 250 членов по следующему принципу: 50 представителей от фракций, по 2 представителя от каждой губернии, насчитывающей один миллион населения, по 3 представителя от каждой армии и 10 представителей от флота. Из общего состава новоизбранного Исполкома особо были выбраны члены ЦИК советов крестьянских депутатов, входившие в общий состав ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в количестве 108 членов

[1] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 13.

[2] Указанный сборник резолюций Чрезвычайного и II Всероссийского крестьянского съездов, стр. 21—22.

ВЦИК. Выборы происходили на фракционных началах, и в общем представительство крестьянского ЦИК образовалось в следующем составе:

1) от фракции левых социалистов-революционеров интернационалистов—81 человек, в том числе М. А. Спиридонова, А. П. Карелин, А. М. Устинов, Г. Н. Сухарьков, М. А. Левин, М. А. Натансон, А. Л. Калегаев, Р. И. Сташков, А. А. Бищенко и другие;

2) от фракции большевиков—20 человек, в том числе: М. М. Харитонов, В. И. Невский, А. А. Анохин и другие;

3) от фракции беспартийных—6 человек;

4) от фракции максималистов—1 человек.

Были избраны еще 54 кандидата во ВЦИК для замены отдельных членов его в исключительных случаях. В президиум ЦИК советов крестьянских депутатов была избрана председателем М. А. Спиридонова, товарищами председателя: А. П. Карелин, Г. Н. Сухарьков, А. М. Устинов, М. М. Харитонов (большевик).

5. Вопрос об Учредительном собрании. Выступление Ленина.

Вопрос об Учредительном собрании поднимался на съезде чуть ли не во время обсуждения каждого пункта порядка дня. Даже приветствия съезду неразрывно связывались с вопросом об Учредительном собрании. Самостоятельно вопрос об Учредительном собрании обсуждался под углом зрения его защиты. Он и был поднят в связи с запросом правых об аресте членов партии «народной свободы», депутатов Учредительного собрания.

Запрос был оглашен 1/14 декабря, когда после бурного обсуждения доклада мандатной комиссии съезд, по всем данным, должен был приступить к продолжению прений по отчету Исполкома. Нормальный ход работы был прерван внесением внеочередного заявления об арестах. Большевики протестовали против спешности запроса. Голосование спешности запроса дало неожиданные результаты. Почти вся левая часть съезда, за исключением большевиков, воздержалась от голосования. Характерно было выступление по мотивам голосования матроса-большевика Розанова, упрекавшего «господ соглашателей» в саботировании съезда. После голосования поднялся необычайно сильный шум, продолжавшийся свыше получаса, и обсуждение запроса было отложено до следующего дня.

Заседание следующего дня (2/15 декабря) началось с обсуждения запроса об арестах членов Учредительного собрания. Было принято предложение левых эсеров пригласить кого-либо из лидеров большевиков для объяснения ареста членов Учредительного собрания. Затем слово было предоставлено инициатору запроса Б. И. Моисееву, представителю фракции объединенных социал-демократов интернационалистов. Моисеев пытался выставить прин-

ципиальную сторону вопроса, заявив, что дело вовсе не в кадетах, а в сохранении революционных завований, которым угрожает политика народных комиссаров, поведение которых

«губит революцию и помогает кадетам и буржуазии. Товарищи, никто не имеет права касаться грязными руками народных избранников»[1].

В этот момент на эстраде появился В. И. Ленин[2]. Моисеев тогда обратился к большевикам:

«Вы кричите о власти советов, а между тем действия комиссаров подрывают власть советов. Вместо советской власти—власть Ленина, занявшего место, принадлежавшее ранее Николаю.

Товарищи, нам не нужно ни Николая, ни Керенского, ни Ленина и Троцкого, нам нужна власть народа. Тов. Ульянов знает, что, если вы с ним не согласитесь, он разгонит вас штыками»[3] (шум, крики: «долой» и «браво», аплодисменты).

Моисеев не звал, по его словам, к борьбе с властью народных комиссаров, хотя и выразил надежду по адресу советской власти и ее вождей, что «новая волна революции сметет вас и ваши советы». Он призывал съезд лишь заявить народным комиссарам, что

«пока Учредительное собрание не стало нам по пути, народные избранники должны так же охраняться во время Николая—Ленина, как они охранялись при Николае Романове»[4].

Моисеев закончил свою речь таким образом образным представлением большевистской власти:

«Ульянов превратил вас в машинку для штемпелевания декретов, а если вы с ним не будете согласны, он вас разгонит».

Последние его слова снова вызвали шум и крики протеста[5].

Большевик М. М. Харитонов предложил предоставить слово Ленину для объяснений по волнующему всех вопросу. Против этого предложения возражал В. Я. Гуревич, представитель правых эсеров, указывая, что крестьянский съезд не выбирал народных комиссаров, следовательно он и не может выслушивать их объяс-

---

1 Протоколы съезда, заседание 2/15 декабря 1917 г.

2 Хотя в современной литературе встречается еще другая дата выступления Ленина—1/14 декабря, но по ходу событий видно, что выступление имело место именно 2/15 декабря. Об этом прежде всего мы находим категорические указания в протоколах съезда. Кроме того в следующих газетах приводится дата выступления Ленина—именно 2/15 декабря: «Голос трудового крестьянства» № 18, «Известия ВЦИК» № 244; «Правда» № 206, «Новая жизнь» № 192/186, «Дело народа» № 223.

3 Протоколы съезда, заседание 2/15 декабря 1917 г.

4 Там же.

5 «Новая жизнь» № 192/186.

нений. Председательствующий А. Л. Калегаев заметил, что Ленин не претендует на слово как комиссар, а будет выступать как оратор от большевиков[1].

По свежим следам демагогического выступления Б. И. Моисеева начал свою речь В. И. Ленин, который, как и на Чрезвычайном съезде, создал прежде всего общую обстановку доверия аудитории к докладчику. Он начал свою речь с оговорки, что, как и на Чрезвычайном крестьянском съезде, он выступает здесь не как народный комиссар, а как представитель большевистской фракции. Он опроверг демагогические заявления правых, будто большевики угрожают крестьянам штыками и сама советская власть держится, мол, не доверием рабочих и крестьян, а силой штыков.

> «Предыдущий оратор говорит,—передаем недословное изложение речи Ленина,—что крестьянам угрожают штыки со стороны советской власти[2].—Я смеялся, слушая эти слова... теперь сам народ диктует свою волю. Теперь народ все делает в своих собственных интересах. Это сделало русскую революцию непобедимой. Девять десятых русских революционных солдат состоит из крестьян, и нет такой силы, которая могла бы покорить волю народа, волю крестьян и рабочих... Моей улыбке при словах: «штыки угрожают крестьянам», придали неправильное толкование, и я должен сказать: штык в руках самого крестьянства»[3].

Вопрос об арестах кадетов членов Учредительного собрания Ленин увязывает с общей оценкой положения вещей. Спор о правах членов Учредительного собрания Ленин передвигал в плоскость центральных разногласий с правыми о принципе власти как об основном вопросе революции. Торжество советского принципа власти или буржуазно-демократического принципа власти Учредительного собрания—вот в чем сущность разногласий между большевиками и правыми.

Ленин раскрыл полностью значение советского принципа власти и показал, что сила советов в самой революции, и вовсе не в том, что они стали будто бы орудием большевистской власти, что они дали власть большевикам или создали «большевистское правительство», как иронически о них отзывались вожди правых. Советы образовались, указывает Ленин, еще в первую революцию 1905 г., образовались и после Февральской революции и не по чьему-либо почину, а по воле народных масс снизу. Неверно, что советы дали

---

[1] Протоколы съезда, заседание 15/2 декабря 1917 г.

[2] Речь Ленина изложена нами по протоколам съезда и по газетным отчетам («Правда» и «Известия ВЦИК»). Протокольная запись этой речи помещена в полном собрании В. И. Ленина, т. XX, ч. 2, стр. 192—194, 1926 г., изд. 1-е; т. XXII, стр. 113—115., изд. 2-е. Газетные отчеты помещены в «Записках Института Ленина» кн. 2, стр. 66—67.

[3] «Записки Института Ленина», кн. 2, стр. 66—67.

[illegible] большевикам. В Совете народных комиссаров не одни лишь большевики.

Ленин отмечал дальше, что, если в настоящее время большевики имеют преобладание в советах, этим они обязаны своей революционной политике, снискавшей доверие рабоче-крестьянских масс:

> «Вы сами знаете, что на I Всероссийском съезде советов нас, большевиков, и слушать не хотели. Политика всех партий была испробована народом. Народ верил только опыту. Пройдя через долгий опыт, он стал верить не партиям, а только своему опыту. Опыт научил их [массы] понять, что при соглашательской политике они ни земли, ни мира не получат»[1].

Сила советов—в доверии трудящихся: «Советы состоят из выборных народа. Следовательно они всегда будут отражать волю народа...» Если представители трудящихся в советах не будут проводить воли трудящихся, их можно отзывать оттуда.

Отсюда очевидно, как ложны заявления правых, будто «революция сметет советы». Только контрреволюция могла бы смести советы, но у нее нет сил против власти советов, опирающейся на вооруженных рабочих, солдат и крестьян. Имеются только заговорщики-калединцы, которые погибнут в борьбе против советов, несмотря на свое звание членов Учредительного собрания.

Ленин беспощадно разоблачает ложь и клевету, на которых основаны эсеровские нападки на методы революционной власти, и категорически опровергает инсинуации правых о насилиях, совершаемых будто бы советской властью над революционным народом.

В ответ на крики правых о генерале Н. Н. Духонине Ленин заявил, что генерал пал жертвою самосуда революционного народа, и при этом напомнил про другое, никем не вспомянутое, убийство—большевика рабочего И. А. Воинова в июльские дни за распространение большевистской газеты «Листок правды».

Характерно различное отношение,—подчеркивал Ленин,—буржуазной и соглашательской печати к убийству простого рабочего в лице И. А. Воинова и к убийству генерала Н. Н. Духонина,

> «который стал поперек дороги к миру, поперек желаниям 0,99 русской армии».

Безразличное отношение в первом случае и крики о насилии во втором случае. Большевистские газеты первые вынесли осуждение самосудам в связи с убийством Духонина.

Касаясь взаимоотношений двух принципов власти: советской власти или власти Учредительного собрания, Ленин отдает все преимущества советской власти: «Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний»[2].

---

[1] «Записки Института Ленина», кн. 2, стр. 67.

[2] Ленин, Речь на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 113.

В ответ на крики «ложь» Ленин заявил: «Право быть резким — право всякого человека, но отрицать то, что Советы самый высший тип власти—нельзя. Учредительное собрание—преходящая форма[1].

Таким образом Ленин на съезде определенно поставил вопрос об отношении к Учредительному собранию, лишив его ореола «народного суверенитета» и поставив его в определенное подчиненное положение к Советам. Впрочем Ленин допускал возможность одновременного существования двух систем—при определенных условиях, когда Учредительное собрание будет выполнять задачи Советов: «Если бы Учредительное собрание осуществило волю народа, оно не пошло бы против Совета. Учредительное собрание, выражая волю народа, имело бы громадное значение—оно согласовало бы свою деятельность с деятельностью Советов»[2]. Само собою разумеется, подобное совместное существование двух систем могло быть, по Ленину, кратковременным и допускалось лишь, пока не были изжиты еще мелкобуржуазные конституционные иллюзии широкими трудящимися массами. Судьба Учредительного собрания была предрешена Лениным. В зависимости же от линии соглашательского большинства Учредительного собрания ставился Лениным вопрос лишь о времени разгона—ждать ли с разгоном Учредительного собрания, пока широкие рабоче-крестьянские массы окончательно разочаруются в нем, или разогнать его немедленно в случае агрессивных действий партий большинства Учредительного собрания.

В связи с этим стоит ответ Ленина по существу запроса об арестах членов Учредительного собрания, членов кадетской партии:

> «Когда люди устраивают восстание против рабочих и крестьян, против Советов,—говорил Ленин,—а другой рукой показывают на высокий мандат в Учредительное собрание, мы перед этим не остановимся»[3].

После Ленина правые выпустили В. М. Чернова, который заполнил свою речь обычными нападками на советскую власть как на «захватническую власть». В арсенал его нападок вошли и заявления о «казенных газетах» (читай: большевистских), о латышских стрелках и других каких-то сводных отрядах в помещении Учредительного собрания. Правые эсеры устроили Чернову бурную овацию, и, когда он покинул трибуну, они аплодировали ему стоя.

Затем выступил ряд ораторов из других фракций—левых эсеров и эсеров-максималистов. Во время речи А. Л. Калегаева также последовала манифестация, именно в том месте его речи, когда он заявил:

> «У нас, товарищи, не было желания разогнать Учредительное собрание, согласное с волей народа».

---

[1] «Записки Института Ленина», кн. 2, стр. 66.

[2] Там же, стр. 67.

[3] Ленин, Речь на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, Соч., т. XXII, стр. 113—114.

Выступление другого лидера левых эсеров А. П. Карелина, если и выделялось среди других выступлений левых эсеров своим осуждением арестов депутатов Учредительного собрания, то, с другой стороны, было весьма важно открытым выявлением вполне оформившегося отношения левых эсеров к Учредительному собранию. Карелин заявил, что Учредительное собрание во всяком случае должно собраться, и он потому отозвался, как о громадной ошибке Совета народных комиссаров, о произведенных им арестах членов кадетской партии, депутатов Учредительного собрания.

Точка зрения Карелина оказалась официально левоэсеровской и особенно явно проявилась в обнародованном в те дни постановлении ЦК левых эсеров, где определенно подчеркивалось (пункт 1), что «Учредительное собрание должно быть открыто в составе всех его частей» (таким образом повидимому и в составе кадетов.—*М. Г.*) и что (пункт 5) «имеющиеся у власти данные (о кадетах, депутатах Учредительного собрания.—*М. Г.*) должны быть немедленно передаваемы гласности»[1].

В предложенной съезду резолюции левые эсеры принципиально не осуждали арестов членов Учредительного собрания при определенных законных гарантиях: «в том случае, когда имеются определенные улики, влекущие за собой судебные последствия». Таким образом левые эсеры заняли в общем межеумочную позицию в отношении к Учредительному собранию, поскольку не могли оторваться от мелкобуржуазных требований демократических гарантий при всяких обстоятельствах.

Иную принципиальную линию проводили большевики, делавшие все выводы из опубликованного 28 ноября (11 декабря) декрета, которым кадеты были объявлены врагами народа, а члены их руководящих учреждений—подлежащими аресту и суду революционных трибуналов. Ленин, как мы видели, объяснял на съезде аресты членов Учредительного собрания принадлежностью их к контрреволюционной кадетской партии, партии врагов народа.

Определенно резко и принципиально поставлен был вопрос в резолюции большевиков, предложенной съезду:

> «Съезд заявляет, что Каледину, Корнилову, Керенскому и всем прочим контрреволюционерам не должно быть места в Учредительном собрании, даже если они туда избраны, и чем скорее они очутятся в Петропавловской крепости, тем скорее страна избавится от безумной и преступной гражданской войны, начатой буржуазией против власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[2].

В результате прений были предложены три резолюции: 1) от имени эсеров центра и части левых эсеров, 2) левых эсеров и

---

[1] «Знамя труда» № 88 от 6 декабря 1917 г.

[2] «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 13.

3) большевиков. Что касается первой резолюции, внесенной от имени объединенной фракции эсеров центра и группы левых эсеров, то вслед за оглашением ее И. З. Штейнберг от имени фракции левых эсеров заявил, что она не отвечает настроению фракции, вносящей особую резолюцию. Резолюция правых эсеров (В. М. Чернова) представляла собой протест против насилий над Учредительным собранием.

Отмечая «факты преступного посягательства на права всенародного Учредительного собрания» со стороны Совета народных комиссаров, резолюция «призывает страну, армию и флот всеми силами стать на защиту Учредительного собрания»[1].

Перед самым голосованием М. М. Харитонов снял резолюцию большевиков, и съездом голосовались две резолюции: фракции эсеров центра и левых эсеров. Голосование производилось поименное, и большинством 359 голосов против 321, поданных за резолюцию левых эсеров, была принята резолюция эсеров центра[2].

Большинство, полученное правыми эсерами, все же было большинством случайного характера. Повидимому, отсутствовала часть левых делегатов, кое-кто из левых эсеров или примыкавших к ним, очевидно, вновь поколебался и голосовал вместе с правыми. Уже после ухода правых эсеров съезд принял новую, левоэсеровскую, резолюцию об Учредительном собрании.

В резолюции этой заявлялось, что II Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов считает необходимым, чтобы Учредительное собрание было безотлагательно открыто в составе всех его членов. Среди других положений резолюции важно отметить признание необходимости обновления Учредительного собрания путем перевыборов отдельных членов его. В резолюции характерна также условная левоэсеровская защита Учредительного собрания.

> «Поскольку Учредительное собрание является органом, создающим и укрепляющим советскую власть и проводящим в жизнь основные положения II съезда советов рабочих и солдатских депутатов и последних съездов крестьянских депутатов, II съезд советов крестьянских депутатов высказывается за его всемерную поддержку»[3].

---

[1] Протоколы съезда, заседание 2 декабря 1917 г.

[2] Хотя в соответствующем месте протоколов съезда (заседание 2/15 декабря) приводятся цифры: 360 голосов против 321, тем не менее в тех же протоколах (заседание 8/21 декабря) приводятся цифры: 359 голосов против 321. В пользу цифры 359 говорит то обстоятельство, что хотя цифра 360 приводится и в других газетах и в «Деле народа» № 223, но она приводится в том номере «Дела народа» (№ 230), где приводятся детальные цифры голосования правого и левого крыла. Заметим, что не в интересах «Дела народа» было преуменьшать цифру общего числа голосов, поданных за правых эсеров.

[3] Указанный сборник резолюций, стр. 5 — 6.

6. Проблема мира.

Другим центральным вопросом на II крестьянском съезде был вопрос о мире. Необходимость немедленного заключения мира становилась общепризнанным фактом—и в стране и на съезде. Появлявшиеся на съезде делегации от фронта требовали скорейшего заключения мира и указывали на невозможность дальнейшего сохранения фронта и продолжения войны.

Вот почему правые после раскола на съезде при всей непримиримости своей позиции по отношению к советской власти вынуждены были признать в особой резолюции фактическое заключение перемирия, правда, с разными оговорками и прежде всего тем все обусловливающим положением, что действительно демократический мир может дать только Учредительное собрание. Тактика правых сводилась к тому, чтобы вырвать инициативу заключения мира из рук левых или хотя бы условия мира и признание значения самого факта заключения перемирия. Получивши случайно большинство по вопросу об Учредительном собрании, правые поспешили с расколом к моменту обсуждения вопроса о войне и мире на съезде, как об этом говорила М. А. Спиридонова:

> «Именно шаги к миру послужили причиной форсирования раскола крестьянства со стороны правых лидеров; они, эти лидеры, не могут простить левому крылу социалистических партий их «первородство» в деле прекращения войны»[1].

Вынужденные признать самый факт мира, правые эсеры пытались использовать сепаратные условия мира для новых нападок на советскую власть. Всем ходом событий и требованиями самих делегатов съезда срочно диктовалась необходимость поставить на обсуждение съезда вопрос о мире и войне. Согласно поступившему запросу в президиум съезда о ходе мирных переговоров, президиумом был приглашен представитель большевиков для доклада о перемирии. Пришел на съезд Троцкий как раз, когда обсуждались поправки к принятой съездом 2/15 декабря резолюции об Учредительном собрании.

Появление Троцкого на съезде вызвало бурный инцидент, характеризующий как демагогию правых, так и непопулярность Троцкого среди крестьян-делегатов. Троцкому пришлось покинуть трибуну, не произнося ни одного слова. Он ушел в соседний Николаевский зал, в помещение фракции левых эсеров, где и сделал доклад о мире.

Уже после формального раскола, на другой день после него

---

[1] «Голос трудового крестьянства» № 18.

(5/18 декабря), Спиридонова сделала попытку побудить откололовшихся делегатов явиться на съезд для совместного обсуждения вопроса о мире. Попытка оказалась безуспешной. На вечернем заседании съезда (5/18 декабря) открылись оживленные прения по вопросу о войне и мире. Принята была почти единогласно резолюция с одобрением ведшихся мирных переговоров—424 решающими голосами при 4 воздержавшихся[1]. Из этого общего числа 182 голоса падало на представителей от губернских и уездных советов крестьянских депутатов от 40 губерний, т. е. более трети всех голосов было подано местными крестьянскими организациями[2].

Принятая съездом резолюция приветствовала первый крупный успех советской власти, завоеванный на пути борьбы против бесчестной империалистической бойни, и обещала поддержку миллионов солдат и крестьян той политике ЦИК и Совета народных комиссаров, которая будет направлена к скорейшему достижению честного демократического мира. Одновременно съезд призывал крестьян, рабочих и солдат как Германии и Австрии, с одной стороны, так Франции, Англии, Италии и других союзных стран—с другой, бороться за мир и преодолеть сопротивление своих империалистов и тем обеспечить дело мира[3].

Резолюция о войне и мире была принята поименным голосованием, а имена всех голосовавших за резолюцию были затем опубликованы в официальном органе съезда. Голосование резолюции с полным и безоговорочным одобрением мирных переговоров означало решительный переход съезда на сторону советской власти, и опубликование имен голосовавших за нее делегатов должно было иметь большое агитационное значение. Принятие означенной резолюции ставило полный водораздел между врагами и сторонниками советской власти.

Съезд подтвердил практическое значение своей резолюции избранием из своей среды делегации от крестьянского съезда для ведения мирных переговоров в составе Романова, Сталикова, Малютина (левые эсеры) и М. Селиванова (эсер-максималист).

7. Аграрный и продовольственный вопросы.

Из основных вопросов текущей политики, служивших предметом обсуждения съезда, следует выделить аграрный и продовольственный вопросы.

Внимания однако этим вопросам съездом не было уделено в должной степени, отчасти потому, что съезд отвлекала борьба с правыми, и отчасти потому, что основные моменты аграрной и продовольственной политики уже были предметом обсуждения

---

1 «Голос трудового крестьянства» № 19.
2 Указанный сборник резолюций, стр. 9.
3 Там же, стр. 7.

крестьянского съезда и в общем не оспаривались теперь данные им директивы. По аграрному вопросу, после заслушания доклада и кратких прений, бывших уже в последний день съезда, съездом была принята особая резолюция, подтверждавшая в основном резолюции Чрезвычайного съезда. В этой резолюции съезд подтвердил как общие положения аграрной политики советской власти со времени II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, так и все последние мероприятия советской власти в области аграрного законодательства, в особенности—положения о земельных комитетах или инструкции об урегулировании земельных отношений, разработанные коллегией земледелия. Поскольку на местах еще задерживался переход земли к трудящемуся народу, важно было подкрепить авторитетом крестьянского съезда все практические постановления советской власти в этой области. Весьма характерно для левоэсеровского съезда подчеркивание реализации в декретах советской власти именно эсеровской аграрной программы:

> «Подтверждая непреклонную волю всего трудового крестьянства о том, что земельный вопрос был разрешен Учредительным собранием в духе программы партии эсеров, т. е. путем полного уничтожения частной собственности на землю и перехода ее вообще в народное достояние (социализация земли) без всякого выкупа, хотя бы в замаскированной форме, для передачи в уравнительное трудовое пользование без применения наемного труда, и отмечая, что принципы эти нашли авторитетное подтверждение в постановлениях I Чрезвычайного и II всероссийских съездов советов крестьянских депутатов и II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, съезд приветствует отмену декретом Совета народных комиссаров частной собственности на землю и обращается к трудовому крестьянству с призывом взять все помещичьи хозяйства со всем живым и мертвым инвентарем и постройками в ведение земельных комитетов»[1].

По продовольственному вопросу съезд заслушал обширный доклад М. А. Левина. Симптомом разрухи,—говорил Левин,—являлось расстройство денежного хозяйства в России, в результате чего население прибегало к товарообмену. Обмен между городом и деревней страдает многими несовершенствами, зависящими как от чрезвычайного упадка сельского хозяйства, так и от недостатков в продуктах легкой промышленности, поскольку промышленность работает главным образом на оборону. Докладчик указывал, что единственным средством поднятия продовольственного дела на должную высоту является строгий контроль крестьян, рабочих и солдат над производством и потреблением. Органом этого контроля яв-

[1] Указанный сборник резолюций, стр. 24—25.

ляется Совет народного хозяйства при Совете народных комиссаров, выработка же плановой деятельности Совета должна производиться с участием представителей крестьянских организаций[1].

О размерах продовольственного кризиса в стране в то время можно судить по коротенькой, но весьма содержательной вместе с тем резолюции съезда о снабжении голодавших областей и армии:

> «Съезд постановляет, чтобы правительственный комиссар по продовольствию напряг все силы в направлении снабжения хлебом голодающих губерний, областей и армий, дабы положить конец растущей смертности от голода»[2].

После кратких прений по продовольственному вопросу съезд принял за основу резолюцию, предложенную докладчиком. В принятой резолюции особое место заняла критика всей прежней продовольственной системы как во время кадета А. И. Шингарева, так и в период керенщины, с ее неудачными реквизициями и прочими нецелесообразными мерами по организации снабжения населения. Характерен призыв в резолюции к самому крестьянству, в особенности к крестьянству Сибири,—притти непосредственно на помощь советской власти, предоставить в ее распоряжение излишки хлеба для удовлетворения голодающего населения неурожайных местностей:

> «Съезд призывает все советы как в центре, так и на местах всеми мерами помогать предотвращать голодные беспорядки и устранить причины их возникновения, тем самым поддерживая престиж советской власти и рабоче-крестьянского правительства»[3].

Это было первое непосредственное обращение съезда к самим советам крестьянских депутатов, с призывом активной помощи в продовольственном деле.

8. Делегации на съезде.

Приветствия от разных общественных и политических организаций, внеочередные заявления, оглашавшиеся на съезде, опять-таки с приветствиями, разные делегации, посещавшие съезд, оживляли работу съезда. В отличие от Чрезвычайного крестьянского съезда делегации, посещавшие II съезд, были исключительно от военных организаций или военно-крестьянских организаций с фронта. Поскольку в армии и флоте преобладали крестьяне, эти делегации служили рупором настроения широких крестьянских масс и теснее укрепляли связь между крестьянскими массами и самим съездом.

---

1 «Новая жизнь» № 198/192.
2 Указанный сборник резолюций, стр. 17. Подчеркнуто мною.— *М. И.*
3 Там же.

Делегации и приветственные резолюции по адресу съезда от разных организаций указывали на все больший рост политического самосознания крестьянских масс. Весьма показательно в этом отношении оглашенное заявление Псковского губернского съезда крестьянских депутатов, приветствовавшего образование левого крыла в партии социалистов-революционеров, протестовавшего против поведения правых эсеров и эсеров центра, ведших борьбу с советской властью. Съезд выразил недоверие своему делегату эсеру Г. К. Покровскому и предложил ему сложить с себя звание члена Учредительного собрания.

Делегации с фронта неизменно касались вопроса о мире, и даже те из них, политическая ориентировка которых не была вполне свободна от левоэсеровских колебаний и даже правоэсеровских настроений и которые возлагали чуть ли не все надежды на Учредительное собрание,—даже они имели большое агитационное значение своим демонстративным выражением настойчивых стремлений солдатских и крестьянских масс к миру. Голос фронта требовал мира во что бы то ни стало и указывал на последний предел истощения армии и на дальнейшую невозможность продолжения войны.

В этом отношении предостерегающее значение имел ультиматум делегации 79-го Сибирского стрелкового полка. Делегация, по ее собственному заявлению, имела задачей выяснить перед страной и съездом безвыходное положение полка на фронте.

На съезд делегация явилась с особой резолюцией, направленной в ЦИК, к Совету народных комиссаров и Учредительному собранию, которую и огласила на съезде. Резолюция рисует безотрадно тяжелую картину полка, продолжавшуюся все время убыль наличного состава полка и сверхчеловеческие мучения оставшихся в живых окопников, но погибавших в буквальном смысле этого слова от голода и холода и от массовых заболеваний. В заключение полк выставил ультимативное требование: 1) полк должен быть пополнен с таким расчетом, чтобы была возможность откомандировать всех побывавших на фронте более двух лет, 2) полк должен быть обеспечен обмундированием и снабжен продовольствием, лошадьми, фуражом и перевозочными средствами, 3) если же к 15/28 декабря 1917 г. все указанные требования удовлетворены не будут, полк самовольно оставит фронт и уйдет в тыл[1].

Посещение делегации 12-й армии было большим политическим событием дня на съезде. Делегация встретила восторженный прием со стороны большинства съезда, и этот прием и чувства, волновавшие при этом многих участников съезда, весьма характерны для рядовых делегатов съезда, с большими усилиями и крайне медленно переходивших на советскую платформу. Делегация посетила

[1] Протоколы съезда, заседание 3 декаря 1917 г.

съезд еще в первые дни его работ, когда страсти еще не разгорелись до последней степени и сравнительно легко было влиять на рядовых делегатов, еще не размежавшихся окончательно по фракциям.

Во время прений по докладу Исполнительного комитета 30 ноября (13 декабря) в зал заседаний вошли один за другим солдаты с винтовками за спиной. Это была делегация 12-й армии, в полном составе явившаяся приветствовать съезд. Все встали и шумно приветствовали делегацию. Речь представителя делегации Шимелиовича была проникнута призывом к единому революционному фронту. Он старался совместить два лозунга—Учредительное собрание и власть советов. В начале своей речи Шимелиович заявил от имени 12-й армии: «Нет власти, кроме власти народных комиссаров», но тут же добавил:

«Мы приехали приветствовать Учредительное собрание. Десятки лет рабочие и крестьяне боролись и требовали Учредительного собрания... 12-я армия и ныне в момент обостренной классовой борьбы думает, что Учредительное собрание сможет вместе с советами стать во главе революции... Мы будем держать фронт, но дайте нам спокойно, уверенными уехать, что будет единый фронт революции... Я вижу слезы на глазах некоторых из вас, братья, а тревога эта беспокоит вас,—будьте едины. Нам нужно бороться с Корниловыми. Да здравствует единый фронт трудящихся: крестьян, рабочих и окопников...»[1]

После ответного приветствия М. А. Спиридоновой и других участников съезда опять выступил тот же представитель делегации, в общем повторивший те же «полубольшевистские» призывы, что и в первой своей речи. Мы приводим заключительные слова его речи, которые представляют особый интерес, поскольку в них косвенно отразилось настроение собрания:

«На нашем знамени: да здравствует власть народных комиссаров и Учредительное собрание! (аплодисменты). Надо совместить власть советов и Учредительного собрания (аплодисменты). Кто не сумеет это сделать, мы заставим (голос: штыками?)... Нет, не штыками, а ясно выраженной волей. А воля наша: немедленное перемирие, немедленный честный мир (аплодисменты). Видите, ведь есть общие слова и для правых и для левых,—мы ведь можем понять друг друга. Я вижу, крестьяне опустили голову, и на глазах у некоторых слезы. Значит, мы не всеми покинуты» (продолжительные аплодисменты)[2].

---

1 «Известия Всероссийского крестьянского съезда» № 13.
2 Там же, № 14.

9. Раскол съезда и попытки к объединению.

Поведение правых на съезде граничило уже с открытым расколом. Видя свое меньшинство, они не брезговали никакими средствами, чтобы добиться преобладания на съезде. Получив случайно большинство в вопросе об Учредительном собрании, правые поспешили в тот же вечер объявить о результатах голосования вопреки тогдашней съездовской практике.

Между тем уже на другой день был поднят вопрос о принятии резолюции, и после продолжительных прений большинство 342 голосов против 315 было принято постановление о новом обсуждении и поправках к принятой уже резолюции В. М. Чернова об арестах членов Учредительного собрания.

Формально раскол произошел на другой день 4/17 декабря по сравнительно неважному вопросу—о выборах в президиум.

Большевики и левые эсеры возражали против немедленных перевыборов ввиду спорности многих мандатов согласно докладу мандатной комиссии. Когда же предложение о перевыборах было поставлено на голосование, большевики и левые эсеры решили воздержаться от голосования.

Несмотря на всю горячность спора, вызванного перевыборами президиума, не он был действительной причиной раскола. Правые искусственно раздували инцидент с перевыборами, что не мешало им впрочем вину раскола сваливать на левых, и, уходя со съезда, обращаясь к левым, они кричали: «Вы умышленно раздираете Россию на части»[1].

М. А. Спиридонова, как известно, объясняла причину раскола попыткой правых вырвать инициативу у левых в деле ликвидации войны. Но это обстоятельство было лишь причиной форсирования раскола. Настоящей причиной раскола были расхождения по вопросу об Учредительном собрании. Об этой основной причине раскола неоднократно заявляли лидеры правых. В своем воззвании—«Ко всему трудовому крестьянству» правые заявляли: «Мы раскололись на том вопросе, который считаем коренным,—на вопросе об Учредительном собрании». То же самое буквально говорил В. М. Чернов в своей заключительной речи перед закрытием совещания правой части съезда, о том же говорилось в декларации правых об их уходе со съезда. Самый факт раскола, по мысли правых, должен был означать раскол в самом крестьянстве, должен был бы послужить призывом к началу братоубийственной войны в деревне.

Хотя за правыми лидерами ушла со съезда значительно меньшая часть его, левые эсеры по старой своей традиции—сохранить во что бы то ни стало фронт революционной демократии—предпр-

---

1 «Дело народа» № 225 за 1917 г.

няли ряд попыток к восстановлению единого крестьянского съезда. Зная, какое значение имеет вопрос о мире для крестьянства и для колеблющихся делегатов, еще не вполне поддавшихся влиянию кулацкой агитации, левые эсеры сделали попытку к объединению на другой же день раскола (5/18 декабря) перед окончательным обсуждением вопроса о мире.

По постановлению съезда была отправлена делегация на Фонтанку, где заседали отколовшиеся правые, чтобы предупредить крестьян-делегатов, шедших за правыми лидерами, о предстоявших прениях по вопросу о перемирии и мире. С ответом от правых пришла особая делегация, которая объявила съезду условия, являвшиеся по существу ультиматумом. Условия, на которых правые хотели вернуться на съезд для совместных занятий, выражались в следующих требованиях: 1) никаких поправок в резолюцию правых об Учредительном собрании и об арестах членов его, принятой 2/15 декабря, и 2) выборы постоянного президиума съезда производятся на основе областного представительства[1]. Заявления делегации правых были лишь приняты к сведению, и съезд перешел к очередным делам.

Вожди правых демагогически объясняли причину раскола фракционностью и партийной нетерпимостью левых лидеров, которые и производили-де безжалостно свои фракционные операции над единым крестьянством.

Впрочем и члены «левой» делегации не ушли далеко от правых в объяснении причин раскола съезда. Они также жаловались, что «наш крестьянский фронт разбит», потому что фракции не сумели сговориться между собой (Федотов). Другой член левой делегации заявил:

> «Это наши лидеры водят нас туда и сюда, а теперь мы проснулись и сами пойдем без них»[2].

Влияние подобной демагогии особенно плачевно отразилось на выступлении представителя Севастопольского совета крестьянских депутатов, матроса Кедрина, еще утром того дня посетившего заседания левых и правых и обретшего наконец успокоение у правых. После обращения делегации левых с призывом к объединению он сделал такое заявление:

> «Товарищи крестьяне, если эти лидеры не перестанут нас мучить своей борьбой, создадим свой собственный крестьянский, а не фракционный съезд... Нам нужно это Учредительное собрание, мы поддержим его всеми силами, и мы горячо протестуем против арестов его членов».
>
> «Если вы мне не верите,—продолжал оратор, становясь на колени,—я готов доказать это настоящим действием. Я не

---

[1] Протоколы съезда, заседание 5/18 декабря 1917 г.
[2] Там же, заседание 6/19 декабря 1917 г.

— могу вернуться обратно, не защитив как следует Учредительное собрание, я покончу самоубийством,—уже почти истерически выкрикнул оратор,—если мне не удастся исполнить волю пославших меня на крестьянский съезд»[1].

Декламация матроса Черноморского флота осталась только декламацией, умилившей сердца читателей «Дела народа», так трогательно описавшего ее, а за спиной доверчивых делегатов действовали матерые предатели революции во главе, с тем же В. М. Черновым, и на другой день (7/20 декабря) делегация правых выставила съезду те же условия примирения, что и накануне, пополнив их еще новыми требованиями такого же ультимативного характера. Съезду оставалось принять лишь резолюцию декларативного характера:

> «Заслушав делегатов отколовшейся части, съезд горячо приветствует желание отколовшейся части соединиться воедино... Вместе с тем съезд считает недопустимым предъявление каких бы то ни было требований одной части съезда другой. Выслушав же искренние речи делегатов, съезд надеется, что единение возможно при условии совместной работы, и еще раз перед лицом всей страны призывает ушедших товарищей к дружной совместной работе»[2].

На этом попытки к восстановлению единства и закончились.

10. Отколовшиеся правые.

Правые, ушедшие на Фонтанку в помещение прежнего Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, составили свой «съезд». Вначале, правда, они колебались, не разойтись ли во-свояси, по домам, избрав только новый Исполнительный комитет, который созвал бы III Всероссийский крестьянский съезд, но только не в Петрограде, а в Киеве, под крылышком Центральной украинской рады, находившейся тогда в состоянии войны с советским правительством. Возобладало мнение продолжать заседания самостоятельно, послав предварительно ответную делегацию к левым с изложением условий совместной работы на съезде.

Правые эсеровские лидеры вынуждены были de facto примириться с признанием себя частью съезда, поскольку они составляли очевидное меньшинство. В воззвании к крестьянству они продолжали, правда, настаивать на цифре своего представительства, близкой к цифре полученного им большинства во время голосования 2/15 декабря, и заявляли, что они работают в составе 347 де-

---

[1] «Дело народа» № 226 за 1917 г.

[2] «Голос трудового крестьянства» № 13, «Знамя труда» № 91 за 1917 г.

легатов, стоящих на защите Учредительного собрания. Цифра эта однако была значительно преувеличена.

Когда они произвели 7/20 декабря подсчет своих голосов, то налицо оказалось 212 делегатов с решающим голосом и 25 с совещательным. Во время избрания членов Исполнительного комитета наибольшее количество голосов получил их вождь В. М. Чернов—194 голоса, очевидно, всех участвовавших в голосовании делегатов.

Между тем, как известно, резолюция левых о мире была принята при поименном голосовании 424 решающими голосами при 4 воздержавшихся. Левое большинство съезда после раскола примерно было вдвое больше, чем отколовшаяся часть съезда. Вынужденные признать свое меньшинство, правые в своих воззваниях и резолюциях обычно называли себя всероссийским съездом советов крестьянских депутатов—частью, стоящей на платформе защиты Учредительного собрания, или частью, стоящей на платформе—«Вся власть Учредительному собранию» и т. д., и только изредка выступали от лица просто съезда.

Несмотря на свое меньшинство, «съезд» правых обставил себя всем, полагающимся для всероссийских съездов. Когда левыми были отвергнуты ультимативные требования правых по вопросу об объединении, Чернов, от имени президиума, напутствуя «съезд» на «серьезную, деловую работу», заявил, что

> «там (т. е. в помещении Городской думы, у левых—*М. Г.*) нечего делать крестьянству. У них нет ни научных сил, ни знания, ни уменья органически работать... Настоящий съезд здесь, где настоящее крестьянство, крестьянская душа, где будет вестись настоящая, деловая крестьянская работа»[1].

Президиум, по словам В. М. Чернова, позаботился о докладах по насущным вопросам. И действительно правый «съезд» блистал эсеровскими светилами и вождями, не говоря уже о самом Чернове, который принимал участие при обсуждении каждого вопроса. На «съезде» фигурировали в качестве докладчиков три товарища министров при А. Ф. Керенском: В. Я. Гуревич—товарищ министра внутренних дел, кадет П. А. Вихляев—товарищ министра земледелия и Н. Д. Кондратьев—товарищ министра продовольствия. Выступал также сам бывший министр земледелия С. Л. Маслов, знаменитый впоследствии эсер К. Буревой и много других кандидатов на министерские посты вскоре образовавшихся контрреволюционных правительств.

Доклады блистали показной эрудицией, и признательный «съезд» даже выразил благодарность Вихляеву за доклад, основанный-де на научных данных. По-ученому держался и представитель «деловых» людей—кооператор А. М. Беркенгейм, который, подобно

---

[1] Протоколы съезда, заседание 7 декабря 1917 г.

прочим эсеровским лидерам, с профессорским высокомерием отзывался о невежестве масс, идущих за большевиками. В момент, когда лилась кровь рабочих и крестьян в борьбе с генералами Корниловыми и Каледиными, эти маргариновые куклы ничего другого не могли придумать, как подкреплять мнимыми научными данными идеологические предпосылки своей борьбы с советской властью.

На «съезде» не было острых принципиальных разногласий среди участников его и вообще не велась фракционная борьба. В целом—участники совещаний правых держались общей, компактной массой. Что касается классового состава съезда, то преобладали на нем кулаки и зажиточные крестьяне. Те и другие скрывались под кличкой «самостоятельных хозяев». Напротив, кулак был даже жупелом на собраниях «съезда».

В этом выражалась искусная стратегия правых. В их выступлениях и резолюциях не найдешь открытой защиты интересов имущих классов, помещиков или кулаков. Как и слово «кулак», так и слово «буржуй» были самыми ругательными кличками. Демагогия правых была рассчитана как на некоторых участников их совещаний, случайно или сознательно пошедших за правыми, так и на аудиторию вне своего съезда, на все трудовое крестьянство, к которому они апеллировали от лица «съезда».

Другим жупелом на «съезде» правых была кличка «кадет». От последних теперь всячески открещивались, и даже заядлые контрреволюционеры облачались в тогу социалистов. Когда один из членов делегации левых, крестьянин, обратился к правым со словами «господа кадеты», очевидно смущенный видом бывших министров и их советников, а также некоторых делегатов из кадрового офицерства, председательствующий пояснил, что «по-видимому оратор введен в заблуждение, так как никаких кадетов в собрании нет, а есть только социалисты»[1]. Кадетов нет, по заявлениям правых лидеров, и в Могилеве—Ставке генерала Н. Н. Духонина, нет и в Центральной раде,—и поэтому они отметали обвинения в контрреволюционности указанных учреждений.

Защищая интересы «самостоятельных хозяев», правые протестовали против выделения большевиками батраков из всего трудящегося крестьянства, так как такое выделение мешало скрытным целям правых эсеров—затушевыванию классовых различий в самом крестьянстве. Единое, сплоченное крестьянство было фикцией, нужной правым эсерам для обмана масс. С другой стороны, правые эсеры резко противопоставляли крестьянство другим классам. Узко классовый характер такой цеховщины особенно ярко вскрывался при обсуждении на «съезде» правых эсеров рабочего вопроса.

---

[1] Протоколы съезда, заседание 5 декабря 1917 г.

Отдельно рабочий вопрос не обсуждался,—он перемежался с другими, вырывался незаметно, обнаруживая все же полностью кулацкий состав участников совещания. Докладчик по продовольственному вопросу Н. Д. Кондратьев одной из причин продовольственной разрухи выставлял расхищение рабочими продуктов выработки. Точно так же одной из причин падения фабрично-заводской промышленности он находил введение 8-часового рабочего дня. Выступавшие в прениях делегаты не уступали докладчику в откровенной защите собственнических вожделений.

Правые считали, что они представляют собою настоящее «реальное» крестьянство, крестьянство от земли, как выразился И. С. Сорокин. Они противопоставляли себя и свой «съезд» левым как фронтовому крестьянству. Была попытка в декларации об уходе со съезда противопоставить себя армии. Другие договаривались до именования съезда левых «солдатским заговором». Это «реальное» крестьянство означало конечно крестьянство зажиточное и кулаков.

Демагогия лидеров правых выражалась особенно сильно в их явно лживых обвинениях по адресу В. И. Ленина, не оценившего будто и даже отрицательно относившегося к крестьянству. Чтобы опорочить движение пролетариата в глазах крестьянства, они старались показать, как мало заботились социал-демократы о крестьянстве и как они были далеки от него, а порой даже враждебны. Правые поставили особый доклад В. М. Чернова по вопросу истории развития аграрной программы социал-демократов.

Явно лживыми были и демагогические цели, преследовавшие утверждения в резолюции, принятой по докладу Чернова, что «большевики сеют рознь и взаимное недоверие между городом и деревней, фабрично-заводскими рабочими и крестьянством», объявляя последнее «неспособным к борьбе за социализм». Социализация земли осуществлена-де большевиками лишь в смысле передачи всех земель в казну, и допущение до них крестьянства произошло лишь на основах арендных договоров с казной [1].

Что же касается самой работы совещаний правых эсеров, то в общем она представляла собой дублирование работ съезда левых, под углом защиты только интересов имущих классов. По существу правыми эсерами рассматривались те же самые общие политические вопросы, прибавлены были лишь вопросы, связанные с открытой борьбой правых с советской властью. В порядке обсуждения у них стояли те же вопросы—о мире, о земле, о продовольственном положении и демобилизации армии, о деятельности бывшего Исполнительного комитета крестьянских депутатов, обращения и воззвания к крестьянским массам, наконец организационные вопросы. Новыми поставлены были вопросы об истории развития аграрной

[1] Протоколы съезда, заседание 10 декабря 1917 г.

программы у социал-демократов и об отношении к Советскому государству.

Правые не ограничивались отдельными выступлениями против советской власти, но поставили особый доклад об отношении к советской власти. Докладчик по этому вопросу В. Я. Гуревич трактовал советскую власть как «власть, рожденную в крови и грязи», современный порядок характеризовался им «как анархия, произвол кучки большевиков и идущей за ними темной массы».

На помощь пришел Чернов, который предложил резолюцию, единогласно принятую собранием, заключительная часть которой представляла собой прямой вызов по адресу советской власти:

> «Объявить перед лицом всего русского крестьянства так называемый «Совет народных комиссаров» незаконным захватчиком власти, обязанным немедленно прекратить всякие посягательства против Учредительного собрания, которому одному должна принадлежать под контролем народных голосований вся полнота власти в государстве» [1].

В своих речах, воззваниях и резолюциях правые эсеры неоднократно призывали к борьбе с советской властью. Борьба рекомендовалась ими во всех формах,—начиная от саботажа и вплоть до открытой «всенародной» борьбы. Они поощряли всяческое сепаратное движение под предлогом борьбы с ненавистным большевистским режимом. Не случайно помышляли они в первый день раскола на съезде о новом месте для крестьянского съезда, представитель же Кавказской армии угрожал, что если не будет созвано на Кавказе Учредительное собрание, то

> «Кавказ вместе с Украиной и Доном созовет Учредительное собрание в Киеве или Тифлисе» [2].

Шаг за шагом лидеры правых эсеров прогрессировали в своей борьбе с советской властью. Не ограничиваясь одной резолюцией и выступлениями ораторов по поводу конфликта между советской властью и Украинской центральной Радой, они отправили специальную делегацию в Смольный (по их терминологии), иначе говоря, в Совет народных комиссаров, с требованием прекращения гражданской войны. Когда принималась резолюция по продовольственному вопросу, среди других поправок была предложена поправка о борьбе с агитацией за сокращение посевов, начатой помещиками и кулаками в связи с революцией. Поправка гласила:

> «Предлагается призвать крестьян бороться против сокращения посевов весной 1918 г.» [3].

Поправка была отвергнута, и этот факт в тысячу раз больше говорит, чем устные лживые выступления правых эсеров, про-

---

1 Протоколы съезда, вечернее заседание 11 декабря 1917 г.
2 Протоколы съезда, вечернее заседание 6 декабря 1917 г.
3 Протоколы съезда, вечернее заседание 11 декабря 1917 г.

тив гражданской войны и, с другой стороны, подчеркивает, какое реальное содержание придавали они своим угрозам уморить голодом население в случае дальнейшего существования советской власти.

Они дважды обращались к крестьянству: и в декларации о причинах ухода со съезда и в особом «Воззвании ко всему трудовому крестьянству страны, армии и флоту». В том и другом обращении они призывали «всю трудовую крестьянскую Россию стать на защиту опоры страны— Учредительного собрания». Для подготовки этой борьбы правые избрали новый Исполнительный комитет, составленный ими по областному представительству, именно от 36 губерний и 10 армий, в количестве 89 человек. Вошли в этот Исполком, понятно, одни эсеры. Председателем Исполнительного комитета был избран затем В. М. Чернов, товарищами председателя—Н. И. Ракитников, Чернобаев, Сергей Овчинников и Русин, секретарем—Остроумов. Этот контрреволюционный подпольный Исполнительный комитет ближайшей своей целью должен был ставить созыв нового крестьянского съезда в срок, в зависимости от политического положения в стране, а пока что на его обязанности лежало сплачивать все силы, враждебные советскому строю.

На какие социальные силы опирался этот антисоветский и контрреволюционный «съезд»? Конечно смешны были его претензии на выражение воли «трудового» крестьянства. Правда, отдельные представители середняцких слоев по несознательности своей могли итти за правыми эсерами и участвовали в этом «съезде». На «съезде» между прочим было оглашено заявление 33-й пехотной дивизии, которое путанностью своей политической позиции показывало, как иногда удавался обман правых эсеров. С одной стороны, крестьяне-солдаты означенной дивизии заявляли, что готовы выступить с оружием в руках против контрреволюционеров, идущих с генералами Л. Г. Корниловым, А. М. Калединым и т. д., с другой стороны, обращались с призывом «ко всем товарищам» «отстоять святое дело мира и Учредительное собрание». Один наивный делегат искал поддержки на правоэсеровском «съезде» против контрреволюционного правительства Донского войска. Такие примеры наивности были, заметим, не единичны.

В действительности сочувствие «съезд» встречал лишь среди имущих слоев населения, в особенности среди элементов, группировавшихся вокруг земств. Неоднократно на совещаниях затрагивался вопрос о земствах. Вопрос о земствах поднимался и в связи с «насилиями» над ними со стороны советской власти и как самостоятельная задача будущей общепризнанной власти. Земствам, по мнению лидеров правоэсеровских совещаний, предстояла еще большая будущность.

В свою очередь земства сплотились вокруг правоэсеровского центра и своими приветственными телеграммами пытались усилить его авторитет и поднять его как можно скорее на активную борьбу с советской властью.

Каков же был политический смысл существования этого правоэсеровского съезда, который реально был настолько слаб, что не мог своим авторитетом снять запрещение на перенос пишущей машинки из помещения старого Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов. Правые эсеры рассчитывали, если не удастся сделать его центром внимания и сплочения всего крестьянства, то одним фактом его самостоятельного существования сорвать значение II Всероссийского крестьянского съезда.

То и другое им не удалось осуществить благодаря тому, что они не опирались на широкие крестьянские массы. А втянутые обманом в их сети отдельные крестьянские делегаты и отдельные крестьяне из некулацкой среды освобождались от правоэсеровского влияния, поскольку на опыте убеждались в противокрестьянской политике вчерашних слуг и друзей А. Ф. Керенского. И здесь огромное значение имела широкая разъяснительная кампания по разоблачению правых эсеров, которую вела партия большевиков. В этом отношении было особенно важным политическим событием дня воззвание к крестьянству, составленное В. И. Лениным.

II. Воззвание Ленина к крестьянству.

Накануне окончания работ съезда Ленин составил проект воззвания к крестьянству, который предложил А. М. Устинову провести от имени съезда. Но на вечернем заседании съезда 22 (9) декабря было принято другое воззвание—«Ко всему трудовому крестьянству, народной армии и флоту». Ленинское же воззвание в значительно измененном левыми эсерами виде оглашено было на заседании Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов 26 (13) декабря и опубликовано было от имени Исполнительного комитета.

Характерны те изменения, которые внесли левые эсеры в ленинский проект воззвания. Подобно тому как они в своих, обычно «туманных», резолюциях затушевывали классовую борьбу, они пытались и частично осуществили свои попытки вытравить в проекте воззвания ленинскую четкость классового анализа. Н. П. Горбунов отмечает большинство изменений, проделанных ими в ленинском проекте [1]. Изменено было прежде всего заглавие самого обращения: у Ленина воззвание от имени крестьянского съезда обращено к крестьянству, у левых эсеров, иначе говоря, в опубликованном тексте,—к трудовому крестьянству. В самом тексте

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 353 — 356.

воззвания обращение Ленина к крестьянству заменено обращением к трудовому крестьянству. Вместо ленинского обращения «товарищи крестьяне» в нескольких местах в тексте стоит «братья крестьяне». Слово «страна» заменено в одном месте—«многострадальная родина». Простые и ясные ленинские слова: «укрепить союз крестьян с рабочими и ускорить победу социализма», заменены напыщенной левоэсеровской фразой: «укрепить святой союз трудового крестьянства с рабочим классом и ускорить полную победу трудящихся».

В этой напыщенной фразе пропало однако одно слово—«социализм». В заключительном лозунге воззвания ленинский призыв—«да здравствует социализм» заменен расплывчатым лозунгом—«да здравствует братство трудящихся всех стран». Всюду выправлены из проекта упоминания о социализме, что вообще весьма характерно для левоэсеровского «социалистического» мировоззерцания. Такое же принципиальное значение имеют изменения, касающиеся гражданской войны. Слова Ленина извращены таким образом, что им придан характер отказа от гражданской войны.

У Ленина:

> «Эти попытки безумны (борьба контрреволюционеров), ибо, кроме пролития рек крови понапрасну, ничего не изменится, ничто в мире не сломит единодушного решения рабочих, солдат и крестьян...»[1]

В левоэсеровском тексте:

> «Вы спасете трудовую Россию от безумной гражданской войны, войны брата против брата, которая, кроме напрасного пролития крови, ничто не изменит к лучшему»[2].

В своем проекте воззвания Ленин обращается с горячим призывом к крестьянству вмешаться в классовую борьбу и ускорить своим вмешательством победу рабочих и крестьян, ибо крестьянство не может остаться в стороне от современных событий, оно должно весьма сочувственно отозваться на призыв съезда:

> «Прочитайте наш призыв в каждой деревне, в каждой избе, обсудите его на всех без исключения собраниях, сходах, учреждениях крестьянских... Ибо от ваших решений, от решений большинства народа, от решения самих крестьян больше всего зависит судьба нашей родины»[3].

В воззвании Ленин говорит, что втянутое в переживаемые события крестьянство должно принимать наказы всюду и повсеместно, в каждой деревне, которые и должны выражать волю трудового народа;

в наказах и требованиях крестьяне должны выносить осужде-

---

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 361.
[2] Там же, стр. 358.
[3] Там же.

ние раскольникам-депутатам II Всероссийского крестьянского съезда, этим изменникам крестьянскому делу, которые откололись от этого съезда, перейдя в стан помещиков и капиталистов, начавших гражданскую войну против народа;

крестьянство должно выносить осуждение тем депутатам Учредительного собрания, которые прошли в него обманным путем, так как списки кандидатов в Учредительное собрание были составлены ранее происшедшего затем раскола партии социалистов-революционеров;

в своих наказах крестьянство должно как выносить осуждение депутатам, покинувшим II крестьянский съезд, этим изменникам крестьянскому делу, так и требовать отозвания и перевыборов таких депутатов в Учредительное собрание, которые не признают решений II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, II Всероссийского крестьянского съезда;

как эти раскольники-делегаты, так правые депутаты Учредительного собрания несут только возмущение богачей против советской власти, открывшей правду трудящемуся эксплоатируемому крестьянству;

когда вся страна разделилась на два стана—помещиков и капиталистов, богачей и их прислужников—с одной стороны, рабочих и трудящихся и эксплоатируемых крестьян—с другой, остаются лишь два возможных выхода:

> «Третьего пути нет. Либо кровавое истребление богачей, авксентьевцев, черновцев, масловцев. Либо их согласие на перевыборы депутатов от крестьянства в Учредительное собрание»[1].

Ленин в воззвании писал, что от вмешательства крестьянства зависит второй исход, который ликвидирует в корне безумные попытки гражданской войны.

Все воззвание Ленина было проникнуто призывом к активности крестьянства, от участия которого зависел исход борьбы. Только союз рабочих и крестьян под руководством рабочих мог дать крестьянству землю и мир, только он мог обеспечить победу социализма:

> «За вами слово, товарищи крестьяне. За вами решающее слово. Твердым словом всех крестьян, наказами с мест от всех крестьян вы можете водворить мир по всей стране, среди всех наций России, вы можете прекратить гражданскую войну, вы можете обеспечить не обманное, а правильное, истинное Учредительное собрание, вы можете ускорить и облегчить прекращение войны справедливым миром, ускорить передачу всех земель трудящимся, укрепить союз крестьян с рабочими, ускорить победу социализма.

---

1 «Ленинский сборник» IV, стр. 357 — 365.

За вами решающее слово, товарищи крестьяне! Да здравствует передача земли трудящимся! Да здравствует мир! Да здравствует социализм»[1].

Судьба этого изумительного по силе и мыслям воззвания характерна для тактики В. И. Ленина. Воззвание было передано Лениным лично А. М. Устинову. По свидетельству Устинова, Ленин предоставил ему право сгладить отдельные выражения и острые углы, если этого потребует настроение съезда[2]. Устинов познакомил президиум съезда с текстом воззвания, сообщив только М. А. Спиридоновой и П. П. Прошьянову, что автор воззвания—Ленин. Кроме этих лиц никто, по его словам, не знал на съезде, что проект воззвания принадлежит перу Ленина[3]. Опубликованное от имени Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов ленинское воззвание имело большое агитационное и практическое значение в области взаимоотношений пролетариата и крестьянства.

12. Закрытие съезда и его практическое значение.

С момента ухода правых эсеров с крестьянского съезда резко изменилась к лучшему обстановка работы съезда. Исчезло все, что значительно сводило на-нет деловую работу съезда. В своей практике правые эсеры допускали наглую ложь, могли решиться например на фиктивное представительство на съезде от Черноморского флота в лице Германа Лопатина, с тем чтобы от него немедленно отказаться, когда этот номер не удался. К подобным же приемам, как известно, обращались эсеры на I Всероссийском крестьянском съезде. Только на почве полной безответственности и развязной демагогии возможны были реплики, где наглость граничила с безнаказанностью, выкрики такого рода, как например: «Ложь! Это же его профессия, дайте ему лгать!», по адресу большевика М. М. Харитонова, члена президиума съезда, или даже просто: «Жулик!»—по адресу другого участника съезда. Все эти приемы работы отошли теперь в прошлое, и съезд в оставшееся время после раскола с 5/18 по 10/23 декабря продолжал свою работу в нормальной обстановке. Даже такой вопрос, как конфликт между советским правительством и Центральной украинской радой, съезду удалось разрешить в спокойной обстановке благодаря уходу со съезда правых эсеров. Правые эсеры и меньшевики раздували значение этого конфликта и представляли его в виде «братоубийственной войны» между советской властью и украинским народом. Конфликт вызван был лицемерным поведением

---

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 365 — 366.
[2] Там же, стр. 354 — 355.
[3] Там же, стр. 354.

Центральной рады, которая под предлогом «самоопределения Дона» односторонне толковала нейтралитет и невмешательство в действия генерала А. М. Каледина, восставшего против советской власти. Рада не пропускала советские войска на Дон и разоружала советские войска в Киеве и Одессе, но под тем же предлогом «самоопределения Дона» Рада свободно пропускала калединские войска через Украину. II Крестьянский съезд одобрил действия Совета народных комиссаров и обратился по предложению левых эсеров с особым воззванием к Совету народных комиссаров и к Украинской раде о мирном улажении конфликта и избрал новую делегацию на Украину для разрешения конфликта на месте и ознакомления с истинным положением вещей широких слоев украинских крестьян и рабочих.

Разрешив ряд важнейших задач и подтвердив своим авторитетом решения Чрезвычайного крестьянского съезда, II Всероссийский крестьянский съезд закрылся 10/23 декабря, назначив созыв III Крестьянского съезда на 10 февраля 1918 г. Перед закрытием съезда президиум его указал делегатам, что с окончанием съезда не прекращается их съездовская работа, что они должны всемерно продолжать агитацию среди крестьянства и принимать все меры к проведению в жизнь решений II Крестьянского съезда.

Перед закрытием съезд принял особый «наказ делегатам, отправляющимся на места». В наказе этом были изложены задачи делегатов как агитаторов и организаторов воли трудящегося крестьянства. Делегаты, отправляющиеся на места, должны были приступить немедленно к созыву съездов крестьянских депутатов: волостных, уездных и губернских. На этих съездах они должны были проводить решения II Крестьянского съезда и добиваться осуждения правых делегатов, которые ушли со съезда, и отзыва депутатов в Учредительном собрании из среды правых эсеров и других партий, ведущих борьбу с советской властью, настаивая на перевыборах их.

Делегаты должны были добиваться объединения на местах советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и перехода к ним всей власти на местах, сохранять и укреплять всячески тесное единение между местными советами крестьянских депутатов и Исполнительным комитетом Всероссийского совета крестьянских депутатов[1].

Съезд закрыла М. А. Спиридонова. Закончила она свою типичную левоэсеровскую напыщенную речь с мелкобуржуазным пониманием сущности социализма напутствием делегатам твердо отстаивать завоеванную власть:

«Но вы не должны выпустить власть из своих рук, сейчас юри-

[1] Сборник резолюций, стр. 24—25.

дическая власть в ваших руках, но фактически вы всей власти еще не взяли. Перед вами задача—осуществить имущественное поравнение, этот основной принцип социализма»[1].

II Крестьянский съезд был последним Всероссийским крестьянским съездом, если не считать однодневный III Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов и самочинный крестьянский съезд, созванный правыми эсерами в январе 1918 г. и распущенный по постановлению Совнаркома. Правые эсеры, как мы видели, сделали новую попытку перехватить в свои руки инициативу созыва нового съезда крестьянских делегатов. Черновский Исполнительный комитет созвал этот съезд на 8 (21) января, как раз непосредственно после разгона Учредительного собрания.

Этот третий, по счету правых, Всероссийский крестьянский съезд должен был служить аванпостом для черновцев в борьбе против советской власти под флагом защиты Учредительного собрания. Разогнанный же в день своего открытия 10 (23) января, немногочисленный по своему составу съезд продолжал затем существовать нелегально целую неделю. Все его попытки организовать деревню и контрреволюционные земства на борьбу против советской власти окончились полным крахом.

Принятые им резолюции, воззвания постигла та же судьба, что и жалкую демонстрацию в честь Учредительного собрания, организованную при ближайшем участии контрреволюционного Исполнительного комитета крестьянских депутатов.

Безрезультатными остались все усилия черновского Исполнительного комитета поднять крестьянство против советского правительства. Полная изоляция от широких трудящихся масс привела подпольный черновский Исполнительный комитет к его ликвидации весной 1918 г.

Еще до предполагавшегося февральского крестьянского съезда по постановлению ВЦИК от 22 декабря ст. ст. 1917 г. на 12/25 января 1918 г. был созван Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов.

Открывшийся 13/26 января 1918 г. III Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов в составе 500 делегатов единогласно постановил соединиться с заседавшим тогда III Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Объединенное заседание съездов советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялось в тот же день. На этом же III съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была образована крестьянская секция при ВЦИК. Со времени III съезда советов, согласно принятой на нем Конституции РСФСР, стали впредь созываться только общие всероссийские

---

[1] «Новая жизнь» № 199/193. То же в общем и в «Деле народа» № 230 за 1917 г.

съезды советов рабочих, солдатских (или позже—красноармейских) и крестьянских депутатов.

II Крестьянский съезд целиком стал на позицию революционных завоеваний Октября, и в этом причина огромного практического значения решений съезда.

II Крестьянский съезд был авторитетом в стране, и это являлось одним из важнейших результатов его работ. Крестьянские низы поняли причины раскола на этом съезде и целиком стали на сторону большевиков и левых эсеров.

Вскоре после съезда, 26 (13) декабря, Ленин в своей речи на съезде железнодорожных рабочих и служащих таким образом определил политическое значение II Всероссийского крестьянского съезда в той обстановке вражды и озлобления, с которой встретили враги трудящихся советскую власть в обстановке начавшейся уже гражданской войны.

> «Верхушечные организации Первого крестьянского съезда в лице господ Авксентьевых говорили от имени крестьянской массы, что они против власти захватчиков-насильников. А мы говорили: «Пусть они бранятся, но мы увидим, что скажут крестьяне, когда начнем конфисковать помещичьи земли и отдавать крестьянам». И, как видите, II Крестьянский съезд дал победу советской власти. С советом крестьянских депутатов второго созыва у нас установился тесный контакт. С ним мы организовали советскую власть рабочих, солдат и крестьян»[1].

В момент острой гражданской борьбы крестьянский съезд лишил черновцев возможности говорить от лица крестьянства, сорвал с них маску друзей крестьянства и рабочего класса. Оказывая доверие и поддержку советской власти на словах и на деле, крестьянский съезд содействовал укреплению диктатуры пролетариата. II Крестьянский съезд «воочию показал, что дело Каледина—дело безнадежное, трудящиеся массы против него» (Ленин). Благодаря правильной тактике большевиков этот последний крестьянский съезд послужил делу закрепления союза пролетариата и крестьянства и своей работой содействовал упрочению социалистических преобразований Октябрьской революции.

---

[1] Ленин, Речь на Чрезвычайном всероссийском съезде железнодорожных рабочих и мастеровых 26/13 декабря 1917 г., Соч., т. XXII, стр. 135.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К КРЕСТЬЯНСТВУ.

1. Пролетарская политика по отношению к крестьянству. 2. Тактика большевиков накануне Октября и на первом этапе Октябрьской революции. 3. Тактика большевиков на крестьянских съездах. 4. Путь крестьянства к социализму.

1. Пролетарская политика по отношению к крестьянству.

II Всероссийским съездом советов крестьянских депутатов заканчивается период соглашательских иллюзий в широких трудящихся крестьянских массах и завершается отход крестьянских масс от руководства мелкобуржуазных «социалистических» партий и тем самым из-под влияния буржуазии. Борьба пролетариата за крестьянство в промежуток времени от Февраля к Октябрю и в первые два месяца после октябрьского периода преследовала цель—осуществить на практике союз рабочего класса с беднейшим крестьянством под руководством пролетариата, низвергнуть господство буржуазии и, установив диктатуру пролетариата, начать постепенные, но твердые «шаги» к социализму, попутно завершая задачи буржуазно-демократической революции.

Взаимоотношения пролетариата с крестьянством изменялись на протяжении всей революции, на всех ее стратегических этапах, но оставался неизменным в основе своей рабоче-крестьянский союз, с сохранением руководства со стороны пролетариата в этом союзе.

На разных стратегических этапах революции в различных формах выражаются отношения пролетариата к крестьянству. Мы шли к буржуазной революции «в союзе со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации кадетской буржуазии». К Октябрю мы шли с лозунгом: «Союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, при нейтрализации среднего крестьянства». В дальнейшем, когда мы власть достаточно укрепили, в своей политике по отношению к крестьянству мы стали руководствоваться лозунгом «прочного союза пролетариата

и бедноты со средним крестьянством»[1]. Этот лозунг, полностью формулированный Лениным осенью 1918 г.,—«уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,— был окончательно установлен на VIII съезде партии (весной 1919 г.).

В эпоху развернутого наступления социализма по всему фронту партия выдвинула лозунг опоры советской власти на колхозника. Колхозное крестьянство стало основной и главной опорой пролетариата и советской власти в деревне.

Ленинская тактика в крестьянском вопросе представляет наибольшую гибкость во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства с учетом и анализом всех обстоятельств, сопровождающих классовую борьбу. Когда мы шли к буржуазной революции, к Февралю, и нашей центральной задачей стояло устранение всех кабально-крепостнических отношений в деревне,—мы шли в союзе со всем крестьянством, выделяя однако на первый план и ориентируясь на самостоятельные классовые организации сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты.

Руководящую и активную роль в крестьянском движении и в революции 1905—1907 гг. играли сельскохозяйственные рабочие и деревенская беднота под руководством рабочего класса и его партии.

Союз между пролетариатом и крестьянством против помещиков основывался не на объединении кулака с беднотой, а на тесном единении деревенской бедноты с средним крестьянином, мелким производителем. Лозунг Ленина—«со всем крестьянством против помещика» надо понимать как союз городского пролетариата главным образом с деревенской беднотой и средним крестьянством.

Как во время самой революции 1905—1907 гг., так и накануне ее Ленин неоднократно подчеркивал необходимость союза городских и сельских рабочих против всей буржуазии. Но характер и содержание первой революции, в которой главной очередной задачей было разрешение задач буржуазно-демократической революции, делали возможным и требовали даже участия основных масс крестьянства в революционном движении при передовой роли в движении сельскохозяйственных рабочих и деревенской бедноты под руководством и при гегемонии в революции городского пролетариата.

На втором стратегическом этапе революции (от Февраля к Октябрю) очередной задачей партии явилось свержение буржуазии и завоевание власти пролетариатом. Изменяется классовое соотно-

---

[1] И. Сталин, Политотчет ЦК на XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенотчет съезда, стр. 42. Гиз, 1926 г.

шение сил в революции, выявляются другие формы взаимоотношений пролетариата с крестьянством.

В изучаемый нами период, период борьбы за власть, и на первом этапе пролетарской революции мы шли в союзе с деревенской беднотой и опираясь на нее. Именно пролетариат и революционные солдаты, в преобладающей массе своей принадлежащие к беднейшему крестьянству, свергли власть буржуазии и помещиков. Подготовка Октября проводилась пролетариатом и беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка, хотя этот нейтралитет в общем был сочувственный к нам. Вместе с ходом революции изменялись и наши общеполитические задачи. И если в первой революции основным лозунгом большевиков было: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», то после февраля 1917 г. нашим лозунгом стало: «Социалистическая диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».

Основные задачи и вопросы революции решались теперь под другим углом зрения. В своем предисловии к «Аграрной программе в русской революции 1905—1907 гг.» Ленин пишет (28 сентября 1917 г.):

> «В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 гг...
>
> Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не могут ограничиться рамками капитализма.
>
> При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»[1].

Октябрьская революция, социалистическая революция по существу и содержанию, имела задачей еще и завершение буржуазно-демократических преобразований. Рядом с основными социалистическими задачами Октябрьская революция попутно, «мимоходом» разрешала вопросы буржуазно-демократической революции.

Вот почему рядом с основным лозунгом партии—союза с деревенской беднотой партия ставила задачей привлечение к союзу рабочих и беднейших крестьян еще других крестьянских слоев, консолидацию, организацию сил всего крестьянства вокруг этих

---

[1] Ленин, Предисловие к книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», Соч., т. XVI, стр. 233.

основных движущих сил революции. Ленин, как известно, с первых дней Февральской революции приписывал огромное значение организации советов крестьянских депутатов, отмечая одновременно теневые стороны советов, поскольку в них не было еще достаточного расслоения крестьянства и не ограждены были интересы бедноты от деревенских капиталистов.

«Поскольку Октябрьская революция,—отмечает т. Сталин,—доводила до конца буржуазную революцию, она должна была встречать сочувствие со стороны всех крестьян» [1].

Но главная цель Октябрьской революции заключалась не в этом доведении до конца буржуазно-демократической революции, а в свержении власти буржуазии, установлении диктатуры пролетариата.

«Вопрос о доведении до конца буржуазной революции пролетарской властью,—говорит т. Сталин,—нельзя смешивать с вопросом о свержении буржуазии и завоевании этой самой пролетарской власти, т. е. с вопросом, являющимся главной темой стратегического лозунга на втором этапе революции» [2].

Отсюда ясно, что «крестьянство в целом могло нас поддерживать в Октябре лишь постольку, поскольку мы доводили до конца буржуазную революцию» [3].

Кулаки и зажиточные не могли быть сторонниками Октябрьской революции. «Как можно утверждать,—указывает т. Сталин,—что кулаки (тоже ведь крестьяне) могли поддерживать свержение буржуазии и переход власти к пролетариату» [4].

История крестьянского восстания накануне Октября показывает нам, как кулацкие союзы хлеборобов и кулачество в целом были застрельщиками сопротивления и вооруженного отпора крестьянскому движению. Октябрьская революция в центре и на местах встретила сопротивление со стороны кулаков-корниловцев, по определению Ленина.

С ходом пролетарской революции происходят дальнейшие изменения в классовом соотношении сил в деревне. Когда завершается полностью буржуазно-демократический этап аграрной революции, то в связи с углублением социалистических преобразований, резко обостряется классовая борьба в деревне. Кулак от частичных форм борьбы против советской власти переходит к открытой вооруженной борьбе. Напротив, нейтралитет середняка все более и более превращался в союз с рабочим классом.

---

1 Сталин, О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу (Ответ т. Ян — скому), «Вопросы ленинизма», стр. 305, 1930 г.

2 Там же, стр. 305 — 306.

3 Сталин, лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября (Ответ С. Покровскому), «Вопросы ленинизма», стр. 320, 1930 г.

4 Сталин, трех основных лозунгах по крестьянскому вопросу, «Вопросы ленинизма», стр. 305, 1930 г.

Начиная с осени 1918 г., с совершенной определенностью произошел поворот середняка в нашу сторону, и возникли новые тактические задачи в деревне: период нейтрализации сменился политикой соглашения с середняком. Эта политика соглашения с середняком ведет начало с VI Чрезвычайного съезда советов (в ноябре 1918 г.), на котором было принято постановление о перевыборах сельских и волостных советов и растворении комбедов в новых избранных советах, и комбеды таким образом были ликвидированы.

В своей деятельности советская власть и прежде стремилась к «удовлетворению нужды среднего слоя крестьянства наряду с нуждами городских рабочих и деревенской бедноты», как сказано в ленинской телеграмме совдепам и продкомам о союзе крестьян и рабочих (от 17 августа 1918 г.) [1]. Таков именно был смысл закона о социализации земли и последующих мероприятий советской власти в отношении среднего крестьянства.

Целый ряд выступлений Ленина летом 1918 г. и раньше, статья (письмо в редакцию «Правды») «Союз рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами» [2], «Письмо к елецким рабочим» [3], декрет об организации и снабжении деревенской бедноты, указанная телеграмма о союзе крестьян и рабочих, разосланная всем губернским совдепам и продкомам,—подтверждают, что Ленин уже летом 1918 г. выдвигал лозунг соглашения с середняком. Лозунг этот конкретно входит в практику наших взаимоотношений с средним крестьянством осенью 1918 г., когда середняк повернул в сторону советской власти.

В ноябре же 1918 г. появилась директивная статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», в которой он писал о наших задачах в деревне:

> «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...» [4]

Интересно отметить, какой отзвук встретили тогда эти заявления Ленина в лагере народников. А. М. Устинов, перешедший к концу 1918 г., после крушения левоэсеровства, в партию революционных коммунистов, резко ополчился против основных положений ленинской статьи «Ценные признания Питирима Сорокина». Своей статье Устинов дал заглавие: «Средний крестьянин—нам не враг», использовав взятое им под сомнение одно из положений статьи Ленина. Устинов прежде всего отвел возможность опоры со стороны деревенской бедноты ввиду условности понимания, по его заявлению, самого термина деревенской бедноты и совершенно ничтожной ее роли в деревне.

---

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 143.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 89.
[3] Ленин, т. XXIII, стр. 172.
[4] Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина, Соч., т. XXIII, стр. 294.

Что же касается самой тактики в отношении к среднему крестьянству, то Устинов, со своей эсеровской точки зрения, в общем правильно проводил принципиальные различия между тактикой большевиков в отношении крестьянства и тактикой революционных коммунистов, вчерашних левых эсеров:

> «Ленин ставит задачей партии уметь достигать соглашения со средним крестьянством, опираясь «только на бедноту». Партия революционного коммунизма ставит себе задачей политику совместной с трудовым крестьянством борьбы за социализм против врагов его. Там осуществляется политика «соглашения», здесь—политика единого классового фронта трудящихся»[1].

«Левые» народники затушевывали классовые различия и в самом крестьянстве и в отношениях между пролетариатом и крестьянством. Для них возможна была одна только «политика единого классового фронта трудящихся»,—для нас, стоявших на четкой классовой линии, возможна была лишь политика соглашения со средним крестьянством, политика, опиравшаяся на бедноту с объявлением войны кулакам. Наша политика в деревне в описываемый нами более ранний период (1917—1918 гг.) сводилась к совместным выступлениям пролетариата и деревенской бедноты и нейтрализации середняка. «Нейтрализация,—пишет Ленин в «Диктатуре пролетариата»,—складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонений насилием и т. п.»[2].

Мы нейтрализовали середняка перспективами на получение всяких выгод для себя от пролетарского переворота и прежде всего от попутного разрешения задач буржуазно-демократической революции. Наша политика нейтрализации середняка имела глубокое классовое содержание. «Вести, руководить, увлекать за собою»—классовое содержание этих понятий Ленин видел в правильном разграничении двух природ крестьянина: «Крестьянин как труженик и крестьянин как эксплоататор (спекулянт, собственник). «Постольку—поскольку». Колебания в ходе борьбы. Опыт борьбы»[3].

Самый успех борьбы за социализм зависит от умелого разграничения этих двух сторон природы крестьянства.

«Пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма»[4].

---

[1] А. Устинов, Сб. «О земле и крестьянстве», составленный из статей 1918 г., стр. 53—54, изд. «Труд и борьба», Москва.

[2] «Ленинский сборник» III, стр. 495.

[3] Там же, стр. 502.

[4] Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, Соч., т. XXIV, стр. 512.

Колебания середняка неразрывно связаны с его мелкобуржуазной природой. Вплоть до самого поворота не только бедняцких, но и середняцких масс в сторону социализма (осенью 1929 г.) мы видим колебания середняка между двумя диктатурами—диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии.

Эти колебания середняка, которые все уменьшались по мере усиления экономической связи между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней и по мере укрепления союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком под руководством пролетариата и его партии, были особенно сильны на первом этапе советской власти, когда советская система лишь устанавливалась в стране.

«Середняк,—говорил т. Сталин в политотчете на XIV съезде партии,—это человек высматривающий. Он глядит, чья возьмет, выжидает, и только тогда, когда ты взял верх, изгнав помещиков и буржуа, он идет с тобой на союз. На то он и середняк. Стало быть на втором этапе нашей революции мы шли уже с лозунгом не союза рабочих с о в с е м крестьянством, а с лозунгом союза пролетариата с б е д н е й ш и м крестьянством»[1].

Левые эсеры, которые в указываемое нами время выражали интересы середняков с уклоном защиты вообще имущих слоев в деревне, отражали на себе эту выжидательную психологию середняка-крестьянина. Но у мелкобуржуазных интеллигентов колебания оставались еще в силе, когда середняки отходили уже от выжидательных позиций и, объединяясь с деревенской беднотой, начинали активно участвовать в советском строительстве.

Большевикам пришлось вести долгую настойчивую борьбу за обладание крестьянскими массами сначала с правыми эсерами, а затем с левыми.

2. Тактика большевиков накануне Октября и на первом этапе Октябрьской революции.

Большевики стали пользоваться безраздельным влиянием на рабоче-крестьянские массы благодаря своей революционной, принципиально выдержанной, чисто большевистской тактике. Одной из самых ценных особенностей этой тактики, как указывалось выше, было, по определению т. Сталина, «подведение масс к революционным позициям».

В особенности важно было в отношении к крестьянству, выражаясь словами т. Сталина:

> «...уменье убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс

[1] XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), Сталин, Политотчет ЦК, стр. 42, Гиз, 1926 г.

к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся»[1].

Наиболее ярким примером такой тактики большевиков явился декрет о земле (26 октября ст. ст. 1917 г.), в основу которого была положена эсеровская программа социализации земли.

Ленин придавал колоссальное значение самому декрету и именно с ним связывал то обстоятельство, что

«...российский пролетариат отвоевал у эсеров крестьянство и отвоевал буквально через несколько часов после завоевания пролетариатом государственной власти»[2].

Формально крестьяне еще шли за эсерами, но уже была вырвана почва из-под эсеровского влияния. Большевикам оставалось лишь раскрывать обман, которым держались эсеры в крестьянских массах.

Тактика большевизма, основывавшаяся на учете и анализе классовых сил, весьма ярко проявилась в отношении партии большевиков к левым эсерам. Ленин вовсе не идеализировал левых эсеров, этих «апологетов парламентской обструкции», как он назвал их уже в то время на заседании ВЦИК от 4/17 ноября 1917 г.[3]. Он шел на союз, на честную коалицию с ними, поскольку они опирались на известные слои крестьянства.

Но если Ленин стоял еще за союз с «ненадежными попутчиками вроде левых эсеров», по его определению, то он резко возражал в то же время против каких бы то ни было соглашений с мелкобуржуазными партиями эсеров и меньшевиков, занимавших явно контрреволюционную позицию и совершенно изолированных в то время от широких трудящихся масс.

С левыми эсерами повторилась история правых эсеров и меньшевиков. Крестьянские массы левели, а они застывали в своих колебаниях, в своем отношении к советской власти, пока не дошли до открытого белогвардейского мятежа в июле 1918 г.

Крестьянские массы стали все более сближаться с советами, пока к весне 1919 г. середняк не пошел на прочный союз с пролетариатом.

Чрезвычайный и II Всероссийский крестьянские съезды отразили на себе, с одной стороны, укрепление союза пролетариата с деревенской беднотой, а с другой—частично уже начавшийся поворот середняцкого крестьянства на сторону советской власти. Картине крестьянских съездов удивительно соответствует характеристика межеумочного положения середняка, данная т. Сталиным в следующих строках:

---

1 Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, «Вопросы ленинизма», стр. 122, 1930 г.

2 Ленин, Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, Соч., т. XXIV, стр. 640.

3 «Записки Института Ленина», кн. 2-я, стр. 57.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	12 сверху	23 мая	28 мая
2	4 снизу	967	267
17	3 »	«Красный архив». т. XIX	«Красный архив», т. XIV
31	1 »	«Ленинский сборник» IX,	«Ленинский сборник» IV,
32	1 »	«Ленинский сборник» IX,	«Ленинский сборник» IV,
36	10 »	т. Ангорский. Не говоря уже про узкое понимание им крестьянского	т. Ангарский выставлял требование лишь частичной национали-
57	5 сверху	вопроса с разрешением земельного вопроса	и прежде всего связывавшего разрешение продовольственного вопроса с разрешением земельного вопроса
88	12 »	организационного	организованного
113	20 »	туземцев, бросают	туземцев, как сообщается в официальных донесениях, бросают
115	10 »	ими	ими и меньшевиками
115	11 »	эсеровские	эсеровские и меньшевистские
131	25 »	всюду	сплошь и рядом
173	2 снизу	927 г.	1927 г.
178	1 »	стр. 157	стр. 158
183	1 »	стр. 220	стр. 221
184	11 »	А. М. Утисков	А. М. Устинов
187	18 »	диктатуры	«диктатуры»
189	7 сверху	«11 съезд	«II съезд
206	2 снизу	стр. 192—193	стр. 194
268	9—10 снизу	основных масс крестьянства	крестьянства в целом
270	14—15 снизу	Когда завершается полностью буржуазно-демократический этап аграрной революции,	Когда завершается первый этап социалистической революции, в которой разрешение буржуазно-демократических задач занимало значительное место,
270	2 снизу	трех	О трех
270	5 »	лозунге	О лозунге
273	17 сверху	на втором	во втором
273	7 снизу	14 июня	4 июня
281	14—15 снизу	когда не был еще изжит буржуазно-демократический этап аграрной революции	когда не были еще разрешены буржуазно-демократические задачи революции
284	5 сверху	провинциальную	принципиальную

М. Гайсинский.— Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г.

тельный и менее всего отражал реальное классовое соотношение

1. Сталин, О трех основных лозунгах по крестьянскому вопросу, «Вопросы ленинизма», стр. 311, 1930 г.

1 Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, «Вопросы ленинизма», стр. 122, 1930 г.

2 Ленин, Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, Соч., т. XXIV, стр. 640.

3 «Записки Института Ленина», кн. 2-я, стр. 57.

«Середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергли буржуазию, пока власть советов не была упрочена, ввиду чего и приходилось его нейтрализовать. Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьез», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах»[1].

Чрезвычайный и II Всероссийский крестьянские съезды оказались в конечном счете выразителями советской идеи. Наряду с картиной мелкобуржуазного распада оба эти съезда дают и другую картину—новых борцов за торжество социализма в деревне. Разъехавшиеся на места делегаты-крестьяне возглавляли классовую борьбу в деревне, создали реальную основу для союза большинства крестьянства с рабочими. Медленно, с большими сомнениями и колебанием шел середняк, руководимый верной тактикой большевиков, к разрыву с эсерами правого и «левого» толка, к прочному союзу с пролетариатом, чтобы вместе с ним начать и довести до конца социалистическое строительство.

3. Тактика большевиков на крестьянских съездах.

Итоги борьбы большевиков за крестьянство в 1917 г. блестяще подтвердили правильность тактики большевиков в отношении к крестьянству. Самое полевение крестьянских масс накануне Октября, раскол партии эсеров, вызванный этим полевением, объясняются помимо самого хода развертывания классовых противоречий еще влиянием большевистской агитации в крестьянских массах. Большая работа была проделана партией большевиков во главе с Лениным, прежде чем был достигнут поворот в трудящихся массах крестьянства от слепого доверия к эсеровским «вождям» к краху соглашательских иллюзий, к разрыву сначала с коалицией с буржуазией, а затем и со сторонниками этой коалиции, с эсеровскими и меньшевистскими «вождями». Шаг за шагом, с большими усилиями осуществлялась задача партии—вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии.

Большую роль в разоблачении соглашательских иллюзий, в революционизировании крестьянских масс сыграли крестьянские съезды. Это относится как к местным крестьянским съездам (губернским, уездным) или к фронтовым, так и в первую очередь к всероссийским крестьянским съездам. Правда, подбор участников съездов (в особенности всероссийских) был далеко не удовлетворительный и менее всего отражал реальное классовое соотношение

---

[1] Сталин, О трех основных лозунгах по крестьянскому вопросу, «Вопросы ленинизма», стр. 311, 1930 г.

сил в деревне. Борьба партий и группировок на съездах далеко не отражала в точности подлинных настроений революционного крестьянства.

И все же через головы соглашателей крестьянские съезды местного или центрального значения являлись связывающим и организующим звеном в революционном движении крестьянства. Даже и на тех съездах, на которых правоэсеровской верхушке удавалось проводить свои резолюции и постановления, борьба партий, обмен взглядов и мнений между делегатами содействовали революционизированию самих делегатов, и они являлись после съезда «гонцами» революции.

Огромное значение всероссийских крестьянских съездов заключалось в том, что они в действительности являлись одним из наилучших средств разоблачения обмана соглашательских партий и подведения многомиллионных крестьянских масс к революционным позициям. Съезды явились прекрасной трибуной, где на конкретных примерах предательства революции кадетами и мелкобуржуазными партиями большевикам удавалось привлекать делегатов, а через них низовое крестьянство на сторону пролетариата, укреплять союз рабочих и деревенской бедноты, вырывая крестьянство из-под влияния буржуазной идеологии.

Мы видели уже, какое огромное значение придавали Ленин и партия крестьянским съездам при самом их возникновении, какую большую работу проделали большевики на самих съездах.

На всех трех всероссийских крестьянских съездах, происходивших в 1917 г., большевики прилагали все старания к руководству работой этих съездов, и это им удавалось в значительной степени на съездах после Октября. На всех трех съездах они образовывали фракции, немногочисленные, правда, сравнительно с общим числом участников съезда,—самая многочисленная большевистская фракция была на II декабрьском съезде в составе 90—91 члена,—и сравнительно с общим числом делегатов того же съезда—779, это был небольшой состав фракции. На I майском крестьянском съезде соотношение сил было еще гораздо худшее в отношении большевистской фракции. Немногочисленные фракции большевиков проявляли однако редкую активность. В этом отношении особенное значение имели и выступления Ленина на съездах и его руководство работой большевистских фракций съездов.

Выступление Ленина на I Крестьянском съезде (22 мая/14 июня 1917 г.) произвело неотразимое впечатление на участников съезда. Через головы президиума и социал-предателей великий вождь пролетариата нашел общий язык с крестьянскими депутатами и значительно поколебал соглашательское мировоззрение многих делегатов-крестьян. Вырвать крестьянство из-под руководства буржуазии и укрепить союз рабочих с трудящимися и эксплоати-

руемыми крестьянами,—вот к чему сводилась задача выступления Ленина.

Та же задача—укрепления союза рабочих с беднейшим крестьянством—стояла перед большевиками на Чрезвычайном и II крестьянском съездах (18 ноября—1 декабря 1917 г.). Ленин доказывал возможность и необходимость этого союза общностью интересов рабочих и крестьян:

> «Касаясь вопроса о союзе рабочих-большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот м о ж е т быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян н е т. Социализм в п о л н е может удовлетворить интересы тех и других»[1].

Было бы ошибочно отсюда отождествлять блок партии с левыми эсерами с союзом со средним крестьянством. Блок с левыми эсерами носил временный характер и не имел такого глубокого, важного, принципиального значения, как союз с средним крестьянством.

> «Не надо,—заявляет Ленин в «Письме к елецким рабочим»,—понимать так, что соглашение с средним крестьянином означает обязательное соглашение с левоэсером. Ничего подобного».
>
> «Мы закон о социализации провели тогда, когда у нас никакого соглашения с левыми эсерами не было; а этот закон означает как раз наше соглашение с средними крестьянами, с крестьянской массой, а не с левоэсеровскими интеллигентиками»[2].

Блок большевиков с левыми эсерами с первых дней своего возникновения далеко не выражал полного единства взглядов. Ленин неоднократно разоблачал мелкобуржуазную сущность левых эсеров, этих «ненадежных попутчиков», по его определению, со времени появления самой фракции.

Ленин беспощадно разоблачал мнимые «социалистические» позиции левых эсеров, этих буржуазно-демократических идеологов крестьянства. Он боролся с затушевыванием вопроса о социализме в теоретических и практических положениях у левых эсеров, неустанно подчеркивая возможность аграрной революции лишь при условии победы социализма.

На Чрезвычайном крестьянском съезде Ленин доказывал, как мы видели, что осуществление идей социализма вовсе не воспаленная мечта фантазеров и утопистов, как это писалось в официальном органе левых эсеров—газете «Знамя труда»—по адресу советского правительства, что, с другой стороны, соглашение

---

[1] Л е н и н, Союз рабочих с трудящимися эксплоатируемыми крестьянами (Письмо в редакцию), Соч., т. XXII, стр. 89.

[2] Л е н и н, Письмо к елецким рабочим, Соч., т. XXIII, стр. 173.

между большевиками и левыми эсерами возможно только на социалистической платформе[1].

Бесхарактерность и колебания определяют позицию левых эсеров во всех основных вопросах программы и тактики. Мелкобуржуазная позиция левых эсеров довела их до открытого восстания против советской власти (в июле 1918 г.). Характеризуя позицию и идеологию левых эсеров, Ленин пишет в начале августа 1918 г.:

> «Такие субъекты, как Калегаевы и К°, ясное дело, простые пешки в руках белогвардейцев, монархистов, Савинковых, доказавших в Ярославле, кто «воспользовался» левоэсеровским восстанием. Безголовость и бесхарактерность довела господ Калегаевых до этого падения, куда им и дорога. «Прислужники Савинковых»—вот как назовет их история»[2].

Таков путь мелкобуржуазных идеологов крестьянства, скатившихся в своих постоянных колебаниях между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата вплоть до полного объединения с правыми эсерами и меньшевиками—«фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества» (Ленин). Трудящиеся массы левели, а левые эсеры с течением времени сами скатились на путь контрреволюции.

Левые эсеры оказались полностью изолированными от трудящихся масс крестьянства, как еще прежде оказались изолированными мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков.

Большую длительную борьбу вели большевики за лозунг «власть советам». Шаг за шагом пробивали они брешь в принципе народовластия, который становился лозунгом сплочения сознательных и несознательных предателей революции.

Такую же разъяснительную кампанию вела большевистская фракция и по другим основным вопросам дня—аграрному и о войне и о мире.

Большую помощь в деле привлечения на свою сторону делегатов оказали большевикам выступления массовиков на съездах. Импозантные своей революционностью, выступления балтийских и кронштадтских матросов и делегаций с фронта должны были особенно влиять на неустойчивую психологию делегатов-середняков.

Таким именно путем происходило, выражаясь словами Ленина, воспитание колебавшихся делегатов—«обстановкой массового пролетарского влияния»[3].

На II Крестьянском съезде тактика большевиков, выражавшаяся в принципе, что «массы на опыте миллионов изживали свои ошибки», особенно ярко проявилась в вопросе об Учредительном собрании.

---

[1] «Известия ВЦИК» № 320 за 1917 г.
[2] Ленин, Письмо к елецким рабочим, т. XXIII, стр. 173.
[3] Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина, Соч., т. XXIII, стр. 294.

Выставляя требования созыва Учредительного собрания, большевики еще со времени апрельской Всероссийской партийной конференции в 1917 г. неизменно подчеркивали, что «Республика советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием»[1].

Между тем большевики не только приняли участие в выборах в Учредительное собрание до захвата власти, но продолжали участвовать в выборах и после захвата власти и даже созвали его. Таким образом большевики в это время допускали, как говорит т. Сталин, возможность временной комбинации Республики советов и Учредительного собрания и допускали эту временную комбинацию «как одно из средств изживания Учредительного собрания»[2]. Считаясь с популярностью идеи Учредительного собрания, большевики находили возможность приступить к разгону его путем постепенной подготовки масс, лишив Учредительное собрание предварительно ореола несокрушимого народного суверенитета.

Борьба с эсеровской политикой безграничного вознесения Учредительного собрания как единственного «хозяина земли русской» началась с издания декрета об отзыве и перевыборах членов Учредительного собрания. В том же направлении действовали аресты кадетов—членов Учредительного собрания и соответствующая агитация о роли и значении Учредительного собрания. Затем оставалось, по выражению т. Сталина, «подвести эти массы к стенам Учредительного собрания, с их требованиями о земле, о мире, о власти советов, столкнув их таким образом с действительным и живым Учредительным собранием»[3].

Отказ Учредительного собрания от выполнения этих требований должен был послужить разгону его, и массы поняли и одобрили бы разгон, что в действительности имело место. Допускалась и другая перспектива в случае безоговорочного заявления Учредительного собрания о признании советской власти и всех ее декретов. Временная комбинация Республики советов и Учредительного собрания могла бы тогда означать лишь подчинение Учредительного собрания советам, превращение его в придаток советов, его безболезненное отмирание[4].

В то время как правые эсеры фетишизировали идею Учредительного собрания на II Крестьянском съезде, большевики упорно подчеркивали его подчиненное положение по отношению к советам.

Всевластное Учредительное собрание, народовластие, противопоставляемое советам, были лишь контрреволюционными лозунгами

---

1 Ленин, Тезисы об Учредительном собрании, Соч., т. XXII, стр. 131.
2 Сталин, На путях к Октябрю, стр. XLVII, 1925 г.
3 Там же
4 Там же.

в руках эсеров и меньшевиков. Большевики стояли и стоят за пролетарскую советскую демократию, подчиняя вопросы демократии интересам революционной целесообразности. Но они против формальной, буржуазной демократии, являющейся ширмой для буржуазии и ее агентов в их контрреволюционных действиях.

Не требуя пока разгона Учредительного собрания, большевики на II Всероссийском крестьянском съезде в корне подрывали значение всевластного Учредительного собрания как мнимой высшей формы народовластия, наносили непоправимый удар несокрушимости идеи народовластия. Отсюда же был дан клич по всей стране отзывать и производить перевыборы членов Учредительного собрания из контрреволюционного лагеря. С лозунгом Учредительного собрания сроднился не один делегат-крестьянин; мы видели, каких усилий стоил делегатам отказ от фетишизирования идеи Учредительного собрания, и в этом несомненно заключалась большая заслуга большевистской фракции, сумевшей повести за собою нерешительных левых эсеров. Огромную воспитательную работу проделали большевики на крестьянских съездах среди делегатов, ведя борьбу за мир—лозунг, столь популярный в широких рабочих и крестьянских массах, а также среди самих делегатов. Требуя мира, предлагая резолюцию с одобрением действий ВЦИК и Совета народных комиссаров, большевики никогда не опускались до пропаганды просто демократического мира, но увязывали борьбу за мир с борьбой за низвержение капитализма и торжество социализма.

Большую эволюцию мы видим и в самих крестьянских съездах—в составе, характере прений, общей картине политического и классового самосознания участников.

Огромный путь развития проделан был крестьянством от I Всероссийского крестьянского съезда до II Всероссийского крестьянского съезда (по счету третьего). На I съезде социал-предатели разными путями верховодили съездом, и деревенским верхам удалось повернуть середняцкое большинство съезда на путь коалиции с буржуазией отечественной и мировой. Слабо выявлялась классовая борьба на съезде. Как на пример политической неграмотности и разношерстности состава можно указать существование на съезде христианской группы, пользовавшейся известным удельным весом на съезде.

Внимания съезда удостаивались такие делегации, как например делегации от союза офицеров, от врачей, вырвавшихся из германского плена, и т. д.

На последующих съездах гораздо ярче проявляется классовая борьба. Как выросла делегатская масса, можно видеть из резолюции II Всероссийского крестьянского съезда об отношении к Учредительному собранию, в которой давалась директивная задача—бороться «с гибельными опытами коалиции с буржуазией».

[illegible] перспективы дальнейшего раз-

Этот рост политического и классового самосознания участников съездов характеризует прежде всего сдвиг в самом крестьянстве. Но в свою очередь, действуя непосредственно на делегатов, большевистская фракция оказывала большое влияние на самый ход работ съезда, на политическое воспитание делегатов. О росте классового самосознания делегатов можно судить хотя бы по холодному приему, оказанному I Всероссийским крестьянским съездом представителю кадетской партии, которого в конце концов лишили слова.

Характерна, с другой стороны, необходимость для правых эсеров на II крестьянском съезде называться эсерами центра, настолько непопулярна стала партия правых эсеров. Как мы видели, большевики обращались на места за воздействием на правых делегатов и добивались в определенных случаях отзыва делегатов съезда или депутатов Учредительного собрания.

В росте делегатов большую роль сыграла тактика большевистской фракции, рассчитанная на изживание соглашательских иллюзий на собственном опыте масс. Через головы право- и левоэсеровских верхушек большевики не без успеха пытались и воздействовали в действительности на рядовых участников съезда и на крестьянские массы.

Выдержанность тактики большевиков помогла освобождению съезда от мелкобуржуазных демократических иллюзий. Ленин, как известно, и после Октября на обоих съездах выступал не в качестве представителя советской власти, а от имени фракции большевиков, чтобы не давать лишней пищи демагогии правых эсеров, которые использовали бы подобные выступления Ленина как попытки большевиков навязать власть крестьянскому съезду.

Сами крестьянские съезды были одним из этапов борьбы пролетариата за крестьянство. Крестьянские съезды могли и действительно служили одним из лучших проводников влияния пролетариата на крестьянство, когда не был еще изжит буржуазно-демократический этап аграрной революции и когда пролетарская революция в городе против буржуазии сочеталась с крестьянской войной против помещиков.

С ростом классовой борьбы внутри крестьянства (в период комбедов и позже) исчезает сама почва для созыва крестьянских съездов как объединяющих крестьянство в целом. Вслед за Всероссийскими крестьянскими съездами начинают выходить из практики крестьянские съезды на местах (губернские и уездные) и к лету 1918 г. полностью прекращаются их созывы. Возникают другие пути влияния пролетариата на крестьянство, более соответствующие новым условиям классовой борьбы в деревне. Коммунистическая партия и пролетариат находят теперь пути своего проникновения в крестьянскую гущу через комбеды, фракции советов, волостные ячейки, через союзы сельскохозяйственных ра-

бочих, через шефские организации на селе, и наконец в наше время,—через колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции.

4. Путь крестьянства к социализму.

Со времени выступления Ленина на II Всероссийском крестьянском съезде прошло уже свыше 15 лет. Ленинские лозунги, провозглашенные на I крестьянском съезде, стали путеводными нитями развертывающейся аграрной революции. Ход классовой борьбы подтвердил полностью предвидение Ленина, сделанное на основе марксистского анализа и учета классовых соотношений сил в стране.

Землю крестьяне получили только благодаря тесному союзу городских рабочих с беднейшими крестьянами, и получили они ее после перехода власти к рабочим. Осуществилось и другое предвидение Ленина, что «без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно образованных агрономов нет выхода из ига капитализма». Индустриализация страны и социалистическая переделка мелких и мельчайших крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства определенно намечены и предуказаны таким образом в обращении Ленина к крестьянам на I крестьянском съезде.

Осуществились полностью социалистические перспективы русской революции, о чем писал Ленин еще в 1915 г.:

> «И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельскими рабочими, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы»[1].

Октябрьская революция явилась коренным переломом в жизни деревни. Пролетарская революция решительным образом улучшила положение трудящихся крестьян, изнывавших под гнетом феодализма и капитализма. Она же послужила началом социалистических преобразований деревни.

> «Национализация земли,—говорил т. Молотов на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой,—неразрывно связанная с национализацией средств производства крупной промышленности и транспорта, открыла перед крестьянскими массами дорогу к лучшей жизни. Советская власть, опираясь на переход в ее руки земли, фабрик, заводов и железных дорог, обеспечила улучшение жизни крестьянских масс»[2].

---

[1] Ленин, О двух линиях революции, Соч., т. XVIII, стр. 318.

[2] Молотов, Речь на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой, «Правда» № 304 от 3 ноября 1931 г.

[illegible] дают перспективы беспрепятственного раз-

Задачи партии не ограничивались однако улучшением состояния мелкого крестьянского хозяйства или улучшением вообще положения крестьянина-собственника. Первые декреты советской власти имели целью подготовить переход к социализму в земледелии, а затем началось на практике социалистическое строительство в деревне.

> «Но наша партия,—продолжаем цитировать т. Молотова,—никогда не сводила своих задач в деревне к укреплению мелкого крестьянского хозяйства. Решающей нитью работы партии всегда было—обеспечение крупносоциалистического производства во всем народном хозяйстве и в том числе в сельском хозяйстве»[1].

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства послужила дальнейшему улучшению положения трудящихся масс крестьянства. Мы «подорвали в корне расслоение в деревне—стало быть преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город» (Сталин).

Путь крестьянства к социализму предрешался его союзом с пролетариатом, общностью интересов рабочих и беднейших и средних крестьян. Этот союз нарождался уже в первые месяцы Октябрьской революции.

После первого трудного этапа нэпа, связанного с восстановлением народного хозяйства, мы перешли к реконструктивному периоду. Правильная ленинская генеральная линия партии сказывается в быстром подъеме народного хозяйства и, что самое важное, его социалистического сектора, в росте колхозов и совхозов в сельском хозяйстве. В эпоху развернутого наступления социализма по всему фронту социалистическая переделка сельского хозяйства в форме колхозов пошла ускоренными темпами. Колхозное движение становится сплошным. Взаимоотношения пролетариата и крестьянства получают новую форму.

В эпоху развернутого наступления социализма по всему фронту перед партией встали задачи выкорчевывания последних корней капитализма в том участке, в котором он сильнее всего сохранился,—в сельском хозяйстве.

Партия и прежде вела наступательную политику против кулачества, и не только в эпоху военного коммунизма, но и в первый период нэпа. Это была политика ограничения эксплоататорских тенденций кулачества. В начале 1930 г., продолжая политику ограничения и вытеснения кулачества, партия перешла к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Лозунг ликвидации кулачества как класса, как состав-

---

[1] Молотов, Речь на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой, «Правда» №304 от 3 ноября 1931 г.

ная часть процесса коллективизации, стал основным генеральным лозунгом партии для данного этапа развития.

Успешное развитие сплошной коллективизации и ликвидации на ее базе кулачества как класса пошло особенно ускоренными темпами после XVI съезда партии. Партия и советская власть обрели новую опору в деревне. Для советской власти отныне основной и главной опорой стало колхозное крестьянство.

На 1 января 1932 г. объединено было в колхозы свыше 60% бедняцко-середняцких хозяйств. Распыленное индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство стали заменять колхозы и совхозы, занимающие центральное место в сельском хозяйстве.

> «Советский союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники. Эта победа социализма, решающая самую важную и самую трудную задачу пролетарской революции, имеет всемирно-историческое значение»[1].

Успехи коллективизации в последние три года коренным образом изменили соотношение укладов в народном хозяйстве и прежде всего в сельском хозяйстве.

> «Колхозное крестьянство уже превратилось в центральную фигуру земледелия, колхозы стали основным производителем не только в области зерна, но и важнейшего сельскохозяйственного сырья (хлопок, свекла, подсолнух и др.). Роль бедняка и середняка-единоличника в сельскохозяйственном производстве стала второстепенной. Завершается ликвидация кулачества как класса в зерновых и сырьевых районах СССР»[2].

В текущем 1932 г. в решающих зерновых и сырьевых районах СССР коллективизация в основном закончена, завершена ликвидация кулачества, как класса.

Вопреки троцкистам, отрицающим всякую возможность привлечения крестьянства к строительству социализма, вопреки правым оппортунистам, недооценивающим коллективизацию, оказывавшим сопротивление развертыванию колхозов и совхозов, бедняцко-середняцкое крестьянство идет к социализму, и путь его к социализму—через социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

Успехи третьей большевистской весны (в текущем 1932 г.)—

---

[1] Из резолюции XVII партконференции по докладам тт. Молотова и Куйбышева.

[2] Из резолюции июньского 1931 г. пленума ЦК ВКП(б).

4/5 посевной площади ярового клина засеяно колхозами и совхозами—показывают, что

> «СССР окончательно утвердился на новом социалистическом пути. Буржуазная теория возврата СССР к капитализму тем самым окончательно разбита и развеяна в прах»[1].

Партия достигла величайших успехов на фронте социалистического строительства благодаря беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в чем бы и как бы он ни проявлялся, с гнилым либерализмом и примиренчеством к уклонам. Борьба на идеологическом фронте, борьба в частности с оппортунистическими извращениями в вопросах взаимоотношений пролетариата и крестьянства являлась и является важнейшей очередной задачей партии, и значение этой борьбы усиливается в настоящее время в связи с историческими указаниями Письма т. Сталина в «Пролетарскую революцию».

Троцкистская и правооппортунистическая контрабанда в вопросах политики партии по отношению к крестьянству выражается прежде всего в оппортунистической оценке движущих сил Октябрьской революции, характера и значения Октябрьского переворота. На основе ложных, фальшивых установок в важнейших, центральных вопросах Октябрьской революции возникают антиленинские взгляды, теории правых и «левых» оппортунистов о роли крестьянства в пролетарской революции, о путях крестьянства к социализму.

Яркое оппортунистическое извращение политики партии по отношению к крестьянству мы находим например в «школке» троцкистских контрабандистов, обосновавшихся в четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского. Проводимая в этой «истории» теория «двуликости Октября», двойственности Октябрьской революции является по существу ревизией ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, замаскированным отрицанием социалистического характера Октябрьской революции.

> «В Октябре,—заявляют авторы четырехтомника «Истории ВКП(б)»,—по движущим силам и по содержанию было две революции—пролетарская социалистическая революция, во имя которой шли на штурм власти пролетариат и полупролетарий и пролетарий деревни, и буржуазно-демократическая, которую доделывали, совершая свою основную революцию, рабочие и пролетарии и полупролетарии деревни совместно со всем крестьянством»[2].

---

[1] Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «Об уборочной кампании 1932 г.», «Правда» № 185 от 6 июля 1932 г.

[2] «История ВКП(б)», под ред. Ем. Ярославского, т. IV, стр. 238—239.

Движущей силой революции в Октябре, оказывается по четырехтомнику, было все крестьянство, крестьянство в целом.

Теория «двуликости Октября» представляет собою полнейший отказ от ленинской оценки Октябрьской революции и движущих сил Октября, переход на каменевщину 1917 г., выражающуюся, как известно, в отрицании ленинского плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Антиленинская оценка движущих сил Октябрьской революции неминуемо приводит авторов четырехтомника если не к отрицанию, то во всяком случае к замазыванию социалистического характера Октябрьской революции.

> «В момент Октября,—говорится в «истории ВКП(б)», под редакцией Ем. Ярославского,—все крестьянство целиком пыталось своими старыми средствами разрешить вековой спор о земле и навсегда покончить со всякой монополией на землю. Эта революция антипомещичья, антифеодальная, совершалась всем крестьянством целиком» [1].

Таким образом, если в первом цитированном отрывке из четырехтомника допускались одновременно еще две революции в Октябре, то в последнем отрывке говорится лишь о революции антифеодальной, антипомещичьей. О социалистической революции ни слова не сказано.

На такой же позиции стоит троцкистский контрабандист Волосевич, с той лишь разницей, что, защищая теорию «двуликости Октября», он с большей определенностью подчеркивает основной «буржуазный» характер Октябрьской революции.

> «В Октябре,—пишет Волосевич в своей «Истории»,—были две революции: с одной стороны, он (Октябрьский переворот) был уже социалистическим.... С другой стороны, он был еще буржуазным» [2].

И далее мы читаем у Волосевича:

> «Итак, Октябрьский переворот носил буржуазный характер не только в том смысле, что он довершал буржуазно-демократическую революцию, но и по своим движущим силам» [3].

Это определение буржуазного характера Октябрьского переворота дополняется у Волосевича еще махровым оппортунистическим взглядом на нэп. В то время как партия смотрит на нэп как на путь к социализму, Волосевич видит в нэпе лишь свободное развитие капиталистических отношений. «Доделать то,—заявляет он в IV выпуске своей «Истории»,—чего капитализм не успел сделать... вот какая задача была поставлена перед проле-

[1] «История ВКП(б)», под ред. Ярославского, т. IV, стр. 225.
[2] Волосевич, Курс истории, вып. IV, стр. 29 — 30.
[3] Там же, стр. 30.

[illegible] перспективы [illegible] разгарской властью... Гениальнейшим разрешением этой проблемы явился нэп».

Как и в «Истории» под редакцией Ярославского, у Волосевича движущей силой Октябрьской революции является все крестьянство, крестьянство в целом. Нет и помина о расслоении крестьянства, а между тем в расслоении крестьянства лежит ключ к выяснению движущих сил Октябрьской революции, к разъяснению политики партии по отношению к крестьянству на первом этапе советской власти.

Крестьянство как целое выступает и у т. Бухарина в его схеме развития революции, выдвинутой им на VI съезде партии. Оппортунистически толкует т. Бухарин и ленинское положение о «сочетании» пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков. Он приписывает этому положению актуальное значение на всем протяжении Октябрьской революции, между тем как «сочетание» это имело реальное значение лишь в предоктябрьский период и на первом этапе советской власти.

Задачу партии и в реконструктивный период т. Бухарин видит в выполнении «главной гарантии социалистического строительства», которая по существу выражается в «заботе о сочетании» «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной форме» [1].

Перетасовка исторических фактов здесь слишком очевидна.

«Сочетание пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков имело место лишь на первой стадии нашей революции, до наступления резкого расслоения в деревне и вызванного им обострения классовой борьбы в деревне (летом 1918 г.). В современных условиях социалистической реконструкции защита или выставление подобного положения означает в сущности союз пролетариата с кулаком в «новой строительной форме».

У т. Бухарина союз пролетариата с крестьянством один и тот же на протяжении всех этапов Октябрьской революции. Рассматривая все крестьянство под одним углом, т. Бухарин последовательно со своей точки зрения создает теорию «врастания кулака в социализм». «Путь к социализму» прокладывается, по Бухарину, вместе со «всем крестьянством», в том числе и с кулаком («Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»). Выставление в настоящее время лозунга сочетания пролетарской революции с крестьянской войной в той или другой форме означает по существу отрицание пролетарского характера Октябрьской революции.

Правые оппортунисты, как и троцкистские контрабандисты, стоят одинаково на одних и тех же позициях как замазывания пролетарского характера Октябрьской революции, так и отрица-

---

[1] Бухарин, Политическое завещание, стр. 21, изд. «Правды» и «Бедноты».

ния расслоения в крестьянстве в Октябре. Такую же гнилую концепцию о характере Октябрьской революции и движущих силах Октября выражает т. Крицман в своих работах и лекциях.

Подобно авторам четырехтомника «Истории ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского и Волосевичу т. Крицман отмечает и подчеркивает двойственный характер Октябрьской революции:

> «Наша революция представляет собою сочетание двух различных и в то же время слившихся революций (противокапиталистической и противокрепостнической) и носит поэтому весьма сложный характер»[1].

Октябрьской революции дается таким образом расплывчатое и путанное определение—антикапиталистическая и антифеодальная.

Для социалистической революции не было у нас, по мнению т. Крицмана, экономических предпосылок вплоть до самого периода сплошной коллективизации. Пролетарская революция в деревне, связанная с периодом комбедов, характеризуется т. Крицманом таким образом:

> «Антикапиталистическая революция в деревне выходила за пределы экономически целесообразного, была следовательно экономически реакционной, а значит утопичной, поскольку она стремилась к изменению экономики»[2].

Социалистический характер Октябрьской революции без всякой замаскировки определенно отрицается т. Крицманом. Двойственность Октябрьской революции изживается, по теории Крицмана, лишь в период сплошной коллективизации,—и тогда лишь Октябрьская революция становится социалистической.

Нэп для т. Крицмана, как и для Волосевича, является выражением сплошного торжества капиталистических отношений. Нэп лишь путь к завершению антифеодальной революции. Нэп квалифицируется Крицманом, как отступление пролетарской революции, как ее самоограничение. В установках Крицмана нет и намека на двойственную природу нэпа, на определение нэпа как политики, «рассчитанной на борьбу элементов капиталистических и социалистических... рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами» (Сталин).

Вся установка Крицмана в оценке Октябрьской революции и ее движущих сил по существу троцкистского характера. Как известно, Троцкий в последнее время уже открыто объявляет Октябрьскую революцию буржуазно-демократической.

Ленинскому кооперативному плану Крицман противопоставляет троцкистскую теорию пролетаризации крестьянства. Согласно своей общей установке о буржуазно-демократическом характере нашей

---

1 Крицман, Пролетарская революция и деревня, стр. 121.
2 Там же, стр. 93.

революции, Крицман рисует перспективы беспрепятственного развития капиталистических отношений к советской деревне и растущую на этой почве пролетаризацию крестьянства.

Как Преображенский и другие экономисты из троцкистского лагеря, Крицман отрицает провинциальную разницу расслоения деревни при капитализме и в условиях диктатуры пролетариата. Отсюда делаются им уже незамаскированные троцкистские выводы о «вымывании» середняка и пролетаризации бедноты в советской деревне.

Вполне последовательно в духе троцкизма Крицман отрицает социалистическую природу колхозов и вместо коллективизации выдвигает «совхозизацию», т. е. усиленное развитие и укрепление совхозов в условиях общей пролетаризации крестьянства. «Совхозизация» является, по Крицману, основным путем создания крупного социалистического сельского хозяйства.

Правые и «левые» оппортунисты отрицают классовую борьбу при диктатуре пролетариата, замазывают значение и роль отдельных прослоек внутри крестьянства в происходящей в деревне классовой борьбе. Если «левые» уклонисты не признают роли середняка как союзника пролетариата в пролетарской революции и сбрасывают со всех счетов крестьянство в социалистической революции, то правые беспринципно превозносят середняка с потерей перспективы руководящей роли пролетариата.

В своих устных и печатных выступлениях («Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», «Политическое завещание» речь на апрельском пленуме ЦК 1929 г. и т. д.) Бухарин выпускает из виду все социальные группировки в деревне. У него остается по меткому замечанию т. Сталина, сплошная середняцкая масса.

Пролетарское руководство деревней шло неизменно против правых, контрреволюционного троцкизма и его «левого» охвостья. Генеральная линия партии шла против бухаринско-рыковского плана развития производительных сил деревни, рассчитанного на укрепление мелкого крестьянского единоличного хозяйства, как и против троцкистов, замазывавших роль середняка в пролетарской революции и державших курс на пролетаризацию крестьянства.

Путь крестьянства к социализму шел и идет через социалистическую переделку мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, через сплошную коллективизацию и ликвидацию на ее базе кулачества как класса. Величайшие успехи партии в социалистическом строительстве деревни достигнуты в борьбе за бедняцко-середняцкие массы, в беспощадной борьбе с кулачеством и с его агентурой, правым и «левым» оппортунизмом.

Истекший год был годом крупнейших побед на фронте социалистической реконструкции сельского хозяйства. Рабочие, колхозники, бедняки и середняки сплотились вокруг лозунгов партии

[illegible] развернуло строительство колхозов и совхозов, за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Миллионы батраков, бедняков, середняков втянуты в сплошную коллективизацию деревни, в величайшее дело социалистической реконструкции мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. И это массовый поворот деревни к социализму служит наиболее ярким доказательством доверия масс к генеральной линии партии.

Этот поворот бедняцко-середняцких масс к социализму является одним из важнейших этапов на всем протяжении Октябрьской революцию и имеет всемирно-историческое значение. «Если конфискация земли у помещиков,—говорится в резолюции XVI съезда партии,—была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является вторым и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»[1].

На помощь и руководство социалистическим строительством деревни пришел 25-тысячный мобилизованный отряд рабочих, имевших опыт крупного социалистического производства. Влившись в колхозы, передовики-рабочие сплотили вокруг себя колхозников, активно помогая им в социалистической перестройке сельского хозяйства.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства все сильнее и глубже преобразуют экономику страны. СССР вступил в период социализма.

Закончившийся третий год пятилетки, когда колхозное производство занимает около 80% всех крестьянских посевных площадей, когда в колхозах объединено свыше 60% бедняцко-середняцких хозяйств, является годом всемирно-исторических побед пролетариата. Завершено построение фундамента социалистической экономики. Вопрос «кто кого?» решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма во всем народном хозяйстве, в городе и деревне. Создана собственная техническая база для завершения реконструкции всего народного хозяйства. Союз ССР на основе совхозного и колхозного строительства превратился в страну самого крупного в мире земледелия.

Разрешена самая трудная, самая сложная задача пролетарской революции: сельское хозяйство СССР окончательно закрепилось на социалистическом пути, в решающих зерновых и сырьевых районах кулачество ликвидировано как класс.

Наладив социалистическую производственную смычку между городом и деревней, партия ставит задачей на новой базе укрепить торговую смычку с колхозным крестьянством и трудящимся единоличником—завтрашним колхозником.

---

[1] Резолюции и постановления XVI съезда ВКП(б) «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства», стр. 47—48, Гиз, 1930 г.

Важнейшим итогом социалистического строительства в первой пятилетке является «окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов»[1]. Во второй пятилетке окончательно ликвидируются основы эксплоатации человека человеком, создадутся условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Машинно-тракторные станции завершат механизацию сельского хозяйства. Колхозы и совхозы вооружаются передовой техникой. Социалистическое размещение промышленности, сплошная коллективизация и перевооружение самого сельского хозяйства на основе внедрения новейшей передовой техники, «на деле превращающей сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда»[2]—все это и создает условия для полного устранения противоположности между городом и деревней. И на этой основе крестьянин-колхозник, под руководством пролетариата и его партии, окончательно преодолевая остатки мелкобуржуазной идеологии, превращается в такого же, как пролетарий, строителя бесклассового социалистического общества, построение которого поставлено задачей второй пятилетки.

Мы завершили в истекшем году построение фундамента социалистической экономики, к концу второй пятилетки мы закончим построение бесклассового социалистического общества. XVII Всесоюзная партконференция приняла директивное решение, что

> «...основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»[3].

Борьба пролетариата за крестьянство продолжается и в наше время, только в новых формах. Ведется борьба за единоличника, завтрашнего колхозника. Дается беспощадный отпор остаткам кулачества, ведущим словом и делом борьбу против колхозов, организующим саботаж хлебозаготовок. Внутри колхозов ведется борьба с собственническими тенденциями среди отсталой части колхозников, пролетариат во главе с партией борется за социалистическую организацию труда в колхозах, за

---

[1] Из резолюции XVII партконференции по докладам тт. Молотова и Куйбышева.

[2] Резолюции XVII конференции ВКП(б). Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.), стр. 30. Партиздат, 1932 г.

[3] Т а м ж е, стр. 23.

организационно-хозяйственное укрепление колхозов, социалистическое перевоспитание колхозных масс.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов выражается прежде всего в развитии и укреплении сельскохозяйственной артели как главной и основной формы колхозного движения на данном этапе. Такое важное значение имеет артель в настоящее время потому, что она «более доступна сознанию широких крестьянских масс» (Сталин).

Сельскохозяйственная артель отвечает интересам подъема социалистического земледелия и дает одновременно выход частным интересам колхозника-крестьянина.

> «Сельскохозяйственная артель позволяет нам,—как указывает т. Каганович на II пленуме Московского областного комитета ВКП(б) (июль 1932 г.),—сочетать общественные интересы, интересы рабочего класса и всего трудящегося крестьянства в деле разрешения зерновой проблемы, громадного повышения производительности сельского хозяйства и облегчения труда крестьян, в деле окончательного избавления от нищеты и кулацкой кабалы с личными интересами бедняков и середняков»[1].

Партия борется против перепрыгивания через сельскохозяйственную артель к другим, высшим формам колхозного строительства, как и против всяких перегибов в колхозном движении. Центральная задача колхозного строительства—организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

> «Наша главная задача сейчас,—говорит т. Каганович о политике партии в деревне,—заключается в упорной, систематической работе над их (колхозов.—*М. Г.*) организационно-хозяйственным и политическим укреплением, над дальнейшим повышением производительности и товарности их хозяйства и вовлечении на этой основе в колхозы новых слоев трудящихся крестьян»[2].

Развертывание колхозной торговли, являющееся в настоящее время одной из важнейших задач партийных организаций и колхозного актива, вытекает как из общих задач развертывания советской торговли, так и из задач организационно-хозяйственного укрепления колхозов, из самого существа сельскохозяйственной артели. Колхозная торговля является одним из стимулов, побуждающих колхозника, поднимать товарность своего колхоза, так как он на опыте убеждается в личной своей заинтересованности в подъеме социали-

---

[1] Л. М. Каганович, Боевые задачи московской партийной организации по подъему сельского хозяйства и укреплению колхозов, стр. 32, Партиздат.
[2] Там же, стр. 10—11.

стического земледелия. Социалистические формы труда в колхозах широко развертываются и легко подхватываются колхозниками в интересах повышения доходности колхозов. «Центральная боевая задача в улучшении работы колхозов—поднять доходность колхоза» (Каганович) находит широкое практическое приложение в колхозных массах. Колхозная торговля является одним из надежнейших средств социалистического перевоспитания колхозного крестьянства.

Полная победа в сельском хозяйстве колхозов и совхозов поставила задачу создания устойчивого землепользования колхозов. Колхозное крестьянство в текущем 1932 г. в важнейших сельскохозяйственных районах «сосредоточило в своем пользовании 80—90% всей государственной земли, находившейся ранее в единоличном пользовании, и тем самым навсегда покончило с бичом единоличного хозяйства—чересполосицей, дальноземельем и раздробленностью земельных участков»[1]. Возникает новое звено в политике партии в деревне—«на основе растущей механизации создать... устойчивое и культурное хозяйство путем решительного улучшения обработки полей, борьбы с их засоренностью, установления севооборотов и внесения удобрений»[2].

Успехи колхозного и совхозного строительства ставят перед партией новые задачи дальнейшего подъема социалистического земледелия. К XV годовщине Октября завершена первая стадия подъема сельского хозяйства—достигнуто наибольшее расширение посевных площадей. Посевные площади СССР сравнительно с довоенным временем выросли на 30 млн. гектаров.

В развитии колхозного производства центр тяжести ныне переносится на борьбу за урожайность, за качественный подъем социалистического земледелия. «Наступило время, когда от роста хозяйства вширь, путем увеличения посевных площадей, необходимо повернуть к борьбе за лучшую обработку земли, к борьбе за повышение урожайности, как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии развития»[3].

Перед большевиками, работающими в сельском хозяйстве, стоят первоочередные задачи овладения аграрной наукой и техникой, мобилизации колхозных масс и в первую очередь колхозного актива на борьбу за повышение урожайности социалистических полей, за качество социалистического земледелия. Необходима

---

1 Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О создании устойчивого землепользования колхозов», «Правда» № 245 от 4 сентября 1932 г.

2 Там же.

3 Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по повышению урожайности, «Правда» № 271 от 30 сентября 1932 г.

действительно всеобщая борьба за урожай, за превращение нашей страны в страну самых высоких в мире урожаев и вовлечение в эту борьбу поголовно всех колхозников.

В важнейших сельскохозяйственных районах СССР коллективизация в основном закончена.

> «СССР окончательно утвердился на новом социалистическом пути. Решительную победу социализма в СССР можно считать уже завершенной».

Реализация шести исторических указаний т. Сталина является необходимым условием для дальнейших побед социалистического земледелия. Колхозные партийные ячейки, весь колхозный актив должны быть мобилизованы на стопроцентное выполнение на практике этих важнейших условий социалистического строительства.

Необычайные успехи в коллективизации не могут и не должны ни в малейшей степени ослабить внимание партии к борьбе с классовыми врагами. Попрежнему должна вестись беспощадная борьба с капиталистическими элементами, не прекращающими агрессивную борьбу против колхозов, разрушающими колхозы и совхозы, уничтожающими и расхищающими колхозное и совхозное имущество. Партией дан лозунг беспощадного отпора врагам социалистической собственности. В новых формах ведется классовая борьба в деревне, и борьба с кулацким влиянием внутри и вне колхозов является важнейшей задачей укрепления колхозного строительства. Задачей коммунистов на селе, задачей передового колхозного актива является сломить саботаж сева и хлебозаготовок, организованный кулацкими контрреволюционными элементами. Борьба за хлеб, борьба за выполнение хлебозаготовок—борьба за социализм и наилучшее средство социалистического перевоспитания колхозников и одно из сильнейших орудий пролетарского руководства деревней.

С неменьшей энергией мы должны вести борьбу с оппортунистической агентурой классового врага—правыми и «левыми» оппортунистами и с остатками контрреволюционного троцкизма.

Задача партийного руководства колхозов—вскрывать классовые корни оппортунистических ошибок и на них воспитывать большевистскую бдительность колхозного актива. Ведя борьбу с демобилизационными настроениями среди отсталой части колхозников, являющимися выражением правого уклона, мы должны давать отпор с такой же силой всяким «левым» перегибам в отношении единоличников и в особенности в отношении колхозников, зная, что эти перегибы играют наруку кулацким элементам.

Борьба на два фронта—с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе и «левыми» загибами, рецидивами контрреволюционного троцкизма и с примиренчеством к ним яв-

является решающим условием успешного завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Борьба за полную ликвидацию капиталистических элементов, борьба с буржуазными пережитками, за социалистическое перевоспитание трудящихся масс требует наибольшего укрепления ленинской партии и ее большевистской дисциплины, наибольшего сплочения партии вокруг ленинского ЦК во главе с т. Сталиным, руководителем и вождем партии и мирового пролетариата.

Программа построения социализма выполнена будет не самотеком, а в беспощадной классовой борьбе с остатками капиталистических классов, в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, с остатками контрреволюционного троцкизма, превратившегося теперь в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, с гнилым либеразлизмом и примиренчеством, в борьбе прежде всего с правым оппортунизмом. Правый оппортунизм остается главной опасностью на нынешнем этапе, «потому что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране» (Сталин).

Партия идет к новым победам, сплоченная ленинским единством большевистских рядов, в беспощадной борьбе со всяким укрывательством, пособничеством и малейшим примиренчеством к контрреволюционной идеологии и практике троцкизма и правого оппортунизма.

Величайшие успехи первой пятилетки достигнуты нами благодаря ленинской генеральной линии партии и ленинскому руководству ЦК партии во главе с т. Сталиным. Мы достигли побед всемирно-исторического значения благодаря тому, что мы были верны заветам Ленина, сохраняя союз рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата, ведя беспощадную борьбу с оппортунизмом, в чем бы и как бы он ни проявлялся.

> «Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию, со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства, с этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм!» (Сталин).

Редактор — Е. Фокин. Техред — Н. Лебедева.
Сдано в производство 23/IX 1932 г. Подписано к печати 17/XII 1932. 3/I 1932 г.
Уп. Главлита № В-42940. Партиздат № 2167. Тираж 20 000 экз. 18½ п. л.
Формат 82 × 110/32. 46370 зн. в 1 печ. л. Зак. 6135.

Фабрика книги «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) **ПАРТИЗДАТ**

НОВЫЕ КНИГИ:

«ЗВЕЗДА» № 1—96 за 1910—12 г. Полный текст под общей редакцией М. А. Савельева, вып. I, № 1—13 за 1910—1911 гг., 299 стр., ц. 7 р. 50 к.

«ЗВЕЗДА» № 1—96. 1910—12 гг. Полный текст под общей редакцией М. А. Савельева, вып. 2-й, №№ 14—25 1911 г. 305 стр., ц. 7 р. 50 к.

А. БАЛАЕВ — Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция IV Госуд. думы и революционное движение в Петербурге. Воспоминания. 405 стр., ц. 3 р. 60 коп.

ПРОТОКОЛЫ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОЕННЫХ И БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП. Ноябрь 1906 г. Под редакцией Е. Ярославского ИМЭЛ, 368 стр., ц. 3 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗ'а.

-75